

АНТОЛОГИЯ КОНЦЕПТОВ

Том 1

Волгоград
«Парадигма»
2005

ББК 81.0 + 81.432.1

А 21

Научные редакторы -

доктор филологических наук, профессор В.И. Карасик,
доктор филологических наук, профессор И.А. Стернин.

Антология концептов. Под ред. В.И. Карасика,
И.А. Стернина. Том 1. Волгоград: Парадигма,
2005. – 352 С.

А 21

ISBN 5-89395-236-9

Антология концептов представляет собой словарь нового типа – концептуарий культурно значимых смыслов, закрепленных в языковом сознании и коммуникативном поведении. В основу книги положены диссертационные исследования, посвященные концептам – сложным ментальным образованиям, воплощенным в различных языковых единицах на материале русского, английского, немецкого, французского и китайского языков.

Адресуется филологам и широкому кругу исследователей, разрабатывающих проблемы когнитивной лингвистики, культурологии и межкультурной коммуникации.

ББК 81.0 + 81.432.1

© Редактирование. В.И. Карасик, И.А. Стернин, 2005.

ISBN 5-89395-236-9

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие *В.И.Карасик, И.А.Стернин*

Введение. Некоторые направления современной концептологии

Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку *З.Д.Попова, И.А.Стернин (Воронеж)*

Постулаты лингвоконцептологии *С.Г.Воркачев (Краснодар)*

Базовые характеристики концептов в лингвокультурной концептологии *В.И.Карасик, Г.Г.Слышкин (Волгоград)*

Методология концептуальных исследований *М.В. Пименова (Кемерово)*

Концепты

Быт	<i>А.В. Рудакова (Воронеж)</i>
Воля	<i>Н.М. Катаева (Екатеринбург)</i>
Дружба	<i>О.А. Арапова, Р.М. Гайсина (Уфа)</i>
Душа, сердце, ум	<i>О.Н. Кондратьева (Кемерово)</i>
Закон	<i>И.В. Палашевская (Волгоград)</i>
Здоровье	<i>А.Н. Усачева (Волгоград)</i>
Красота	<i>Ю.В. Мещерякова (Волгоград)</i>
Любовь	<i>Л.Е. Вильмс (Волгоград)</i>
Любовь и ненависть	<i>Е.Ю. Балашова (Саратов)</i>
Обман	<i>Н.Н. Панченко (Волгоград)</i>
Приватность	<i>О.Г. Прохвачева (Волгоград)</i>
Пунктуальность	<i>Я.В. Зубкова (Волгоград)</i>
Свобода	<i>А.С. Солохина (Волгоград)</i>
Страх	<i>С.В. Зайкина (Волгоград)</i>
Тоска	<i>Е.В. Димитрова (Волгоград)</i>
Удивление	<i>Н.В. Дорофеева (Краснодар)</i>
Ум и разум	<i>Н.М. Сергеева (Кемерово)</i>
Форма	<i>В.М. Топорова (Воронеж)</i>
Язык	<i>Д.Ю. Полиниченко (Краснодар)</i>

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию читателей «Антология концептов» является результатом развития новой области знания – концептологии, раздела междисциплинарной когнитивной науки. Возникнув в рамках культурологии, эта наука привлекла к себе внимание психологов, социологов, политологов, философов и филологов.

Концептология – это наука о концептах, их содержании и отношениях концептов внутри концептосферы. Концептология исследует как национальные, так и групповые, а также художественные и индивидуальные концептосферы. В рамках концептологии в настоящее время выделяется лингвистическая концептология – наука, ставящая своей целью описать названные в языке концепты лингвистическими средствами.

В России сложилось несколько лингвоконцептологических школ, в которых ведутся научные исследования проблем лингвистической концептологии и осуществляется систематическое описание конкретных концептов. Несмотря на некоторые различия в понимании концептов, различии в методах и приемах их исследования, представители этих школ едины в признании того, что концепт является основной единицей сознания, он имеет овеществление (репрезентацию, объективацию, овнешнение, вербализацию) языковыми средствами; через анализ совокупности языковых средств, объективирующих концепт, можно составить представление о содержании и структуре концепта в концептосфере и описать данный концепт, хотя в любом случае такое описание не будет исчерпывающим, так как оно основывается только на языковых данных, а концепты как единицы сознания имеют и невербализованную часть содержания; вместе с тем анализ содержания концептов через данные языка дает достаточно богатый и наиболее достоверный и проверяемый материал для описания концептов.

В основу этой книги положены диссертационные исследования, выполненные в Астрахани, Волгограде, Воронеже, Екатеринбурге, Иваново, Иркутске, Кемерово, Краснодаре, Санкт-Петербурге, Уфе. Судя по числу публикаций в лингвистических сборниках научных трудов, моделирование концептов стало одним из наиболее активно развивающихся направлений современной отечественной филологии. В качестве практического выхода концептологических исследований мы предлагаем научной обществу данную «Антологию». Эта книга построена на материале разных языков и культур и в этом плане она отличается от вышедших в свет концептуариев культуры, написанных Ю.С. Сте-

пановым (Константы. Словарь русской культуры. М., 1997), коллективом авторов под редакцией А. де Лазари (Идеи в России. В 5 т. Лодзь, 1995-2003), авторским коллективом под ред. И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудкова (Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь: Вып. первый. М., 2004). Концептуарий культуры по своей сути не может быть завершённым списком концептов, и мы надеемся, что и у этой книги будет продолжение.

В «Антологии» нами представлены описания концептов, выполненные только на уровне защищенных диссертаций, что обеспечивает авторитетность и достоверность полученных результатов.

Редакторам-составителям известны в настоящее время более сотни защищенных в России диссертационных исследований (преимущественно кандидатских, а также ряд докторских), посвященных изучению и описанию отдельных концептов. Для «Антологии» были избраны лишь те исследования, в которых содержится итоговое описание исследуемого концепта как целостной ментальной единицы и в которых описывается используемая методика исследования либо содержатся отсылки к той или иной известной методике. Исследования, в которых понятие концепта используется лишь для решения тех или иных теоретических проблем или ограничения материала исследования, в «Антологию» не вошли.

Некоторыми авторами исследований были предоставлены в распоряжение составителей статьи, подготовленные ими на основе защищенных диссертаций, от других авторов составители имели возможность получить только авторефераты диссертаций (в этом случае соответствующие статьи, вошедшие в «Антологию», были подготовлены на основе авторефератов самими составителями).

Статьи, включенные в «Антологию», сопровождаются библиографическими ссылками. Ссылки на теоретические работы, лежащие в основе концепций авторов, в ряде статей даны нами без полного библиографического описания – через указание фамилии ученого и года опубликования соответствующей работы. Этого достаточно, чтобы составить представление об исходных теоретических позициях автора статьи, тем более что, как правило, эти авторы общеизвестны и ссылки на них повторяются во многих других работах. Составители считали более важным привести список публикаций авторов статей, посвященных описываемому концепту, чтобы читатель имел возможность получить по данному

концепту максимально полную информацию. Такой список есть в каждой публикуемой статье.

Основному тексту антологии – описанию отдельных концептов – предшествует краткое введение, в котором в виде постулатов излагаются основные идеи, объединяющие школы концептологов. Введение состоит из четырех разделов, написанных представителями Воронежской, Кемеровской, Краснодарской и Волгоградской школ лингвистической концептологии.

В.И.Карасик, И.А.Стернин

ВВЕДЕНИЕ. НЕКОТОРЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ КОНЦЕПТОЛОГИИ

З.Д. Попова, И.А. Стернин (Воронеж)
ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ СЕМАНТИКО-КОГНИТИВНОГО
ПОДХОДА К ЯЗЫКУ

Развиваемый нами подход к лингвокогнитивным исследованиям мы условно обозначаем как *семантико-когнитивный*, подчеркивая этим названием основное направление исследования – исследование *соотношения семантики языка с концептосферой народа, соотношения семантических процессов с когнитивными*.

Основные постулаты развиваемого нами подхода таковы.

Концепт – принадлежность сознания человека, глобальная единица мыслительной деятельности, квант структурированного знания.

Мышление человека невербально, оно осуществляется при помощи универсального предметного кода. Люди мыслят концептами, кодируемыми единицами этого кода.

Упорядоченная совокупность концептов в сознании человека образует его концептосферу.

Язык – одно из средств доступа к сознанию человека, его концептосфере, к содержанию и структуре концептов как единиц мышления. Через язык можно познать и эксплицировать концептуальное содержание сознания.

Когнитивная лингвистика как самостоятельная область современной лингвистической науки, выделилась из когнитивной науки. При этом отличие когнитивной лингвистики от других когнитивных наук заключается именно в ее *материале* – она исследует сознание на материале языка (другие когнитивные науки исследуют сознание на своем материале), а также в ее *методах* – она исследует концепты и когнитивные процессы, делает выводы о типах и содержании концептов в сознании человека на основе применения к языку имеющихся в распоряжении лингвистики собственно лингвистических методов анализа с последующей когнитивной интерпретацией результатов исследования.

Лингвистические методы, используемые для описания лексической и грамматической семантики языковых единиц, становятся *методами* лингвокогнитивного исследования. Когнитивная лингвистика исследует семантику единиц, *репрезентирующих (объективирующих, вербализующих, овнешняющих)* в языке тот или иной концепт.

Исследование семантики языковых единиц, объективирующих концепты, позволяет получить доступ к содержанию концептов как мыслительных единиц.

Совокупность значений языковых единиц образует семантическое пространство языка.

Концепт – это единица мышления, значение – единица семантического пространства языка.

Концепт и значение в равной мере – явления когнитивной природы. Значение есть часть концепта как мыслительной единицы, закрепленная языковым знаком в целях коммуникации.

Разграничиваются психологически реальное значение (во всей полноте семантических признаков, связываемых со словом в сознании носителя языка; выявляется преимущественно экспериментальными приемами) и «лексикографическое» значение (кратко сформулированное, отраженное в толковых словарях). Концепт, если он назван, включает как свою составную часть психологически реальное и лексикографическое значение, но по объему своего содержания остается неизмеримо больше, чем оба вышеназванных значения.

Концепт не имеет обязательной связи со словом или другими языковыми средствами вербализации. Концепт может быть вербализован, а может быть и не вербализован языковыми средствами.

В акте речи вербализуется коммуникативно релевантная часть концепта. Исследование семантики языковых единиц, вербализующих концепт – путь к описанию вербализованной части концепта.

Причины вербализации или отсутствия вербализации концепта – чисто коммуникативные (коммуникативная релевантность концепта). Наличие или отсутствие вербализации концепта не влияет на реальность его существования в сознании как единицы мышления. В сознании существует большое количество невербализованных концептов. Значительная часть концептов индивидуального сознания вообще не подлежит вербализации.

Наличие большого количества номинаций того или иного концепта свидетельствует о высокой номинативной плотности (термин В.И.Карасика – 2002, с.111) данного участка языковой системы, что отражает актуальность вербализуемого концепта для сознания народа.

Концепт в случае коммуникативной необходимости может быть вербализован различными способами (лексическими, фразеологическими, синтаксическими и др.), целым комплексом языковых средств, систематизация и семантическое описание которых поз-

воляют выделить когнитивные признаки и когнитивные классификаторы, которые могут быть использованы для моделирования концепта.

Концепт имеет определенную структуру, которая не является жесткой, но является необходимым условием существования концепта и его вхождения в концептосферу.

Концепты внутренне организованы по полевому принципу и включают чувственный образ, информационное содержание и интерпретационное поле.

Структура концепта образована когнитивными классификаторами и объединяемыми ими когнитивными признаками, которые различаются по степени яркости в сознании их носителей и упорядочиваются в структуре концепта по полевому признаку.

Информационное содержание концепта включает несколько слоев или секторов, некоторые из них могут репрезентироваться отдельными лексемами или отдельными значениями тех или иных лексем.

Наблюдается национальная, социальная, групповая и индивидуальная специфика концепта. Концепты имеют национальные особенности содержания и структуры; возможны эндемичные концепты, возможна лакуарность концепта.

Метод семантико-когнитивного анализа предполагает, что в процессе лингвокогнитивного исследования от содержания значений мы переходим к содержанию концептов в ходе особого этапа описания – когнитивной интерпретации. Когнитивная интерпретация – обязательный этап семантико-когнитивного анализа, без нее исследование остается в рамках лингвистической семантики.

Обеспечив выявление и описание соответствующих концептов, семантико-когнитивный подход предоставляет исследователям две дальнейшие возможности использования полученных данных:

1) возвращение к языку: использование полученных когнитивных знаний для объяснения явлений и процессов в семантике языка, углубленного изучения лексической и грамматической семантики; такое направление исследования представляет собой *когнитивную семасиологию*;

2) движение к сознанию: моделирование концептов как единиц национальной концептосферы, национальной культуры; данное направление будет представлять собой *лингвокогнитивную концептологию*.

В *когнитивной семасиологии* исследуется, какие компоненты концепта как глобальной мыслительной единицы – когнитивные слои, секторы, когнитивные классификаторы и когнитивные признаки – вошли в семантическое пространство языка (т.е. в семан-

тику единиц, стали семемами и семами языковых единиц), какие когнитивные процессы определили и определяют формирование и развитие семантики соответствующих языковых единиц.

Когнитивная семасиология использует понятие *концепт*, во-первых, как инструмент для ограничения исследуемого языкового материала, для раскрытия внутреннего единства и структурированности значительных участков лексико-фразеологической и синтаксической системы языка, объединяемых репрезентацией одного концепта в разных его ипостасях, и во-вторых, как инструмент объяснения и углубленного описания семантики языковых единиц.

Лингвокогнитивная концептология использует понятие *концепт* как обозначение моделируемой лингвистическими средствами единицы национального когнитивного сознания, для моделирования и описания национальной концептосферы.

Задача лингвокогнитивной концептологии: выявив максимально полно состав языковых средств, репрезентирующих (т.е. выражающих, вербализующих, объективирующих) исследуемый концепт и, описав максимально полно семантику этих единиц (слов, словосочетаний, паремий, текстов), применяя методику когнитивной интерпретации результатов лингвистического исследования, моделировать содержание исследуемого концепта как глобальной ментальной (мыслительной) единицы в ее национальном (возможно, и в социальном, возрастном, гендерном, территориальном) своеобразии, определить место концепта в национальной концептосфере.

Семантико-когнитивный подход в лингвокогнитивных исследованиях достаточно четко показывает, что путь исследования «от семантики единиц языка к концепту» наиболее надежен, и что анализ языковых средств позволяет наиболее простым и надежным способом выявить признаки концептов и моделировать концепт (сравните, например, с трудностями описания концептов, выражаемых средствами несловесных искусств – музыки, живописи, архитектуры, скульптуры и т.п.).

С. Г. Воркачев (Краснодар) **ПОСТУЛАТЫ ЛИНГВОКОНЦЕПТОЛОГИИ**

Общая направленность лингвистической науки на установление соответствий между структурой универсальных логических и специфических языковых (главным образом грамматических) категорий с антропоцентрической переориентацией пара-

дигмы гуманитарного знания сменилась направленностью на выявление различий семантики инвариантных категорий философии и психологии и их вариативных реализаций в лексике конкретных этнических языков.

«Концепт» в лингвокультурологических текстах – это вербализованный культурный смысл, и он «по умолчанию» является *лингвокультурным* концептом (лингвоконцептом) – семантической единицей «языка» культуры, план выражения которой представляет двусторонний языковой знак, линейная протяженность которого, в принципе, ничем не ограничена. Определяющим в понимании лингвоконцепта выступает представление о культуре как о «символической Вселенной», конкретные проявления которой в каком-то «интервале абстракции» (в сопоставлении с инокультурой) обязательно этноспецифичны. Тем самым, ведущим отличительным признаком лингвоконцепта является его этнокультурная отмеченность. Внимание к языковому, знаковому «телу» концепта и отличает его лингвокультурологическое понимание от всех прочих.

Концепт – синтезирующее лингвоментальное образование, методологически пришедшее на смену представлению (образу), понятию и значению и включившее их в себя в «снятом», редуцированном виде. В качестве «законного наследника» этих семиотических категорий лингвоконцепт характеризуется гетерогенностью и многопризнаковостью, принимая от понятия дискурсивность представления смысла, от образа – метафоричность и эмотивность этого представления, а от значения – включенность его имени в лексическую систему языка.

Лингвокультурная концептология выделилась из лингвокультурологии в ходе переакцентуации и модификации компонентов в составе намеченной Эмилем Бенвенистом триады «язык, культура, человеческая личность», в которой «человеческая личность» приравнивается сознанию, точнее совокупности образующих его «сгустков смысла» – концептов.

Несмотря на то, что лингвоконцептологи к настоящему времени относительно едины в понимании объекта своего научного интереса как некоего культурного смысла, отмеченного этнической специфичностью и находящего языковое выражение, разновидности л-концептов в пределах дефиниционной формулировки постоянно растут, что не в последнюю очередь объясняется тем, что сам дефиниционный признак «этнокультурная специфика» отнюдь не однозначен и допускает множество толкований в зависимости от того, распространяется ли эта специфика лишь на семантику концепта или же она затрагивает также и способы его

вербализации, в зависимости от того, как определяется статус «внутренней формы» лексических единиц, «языковляющих» концепт, и включается ли концепт в число формант ментальности в целом или же менталитета как части последней.

В самом первом приближении, неопределенность дефиниционного признака приводит к «узкому» и «широкому» пониманию л-концепта.

В узком «содержательном» понимании л-концепты – это «понятия жизненной философии», «обыденные аналоги мировоззренческих терминов», закрепленные в лексике естественных языков и обеспечивающие стабильность и преемственность духовной культуры этноса.

В узком «формальном» понимании л-концепты – это семантические образования, стоящие за словами, которые не находят однословных эквивалентов при переводе на другие языки.

К л-концептам в широком «содержательном» понимании можно отнести любой вербализованный культурный смысл, в какой-то мере отмеченный этнической спецификой вне зависимости от её значимости для национального характера.

К л-концептам в широком «формальном» понимании относятся культурные смыслы, закрепленные за именем, обладающим специфической «внутренней формой» – признаком, положенным в основу номинации, в реализации которого наблюдается серийность, массовидность.

Расширение предметной области л-концептологии может идти по пути изучения социокультурной (гендерной, возрастной и пр.), дискурсной, речевжанровой и идиостилевой вариативности л-концептов, а также за счет изучения дискурсной кластеризации – их семантических объединений в определенной «области бытования».

Л-концепты относятся к числу единиц ментальности/менталитета – категорий, через которые описывается национальный (этнический) характер. Если ментальность – это способ видения мира вообще, то менталитет – набор специфических когнитивных, эмотивных и поведенческих стереотипов нации. Особенно существенно влияние на национальный характер «дублетных л-концептов», не имеющих аналогов в других языках, таких, как «правда» и «истина», «совесть» и «сознание», «воля» и «свобода» и др.

Становление л-концептологии как научной дисциплины, изучающей культурные концепты, опредмеченные в языке, и межкультурной коммуникации, занимающейся, проблемами общения языковых личностей, принадлежащих к различным культурным

социумам, видимо не случайно совпадает с общей антропоцентрической переориентацией парадигмы гуманитарного знания. Предметные области л-концептологии и межкультурной коммуникации частично пересекаются: у них общий объект исследования – этнический менталитет носителей определенных естественных языков, но различные целевые установки: если интерес первой направлен на выявление лингвоспецифических характеристик этого менталитета через анализ его семантических составляющих – концептов, то интерес второй сфокусирован на преодолении лингвокультурной специфики и возможного её непонимания в межъязыковом общении.

В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин (Волгоград)
БАЗОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ
КОНЦЕПТОВ

К числу важнейших характеристик лингвокультурных концептов представляется возможным отнести следующие.

1. **Комплексность бытования.** Лингвокультурный концепт – это условная ментальная единица, направленная на комплексное изучение языка, сознания и культуры (Степанов, 1997). Сознание – это область пребывания концепта, культура детерминирует концепт (концепт – ментальная проекция элементов культуры), язык – это сфера, в которой лингвокультурный концепт опредмечивается (овеществляется). Концепты могут овеществляться и в иных сферах (например, художественные концепты – в образах музыки, живописи, скульптуры, театра и кинематографии).

2. **Ментальная природа.** Лингвокультурный концепт отличается от других единиц, используемых в лингвокультурологии, своей ментальной природой. Если предлагаемая Е.М.Верещагиным и В.Г.Костомаровым (1999) логозписема является по сути элементом значения слова и локализуется в языке, а введенная В.В.Воробьевым (1997) лингвокультурема определяется как единица межуровневая, т.е. не имеющая определенной локализации, то концепт находится в сознании. Именно в сознании осуществляется взаимодействие языка и культуры, поэтому любое лингвокультурологическое исследование есть одновременно и когнитивное исследование.

3. **Ценностность.** Лингвокультурный концепт отличается от других ментальных единиц, используемых в различных областях науки (например, когнитивный концепт, фрейм, сценарий, скрипт, понятие, образ, архетип, гештальт, мнема, стереотип), акцентуа-

цией ценностного элемента. Центром концепта всегда является ценность, поскольку концепт служит исследованию культуры, а в основе культуры лежит именно ценностный принцип (подробнее: Карасик, 2002). Показателем наличия ценностного отношения является применимость оценочных предикатов. Если о каком-либо феномене носители культуры могут сказать «это хорошо» (плохо, интересно, скучно и т.д.), этот феномен формирует в данной культуре концепт.

4. Условность и размытость. Лингвокультурный концепт – это условная единица в том смысле, что сознание синкретично и его членение производится в исследовательских целях. Концепт группируется вокруг некой «сильной» (т.е. ценностно акцентированной) точки сознания, от которой расходятся ассоциативные векторы (Слышкин, 2004). Наиболее актуальные для носителей языка ассоциации составляют ядро концепта, менее значимые – периферию. Четких границ концепт не имеет. Языковая единица, которой актуализируется центральная точка концепта, служит именем концепта.

5. Изменчивость. В ходе жизни языкового коллектива актуальность концептов (т.е. интенсивность оценки) может меняться. Концепт даже может менять оценочный знак с отрицательного на положительный или с положительного на отрицательный. Меняются также образная и понятийная (фактуальная) составляющие концепта. Так, в советское время в русский лингвокультурный концепт «инженер» входил не только признак «специалист с высшим техническим образованием», но и признак «долго учившийся, но мало зарабатывающий человек».

6. Ограниченность сознанием носителя. Лингвокультурный концепт существует в индивидуальном или коллективном сознании. Можно выделить индивидуальные, групповые (социокультурные), этнокультурные и общечеловеческие концепты. Индивидуальные концепты богаче и разнообразнее, чем любые коллективные, от микрогрупповых до общечеловеческих, поскольку коллективное сознание и коллективный опыт есть условная производная от сознания и опыта отдельных индивидов, входящих в коллектив. Эта производная образуется путем редукции всего уникального в персональном опыте и суммирования совпадений.

7. Трехкомпонентность. В составе лингвокультурного концепта можно выделить ценностный, образный (образно-перцептивный и образно-метафорический) и понятийный (фактуальный) компоненты. Фактуальный компонент концепта хранится в сознании в вербальной форме (это то, как мы можем обозначить концепт, раскрыть его место в системе концептов). Образ-

ный же компонент невербален и поддается лишь описанию и интерпретации.

8. **Полиапеллируемость.** Существует много способов языковой апелляции к любому лингвокультурному концепту («входов в концепт»). К одному и тому же концепту можно апеллировать при помощи языковых единиц различных уровней: лексем, фразеологизмов, свободных словосочетаний, предложений. Можно использовать и невербальные средства для апелляции к определенным концептам (например, «красота», «любовь», «деньги»). В различных коммуникативных контекстах одна и та же единица может быть входом в разные концепты. Способы апелляции к одному и тому же концепту в различных культурах, как правило, различны, и это составляет основную трудность межкультурной коммуникации.

9. **Многомерность.** Лингвокультурный концепт многомерен (Ляпин, 1997). Традиционные единицы когнитивистики (фрейм, сценарий, скрипт и т.д.), обладая более четкой, нежели концепт, структурой, могут использоваться исследователями для моделирования концепта (часто используются фреймы и концептуальные метафоры для моделирования концептов).

10. **Методологическая открытость и поликлассифицируемость.** Лингвокультурология – научная отрасль междисциплинарного характера, поэтому в ее рамках приветствуется использование как лингвистических, так и нелингвистических методов. Противопоставление языка и речи в рамках лингвокультурологии не является релевантным. Лингвокультурные концепты могут классифицироваться по различным основаниям, например, по тематике, по носителям, по типам дискурса, по типам транслируемости.

М.В. Пименова (Кемерово)
МЕТОДОЛОГИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

Исследование культуры отдельного народа возможно в рамках такого явления, как самопознание. Язык – составная часть культуры, её орудие. Язык народа есть не только инструмент общения и воздействия, но и средство усвоения культуры, получения, хранения и передачи культурно-значимой информации.

Когнитивный подход к исследованию семантики слова заключается в изучении самого значения слова, в котором фиксируются не только признаки, необходимые и достаточные для иденти-

фикации обозначаемого, но и наивные (обыденные) знания об обозначаемом, реализуемые в метафорах и метонимии. Такой комплексный подход к изучению концептуальной структуры позволяет реконструировать концепт через его языковое выражение.

В основе концептуальных метафор находятся когнитивные модели. Под *когнитивной моделью* понимается некоторый стереотипный образ, с помощью которого организуется опыт, знания о мире. Когнитивные модели, так или иначе реализованные в языковых знаках, обнаруживают относительную простоту структурных типов и представляют собой последовательную систему, построенную на универсальных законах. Все когнитивные модели находят свое отражение в языковых схемах, которые носители языка употребляют для описания актуальных событий. *Языковые схемы* – это различные формы и способы выражения в соответствующем языке знаний об отдельных фрагментах мира. Все концепты реализуются в закреплённых и свободных формах, у слов-репрезентантов концептов отмечены ограничения на сочетаемость.

Анализ фрагментов картины мира происходит на основе выделения языковых единиц, репрезентирующих исследуемые концепты. Концепты – это единицы концептуальной системы в их отношении к языковым выражениям, в них заключается информация о мире. Эта информация относится к актуальному или виртуальному состоянию мира. Концепт – это представление о фрагменте мира. Такое представление (образ, идея, символ) формируется общенациональными признаками, которые дополняются признаками индивидуального опыта и личного воображения. *Концепт* – это национальный образ (идея, символ), осложнённый признаками индивидуального представления. На материале языковых единиц рассматриваются способы представления концептов в функциональном аспекте и посредством их признаков. *Признак концепта* – это общее основание, по которому сравниваются некоторые несхожие явления.

Исследование признаков и сопоставление фрагментов картин мира в разных языках – одна из основных целей концептуальных исследований. Удивительной закономерностью, характеризующей язык, является способность языка хранить и передавать то, что веками закреплялось в виде устойчивых выражений, когнитивных моделей. Признаки концептов, представляющие национальную картину мира, консервативны. И в то же время картина мира народов меняется, структура признаков концептов расширяется за счёт продолжающего познания мира. Развитие науки, культурные процессы дополняют сведения о мире, в том числе о

мире внутреннем. Анализ концептов приводит к выявлению архаичных знаний о мире. Эти знания не относятся к разряду научных, это народные, обыденные представления. На эти обыденные представления накладываются отпечаток меняющиеся религиозные и научные воззрения социума.

Языковая картина мира – это сложившаяся давно и сохранившаяся донныне национальная картина мира, дополненная ассимилированными знаниями, отражающая мировоззрение и мировосприятие народа, зафиксированная в языковых формах, ограниченная рамками консервативной национальной культуры этого народа.

Методика исследования концептов внутреннего мира человека заключается в интерпретации значения конструкций, объективирующих те или иные особенности таких концептов; в выявлении частотных (свойственных многим концептам) таксономических характеристик и определении по этим характеристикам общих типологических признаков исследуемых концептов. Затем – на их основе – обобщение особенностей концептов, а также выделение концептуальных структур, когнитивных моделей и языковых схем актуализации исследуемых концептов в языке. Исследование концептуальной структуры позволяет выявить более глубокие и существенные свойства предмета или явления. Такие свойства представляют обобщённые признаки предмета или явления, которые считаются самыми важными и необходимыми для их опознания.

Признаки предмета или явления формируют структуру концепта. *Структура концепта* – это совокупность обобщённых признаков, необходимых и достаточных для идентификации предмета или явления как фрагмента картины мира. Изучение языка и отдельных его единиц способно приоткрыть тайны познания мира народом. Данная методика апробирована в кандидатских диссертациях (см.: Кондратьева 2004; Сергеева 2004), докторской диссертации (Пименова 2001).

Интерпретация языковых средств, служащих для таксономии отдельных фрагментов внутреннего мира, является одним из методов исследования процессов категоризации субъективной действительности и отражения этих процессов в языковых структурах. То, что существует и адаптируется в языке, соответствует ментальности народа. В языке ассимилируются только те знания, которые соответствуют существующей в нём понятийной сетке. Невозможно говорить о языковой ментальности, не проникнув в суть духовного пространства языка.

Концепт как сложный комплекс признаков имеет разноуровневую представленность в языке. Наиболее информативным с этой точки зрения выступает лексический уровень. Опираясь на этот уровень исследования возможно выявить набор групп признаков, которые формируют структуру того или иного концепта. Такие группы состоят из более или менее распространённой совокупности признаков, которые, объединяясь на основе родовой или видовой характеристики, выражают тот или иной способ концептуализации.

Исследование концепта происходит в несколько этапов. Первый этап – анализ лексического значения и внутренней формы слова, репрезентирующего концепт. Второй этап – выявление синонимического ряда лексемы-репрезентанта концепта. Третий этап – описание способов категоризации концепта в языковой картине мира. Четвёртый этап – определение способов концептуализации как вторичного переосмысления соответствующей лексемы, исследование концептуальных метафор и метонимии. Пятый этап – исследуются сценарии. Сценарий – это событие, разворачивающееся во времени и/или пространстве, предполагающее наличие субъекта, объекта, цели, условий возникновения, времени и места действия. Такое событие обусловлено конкретными причинами, послужившими его появлению.

В языке отобразилось свойство мышления человека, живущего в природной и социальной среде, переносить на свой внутренний мир и его объекты антропоморфные и биоморфные характеристики. Способность человека соотносить явления из разных областей, выделяя у них общие признаки, находится в основе существующих в каждой культуре системе кодов, среди которых растительный (вегетативный, фитоморфный), зооморфный (анимальный, териоморфный), перцептивный, соматический, антропоморфный, предметный, пищевой, химический, цветовой, пространственный, временной, духовный, теоморфный (божественный). Растительный, зооморфный и антропоморфный коды иногда объединяют под общим названием биоморфного (натуралистического) кода. Основу культурных кодов составляет мифологический символизм, суть которого состоит в переносе образов конкретных предметов на абстрактные явления (в том числе внутреннего мира). Устанавливая параллелизм объектов физической (реальной) и виртуальной (иллюзорной) действительности, мифологическое сознание основывается на гносеологических операциях сравнения и отождествления.

Антропоморфный код, в свою очередь, делится на индивидуальный и социальный подкоды. Кодам культуры в основной своей

части свойственен изоморфизм, т.е. в каждой культуре наличествует весь перечисленный спектр кодов, однако не все элементы указанных кодов будут изофункциональны. Поиск специфических элементов, отличающих тот или иной код культуры, позволяет указать на особенность культуры, отраженной в мышлении народа. Элементы кодов выступают как классификаторы и квантификаторы друг для друга, за ними закреплена некоторая символическая культурная соотнесенность. В каждой культуре отмечаются свои классификационные и квантификаторные цепи, в которых мы можем проследить ассоциативные комплексы. Каждую национальную культуру отличают специфические языковые образы, символы, образующие особый код культуры, с его помощью носитель языка описывает окружающий его мир, используя его в интерпретации своего внутреннего мира. Образы, признаки которых относятся к кодам культуры, функционируют в режиме подобия.

Литература

- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция речеповеденческих тактик. М., 1999.
- Воробьев В.В. Лингвокультурология (теория и методы). М., 1997.
- Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.
- Ляпин С.Х. Концептология: к становлению подхода // Концепты. Научные труды Центроконцепта. Вып.1. Архангельск, 1997.
- Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. Волгоград, 2004.
- Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.

Концепты

А.В. Рудакова (Воронеж)

БЫТ

Теоретической основой исследования послужило обоснованное в когнитивной лингвистике представление о том, что явления реальной действительности отражаются в виде концептов в сознании человека и объективируются в коммуникации номинативными средствами языка.

Концепт мы понимаем как глобальную мыслительную единицу, представляющую собой квант структурированного знания (Попова, Стернин 1999, 2001).

Языковой знак представляет концепт в коммуникативном процессе. Слово представляет концепт не полностью – своим значением оно передает основные концептуальные признаки, релевантные для сообщения.

Средства объективации концепта: 1) лексемы и фразеосочетания из состава лексико-фразеологической системы языка, имеющие «подходящие к случаю» семемы или отдельные семы разного ранга (архисемы, дифференциальные семы, периферийные (потенциальные, скрытые); 2) свободные словосочетания; 3) тексты и совокупности текстов (при необходимости экспликации или обсуждения содержания сложных, абстрактных или индивидуально-авторских концептов).

Концепт как единица структурированного знания имеет определенную структуру (Токарев 2000; Болдырев 2001; Попова, Стернин 2001 и др.). Он состоит из компонентов (концептуальных признаков), которые образуют различные концептуальные слои. Концептуальные признаки в условиях вербализации концепта предстают как семы, а концептуальные слои иногда могут совпадать с семемами. Когнитивные слои находятся по отношению друг к другу преимущественно в отношениях производности, возрастания абстрактности каждого последующего уровня.

Комплексное использование лингвокогнитивных методик позволяет наиболее полно исследовать языковые средства объективации концепта.

Лексические и фразеологические единицы объективируют, представляют в речи определенные концепты. Совокупность значений лексических и фразеологических единиц образует семантическое пространство языка. Когнитивная интерпретация ре-

зультатов анализа семантического пространства языка позволяет моделировать концептосферу общества.

Язык выступает как средство доступа к сознанию носителя языка, к дискретным единицам сознания – концептам, а лингвистические методы позволяют раскрыть содержание концепта.

Целью работы является системное описание языковых средств объективации концепта «быт» в лексико-фразеологической системе современного русского языка и последующее моделирование на этой основе его структуры.

Для решения поставленных задач были использованы следующие методы: семемный анализ, разработанный М.М. Копыленко и З.Д. Поповой (Копыленко, Попова 1989); метод моделирования (построение лексико-фразеологического поля «Быт», составление словарной статьи ключевой лексемы, построение модели одноименного концепта); методы описания концепта с помощью анализа словарных толкований ключевого слова, анализа структуры и содержания ЛФП; метод когнитивной интерпретации полученного языкового материала. В исследовании использовался комплекс экспериментальных методик: свободный ассоциативный эксперимент, направленный ассоциативный эксперимент, методика субъективных дефиниций, методика выявления симиляров и оппозитов ключевой лексемы, методика оценочного комментирования ключевой лексемы. В работе также применялась методика сопоставления диахронических срезов изучаемого концепта, использовались количественные методы.

Языковым материалом исследования послужили словарные дефиниции словарей и энциклопедий, результаты анализа письменных художественных и устных разговорных текстов. Общий корпус проанализированных лексических и фразеологических единиц составил более 2500 языковых единиц. Языковому анализу подвергались более 600 паремий и около 50 афористических текстов. В качестве материала исследования выступали также результаты свободного и направленного ассоциативных экспериментов, субъективные дефиниции, симиляры и оппозиты ключевой лексемы. Всего по различным экспериментальным методикам было опрошено более 2000 испытуемых: количество информантов по отдельным экспериментам колебалось от 503 до 680 человек.

В исследовании мы использовали комплекс методик для анализа средств языковой объективации концепта «быт» в современном русском языке.

Опишем этапы анализа средств языковой объективации концепта «быт» в русском языковом сознании.

На первом этапе была определена ключевая лексема, представляющая концепт «быт» в языке, прослежено ее историческое развитие и современное состояние. Затем на основе словарных данных построено деривационное поле рассматриваемого слова, которое позволило отметить возрастание актуальности концепта в сознании носителей языка, а также расширение исследуемого концепта. В настоящее время отмечается активное словопроизводство с корнем «быт-»: *бытовуха, бытовка, бытовня, бытово, бытоустройство, бытовичка, бытовщинка, бытобоязнь, Обувьбытсервис* и др. Происходит развитие семантем некоторых родственных ключевой лексеме слов и самой лексемы «быт» в том числе, чаще всего в жаргонизированной речи (например, *бытовик – «работник сферы бытового обслуживания» (проф.), «преступник, отбывающий срок за бытовое преступление» (мил.), бытовуха – «непрофессиональная аудио- и видеоаппаратура», «бытовой сифилис» (мол.), «бытовое преступление» (мил.)* и др.). Отмечается увеличение сочетаемостных возможностей слов с корнем «быт-»: *бытовой героизм, бытовой человек* и др. Появляется большое число устойчивых выражений: *бытовая техника, бытовая химия, бытует мнение, бытовое явление* и др.

Второй этап работы – построение ЛФП ключевой лексемы. Были определены критерии отнесения лексических и фразеологических единиц к зонам поля, разработана методика выделения единиц ЛФП «Быт» (анализ словарных дефиниций, анализ лексических и фразеологических единиц, работа со словарем синонимов, анализ результатов экспериментальных методик – свободного ассоциативного и направленного ассоциативного экспериментов, методики субъективных дефиниций, подбора симиляров и оппозигов ключевого слова и др.).

Анализ структурно-семантической организации ЛФП «Быт» показывает, что исследуемое поле является достаточно большим фрагментом лексико-фразеологической системы русского языка. Общий объем единиц ЛФП «Быт» составляет 2573 единицы, в числе которых 2332 лексемы и 241 фразеологическая единица. Изучаемое поле имеет широко разветвленную структуру, в ней выделяются 4 парцеллы: «Жизнь, существование человека», «Изображение быта», «Условия и средства существования человека», «Семья, ближайшее окружение человека». В составе парцелл, в свою очередь, вычленяются микрогруппы и другие типы группировок.

С точки зрения структурно-иерархической организации, самыми разветвленными, сложными оказываются парцеллы «Условия

и средства существования человека» и «Жизнь, существование человека», менее структурно сложной – парцелла «Семья, ближайшее окружение человека». Парцелла «Изображение быта» состоит из небольшого числа лексических единиц и образует целостное, единое микрополе.

В составе ЛФП «Быт» выделены следующие типы группировок: лексико-фразеологические микрополя, фразеологические и лексико-семантические микрогруппы (микрополя).

В исследуемом поле зафиксированы 30 лексико-фразеологических микрогрупп: «Свойства и характеристики повседневной жизни» (*повседневность, однообразность, привычность, маячить жизнь* и др.), «Пребывание в состоянии быта, повседневной жизни» (*рутина, проза жизни, «растительная жизнь»* и др.), «Степень налаженности, установленности повседневной жизни» (*налаженный, размеренный, в порядке вещей* и др.), «Испытываемое эмоциональное состояние в быту» (*скука* и др.), «Степень значимости повседневной жизни для человека» (*мещанство, вещизм* и др.), «Одежда и обувь» (*платье, халат, тапки* и др.), «Средства существования» (*деньги, хлеб насущный* и др.), «Домашнее хозяйство» (*хозяйство, пожитки, обиход* и др.), «Уборка дома, квартиры» (*уборка, мыть, разложить по местам* и др.), «Приготовление пищи» (*готовить, варить, язык проглотишь* и др.), «Общее наименование действий, связанных с ведением хозяйства» (*вести дом, домовничать, держать дом* и др.), «Постоянные хлопоты, заботы, связанные с ведением домашнего хозяйства» (*хлопотать, обихаживать, вертеться как белка в колесе* и др.) и др.; 7 фразеологических микрополей: «Сохранение привычного порядка жизни» (*по обыкновению, своим порядком* и др.), «Нарушение привычного порядка жизни» (*вверх дном, выбиваться из колеи* и др.), «Начало ведения какого-либо образа жизни» (*вступать на путь, входить в колею, брать моду* и др.), «Сходство / различие образа жизни людей» (*из разного теста, из одного теста* и др.), «Вмешательство и разглашение особенностей личной, внутрисемейной жизни» (*выносить сор из избы, копаться в чужом белье* и др.), «Одиночество, отделенность человека от семьи» (*сам себе хозяин, отрезанный ломоть, отбиться от дома* и др.), «Отсутствие хлопот, беззаботная жизнь» (*рай земной, жить в свое удовольствие, как за каменной стеной* и др.); 37 лексико-семантических микрогрупп: «Общее наименование жизни, существования человека» (*быт, жизнь, существование* и др.), «Общее наименование порядка жизни» (*уклад, образ жизни, нравы* и др.), «Общее наименование повседневной жизни» (*повседневность, будни, быт* и др.), «Оценка

быта, повседневной жизни» (*серость* и др.), «Наличие проблемности, препятствий в быту» (*бытовая проблема, неурядицы, жизненные передряги* и др.), «Изображение быта» (*бытописатель, бытовик, бытовизм* и др.), «Общее наименование группы людей» (*семья, окружение, родственники* и др.), «Наименование людей, связанных иными отношениями» (*сосед, друг, знакомый* и др.), «Помещения» (*комната, кухня, зал* и др.), «Предметы интерьера, обстановки дома» (*мебель, ковер, шторы* и др.), «Бытовые приборы» (*чайник, бытовая техника, мясорубка* и др.), «Домашняя утварь» (*утварь, сумка, щетка* и др.), «Посуда» (*чашка, тарелка, ложка* и др.), «Мистическая составляющая быта» (*домовой* и др.), «Символы быта» (*герань, кошка, канарейка* и др.), «Домашние животные» (*корова, собака, курица* и др.), «Предприятия бытового обслуживания» (*служба быта, химчистка, мастерская* и др.), «Предметы повседневной необходимости» (*иголка, ножницы, веревка* и др.), «Крестьянское хозяйство» (*пилить дрова, кормить скот, полоть* и др.), «Уход за домом, квартирой» (*белить, чинить, красить* и др.), «Уход за одеждой, обувью и предметами быта» (*стирать, гладить, полоскать* и др.), «Наличие устроенности условий жизни» (*уют, комфорт, домашность* и др.), «Бытовой криминал» (*бытовик, бытовуха* и др.) и др.

С точки зрения полевой организации, ЛФП «Быт» в русском языке хорошо структурировано. В нем четко выделяется ядро, ближняя, дальняя и крайняя периферийные зоны.

В ядре четко выделяется центр: *быт, бытовой*.

Ядерные лексемы составляют 1% от общего количества единиц поля, периферийные единицы – 99% (ближняя периферия – 24,2%, дальняя – 49,5%, крайняя – 25,3%).

Отличием крайней периферии от других зон поля является то, что именно в нее входят все фразеологические единицы (в полном составе), так как они имеют низкую частотность употребления, для них характерны яркие стилистические и оценочные компоненты.

В ходе исследования структуры поля была обнаружена внешняя периферийная зона парцеллы «Жизнь, существование человека». В эту зону вошли такие единицы, как *археология, скиталец, бродяжничество, аскет* и др. Все единицы внешней периферии имеют общую дифференциальную сему «образ жизни», однако выступать синонимами (даже в широком смысле слова) единиц ЛФП «Быт» не могут.

Обширность дальней и крайней периферийных зон, наличие внешней периферии позволяет судить о многочисленных связях

ЛФП «Быт» с другими лексико-семантическими и лексико-фразеологическими полями русского языка.

Следующий этап исследования – анализ ассоциативного поля лексемы «быт» как средства объективации концепта.

В проведенном свободном ассоциативном эксперименте участвовали 680 информантов (279 мужчин и 401 женщина). Получено 668 первых реакций, 12 испытуемых не дали слов-реакций на слово-стимул «быт».

В результате анализа содержания ассоциативного поля ключевой лексемы с помощью метода, предложенного Ю.Н. Карауловым (Караулов 2000), было выделено 9 смысловых зон семантического гештальта «быт». Перечислим их (процент высчитывался от общего числа испытуемых): «Предметные составляющие быта» (47,4% – *хозяйство, мебель, посуда* и др.), «Типичная бытовая деятельность» (27,4% – *домашние дела, уборка, мытье посуды* и др.), «Символы быта» (25,9% – *дом, очаг, русская печь*) «Семья, окружающие человека в быту люди» (12% – *семья, семейный, дети, родители* и др.), «Состояние быта» (9,3% – *уют, чистота, комфорт* и др.), «Жизнь, существование человека» (7,4% – *жизнь, уклад, образ* и др.), «Эмоциональная составляющая быта» (7% – *плохой, хороший, серый* и др.), «Проблемность быта» (2,4% – *недостаток, проблемы материальные, разбилась лодка любви о быт* и др.), «Повседневная жизнь человека» (2,2% – *обыденность, будни, повседневность* и др.). Анализ смысловой зоны «Эмоциональная составляющая быта» позволила определить цветовой спектр исследуемой единицы – *серый, черный*.

Данное распределение ассоциатов по смысловым зонам показывает, как реально представлена лексема «быт» в сознании носителей русского языка.

Был проведен направленный ассоциативный эксперимент с целью уточнения содержания лексемы «быт» в русском языковом сознании. В эксперименте участвовали 503 информанта (215 мужчин и 288 женщин). Получено 469 первых реакций, 34 испытуемых отказались выполнить задание.

Опрашиваемым предлагалась следующая инструкция: «Вы участвуете в психолингвистическом эксперименте. Подберите, пожалуйста, определения к слову «быт» и запишите те, которые первыми приходят Вам в голову».

Анализ результатов направленного ассоциативного эксперимента позволяет выделить 12 смысловых зон семантического гештальта «быт»: «Типы быта как образа жизни» (22,5% от общего числа ассоциатов – *здоровый, современный, рабочий* и др.), «Степень устроенности, комфортности бытовых условий; резуль-

тат типичной бытовой деятельности» (20,3% – уютный, удобный, комфорт и др.), «Эмоциональная составляющая быта» (17,9% – хороший, плохой, скучный и др.), «Повседневная жизнь» (17% – каждодневный, обыденный, монотонный и др.), «Отнесенность к личной, семейной, домашней жизни» (16,5% – домашний, семейный), «Трудоемкость быта» (6,2% – тяжелый, сложный, суровый и др.), «Характер взаимоотношений между людьми» (3,2% – спокойный, гостеприимный и др.), «Типичная бытовая деятельность человека» (3,2% – рабочий, трудовой, на рыбалке и др.), «Характер проявления быта» (2,2% – разнообразный, разный, определенный и др.), «Характеристика быта с материальной стороны» (1,8% – дорогой, бедный, обеспеченный и др.), «Связь с реальной жизнью, реальностью» (1% – реальный, жизненный и др.), «Характер типичной деятельности» (0,2% – творческий). Индивидуальные ассоциаты составили 0,6% от общего числа испытуемых.

Для носителей языка самым актуальным значением является «сложившийся порядок жизни» и его признаки. Только данный эксперимент позволил выявить различные типы быта. Важными для испытуемых оказываются смысловые зоны «Степень устроенности, комфортности бытовых условий», «Эмоциональная составляющая быта», а также «Повседневная жизнь и ее характеристики». Наличие смысловой зоны «Взаимоотношения человека с другими людьми» еще раз доказывает, что в сознании носителей языка данный смысл непосредственно связан с концептом «быт».

На четвертом этапе работы был проведен анализ психологически реального значения лексемы «быт». Испытуемым было предложено выполнить следующее задание: «Напишите, пожалуйста, своими словами, как Вы понимаете, что такое быт». В опросе участвовало 513 человек (205 мужчин и 308 женщин). Среди ответов 24 отказа (11 мужчин и 13 женщин, что составляет 4,7% от общего числа опрошенных). Получено 795 субъективных дефиниций, из которых 6 дефиниций ложных.

Была составлена словарная статья изучаемого слова на основе словарных системных значений и субъективных дефиниций, предложенных испытуемыми.

Выяснилось, что в сознании носителей русского языка семантическая структура лексемы «быт» представлена четырьмя системными значениями, в каждом из которых выделяется несколько дополнительных сем, и шестью значениями, не зафиксированными словарями.

Приведем сформулированное на основании результатов использования метода субъективных дефиниций психологически реальное значение лексемы «быт».

Быт (513 ии, отказы – 24)

1. Условия существования, жизненный уклад какого-либо народа, социальной среды и т.п. – 21

Дополнительные семы:

а) обычаи и традиции как составляющая образа жизни человека, какой-либо группы людей – 5;

б) наличие правил, норм, основ жизни – 5;

в) влияние на поведение человека – 1.

2. Повседневная жизнь человека в ее привычных проявлениях; установившийся порядок жизни – 64

Дополнительные семы:

а) проблемность повседневной жизни – 24;

б) обыденность, привычность, обычность жизни – 20;

в) однообразие, рутинность жизни – 12;

г) всеохватность, необъятность повседневной жизни – 2;

д) бесконечность, длительность повседневности – 1;

е) нечто, мешающее интеллектуальной жизни человека – 1.

3. Домашнее хозяйство, предметы домашнего обихода – 61

Дополнительные семы:

а) наличие условий для приятного существования – 63;

б) условия жизни человека, бытовые условия – 62;

в) место жительства, жилище человека – 35;

г) место и условия для отдыха человека – 25;

д) нечто необходимое для каждого человека – 5;

е) нечто, создаваемое человеком, артефакт – 2;

ж) опора для других сторон жизни – 1.

4. Типичная бытовая деятельность человека – 72

Дополнительные семы:

а) повседневные занятия человека – 50;

б) нечто, приносящее заботы, хлопоты – 22;

в) необходимость, обязательность выполнения бытовых действий – 19;

г) результат типичной бытовой деятельности: порядок, чистота – 9;

д) долг, ответственность перед семьей, окружающими людьми – 5;

е) возможность человека к самовыражению, проявлению творческих способностей – 2.

Значения, не зафиксированные словарями:

5. Семейная, частная, домашняя, внепроизводственная жизнь человека – 75.
6. Взаимоотношения человека с другими людьми – 65.
7. Жизнь, существование человека – 29.
8. Нечто хорошее, приносящее положительные эмоции – 14.
9. Нечто плохое, доставляющее негативные эмоции – 12.
10. Реальная жизнь, окружающая человека действительность – 4.

Самыми актуальными для испытуемых оказались следующие значения леммы «быт»: «домашнее хозяйство, предметы домашнего обихода» (49,5% от общего числа предложивших данную дефиницию), «типичная бытовая деятельность» (35%) и «повседневная жизнь человека» (24%), менее актуальные значения для испытуемых – «семья, семейная, домашняя, внепроизводственная жизнь» (14,6%) и «взаимоотношения человека с другими людьми» (12,7%). Эти значения для носителей языка являются коммуникативно-релевантными и входят в активную зону языкового сознания носителей языка (термин Е.И. Грищук: Грищук 2002). Остальные значения исследуемой леммы составляют инактивную зону, так как отмечаются испытуемыми достаточно редко (менее 7%).

Была также рассмотрена репрезентация изучаемого концепта в русских пословицах и афористических текстах.

Анализ афоризмов (около 50), посвященных понятию «быт», показал, что в афористических текстах концепт «быт» представлен достаточно бедно по сравнению с паремиологическим фондом, и не играет большой роли для определения специфики изучаемого понятия (В. Маяковский – *«Любовная лодка разбилась о быт»*, Ф. Крышка – *«Бытовые мелочи и составляют большие жизненные проблемы»*, Паскаль – *«О нравственных качествах человека нужно судить не по отдельным его усилиям, а по его повседневной жизни»* и др.).

Проанализировано более 600 пословично-поговорочных текстов, в которых представлены практически все семемы леммы «быт». При анализе было выявлено, что концепт объективируется ключевой леммой «быт», которая характеризуется низкой частотностью. В сборниках пословиц слово «быт» встречается всего в четырех пословицах: *«свой быт милее»*, *«земной быт – не всему конец»*, *«бабий быт – завсе бит»*, *«быт здоровый – и труд толковый, быт плохой – и труд такой»*. Объективация концепта осуществляется также и другими языковыми средствами.

Анализ пословиц и поговорок показывает, что концепт «быт» в русских поговорках представлен достаточно широко в разных аспектах, но, как правило, не целиком. Большой корпус пословиц и поговорок В.И. Даля отражает поведение человека в быту, его отношение к быту, оценку человека по качествам, проявляющимся в быту («чистую посуду легко и полоскать», «дом красится хозяйном», «пришла суббота – женская работа», «без ухода нет обихода», «дом вести – не лапти плести» и др.).

Низкая частотность ядерной лексемы «быт», объективирующей центр исследуемого концепта, свидетельствует о том, что концепт формируется достаточно поздно.

Самым актуальным для носителей русского языка являются конкретные значения лексемы «быт»: «домашнее хозяйство» и «типичная бытовая деятельность», корпус пословиц и поговорок, репрезентирующих данные семемы достаточно велик. Обращение к поговоркам позволяет выделить разделение типичной бытовой деятельности на мужскую и женскую, другие языковые средства данного компонента не содержат («Мужик да собака всегда на дворе, баба да кошка завсегда в избе», «От хозяина чтоб пахло ветром, от хозяйки дымом» и др.).

Мало актуальны для носителей языка абстрактные семемы «повседневная жизнь» и «уклад жизни». В семеме «уклад жизни» проанализированные пословицы и поговорки содержат компонент «привычность» с его положительной оценкой. Семема «повседневная жизнь» не отмечает актуальные на сегодняшний день компоненты «однообразие», «монотонность», «надоедливость». Это свидетельствует о том, что данная семема активно формируется в сознании современных носителей языка. Оба значения – повседневная жизнь и уклад жизни – представлены в поведенческих правилах, предписываемых человеку, живущему в обществе других людей.

На последнем этапе работы была осуществлена когнитивная интерпретация результатов лингвистических исследований, которая предполагает моделирование структуры концепта по результатам описания средств его языковой объективации. Данная методика осуществляет когнитивное обобщение результатов лингвистического описания языковых средств, вербализующих концепт: факты языкового сознания, выявленные различными лингвистическими и психолингвистическими методами, обобщаются и интерпретируются как факты когнитивного сознания.

Результатами когнитивной интерпретации являются описание структуры концепта, т.е. когнитивных слоев, вычленившихся в них когнитивных секторов и образующих их когнитивных призна-

ков; ядерно-периферийное упорядочение слоев концепта; описание интерпретационного поля как совокупности концептуальных (ментальных и оценочных) стереотипов, утверждений, вытекающих из понимания и интерпретации концепта сознанием народа.

Под *когнитивным слоем* мы понимаем совокупность когнитивных признаков, отражающих дискретную единицу концепта определенного уровня абстракции, имеющую языковые способы объективации (слово, словесный ряд, фразеологические единицы, лингвистические средства текста).

Когнитивный признак – это минимальный структурный компонент концепта, отражающий отдельную черту или признак концепта.

В структуре когнитивного слоя выделяются когнитивные секторы. *Когнитивный сектор* – это совокупность когнитивных признаков в структуре когнитивного слоя, которые представляют собой характеристику отдельного аспекта когнитивного слоя концепта.

В структуре целого концепта выделяется *когнитивный параметр*, который представляет собой группу близких по содержанию когнитивных признаков, выделяющихся в структуре концепта.

Интерпретационное поле концепта содержит концептуальные (ментальные и оценочные стереотипы) суждения, характеризующие концепт.

Когнитивная интерпретация результатов описания языковых средств объективации концепта «быт» (все когнитивные слои вербализованы) дает следующее представление о структуре концепта, репрезентируемого в языке лексемой «быт».

В структуре концепта «быт» были выявлены 6 когнитивных слоев.

1. *Когнитивный слой «Домашнее хозяйство, предметы домашнего обихода»*

Это самый «древний» слой концепта, один из слоев концепта, который имеет яркую наглядно-чувственную систему образов. Данный когнитивный слой включает несколько когнитивных секторов:

- 1) место проживания и предметы, окружающие человека в месте проживания;
- 2) предметы, защищающие человека от холода (одежда и обувь);
- 3) средства питания (пища и напитки);
- 4) подсобное хозяйство (двор, домашние животные и др.);
- 5) символические составляющие быта.

Когнитивные признаки когнитивного слоя «Домашнее хозяйство, предметы домашнего обихода»: функциональная необходимость наличия предметов домашнего обихода; наличие *минимальных* условий для существования человека (одежда, пища); наличие *благоприятных* для человека условий жизни (удобство, уют, комфорт и др.); существование «бытового» минимума предметов домашнего обихода; характер эстетических чувств, порождаемых окружающей обстановкой в быту (украшение быта); принадлежность человеку лично (его собственность); использование по назначению предметов домашнего обихода; способ актуализации статуса личности в обществе (показатель бытового благополучия); смысл жизни человека; место обитания человека, место, в котором проводится большая часть жизни индивида.

2. Когнитивный слой «Типичная бытовая деятельность»

В данном слое выделяются следующие секторы:

- 1) типичная бытовая деятельность, связанная с ведением домашнего хозяйства;
- 2) типичная деятельность, связанная с повседневной жизнью человека;
- 3) результат типичной бытовой деятельности, связанной с ведением домашнего хозяйства.

Когнитивные признаки слоя: повторяемость, периодичность действий; необходимость приложения усилий для выполнения типичной бытовой деятельности; привычность выполняемых действий; создание *минимальных* условий для существования человека; создание *благоприятных* для человека условий жизни; необходимость временных затрат на выполнение действий; обременительность типичных действий; необходимость наличия умений в области выполняемых действий; обязательность для выполнения; однообразность, монотонность выполняемых действий; отсутствие интереса к выполнению действий, скучность, надоедливость из-за однообразия; возможность самовыражения; смысл жизни человека; ощущение ответственности перед близкими людьми.

3. Когнитивный слой «Повседневность, повседневная жизнь человека»

Наряду с конкретными слоями в структуру концепта «быт» входит абстрактный слой «Повседневность, повседневная жизнь». Этот слой по своему происхождению – один из самых «молодых», появился в конце XIX века и является актуальным, ярким до сих пор.

В данном слое не выделяются когнитивные секторы. Слой имеет целостный, однородный характер. Когнитивные признаки слоя: повторяемость; каждодневность; постоянство, неизменяемость; обычность, заурядность; отсутствие перемен, изменений; скука, надоедливость (как следствие); однообразность, монотонность; непростодичность, будничность; «поедание» человека (*быт заел*); влияние на здоровье, настроение, работоспособность человека; заполнение времени жизни человека; протяженность; выход за пределы «дома», «домашней жизни», «семьи» – включение различных сфер деятельности (производство, досуг, домашняя жизнь); предварительное знание хода жизни, адекватность восприятия жизни.

4. Когнитивный слой «Сложившийся порядок жизни» (уклад, образ жизни)

Абстрактным слоем концепта является и когнитивный слой «Сложившийся порядок жизни». Данный слой связан с такой характеристикой жизни человека, как порядок жизни одного человека или группы людей.

Этот слой высоко абстрактен и наслаивается на когнитивный слой «Повседневная жизнь человека».

Когнитивные классификаторы и выделяемые на их основе когнитивные признаки слоя:

1. Субъект быта: а) один человек; б) группа людей.
2. Субъект фиксации порядка жизни: а) личность; б) общество, группа людей.
3. Характер протекания жизни людей: а) упорядоченность действий; б) установленность порядка жизни; в) привычность сложившегося порядка; г) обязательность выполнения установленных действий всей группой людей; д) общепринятость действий; е) повторяемость; ж) традиционность, ритуальность действий людей.
4. Оценка: а) безоценочность изнутри группы, с точки зрения субъекта быта – в силу привычности или слабая положительная оценка; б) оценочность извне, с точки зрения объекта быта.
5. Степень сформированности порядка жизни: а) исторически уже установлен; б) формирование в настоящее время; в) отсутствие установленности порядка жизни.
6. Тип обретения порядка жизни: а) наследование; б) самостоятельное установление.
7. Социальная перспективность порядка жизни: а) дающий дальнейшее развитие жизни, обеспечивающий нормальное существование человека; б) останавливающий в развитии, не соответствующий требованиям общества.

8. Временная продолжительность, характеристика порядка жизни: а) вся жизнь человека, группы людей; б) определенный период жизни (день, неделя, год).

5. *Когнитивный слой «Семья, семейная, домашняя жизнь и характер взаимоотношений между людьми»*

Этот слой возник достаточно давно, но не воспринимался как составляющая концепта «быт». В современной русской концептосфере произошло пополнение концепта «быт» новым когнитивным слоем за счет притяжения одного из слоев концепта «семья». В настоящее время данный слой является одним из актуальных слоев исследуемого концепта, что подтверждают экспериментальные данные. Возможно, что названный когнитивный слой проходит активное становление, формирование в современной концептосфере русских людей.

В данном когнитивном слое выделяются три сектора: 1) семья, ближайшее окружение человека; 2) домашняя, семейная жизнь; 3) характер взаимоотношений человека с другими людьми.

Когнитивные признаки слоя: создание защиты от окружающих «чужих»; противопоставленность общественной жизни, «внешней»; возможность несоблюдения норм поведения и этикета внешнего вида, необходимых для жизни в обществе; создание условий для закрытости, недопущения в личную жизнь; характер отношений с окружающими людьми.

6. *Когнитивный слой «Жизнь, существование человека»*

Данный слой концепта «быт» высоко абстрактен, наслаивается на другие слои, по объему самый маленький. В нем отсутствуют секторы, он имеет целостный характер.

Когнитивные признаки данного слоя: отнесенность к человеку; временная протяженность, временная характеристика жизни человека.

Интерпретационное поле концепта «быт» состоит из ментальных стереотипов и оценочных суждений. Они достаточно противоречивы, так как отражают этапы становления концепта, относятся к разным его слоям, а также противоречивость суждений интерпретационного поля связана с «фокусом актуализации концепта». Концепт в разные периоды своего функционирования поворачивается к носителям языка разными своими сторонами, аспектами. Это и определяет различное восприятие концепта «быт» («быт дает возможность человеку чувствовать себя защищенным», «быт требует от человека определенных умений», «наличие денег облегчает быт», «быт влияет на человека – на его самочувствие, внешний вид, характер», «быт позволяет не соблюдать условности в поведении и в этикете внешнего ви-

да», «сельский быт тяжелее городского», «быт – это субстанция, которая засасывает, поглощает человека», «быт – «убийца», он разрушает человеческие отношения», «быт губит только ненастоящие чувства», «быт – это смысл жизни», «быт не должен быть смыслом жизни», «быт – это явление, с которым человек ведет постоянную борьбу», «быт позволяет отвлечься от других проблем» и др.).

Проведенный анализ показывает, что модель концепта «быт» выглядит следующим образом.

Ядро концепта является двухвершинным, двуобразным и двуоценочным. Оно включает в себя, с одной стороны, чувственные образы уюта, комфорта (*мягкий диван, телевизор, комнатные цветы, уютный, рассеянный свет лампы, мягкий ковер, чистота и порядок* и др.), с другой стороны – образы рутинной домашней работы (*стирка, уборка дома, стояние у плиты, мытье посуды* и др.). Это образы универсального предметного кода (УПК), кодирующие концепт для оперирования им в мышлении носителя языка. Перечисленные образы ярко двуоценочны: образы уюта, комфорта окрашены положительными эмоциями, образы однообразного домашнего труда – отрицательными. Таким образом, ядро концепта «быт» включает в себя два конкретно-чувственных слоя: «Домашнее хозяйство, предметы домашнего обихода» и «Типичная бытовая деятельность».

Ближнюю периферию исследуемого концепта составляют абстрактные слои «Повседневная жизнь человека», «Сложившийся порядок жизни» и «Семья, семейная, домашняя жизнь и характер взаимоотношений между людьми». Слои перечислены в том порядке, как они, наслаиваясь друг на друга, располагаются в ближней периферийной зоне концепта.

Дальняя периферийная зона представлена одним когнитивным слоем – «Жизнь, существование человека». Это наиболее абстрактный слой концепта.

Крайняя периферийная зона концепта «быт» отсутствует. Обширное интерпретационное поле, состоящее из концептуальных (ментальных и оценочных) суждений носителей языка о концепте, обволакивает ядерные и периферийные зоны исследуемого концепта.

Данная модель структуры концепта «быт» является, по нашему мнению, общенародной. Однако для каждого носителя языка исследуемый концепт имеет уникальное строение.

В работе был определен тип концепта «быт». По степени конкретности – абстрактности содержания исследуемый концепт относится к *абстрактным* единицам мышления. Имея регулярную

языковую выраженность, концепт «быт» относится к *вербализованным, устойчивым* концептам. Способ языковой выраженности указывает на *лексико-фразеологический характер* изучаемого концепта. По виду своей структуры концепт «быт» относится к *многоуровневым единицам мышления*, так как включает в себя несколько когнитивных слоев, различающихся по степени абстрактности. По своему содержанию и степени абстрактности, по характеру концептуализируемой информации концепт «быт» имеет статус *гештальта*, т.е. является комплексной, целостной функциональной мыслительной структурой, упорядочивающей многообразие отдельных явлений в сознании человека. Гештальты образуют семантическое содержание абстрактной лексики, поэтому исследование такой абстрактной единицы мышления, как концепт «быт», мы выполняли с применением экспериментальных методик. Кроме того, необходимо также отметить, что, несмотря на то, что концепт «быт» – высоко абстрактная единица мышления, он содержит конкретно-чувственные образы, кодирующие его в сознании человека.

В работе также исследуется проблема гендерной и возрастной специфики концепта «быт». Результаты исследования показывают, что исследуемый концепт имеет гендерную и возрастную специфику.

Гендерные особенности концепта «быт» проявляются в ядерно-периферийном восприятии, в особенностях образов УПК, кодирующих концепт в мышлении носителей языка, в оценке исследуемого концепта и др.

Ядерные когнитивные слои концепта – «Домашнее хозяйство, предметы домашнего обихода» и «Типичная бытовая деятельность» – актуальны в большей степени для женщин, чем для мужчин. Не выявлено явных гендерных различий в периферийных когнитивных слоях концепта, что свидетельствует об их абстрактности и периферийности для носителей языка, т.е. периферийные слои концепта характеризуются отсутствием гендерной специфики.

Яркие гендерные отличия проявились при анализе оценочного восприятия концепта «быт». При общей тенденции восприятия быта как «нечто положительного, хорошего» для мужчин быт не несет той отрицательной характеристики, которая отмечается у женщин. Различия в отношении к концепту связаны, видимо, с большей занятостью женщин в домашнем хозяйстве, «приземленностью» и рутинностью их труда. Мужчины же достаточно редко заняты в домашнем быту (традиции и обычаи разделения

труда на «женский» и «мужской»), поэтому их отношение к данному концепту в большей степени положительное, чем у женщин.

Свободный ассоциативный эксперимент позволил выделить образы, кодирующие исследуемый концепт в сознании носителей языка, а также отметить их гендерные особенности. Для мужчин актуальными оказались образы, связанные с уютом: *диван, телевизор, комфорт, отдых* и др.; для женщин – образы типичной бытовой деятельности: *кухня, посуда, кастрюля, уборка, мусорное ведро, цветы, чистота* и др. Это еще раз доказывает, что для мужчин концепт «быт» связан с положительными образами уюта и комфорта, для женщин более актуальными являются негативные образы рутинного домашнего труда. В целом можно сделать вывод, что концепт «быт» в своем ядерном строении более близок женщинам, чем мужчинам.

Наблюдаются также возрастные особенности концепта «быт».

Вопрос «Что для Вас быт?» Варианты ответов	13-15 лет	16-20 лет	21-30 лет	31-50 лет	Старше 50 лет
Нечто хорошее	44,1%	27,7%	34,4%	37%	38,5%
Нечто скорее хорошее, чем плохое	37,3%	43,3%	43,3%	42,1%	35,4%
Никакое	15,3%	21,8%	10%	6,9%	7,7%
Нечто скорее плохое, чем хорошее	0%	7,2%	12,3%	10,2%	3,7%
Нечто плохое	3,3%	0%	0%	1,9%	0%
Отказы	0%	0%	0%	1,9%	6,2%

Оценочная характеристика изучаемого концепта показывает, что быт положительно оценивается преимущественно подростками. Остальные возрастные группы реже оценивают лексему «быт» положительно: юношеский период сталкивает носителей языка непосредственно с проблемами повседневной жизни, происходит активное включение в типичную бытовую деятельность, «рабочая» часть информантов также достаточно активно включена в быт и его проблемы.

Яркие возрастные различия проявились при выборе испытуемыми нейтрального варианта – «никакое». Самый высокий показатель нейтральной характеристики концепта «быт» показали юношеская и подростковая группы; низкий процент выбора данного ответа отмечается среди «взрослых» групп. Для большей части «взрослых» испытуемых концепт «быт» характеризуется наличием той или иной оценки.

При выявлении отрицательной оценки концепта «быт» выяснилось, что среди «взрослой» части испытуемых с возрастом процент негативной оценки концепта резко снижается, это каса-

ется выбора пограничного ответа «нечто скорее плохое, чем хорошее». Названный вариант не выбрал ни один подросток, зато среди юношеской группы количество выбора данного ответа достаточно велико – более 7%.

Данные результаты связаны с окружающей человека действительностью, с деятельностью человека. Работающая часть испытуемых и студенческая юношеская группа вынуждены тратить драгоценное свободное от работы и учебы время на бытовую деятельность, резче осознается этими группами однообразность жизни, для людей старше 50 лет и подростков это не так актуально.

Возрастные особенности изучаемого концепта были выявлены и при проведении эксперимента по исследованию психологически реального значения лексемы «быт». В концептосфере детей младше 11-12 лет концепт или отсутствует или только начинает свое формирование. Дети младше 11-12 лет при устном опросе называли лишь образы, связанные с деятельностью человека: «мама стирает, готовит, убирает», «я выношу мусор, мою тарелки, подметаю» и др. Это свидетельствует о начале формирования концепта в виде образов универсального предметного кода (УПК), которые впоследствии дадут возможность оперировать концептом в мыслительной деятельности.

Анализ результатов субъективных дефиниций показывает, что испытуемые младше 20 лет воспринимают быт достаточно абстрактно, именно подростковая и юношеская группы чаще всего связывают понятие «быт» с «жизнью, существованием человека», другие возрастные группы данное значение лексемы «быт» называют реже.

Связь с реальной действительностью, типичной деятельностью отмечается при определении быта как «типичной бытовой деятельности»: самые высокие показатели у групп, активно включенных в бытовую деятельность, – молодежной и средней возрастных групп, более низкие показатели дает юношеская группа, самые низкие – у людей старшего возраста.

Возрастные особенности исследуемого концепта проявляются в том, что при взрослении у человека существенно изменяется восприятие концепта «быт»: оно становится более оценочным, менее однозначным. Значительно изменяется и модель структуры концепта «быт». Для детей до 10-12 лет концепт состоит только из УПК – образ домашней работы, в концептосфере некоторых детей концепт отсутствует или только начинает свое формирование. Для других взрослых людей концепт представляет собой сценарий – последовательность выполнения типичной бытовой деятельности,

для некоторых «быт» может выступать в виде фрейма. Это зависит от степени сформированности и актуальности концепта «быт» для того или иного человека.

Таким образом, исследование показало следующее:

Концепт «быт» является одним из центральных социально-психологических концептов русской концептосферы, объективируемым в русском языке обширным и хорошо структурированным лексико-фразеологическим полем, а также многочисленными паремиями, что свидетельствует о его коммуникативной релевантности для русского языкового сознания.

Исследуемый концепт имеет статус гештальта, что обуславливает его диффузное восприятие носителями языка.

Концепт «быт» имеет полевую структуру. Яркой особенностью исследуемого концепта является его двухвершинное и двуоценочное ядро: ядро концепта представлено в сознании носителей языка, с одной стороны, образами уюта, комфорта, с другой стороны – образами рутинной домашней работы.

Интерпретационное поле концепта «быт» очень обширно, представлено совокупностью концептуальных (ментальных и оценочных) стереотипных суждений и содержит разнооценочные предикации, относящиеся к различным когнитивным слоям концепта. Характерной особенностью языковой объективации элементов интерпретационного поля является редкость вербализации концепта ключевой лексемой при обширной представленности концепта другими языковыми единицами.

Концепт «быт» имеет яркие гендерные и возрастные особенности.

Все когнитивные слои концепта имеют лексическую объективацию, что подтверждает коммуникативную релевантность концепта для русского национального языкового сознания.

Предложенная в работе комплексная методика исследования средств языковой объективации концепта, включающая использование экспериментальных приемов, позволяет с достаточной полнотой выявить структуру концепта в национальной концептосфере.

Литература

Арутюнова Н.Д. О стыде и стуже // Вопросы языкознания. 1997. № 2. С. 59-70.

Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1996. 104 с.

Бабушкин А.П. Сослагательное наклонение и «возможные миры» // Когнитивная семантика: Материалы II междунар. школы-семинара по

когнитивной лингвистике, 11-14 сентября 2000 г. / Отв. ред. Н.Н. Болдырев: В 2-х ч. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2000. Ч. 2. С. 183-184.

Бабушкин А.П. Сослагательное наклонение как «окно» в возможные миры // Вестник ВГУ. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2001. №1. С. 16-22.

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. Тамбов: ТГУ, 2001. 123 с.

Боргоякова А.П. Национально-культурная специфика языкового сознания хакасов, русских и англичан (на материале ядра языкового сознания): Дис. ... канд. филол. наук / Боргоякова Аяна Павловна. М., 2002. 181 с.

Виноградов В.В. Из истории лексических взаимоотношений русских говоров и литературного языка. Быт // Бюллетень диалектологического Сектора Института русского языка АН СССР. М.-Л., 1949. Вып. 5. С. 96-101.

Виноградов В.В. История слов / Российская академия наук. Отделение литературы и языка / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Толк, 1994. 1138 с.

Воркачев С.Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа: Монография. Краснодар: Изд-во КубГТУ, 2002. 142 с.

Грищук Е.И. Абстрактная лексика в языковом сознании (экспериментальное исследование языкового сознания старшеклассников): Дис. ... канд. филол. наук / Грищук Елена Ивановна. Воронеж, 2002. 237 с.

Дашиева Б.В. Концепт образа мира в языковом сознании русских, бурят и англичан (национально-культурный аспект): Дис. ... канд. филол. наук / Дашиева Будаханда Владимировна. М., 1999. 227 с.

Залевская А.А. Психолингвистический подход к проблеме концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Научное издание / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2001. С. 36-44.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

Караулов Ю.Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира. Сб. ст. Отв. ред. Н.В. Уфимцева. М.: ИЯЗ, 2000. С. 191-206.

Коннова В.Ф. Об одной лексико-семантической группе в ОЛА. Слова со значением «имущество», «скот», «хлеб» // Материалы и исследования по общеславянскому лингвистическому атласу. М., 1968.

Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии: Учеб. пособие по спецкурсу для филологов. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1989. 190 с.

Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 34-47.

Кубрякова Е.С. Проблемы представления знаний в языке // Структуры представления знаний в языке. М.: РАН ИНИОН, 1994. С. 2-31.

Кубрякова Е.С. Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы) // Известия РАН. Сер. лит. и яз. 1997. № 3. С. 22-31.

Кубрякова Е.С. Языковое сознание и языковая картина мира // Филология и культура. Материалы междунар. конф. 12-14 мая 1999 г. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 1999. Ч. 1. С. 6-13.

Кубрякова Е.С. Когнитивная лингвистика и проблема композиционной семантики в сфере словообразования // Известия РАН. Сер. лит. и яз. 2001. №1. С. 13-24.

Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия АН СССР. – Сер. лит. и яз. 1993. Т. 52. Вып. 1. № 1. С. 3-9.

Лукина Г.Н. Предметно-бытовая лексика древнерусского языка / Ин-т русского языка АН СССР; Отв. ред. Л.П. Жуковская. М.: Наука, 1990. 180 с.

Медведева А.В. Символическое значение как тип значения слова (на материале русских и английских обозначений обиходно-бытовых ситуаций, предметов и явлений материальной культуры): Дис. ... канд. филол. наук / Медведева Анастасия Викторовна. Воронеж, 2000. 187 с.

Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1999. 30 с.

Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2001. 191 с.

Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина. Воронеж: Истоки, 2002. 59 с.

Прохорова В.Н. Бытовая лексика в языке московских памятников второй половины XVII в.: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1953.

Рахилина Е.В. Когнитивная семантика: история, персоналии, идеи, результаты // Семиотика и информатика. М., 1998. Вып. 36. С. 274-323.

Рахилина Е.В. О тенденциях в развитии когнитивной семантики // Известия РАН. Сер. лит. и яз. 2000. № 3. С. 3-15.

Рудакова А.В. Концепт «быт» в структуре русского национального сознания // Проблема национальной идентичности в культуре и образовании России и Запада: Материалы науч. конф. В 2-х т. Воронеж: ЦЧКИ. 2000. Т. 1. С. 77-82.

Рудакова А.В. Лексема «быт» и ее концептуальное содержание // Русский язык вчера, сегодня, завтра. (Материалы рос. конф., посв. 40-летию кафедры русского языка Воронеж. гос. ун-та и 75-летию со дня рождения И.П. Распопова). Воронеж: ВГУ, 2000. С. 129-131.

Рудакова А.В. Концепт «быт» в русских поговорках // Актуальные проблемы изучения и преподавания русского языка на рубеже XX – XXI вв. Воронеж: НМЦ ВГПУ, 2001. С.140-142.

Рудакова А.В. Экспериментальное изучение концепта «быт» в русском языковом сознании // Культура общения и ее формирование. Воронеж: Полиграф, 2001. Вып. 8. С. 88-94.

Рудакова А.В. Средства объективации концепта «быт» в русском языке // Филология и культура: Материалы III междунар. науч. конф. 16-18 мая 2001 г. / Отв. ред. Н.Н. Болдырев: В 3 ч. – Ч. 1. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2001. С. 191-192.

Рудакова А.В. Методика описания содержания концепта БЫТ в русском языке // Методические проблемы когнитивной лингвистики: Научное

издание / Под редакцией И.А. Стернина. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2001. С. 121-126.

Рудакова А.В. Концепт «быт» в семантическом пространстве русского языка // Сборник материалов юбилейной науч. конф. преподавателей и студентов БГПИ. Борисоглебск, БГПИ, 2001. С. 97-98.

Рудакова А.В. Экспериментальное изучение гендерных особенностей концепта «быт» в русском языковом сознании // Гендер: язык, культура, коммуникация. Тез. докл. II междунар. конф. 22-23 ноября 2001. – Москва, МГЛУ, 2001. С. 92-93.

Рудакова А.В. Изучение национального сознания через язык на уроках русского языка (на примере лексемы «быт») // Проблемы преподавания литературы, русского и иностранных языков в современной школе (Гуманизация образовательного процесса): Материалы первой областной учительской конференции, 23 марта 2002 г. Воронеж: ВЭПИ, 2002. С.148-149.

Рудакова А.В. Опыт экспериментального исследования концепта «быт» в русском сознании // Вестник ВОИПКРО. Воронеж, 2002. Вып. 8. С. 139-144.

Рудакова А.В. Интерпретационное поле концепта «быт» // Культура общения и ее формирование (Воронеж, 15-16 апреля 2002). Научн. издание. Воронеж: Истоки, 2002. Вып. 9. С. 54-56.

Рудакова А.В. Концепт «быт» как компонент национальной концептосферы // Проблема национальной идентичности и принципы межкультурной коммуникации: Материалы школы-семинара (Воронеж, 25-30 июня 2001 г.). В 2-х т. Воронеж: Полиграф, 2001. Т. 2. С. 52-56.

Рудакова А.В. Экспериментальное исследование содержания концепта «быт» (на материале словарных дефиниций) // Композиционная семантика: Материалы III междунар. школы-семинара по когнитивной лингвистике, 18-20 сент. 2002 г. / Отв. ред. Н.Н. Болдырев: В 2 ч. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002. Ч. 1. С. 102-104.

Рудакова А.В. Интерпретационное поле концепта «быт» // Труды молодых ученых / Воронеж. гос. ун-т. 2002. Вып. 2. С. 354-361.

Рудакова А.В. Методика выделения лексико-фразеологического поля «быт» // Культура общения и ее формирование. Воронеж: Истоки, 2003. Вып. 10. С. 57-61.

Рудакова А.В. К вопросу о формировании концептов (на примере концепта «Быт») // Вестник ВОИПКРО. Воронеж: ВОИПКРО, 2003. Вып. 10. С. 176-184.

Рудакова А.В. Концепт «быт» в русском языковом сознании (на примере исследования психологически реального значения лексемы «быт») // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий: Материалы II Всерос. науч.-практ. конф. В 2-х ч. Воронеж: Воронеж. гос. пед. ун-т, 2003. Ч. II. С. 17-20.

Рудакова А.В. Исследование гендерных особенностей концепта «быт» // Гендер: язык, культура, коммуникация: Материалы III междунар. конф. 27-28 ноября 2003. М.: Моск. гос. лингв. ун-т, 2003. С. 91-92.

Рудакова А.В. Объективация концепта «быт» в лексико-фразеологической системе русского языка. Автореф. дис. ...канд.филол.наук. Воронеж, 2003. 22 с.

Рудакова А.В. Лексема «быт» и родственные ей слова в современном русском языке // Язык и национальное сознание. Воронеж: Истоки, 2004. Вып. 5. С. 111-115.

Рудакова А.В. Когнитология и когнитивная лингвистика. Изд. 2-е, исправл. Воронеж: Истоки, 2004. 80 с.

Смолина К.П. Лексика имущественной сферы в русском языке XI – XVII вв. / К.П. Смолина. М.: Наука, 1990. –208 с.

Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.

Токарев Г.В. Проблемы лингвокультурологического описания концепта (на примере концепта «трудовая деятельность»). Тула, 2000.

Топорова В.М. Концепт «форма» в семантическом пространстве языка. Воронеж: Истоки, 1999. 175 с.

Тришина А.В. (Рудакова А.В.) Национальная специфика репрезентации концепта «быт» в русском языке // Язык и национальное сознание. Научное издание. Воронеж: ЦЧКИ, 1999. Вып. 2. С. 27-28.

Тришина А.В. (Рудакова А.В.) Формирование концепта «быт» в русской концептосфере // Культура общения и ее формирование. Воронеж: Истоки, 2000. Вып. 7. С. 57-59.

Убийко В.И. Типология концептов и методика когнитивного анализа // Теория поля в современном языкознании: Материалы науч.-теор. семинара. Уфа, 1999. Ч. 5. С. 42-47.

Харитоновна Б. Национальная специфика семантики русского слова (на материале существительных лексических полей «Человек», «Быт», «Народное хозяйство» ...): Дис. ... канд. филол. наук / Харитоновна Берит. Воронеж, 1987. 272 с.

Н.М. Катаева (Екатеринбург) **ВОЛЯ**

Концепт *ВОЛЯ* отличается от многих «одиноких» концептов тем, что имеет смысловую пару – *СВОБОДА* (аналогично другим «парным» концептам: *добро* и *благо*, *правда* и *истина*, *долг* и *обязанность* и др.). Плотная содержательная связь компонентов таких пар и одновременно их содержательное различие отражают особенности русской ментальности (Булыгина, Шмелев 1997; Савельева 1997). Уже имеющиеся исследования концептуальной пары *ВОЛЯ* и *СВОБОДА* (В. Н. Топоров, Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев, А. Д. Кошелев, А. Вежбицкая, Д. Н. Лихачев и др.), как и осмысление соответствующих понятий в русской философии XIX – начала XX вв. (И. В. Киреевский, А. С. Хомяков, В. Г. Белинский, Г. П. Федотов, Л. П. Красавин, Н. А. Бердяев и др.), позво-

ляют говорить о том, что в русском сознании воля, будучи непосредственно связана со свободой, почти всегда ей противопоставляется, в отличие от свободы она является особой единицей ментальности русского человека. В настоящей работе концепт *ВОЛЯ* не объединяется с концептом *СВОБОДА*, но анализируется в постоянном сопоставлении с этим парным концептом.

Цель данной работы состоит в определении содержания концепта *ВОЛЯ*, отражающего специфику русского менталитета, на основе комплексного (системно-семантического, психолингвистического и собственно лингвокультурологического) подхода.

Концепт рассматривается на основе трех источников: совокупности словарных данных о концепте *ВОЛЯ* и данных о нем в русском языке как системе, материалах психолингвистического эксперимента, целостном художественном тексте, содержащем индивидуальную интерпретацию концепта *ВОЛЯ*.

Первый аспект предполагает лексико-семантический анализ содержания концепта *ВОЛЯ*. При этом учитывается эволюция слова-имени концепта *ВОЛЯ*. Применяются методы компонентного и контекстного анализа. Объектом анализа служат словарные дефиниции слов *воля* и *свобода* в исторических и современных толковых словарях русского языка, а также иллюстративный материал отобранных словарных статей и собранные автором контексты со словами *воля* и *свобода* и их дериватами. Предмет анализа – семантика слова *воля* и его производных, а также слова *свобода*. В итоге определяются семантические константы исследуемого концепта в русском языке.

Второй аспект связан с психолингвистической интерпретацией концепта *ВОЛЯ* в сопоставлении с концептом *СВОБОДА*. Используются соответствующие методы (свободный ассоциативный эксперимент, методика прямого толкования). Объектом исследования служат данные проведенных нами психолингвистических экспериментов. Предметом анализа являются семантические связи слов-стимулов *воля*, *свобода* с их ассоциатами, а также семантика указанных слов по данным интуитивных толкований информантов. Проверяется, насколько семантические константы, выявленные по результатам анализа системно-семантических данных, актуальны в современном массовом языковом сознании. В конечном счете определяются психосемантические константы исследуемого концепта в современном русском языковом сознании. Кроме того, в опоре на семантику ситуации, стоящей за словом *воля*, выявляются параметрические признаки концепта *ВОЛЯ*, и на материале ассоциатов описывается его фрейм-структура.

Третий аспект предполагает уточнение культурных констант концепта *ВОЛЯ* на основе изучения его реализации в целостном художественном тексте, а именно романе В. Шукшина «Я пришел дать вам волю». Ведущими являются методики контекстного и текстового анализа, а также метод лингвокультурологического моделирования сценария на базе художественного текста. Объектом наблюдения выступает сплошная выборка контекстов, содержащих слово *воля* и его производные. Предмет анализа – семантика актуального слова *воля* и его производных в текстовом пространстве романа В. Шукшина. Здесь же на материале романа осуществлено лингвокультурологическое моделирование сценария русского бунта (борьбы за волю).

Согласно данным этимологических словарей, слова *воля* и *свобода* относятся к древнему слою исконной лексики, причем слово *воля* – индо-европейское, а слово *свобода* – славянское с корнем индо-европейского происхождения. Слово *воля*, в отличие от слова *свобода*, характеризуется процессуальной семантикой (тесно связано с глаголом *велеть*), ему издревле свойственны семы 'желание', 'хотение', 'власть', 'сила', 'выбор / отбор' / 'возможность выбрать'. Значение слова достаточно аморфно, семы внутри лексического значения интегрированы. Однако несомненно, что этимологическим признаком, ядерным смыслом слова *воля* является 'направленное желание', именно от него образовались «производные» смыслы 'власть' (возможность велеть, приказывать), 'сила' (то же, что и власть), 'выбор / отбор' (*выбрать* "взять, отобрать предпочитаемое, желаемое"). Воля – это желание, т.е. стремление к осуществлению чего-нибудь, обладанию, это то, что напрямую связано со сферой чувств, устремлений, потребностей человека. Это состояние желания, намерения, локализованное во внутренней сфере человека и ориентированное вовне.

Что касается лексемы *свобода*, то здесь на первый план выходят семы 'persona', 'особенность', 'особа', 'сам' ('свой'), т.е. в качестве ведущего признака выделяется 'особость', 'самость', 'особенность', но в то же время указывается на положение своего (!) члена рода, т.е. наличие какой-л. общности, или общества, среди которой(-ого) может реализоваться независимость или состояние свободного человека. Следовательно, уже исконно свобода подразумевала человека как существо общественное, социальное, словом, – личность. Таким образом, по этимологическим данным, воля имеет отношение к сфере чувств, внутренней сфе-

ре человека (состояние желания), свобода – к его положению в какой-либо общности, обществе.

Рассмотрев ряд исторических и современных толковых словарей и тем самым проследив историческое развитие имени концепта *ВОЛЯ* (в сопоставлении с таковым концепта *СВОБОДА*), мы установили, что национально-культурная специфика имени *воля* отражена в них достаточно косвенным образом. В словарях эксплицирован смысл ‘без стеснений’/‘без ограничений’, причем только в двух из всех рассмотренных словарей эта экспликация дана развернуто, например: “полная, ничем не сдерживаемая свобода в проявлении чувств, в действиях и поступках (разг.)” (Толковый словарь под ред. Д. Н. Ушакова, Толково-словообразовательный словарь Т. В. Ефремовой). Всего один раз отмечена семантика своеволия: *дать/взять себе волю* “начать поступать своевольно” (Толковый словарь С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой). Между тем именно эти смыслы – ‘полное отсутствие стеснений/ограничений’, ‘действовать исключительно в соответствии со своими желаниями’ – обусловлены этимологически и определяют специфику культурного слова *воля*.

Свобода – это идея универсальная, общепhilософская, как и время, пространство, движение, изменение. Она отражена в разных языках, по меньшей мере во всех европейских (*свобода* “возможность действовать по своей воле”). У русских эта универсальная идея получила специфическое осмысление. Возникла потребность выразить особое понимание – нашлось и подходящее имя. Таким именем и стало слово *воля*, генетически связанное с желанием, хотением, велением. Именно с желанием, внутренней сферой, областью потребностей человека изначально связано слово *воля*.

Слово *воля* в древнерусском языке означало “возможность выбрать то, что предпочитаешь, желаешь”, слово *свобода* – “возможность действовать по своей воле”. Наличие общих смыслов ‘возможность’ и ‘желание’ позволило данным словам со временем стать синонимичными в некоторых своих значениях и вместе с тем слову *воля* – приобрести национально-культурную специфику.

Что касается традиционного представления о воле, сформированного в веках и закрепленного в фольклоре, то для русских *воля*, безусловно, роднее, чем *свобода*, может, именно оттого, что понимается как простор и лишь потом конкретизируется: *какой? чей?: Вольный свет не клином стал, есть простор*. Именно поэтому – в силу абсолютной беспредельности воли – она оценивается неоднозначно: *Волю дать – добра не видать, Боле*

воли – хуже доля, *Дай душе волю, захочет и боле, Дай сердцу волю, заведет тебя в неволю, Дай черту волю, живьем проглотит, Дай себе волю, заведет тебя в лихую долю, Воля и добрую жену (и добра мужика) портит, Дал муж жене волю, не быть добру*; однако лучше воля, чем неволя: *Воля губит, неволя изводит*. Своеобразным противовесом воли выступает ум: *Хороша воля с умом да с деньгами* (ср.: *Без денег и свободы нет...* А. С. Пушкин), *Глупому в поле не давай воли*. Жить на воле, по воле (своему желанию) нелегко: *Находишься по воле, наплачешься вдоволь, Жить по воле, умереть в поле*, но в то же время *Жил на воле, спал подоле, Кто живет на воле, тот спит подоле*. Воля воспринимается как ценность: *Хоть хвойку жую, да на воле живу, Хоть на хвойке, да на своей вольке*, ее любят, ей радуются: *Своя волюшка раздолюшка*. Вместе с тем осознается, что воля не бесконечна, не вечна: *Воля наволюется вволю (до неволи)*, оттого так притягательны посулы пугачевых и разиных: *Жалую вас крестом (старым), бородой и вечной волей* (Пугачев). Не случайно здесь появляется определение *вечная*: воля ограничена во времени и представляет собой точечные проявления – моменты своеволия, однако мечта о вечной воле всегда жива в душе русского человека. Вообще, воля имеет ключевое для народного мировоззрения значение, такое же, как и понятие «мир».

Этимологические смыслы сохранились в современных значениях слов *воля* и *свобода*, одни в том же виде, представляя собой отдельное значение, например *воля* “желание, хотение”, *воля* “власть, право”, *свобода* “независимость” (ср.: ‘самость’, ‘особость’), а другие, словно зерна, «проросли» новыми значениями, так, значение *воля* “способность добиваться осуществления поставленных перед собой целей, осуществления стремлений” развилось из смыслов ‘желание’/‘хотение’, ‘сила’. Глагол *хотети* (*воля* “желание, хотение”) в старославянском и русском языке означал “состояние намерения, стремления обладать” (Ю. С. Степанов), а если представить, что это намерение, стремление было очень сильным, то достаточно рельефно вырисовывается значение “способность добиваться осуществления поставленных перед собой целей, осуществления стремлений”.

В некоторых словарях современного русского языка (Словарь языка Пушкина, Частотный словарь языка М. Ю. Лермонтова, Толковый словарь С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, Толково-словообразовательный словарь Т. Ф. Ефремовой) отмечаются изменения в семантической структуре слова *воля*, а именно появление слов-омонимов. Рассматриваемое выше значение *воля*

“полная свобода” и значение *воля* “способность добиваться осуществления поставленных перед собой целей, осуществления стремлений” (кстати, не зафиксированное в словаре Даля и не выраженное явно в фольклоре) интерпретируются как омонимичные.

Данные значения не выводимы один из другого на уровне толкований. Однако современными носителями языка, хотя и не ясно, осознается их связность, и у слов существуют общие семы (прежде всего ‘желание’), это становится ясным при глубоком уровне анализа. Таким образом, можно утверждать, что историческая связность данных вариантов значения слова *воля* ослаблена, они находятся на пути «омонимического разрыва» (О. С. Ахманова). Данный факт подтверждается различием словообразовательных рядов (ср.: *волевой, безвольный, безволие, обезволить* и т.д., с одной стороны, и *волюшка, вольный, вольничать, вольница, вольность, своеволие*, с другой), сочетаемости (ср.: *сила воли, железная воля, сильная воля и вольная воля, степная воля, дать волю* и др.) и синонимических и антонимических рядов (*воля – желание, воля – свобода и воля – безволие, воля – неволя, тюрьма*).

Проследив историческое развитие имени концепта *ВОЛЯ*, мы с помощью метода компонентного анализа определили ядерные смыслы концепта. Воля по-русски – это личностный и географический простор. Под личностным простором понимается, во-первых, независимость (‘самостоятельность’, ‘состояние ненахождения в подчинении’), во-вторых, положение, характеризующееся полным отсутствием границ/рамок или правил/условий для совершения активных/интенсивных действий исключительно в соответствии с собственными желаниями субъекта (‘состояние/положение, характеризующееся полным отсутствием границ/рамок или правил/условий’, ‘предполагающее активные/интенсивные действия’, ‘предполагающее совершение активных/интенсивных действий исключительно в соответствии с собственными желаниями субъекта’), в-третьих, состояние, вызванное ощущением полного отсутствия стеснений/ограничений. Географический простор выступает материальным аналогом и образом личностного, это большое, ничем не стесненное природное пространство.

Концепт *ВОЛЯ* имеет общие с концептом *СВОБОДА* компоненты содержания: это ‘личная независимость’ (‘положение/наличие для совершения действий в соответствии с собственными желаниями’), однако это разные концепты. Они совпадают лишь в отдельных фрагментах, отражающих универсальную идею свобо-

ды. Собственно специфичными смыслами концепта *ВОЛЯ* являются 'положение, характеризующееся полным отсутствием границ/рамок или правил/условий для совершения активных/интенсивных действий исключительно в соответствии с собственными желаниями субъекта' и 'большое, ничем не стесненное пространство'. Концепт *СВОБОДА* содержит смыслы 'положение, характеризующееся наличием условий для совершения действий одновременно в соответствии со своими желаниями и с желаниями других'. Последнее значение во многом соотносимо с философским: *свобода* "возможность проявления субъектом своей воли на основе осознания законов природы и общества".

Системно-языковые и контекстные смыслы, выявленные нами соответственно в процессе анализа парадигматических связей (синонимические и антонимические ряды, словообразовательное гнездо) и контекстной сочетаемости слова *воля* (и сопоставительно – слова *свобода*) и его дериватов (на материале собранных контекстов, иллюстраций в толковых словарях, данных Словаря эпитетов), подтвердили корректность выделения ядерных смыслов и дали основание выделить набор смыслов околоядерной области концепта *ВОЛЯ* (и сопоставительно – концепта *СВОБОДА*).

В околоядерную область концепта *ВОЛЯ* входят смыслы 'стихийная, ввергающая человека в сферу инстинктов, лишаящая его человеческого облика' (*озверевшая, кровопролитная воля*), 'таящаяся до времени', 'открыто проявляющаяся', 'присущая, свойственная немногим', 'оказывающая разрушающее влияние на кого-, что-либо; являющаяся причиной каких-либо негативных последствий; опасная' (*разнузданная*), 'необходимая для жизни, представляющая ценность для человека' (*хочу быть на воле*), 'любимая/дорогая' (*И волю всей душой любя..., радоваться воле, волюшка*), 'причастная к мятежу/бунту' (*мятежная воля*), 'имеющая отношение к душе' (*Мне в душу повеяло жизнью и волей...*) и др. В то же время для концепта *СВОБОДА* свойственны смыслы 'идеальная, заключающая в себе нечто возвышенное; проникнутая высокими чувствами' (*гордая, святая, священная свобода*), 'полная внутреннего содержания' (*прекрасная, красивая*), 'основанная на разуме, целесообразная' (*разумная свобода*), 'предполагающая ответственность за совершенные действия', 'способная быть тайной, не обнаруживаться' (*тайная свобода*), 'предполагающая наличие богатства/денег' (*... а теперь, свободный, богатый, он..., без денег и свободы нет, деньги дают определенную степень свободы*) и др.

Итак, по системно-словарным и контекстным показаниям, воля в русском языковом сознании – это своеобразная духовная ценность, вместе с тем она предполагает одержимость собственным желанием, отсутствие всяких ограничений в своих действиях/поступках, что чревато эгоизмом; свобода обладает разной степенью подлинности: истинная свобода связана с ограничениями и уважением к другому, псевдосвобода уподобляется воле.

Для изучения представлений о концепте *ВОЛЯ* в сознании современных носителей языка мы провели психолингвистический эксперимент с применением методики свободного ассоциативного эксперимента и методики прямого толкования. Всего было опрошено 100 человек различного возраста, пола и социальной принадлежности, что соответствует типу группового опроса. Целями эксперимента являлись, во-первых, экспликация ассоциативных полей слов и существующих в русском языковом сознании фрейм-структур с именами *воля* и *свобода*, во-вторых, анализ глубинных семантических признаков слов *воля* и *свобода*.

В результате психолингвистического исследования семантики слов *воля* и *свобода* установлено, что ядерные смыслы соответствующих концептов, выявленные на основе лексикографических данных и анализа представленности слов как имен концептов в системе языка, в полном составе отражены в массовом языковом сознании, т.е. психосемантические константы концепта совпадают с семантическими. Это смыслы 'самостоятельность/состояние ненахождения в подчинении'; 'состояние/положение, характеризующееся полным отсутствием границ/рамок или правил/условий', 'предполагающее активные/интенсивные действия', 'предполагающее совершение активных/интенсивных действий в соответствии с собственными желаниями субъекта'; 'состояние (чувство), вызванное ощущением полного отсутствия стеснений/ограничений'; 'большое, ничем не стесненное пространство'.

На базе психолингвистических данных выявлены околядерные содержательные признаки концептов: для концепта *ВОЛЯ* – это 'необходимая для жизни' (*необходимость*), 'ввергающая человека в сферу инстинктов' (*дерзость, жестокость, пьяный русский, бунт*), 'не предполагающая ответственности субъекта за свои поступки' (*безответственность*), 'лишенная разумной содержательности' (*безумие, глупость, бунт*), 'проявляющаяся в удальстве (или как удаль)' (*удаль*), 'связанная с сердцем/душой (внутренней сферой человека)' (*сердце, душа*), 'предполагающая бедность субъекта' (*бедность*); для концепта *СВОБОДА* – 'опасная своим переизбытком' (*ненужность, одиночество, безнадега,*

пустота), 'идеальная' (совершенство), 'основанная на разуме' (разум, рациональность), 'соответствующая истине/истинная' (справедливость), 'способствующая самореализации' (самореализация, самоудовлетворение, творчество, художник) 'связанная / имеющая отношение к душе, духу' (душа, дух), 'предполагающая наличие денег' (баксы, деньги).

В современном языковом сознании воля ассоциируется с такими российскими историческими реалиями, как крепостное право (крепостной, барин, помещик, 1861 год и др.), русский бунт (Пугачев, вольный казак), кроме того, с лозунгами Французской революции и революционных народников 70-х гг. XIX в. и начала XX в. за землю и волю, за мир и за волю; с реалиями социальной изоляции (век свободы не видать); а также с именами Пушкина, Ницше и Шопенгауэра; свобода – с Французской революцией и ее лозунгом свобода, равенство и братство, с именами Гегеля и Пушкина.

Заметим, что реакций с национально-культурной коннотацией, выражающих степень проявления и содержащих сему экспрессивности, на слово *воля* в два-три раза больше, чем на слово *свобода* (соответственно 48 и 23 на слово *воля* и 27 и 8 на слово *свобода*), что указывает на силу и мощь проявления воли, ее предельно близкую соотнесенность с активными, интенсивными действиями, движением, а также на особое ее значение для русской ментальности.

Полученные в результате ассоциативного эксперимента данные позволили также выявить фрейм-структуры концептов *ВОЛЯ* и *СВОБОДА*. Согласно ассоциациям испытуемых, субъектом воли может быть не каждый, обычно это постоянно странствующие по просторам и непосредственно связанные с природой *цыгане*, *крестьянин* как сын земли и созерцатель деревенского раздолья, *вольный казак*, а также взявшие себе безграничную волю *разбойники*. Другими словами, субъект воли – это человек, независимый не только внешне, но и в душе. В определенном историческом контексте оппозицию ему составляет *барин*, *помещик*.

Отступая от описания фрейма, отметим, что атрибутами воли выступают *бедность* и *конь*, в то время как типичным условием свободы выступают *деньги*. Что касается современного обыденного сознания, то воля ассоциируется с *сигаретами* и *пивом*.

Судя по ассоциациям, воле *радуются*, субъект воли испытывает *счастье*, ощущает себя, словно *птица в полете*, как *ветер*, он совершает безрассудства, полностью утрачивая разумность в действиях, поведении и чувствует собственную безответственность. Именно поэтому воля – это всегда стихия, удаль, размах,

мощь и беззаконие, и проявляется она, неограниченная и жестокая, в разгуле, в бунте.

Ситуация воли разворачивается в природном локусе со следующими характеристиками: безграничность (*простор, море, раздолье, пространство, степь*), открытость (*улица, поле, степь, воздух, небо*), равнинность (*поле, степь*). Ассоциации *длинная дорога, река* отражают плоскостное восприятие пространства русскими и модель русского движения. Бесконечность равнины и пролегающего по ней пути с неведомой целью составляет характерный и специфический для русской культуры хронотоп (Г. П. Федотов). Время ассоциативно обозначено гораздо беднее: воля ассоциируется с детством, временем влюбленности и вообще с дневным временем суток, т.е. «активным» временем суток и жизни в целом.

Что касается фрейм-структуры концепта СВОБОДА, то субъект свободы *сам себе хозяин*, он целеустремлен, представляет собой личность, способную на духовное и душевное развитие (например, *художник*). Такой человек в ситуации свободы счастлив, горд, испытывает радость и удовольствие (свобода *пьянит*), другой же, как уже отмечалось, ощущает *пустоту, одиночество* и др.

Свобода может проявляться в *отдыхе, творчестве*, и, наконец, в *демократии*. Не случайно своеобразными символами свободы выступают *Америка, статуя Свободы, орел*. Свобода подразумевает ограничения в своем проявлении: это всегда свобода в чем-нибудь (*творчество, гласность, свобода выбора*), предполагающая равенство (*равенство, демократия*) субъектов, проявляющих независимость в своих действиях.

Центр свободного пространства – природа (*поле, море, океан, равнина, река, степь, ветер, воздух, солнце, небо, природа, орел, голуби*) и граница (*США, Америка, Нью-Йорк, Гавай, за рубежом*). При этом природный локус характеризуется большим, открытым, равнинным пространством (*поле, простор, море, океан, равнина, пространство, огромная река, степь*) и *длинной дорогой*. Кроме того, существует виртуальное пространство свободы в сфере духовного, в нем есть свой путь, духовный, тоже не близкий, в процессе которого человек, личность достигает собственного совершенства. Что касается темпоральной локализации ситуации свободы, то она предполагает активное время суток, года и опять-таки связана с природой: это утреннее (*берег моря во время восхода*), дневное (*солнце*), летнее (*лето*) время, а также время любви (*любовь*), отдыха (*отдых, безработица*), веселья (*веселье*), творчества (*творчество*), антиподом чего яв-

ляется время, проведенное в тюрьме, в темнице (*тюрьма, темница*). Вместе с тем свобода может восприниматься как ирреальность, мечта о ней несбыточна (*нам и не снилось, чушь*).

Анализ интуитивных толкований показал: носители языка осознают, что свобода, в отличие от воли, предполагает ограничения. Однако в современном языковом сознании, по данным проведенного эксперимента, доминирует неосновное словарное значение слова *свобода*: свобода в первую очередь уподобляется воле и лишь потом выступает в собственно отличающем слово *свобода* от слова *воля* значении. Таким образом в очередной раз подчеркивается особая значимость воли, в отличие от свободы, для русской ментальности.

Извлечение данных о семантике слов-имен концептов на основе психолингвистических методик подтвердило и органично дополнило результаты собственно лингвистического исследования.

Текст является высшим ярусом языка и в то же время формой существования культуры (Л. Н. Мурзин), поэтому заключающим этапом в нашем исследовании является анализ текстового содержания концепта *ВОЛЯ* на материале романа В. Шукшина «Я пришел дать вам волю».

Выбор в качестве источника материала романа В. Шукшина обусловлен ключевой позицией слова *воля* в данном произведении. К тому же писателя всегда волновала тема российского крестьянства, его судьбы, в связи с этим не случайно, что центральным образом романа является Степан Разин, который в XVII в. хотел дать волю многострадальному русскому народу. Эта историческая личность, по мысли В. Шукшина, – средоточие национального характера, правдоискатель, несущий людям волю.

Тот факт, что роман В. Шукшина представляет собой художественную интерпретацию русского бунта, позволил нам поставить еще одну задачу – осуществить на основе художественного текста лингвокультурологическое моделирование сценария бунта (борьбы за волю), организованного вокруг исследуемого концепта. Для сопоставления привлекается «История Пугачева» А. Пушкина.

Таким образом, содержание русского концепта *ВОЛЯ* в художественной трактовке В. Шукшина определялось, во-первых, путем анализа функционирования в тексте слова *воля* и его дериватов; во-вторых, путем лингвокультурологического моделирования сценария русского бунта на базе целостного художественного текста.

Анализ текстового содержания концепта *ВОЛЯ* в романе В. Шукшина позволил выявить дополнительные к уже эксплицированным на предыдущих этапах исследования смыслы изучаемого концепта. Они также входят в содержательную структуру русского концепта *ВОЛЯ*, поскольку художественная картина мира – это часть национальной картины мира, а писатель – творец культурных ценностей.

Воля – это абсолютная внешняя свобода, подразумевающая отсутствие стеснений, ограничений (*Иван дал себе волю – выпрягся скорей других. Его понимали: на походе держал себя как закованного в петле*), в том числе освобождение от социального рабства (*черным людям дать волю; добывать волю у бояр-кровопивцев; приведи ты обездоленных, забитых, многострадальных к счастью, к воле. Дай им волю!*), неотъемлемая от географического простора, раздолья (*выйти на волю; улизнуть на волю; набирать ширь и волю*). Однако прежде всего воля – это совершенная внутренняя свобода, являющаяся внутриличностной константой субъекта, испытывающего соответствующее состояние (*– А чего вышло? Я дал волю, убежденно сказал Степан. /– Как это? /– Дал волю... Берите! /– Ты сам в цепях! Волю он дал... /– Дал. Опять не понимаешь? /– Не пойму.*).

Воля, понимаемая как внешняя свобода, независимость, представляет для человека ценность (*ее не дают как алтын побирушке; воли он захотел!*) и поэтому требует определенных усилий (*добывать волю; ее не дают как алтын побирушке; воли он захотел!*), борьбы (*без крови ее не дают*). Если такая воля становится полной, абсолютной, не предполагающей каких-либо ограничений, то она характеризуется стихийностью, чрезвычайностью в своем проявлении, ввергает человека в сферу инстинктов и вызывает негативные последствия, объективно опасна (*Не у одного Кондрата душа заходила, запросилась на волю. Охота стало как-нибудь вывихнуться, мощью своей утрашить, зарать, что ли, или одолеть кого-нибудь; побаивался [его] за самовольство; продолжая самовольничать, подвергает себя и своих товарищей опасности*).

Воля, понимаемая как совершенная внутренняя свобода, – категория иного порядка. Она, несомненно, представляет ценность для человека, но свойственна немногим, потому что задает характер поведения и судьбу человека в целом (*Только тебе за рухлядь какую-нибудь не жалко жизнь отдать, а за волю – жалко, тебе кажется, за волю – это коту под хвост. Вот я и говорю – подневольный ты ... А мне, если ты меня спросишь, всего на свете воля дороже... Веришь, нет: мне за людей совестно,*

что они измывательство над собой терпят; ...Ты, Фрол, подневольная душа... Ты ишо на руках у матери сидел, а уж вольным не был).

Кроме того, воля – это еще и большой, открытый простор, воспринимаемый русскими как свой по духу, родной, дорогой (*милый простор*).

Именно такая совокупность смыслов определяет содержание концепта *ВОЛЯ* в интерпретации В. Шукшина.

Концепт *ВОЛЯ* лежит в основе сценария русского бунта (борьбы за волю), объединяющего ролевою, сюжетною и пространственно-временную составляющие.

Структура ролей сценария бунта предполагает наличие двух противоборствующих сил: бунтующих и тех, кто им противостоит. Национально специфичен сам состав бунтующих, это казаки как движущая сила бунта и крестьяне, в массе своей безынициативные. Специфичен также ряд ролей и статусов самого предводителя бунта. Так, он выполняет социальную роль заступника (*заступник, надежа*), при этом имея статус отца (*батька, отец, батюшка Степан Тимофеевич*), вожака (*вождь, вожак, голова, атаман, начало*) и даже бога (*бог*), кумира (*кумир*).

Вожак действует в соответствии с социальными ожиданиями (экспектациями). Его появление в ситуации бунта закономерно, и фактор ожидания народом личности, которая поведет за собой массы, т. е. харизматической личности, первоначим (*Но велико обаяние Разина, жестокое обаяние; Пойдут – ты умеешь заманить. У тебя ... чары, как у ведьмы, – ийтить за тобой легко, даже вроде радостно; Он [Разин] с болью не хотел резни, зная, что они потом сами согнутся от вида крови, которая прольется. Но ждали, что он повернет шапку. Он повернул. Всегда, всю жизнь от него ждали*). Вожак – идеологическое производное (от) народа, он обладает чертами русского национального характера: предприимчивостью, активностью, решительностью, дерзостью, смекалкой, хитростью и др. (*крепкий, напористый человек, ... умный и хитрый; беспокойная натура; есть такие люди: не могут усидеть; непокорный атаман*).

Образ Степана Разина, безусловно, имеет идиостилевое, собственно шукшинское, решение. В. Шукшин интерпретирует этот образ прежде всего в рамках драмы человеческих возможностей. Разин пришел *дать волю*, которую не желают брать. Степан Разин – тот, кем овладела идея *воли*, став его *alter ego*. Вообще воля, понимаемая как безграничная свобода духа, всегда в сердце бунтаря, для него это категория постоянного состояния, категория жизненной необходимости. Беспредельная и безграничная, сти-

хийная и чрезвычайная, воля нередко оборачивается произволом. Она утопична, и желание бунтовщиков обрести ее несбыточно. В этом и заключается причина обреченности русского бунта на неудачу, оттого русский бунт – с такими глобальными целями (!) – обречен стать кровавым пиром, закончиться казнями и возвращением к старому положению дел.

Этапы сценария бунта таковы.

1. Под влиянием определенных причин появляется недовольство.

2. Стихийно, под действием импульса возникает бунт.

3. Появляется предводитель бунта.

4. Бунт приобретает характер общенародного.

5. Апофеозом бунта становится кровавое мщение.

6. Бунт стремительно приближается к краху.

7. Попытки изменить ход событий не приводят к каким-либо позитивным результатам.

8. Все заканчивается разгромом бунта.

Исход бунта также во многом предрешен сущностью той силы (*государство, владыки*), против которой выступает Разин и народные массы: эта сила непобедима. Однако финал бунта по сути амбивалентен: во многом это не только крах, но и победа. Разин не утратил смелости, достиг абсолютной свободы духа и сохранил ее перед лицом смерти. Такая интерпретация событий принадлежит В. Шукшину, но данное идиостилизованное воплощение не изменяет структуры и сценария бунта в целом, что подтверждается сопоставлением романа с «Историей Пугачева» А. Пушкина. Дело в том, что В. Шукшин разворачивает проблему воли в плане экзистенциальной свободы выбора, и смерть Разина – это высшее выражение акта воли. Сверхчеловеческое мужество Разина на эшафоте – последнее и абсолютное свидетельство свободы человеческого духа перед лицом власти и смерти: «Дал волю... Берите!» – говорит Разин. «Исключительность выбора, сделанного одним человеком, – как заметил Ж. П. Сартр, – влияет на всех», и это напрямую относится к судьбе С. Разина и русского народа.

Степан Разин – это своего рода странник, если иметь в виду, что «странник – самый свободный человек на земле», что русской душе не сидится на месте, что это не мещанская душа, не местная душа (Н. А. Бердяев). Поэтому не случайны в тексте романа смыслы 'активные/интенсивные действия', 'движение', связанные как с деятельностью Разина, так и хронотопом бунта.

Сценарий бунта находится в ближайшей соотнесенности с природно-естественной организацией мира: огнем, водой, зем-

лей, небом, а его развитие соответствует темпоральному природному циклу. Все это позволяет говорить о хронотопе сценария бунта как о природном. Природные составляющие – тот образный фон, на котором ощущается воля в ее ментальном представлении (*Дон, Волга, ширь, степь, река, солнце, небо* и т.д.). Циклическое время, восходящее к сезонным, календарным циклам, определяет развитие бунта и его возможную воспроизводимость (пробуждение бунтующих сил – утро, борьба за волю – день, разгром бунта – сумерки, казнь Разина – ночь). Следовательно, обретение воли предполагает и ощущение органической связанности с природой: человек – часть вольной природы.

Таким образом, собственно лингвокультурологический подход – выявление текстового содержания концепта *ВОЛЯ* и моделирование сценария русского бунта (борьбы за волю) на базе художественного текста – позволил во многом уточнить содержание исследуемого концепта, хотя и показал, что ядро концепта остается неизменным. Сформированность, стабильность ядра (основной доминанты) и высокая значимость концепта *ВОЛЯ* в русской культуре в равной степени подтверждаются всеми материалами исследования.

Выполненное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Ядро концепта *ВОЛЯ* представлено в сознании носителей языка следующими смыслами: 'самостоятельность/отсутствие подчинения'; 'состояние/положение, характеризующееся полным отсутствием границ/рамок или правил/условий', 'предполагающее активные/интенсивные действия', 'предполагающее совершение действий исключительно в соответствии с собственными желаниями субъекта'; 'состояние, вызванное ощущением полного отсутствия стеснений, ограничений'; специфический компонент ядра – это денотативный смысл 'большое, ничем не стесненное пространство'.

Концепты *ВОЛЯ* и *СВОБОДА* – это разные русские концепты. В русской языковой картине мира они совпадают лишь в отдельных фрагментах, обозначающих универсальную идею самостоятельности, независимости, т.е. положения, характеризующегося отсутствием стеснений / ограничений в чем-либо, и тогда, когда свободу, подразумевающую некоторые ограничения, приравнивают к не считающейся ни с какими ограничениями воле (что само по себе отражает специфику русского менталитета). Для русских воля – это абсолют свободы, основанный исключительно на желании, хотении человека, свобода же подразумевает особость,

отдельность, обособленность, независимость личности в обществе, какой-либо общности при полном признании законов жизнедеятельности этого общества (общности).

Околоядерные смыслы русских концептов *ВОЛЯ* и *СВОБОДА* подчеркивают их различие. Концепт *ВОЛЯ* характеризуется смыслами 'стихийная', 'ввергающая человека в сферу инстинктов, лишающая его человеческого облика', 'открыто проявляющаяся', 'присущая, свойственная немногим', 'оказывающая разрушающее влияние на кого-что-либо; являющаяся причиной каких-либо негативных последствий; опасная', 'необходимая для жизни, представляющая ценность для человека', 'любимая/дорогая', 'причастная к мятежу/бунту', 'отличающаяся силой/мощью проявления', 'имеющая отношение к душе', 'предполагающая бедность' и др. Для концепта *СВОБОДА* свойственны смыслы 'идеальная, заключающая в себе нечто возвышенное; проникнутая высокими чувствами', 'полная внутреннего содержания', 'основанная на разуме, целесообразная', 'предполагающая ответственность за совершенные действия', 'способная быть тайной, не обнаруживаться', 'предполагающая наличие богатства/денег' и др.

Концепт *ВОЛЯ* имеет фрейм-структуру, которая отражает модель соответствующей ситуации: субъектом воли выступает личность, испытывающая счастье от состояния независимости, ощущающая себя как птица или ветер, нередко утрачивающая при этом разумность в действиях и проявляющая безответственность. В русском языковом сознании ситуация воли имеет природную локализацию и связывается с большим пространством, а также с активным временем суток и жизни в целом.

Концепт *ВОЛЯ* лежит в основе сценария русского бунта (борьбы за волю), объединяющего ролевою, сюжетную и пространственно-временную составляющие, отмеченные национальной спецификой.

Концепт *ВОЛЯ*, отражающий представления русских о личностном и географическом просторе и совершенной, ничем не ограниченной внутренней свободе как внутриличностной константе, особенно ярко характеризует специфику русского менталитета.

Литература

Петровых Н. М. (Катаева Н. М.) Семантическая структура слов *воля* и *свобода*: общее и особенное // Русский язык в контексте современной культуры: Тез. докл. междунар. конф., 29–31 октября 1998 г. Екатеринбург, 1998. С. 108–111.

Петровых Н. М. (Катаева Н. М.) Воля и свобода в индивидуальном поведении личности: к вопросу о современной культурно-речевой ситуа-

ции // Лингвокультурологические проблемы толерантности: Тез. докл. междунар. конф., 24–26 октября 2001 г. Екатеринбург, 2001. С. 107–110.

Петровых Н. М. (Катаева Н. М.) Фрейм бунта в русском романе // Проблемы интерпретации в лингвистике и литературоведении: Матер. III Филол. чтений, 28–29 ноября 2002 г. В 2 т. Новосибирск, 2002. Т. 1. Лингвистика. С. 238–241.

Петровых Н. М. (Катаева Н. М.) Концепты *воля* и *свобода* в русском языковом сознании // Известия Уральского государственного университета, 2002. № 24. С. 207–217. (Сер. Гуманитарные науки: История. Филология. Искусствоведение; Вып. 5).

Петровых Н. М. (Катаева Н. М.) Концепт *ВОЛЯ* в русском языке: содержание и методы описания // Языки и литературы народов Горного Алтая: междунар. ежегодник – 2002 / Под ред. А. А. Чувакина. Горно-Алтайск, 2002. С. 61–67.

Петровых Н. М. (Катаева Н. М.) Концепт *толерантность* на фоне концептов *воля* и *свобода* в русском языковом сознании // Коммуникация и толерантность: теоретические и прикладные аспекты: Программные материалы междунар. науч. конф., 15–18 мая 2003 г. Екатеринбург, 2003. С. 9.

Катаева Н.М. Русский концепт ВОЛЯ: от словаря – к тексту: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004. 21 с.

О.А. Арапова, Р.М. Гайсина (Уфа) ДРУЖБА

Настоящая статья посвящена комплексному изучению концепта ДРУЖБА в его разнородных структурно-семантических репрезентациях в русском языке. В качестве основного общенаучного метода данной работы используется метод тренированной интроспекции (А. Вежбицкая), позволяющий исследователю рефлексировать над собственным языковым сознанием. На интроспекцию ориентирован метод концептуального анализа, который представляет собой определенный набор процедур, направленных на реконструкцию концепта (Р.М. Фрумкина). Кроме того, в настоящем исследовании применяется ряд других общелингвистических методов: метод этимологической реконструкции, описательный и сравнительный метод, различные приемы анализа словарных дефиниций, компонентный, системный, гештальтный, сочетаемостный и контекстуальный анализ, а также метод фразообразующей комбинаторики единиц разных структурных уровней языка.

Концепт ДРУЖБА в русском языке представлен обширным лексико-семантическим полем слов, содержащих сему дружбы (*товарищество, приятельствовать, кореш* и т.д.). Ядром этого

поля мы считаем функционально-семантическую триаду *друг – дружить – дружба*, поскольку в ней реализуются главные когнитивно обусловленные позиции, отражающие в обыденном сознании носителей языка ситуацию дружбы: субъект (участник ситуации) – предикат (функциональное наименование ситуации) – абстрактное имя (интерпретация ситуации, взятой в отрыве от модально-временного фактора). Анализ значений лексем, содержащих сему дружбы, в рамках ретроспективной динамики и многоплановой статистики позволит выявить глубинные изменения в структуре межличностных отношений (Вежбицкая 1999, с. 311), что даст возможность эксплицировать направление эволюции концепта ДРУЖБА в целом.

Обобщив данные этимологических словарей и лингвистической литературы по проблеме этимологии корня *друг-*, мы выдвигаем гипотезу о том, что в основе концепта ДРУЖБА лежит концептуальная метафора дерева, поскольку именно наличие подобной базовой метафоры способно объяснить сосуществование таких, например, исходных значений и.-е. корня **dhreugh*, как «крепкий, прочный, верный», «держаться вместе», «следовать друг за другом». Данная метафора аккумулирует в себе синкретичный комплекс внутрисоциумных связей, поэтому прасемантику исследуемого концепта можно представить так: «замкнутый мир – прочное человеческое сообщество, члены которого связаны между собой повседневным общением и взаимными действиями, т.е. ситуационно; они могут не иметь друг с другом никаких отношений либо вступать в различного рода отношения (родство, любовь, дружба, наставничество и т.д.), оформляемые законами или традициями». Вышесказанное определяет наличие областей пересечения анализируемого концепта с концептами упомянутых отношений (*Первая любовь потому так благоуханна, что она забывает различие полов, что она – страстная дружба*. Герцен) и присущую лексемам – носителям данных концептов общую модель смыслового развития, например перенос значения на неодушевленные предметы (*Старый дом, старый друг, посетил я наконец в запусенье тебя*. Огарев; *Наши сестры – пики, сабли остры, вот кто наши сестры*. Нар. песня).

Все реконструированные значения и.-е. корня можно сгруппировать в два, связанные по принципу «переноса отношения»: значение¹ «действовать и испытывать действие», основывающееся на двустороннем взаимодействии однопорядковых сущностей (предметов, явлений, индивидов), которое выражается конкретным «поддерживать, подпирать, держать» (ИЭС 1994, т.1, с.270), дало значение² «сообщество каким-либо образом связанных между

собой людей» (О.Трубачев 1959, с. 172) – от смысла «прочно держаться вместе» (Степанов 1997, с. 496). Первое значение зафиксировано лишь в древних германских языках, но именно наличие глагола, способного употребляться как с субъектом, так и с объектом действия (например, англосакс. *dreogan* – «добиваться, терпеть лишения»), обусловило возможность выражения с помощью корня **dhreugh* симметричных отношений. Второе значение стало базой для дальнейшего развития концепта. Первоначально слова с этим корнем обозначали социальный институт, все члены которого были связаны закрепленными в законах обязательствами, а не только личными отношениями: в первобытном обществе дружба часто была принципиально нерасторжима, а права и обязанности друзей фиксировались традицией (Кон 1989, с. 85). Внутри указанного диффузного значения сформировался смысловой комплекс, связанный с институтом военного товарищества: внешняя опасность является одним из важнейших факторов объединения людей (Обозов 1990, с. 127).

Далее семантическое развитие корня шло по двум параллельным направлениям. Первое – от обозначения прочного человеческого союза к обозначению участников деиндивидуализованных, отвлеченных от личности отношений: значение «свита, отряд» → «товарищ, спутник» (член отряда) → «следующий» (идуший за кем-то) → «второй» (следующий по соседству): словенск. *drug* «другой, второй», болг. *друк* «другой, второй» и т.д. → «другой»: макед. *друг* «другой, иной», полаб. *draug* «другой», др.-р. *другъ* «другой» и т.д. Этимология здесь подтверждает философские представления о первичности человеческой общности перед познающим сознанием (Бубер 1995, с. 17-24): «другой», как и «друг», происходит из совокупности «общественных» значений исходного корня **dhreugh* и несет в себе следы первоначальной семантики. Таким образом, в русской культуре парная дружба вычленяется из комплекса межличностных связей (*друзья* – собирательная форма, предполагавшая приоритет коллектива), во-первых, как вторичная по отношению ко всему комплексу, а во-вторых, как принципиально двусубъектная, без деления на познающее сознание (Я) и познаваемый объект (Другой). Этимологическое родство «дружести» и «дружбы» обеспечивает замкнутость цикла общения: всякий *другой* на бессознательном уровне воспринимается как потенциальный *друг*. Таким образом, этический идеал человеческих взаимоотношений, выводимый из анализа европейской афористики, – априорно дружеское отношение к любому незнакомому человеку (*Неизвестный друг – тоже друг*. Лессинг) – оказывается глубоко укорененным в языковом сознании рядового носителя

русского языка, а примеры типа *мой незнакомый друг* получают закономерное объяснение.

Другая линия эволюции указанного корня идет от обозначения нерасчлененных и в достаточной мере формализованных отношений (товарищество) к обозначению дифференцированных, интимных и избирательных связей. В этом плане «товарищество» дало две группы значений: связанных с семейно-брачными отношениями и связанных с дружбой. Развитие «товарищеские» → «семейно-брачные отношения» объяснимо: оба вида отношений ритуализуются, охраняются традицией и имеют какое-либо формальное выражение. Языковой параллелизм любовных и дружеских связей, наблюдающийся в большинстве современных славянских языков (укр. *друг* «муж», белор. *дружица* «супруга», др.-р. *подружје* «супруга») и развивающийся в современном русском языке (см. *друг* в значении «гражданский муж»: *Ребенок от друга-араба, который узнал о беременности и бросился в бега*. Из газет), также имеет под собой экзистенциальное основание: древнегреческие философы выделяли среди видов любви и любовь-дружбу (филия), и семейную любовь-привязанность (сторге).

Исходя из предположения об этимологической обусловленности семантической эволюции лексем, мы формулируем гипотезу о преемственности «диахронических слепков» концепта ДРУЖБА на различных этапах формирования и непрерывности развития выделенных нами этимологических смыслов исследуемого концепта, что выражается в дискретном, пульсирующем воплощении данных концептуальных компонентов в лексемах триады *друг – дружить – дружба* в зависимости от лингвистических и экстралингвистических факторов. Исходные этимологические смыслы в современной структуре концепта ДРУЖБА эволюционировали в параллельно развивающиеся семантические сферы, неравномерно представленные каждой из лексем поля дружбы: «другой, следующий, второй» дал сферу «другость», «семейно-брачные связи» – «родство» и «любовные отношения», «действовать и испытывать действие» – «действие в пользу кого-чего-либо», сохранились сферы «товарищество» и «дружеские отношения».

Сфера «другость», исторически являвшаяся центральной в структуре концепта ДРУЖБА – значения *дружба* «вереница» (СДРЯ 1989, т.1, ч.1); *друг* «ближний, другой человек», основное до 19-го века: *Над другом посмеялся, над собою поплачешь* (СД 1978, т.1), – в современном русском языке ушла на периферию и представлена функциональным лексико-семантическим вариантом слова *друг* «обращение» (*Продавцы кричат по-русски: «Привет, друг! Заходи, покупай!»* Из газет) и сниженным значением

«любой ситуативно связанный с говорящим человек» (*эти друзья из министерства*). Обращение *друг* к незнакомым людям употребляется для обеспечения успешности коммуникативного акта, поскольку актуализирует в сознании адресата всю систему ассоциаций и коннотаций, связанных с ситуацией дружбы, ставя его в позицию субъекта дружбы, всегда готового помочь, – ср. с выражением *Будь другом*, которое используется в тех же целях. Производным от указанного, по нашему мнению, является эмоционально-оценочное именование *другом* любого человека, поскольку данное употребление также характеризуется ситуационной зависимостью и всегда предполагает конкретного референта (обязательны дейктические слова *этот, какой-то, один*).

На более отдаленной периферии находится сфера «родство»: значения лексемы *друг* «близкий родственник», «супруг» (СДРЯ 1989, т.1, ч.1) архаизировались, и в современном русском языке данный семантический компонент присутствует только в сочетании *друг жизни* «муж». Однако данная сфера сохраняет потенции своего развития: дружба в русской культуре часто осознается как духовное родство (см. Вежицкая 1999, с. 372-374), концепты РОДСТВО и ДРУЖБА взаимопроникают. Сфера «товарищество», активная в период становления русского языка – до 18 века просуществовали значения *друг* «товарищ, спутник», *дружба* «общество, товарищество» (СДРЯ 1989, т.1, ч.1), – также в настоящее время периферийна, однако выказывает тенденцию к развитию, эксплицируясь словосочетаниями, обозначающими субъектов дружбы по деятельности: *друг по бильярду, друг по команде*.

Определенные перспективы развития имеют сферы «действие на благо кого-чего-либо» и «любовные отношения». Выход на первый план семантики действия – *дружить* «желать добра, покровительствовать» (СД 1978, т.1.), *дружба* «дружеское отношение, благосклонность» (СРЯ 18 в. 1992, вып. 7) – обусловлен приобретением в 18-19 веках концептом ДРУЖБА этического статуса, изначально ему не свойственного (см. этимологию), что привело к актуализации в его составе компонентов, связанных с моральным кодексом дружбы, предполагающим реальные действия по оказанию необходимой помощи и поддержки (*Друзья у тебя есть, какие у других редко бывают: не фальшивые... совет, помощь, даже деньги – всегда найдешь*. Гончаров). Данная семантика актуализируется также в иронических контекстах (ср.: *Против кого дружите?*), ирония создается за счет несоответствия смысла реплики укрепившемуся в сознании носителей языка идеалу дружбы как союза, создаваемого только для благих целей.

Волюнтивная семантика, развивавшаяся в течение веков – друг «сторонник, защитник чьих-либо интересов, взглядов, отверженец чего-либо» (*Замечу кстати: все поэты – любви мечтательной друзья.* Пушкин); *дружить* «испытывать любовь, иметь склонность, пристрастие к чему-либо» (*Он дружил с поэзией, был ценитель и поклонник литературы.* Ф.Никулин); друг «о чем-либо, способствующем нормальной жизнедеятельности человека» (*Вы знаете что-нибудь про цветы? Про этих молчаливых зеленых друзей человека?* Ж-л «Cosmopolitan»), – привела к расширению концепта ДРУЖБА в сторону обозначения неличностных, но персонифицированных субъектно-объектных или объектно-объектных отношений: *дружить с алгеброй; У меня комп с телевизором не дружит, никак провод подсоединить не могу.* Выведение семантики за рамки межличностных отношений имеет под собой глубокую философскую основу, несмотря на то, что этимологически круг исходных значений был связан только с человеком. Философские концепции М. Бубера и Н.А.Бердяева допускают не только межсубъектные отношения в рамках дружбы: «ошибочно думать, что общение ... возможно лишь для человеческой дружбы. Оно возможно с миром животным, даже растительным и минеральным» (Бердяев 1994 с. 277), поэтому онтологически закономерно, что уже самое раннее (17-18 века) проявление в рамках концепта ДРУЖБА семантики «помогать кому-либо» в качестве своего субъекта могло иметь не только человека: *Ветерок дружит нам* (СД 1978, т.1). При этом логические субъект и объект ситуации помощи выражаются одним словом: *Юный друг природы России, Природа – наш друг*, что мы объясняем влиянием формальных признаков глагола *дружить*, двусубъектного в значении «быть в дружеских отношениях». Сближение субъекта и объекта действия в их экзистенциальном статусе приводит к тому, что в их качестве могут выступать неодушевленные предметы (*Сейчас у человека лучший друг кто? Телевизор.* Мультф.). На наделении объекта ситуации сознанием основано создание домашних мифологем: одушевление компьютера, швейной машинки, всевозможных рабочих инструментов.

Семантика любовных отношений, исторически представленная употреблением слова *друг* в значении «возлюбленный», обычно с эпитетами *милый, сердечный* (*Не видать милого друга, только видит – вьется вьюга.* Пушкин), далее модифицированная в контекстно обусловленном употреблении *дружить* (*Вот уже второй год вся школа знает, что Толя «дружит» с Валей Романенко.* В.Долинина), в настоящее время актуализировалась за счет приобретения данной лексемой интонационно маркированного значе-

ния «любовник, интимный партнер, муж в гражданском браке» (*Тогда я со своим другом снимала квартиру на Ленинградском проспекте. Ж-л «Домашний очаг»*).

Условия для развития данной семантической сферы заложены в двустороннем характере исследуемого феномена. Любовь и дружба как эмоциональные привязанности получают сходное толкование в словарях, ср.: *любовь* «чувство глубокой привязанности, преданности кому-чему-либо, основанное на признании высокого значения, достоинства, на общих целях, интересах // чувство склонности, привязанности к кому-либо, вытекающее из отношений близкого родства, дружбы, товарищества», *дружба* «отношения между людьми, основанные на взаимной привязанности, близости, общности интересов» (БАС1 1954. т.3). Половая любовь не выделяется в отдельную вокабулу, компонент интимной близости не эксплицируется в толковании слова – таким образом устраняются все препятствия к обозначению любовных отношений через лексику дружбы, тем более что сближение любовных и дружеских связей выступает как общая тенденция. Психологические исследования демонстрируют тождество сопровождающих их чувств и эмоций: «Когда мы думаем о настоящей дружбе, мы имеем в виду определенную форму любви, существующую между людьми» (Альберони 1987, с. 58).

Подобные употребления лексики дружбы вызваны, на наш взгляд, игнорированием или преуменьшением роли плотского начала в любви, упором на духовное общение. Однако причину появления значения *друг* «муж в гражданском браке» мы видим в реалиях современной жизни: длительные интимные отношения молодых людей с совместным проживанием или без такового требуют своего обозначения. Данное значение может быть рассмотрено как результат взаимодействия культур (калька с английского *boy-friend*), но с большей вероятностью указанная семантика – закономерный итог развития концептуальной сферы «любовные отношения». Данное значение имеет четко охарактеризованный субъект: это мужчина, с которым длительное время живет данная женщина, что предполагает контекстное устранение полисемии; с той же целью используется слово-конкретизатор *просто*: *Он ей просто друг* – семантическая сфера «дружеские отношения», *Он ее друг* – сфера «любовные отношения».

Центральной для русского концепта ДРУЖБА является сфера «дружеские отношения», представленная наибольшим числом значений лексем анализируемой триады *друг* – *дружить* – *дружба* и их парасемантов. Значения слов: *друг* «тот, кто тесно связан с

кем-либо доверием, преданностью, дружбой, любовью» (*Барон, усердые ваше нам известно; Вы деду были другом; мой отец Вас уважал.* Пушкин), *дружить* «быть в дружеских, приятельских отношениях с кем-либо» (*Отец был популярнейшим в Туле детским врачом, легко умел подходить к больным детям и дружить с ними.* Вересаев); *дружба* «отношения между людьми, основанные на взаимной привязанности, близости, общности интересов» (*Недавнее знакомство между Иваном Петровичем Берестовым и Григорием Ивановичем Муромским более и более укреплялось и вскоре превратилось в дружбу.* Пушкин) – выделяются лексикографами как основные, начиная с толкового словаря Д.Н.Ушакова. Однако если семантическое развитие данной сферы до 20 века характеризовалось постоянным ростом этического компонента, воспроизведением сценариев истинной дружбы, то в настоящее время наблюдается обратный процесс, когда активизируется употребление слов *друг*, *дружить* и *дружба* для обозначения не очень близких приятельских отношений: *Попробуй собрать всех своих друзей (если, конечно, размеры дачи позволяют вместить 150 человек).* Газ. «Я – молодой».

Несмотря на это, семантика дружеских отношений выказывает тенденцию к приращению смыслов за счет расширения круга потенциальных субъектов дружбы в сторону межколлективных связей (*дружить домами, дружба народов*) и взаимодействий между человеком и животным (*Собака – друг человека; Дельфины по нраву удивительно добры, контактны, с ними легко завести дружбу.* Тэсс). Мы считаем, что употребление лексем *друг*, *дружба*, *дружить* по отношению к коллективам людей определяется вещественным наполнением данных связей, при этом основными становятся семы «помощь», «сотрудничество», «совместное проведение времени», «общность интересов». Подобные употребления переносят акцент с эмоционального восприятия дружбы на деловые аспекты социального взаимодействия, по сути, актуализируя семантику товарищества с ее ориентацией на социум и аннулируя присущую парной дружбе интимность. Семантика же, связанная с представлением о животном как возможном субъекте дружбы, базируется преимущественно на эмоциональном компоненте дружеских отношений (семы «эмоциональная привязанность», «общение», «совместное проведение времени»). Приведенные интерпретации семантики «дружеских отношений» очень продуктивны, в настоящее время особенно активно развиваются предикатные значения (*России, в свете предстоящих событий, выгоднее дружить с Великобританией, чем с США.* Из газет; *Наш Сашка так с Томиком [котом] дружит!* Из разг. речи).

Семантический анализ лексем *друг*, *дружить*, *дружба* позволил выделить как центральную подструктуру в концепте ДРУЖБА концепт ДРУГ, поскольку только совокупность значений имени участника дружеской ситуации представляет весь комплекс указанных семантических сфер. Формальная непроизводность слова *друг* делает его прямым наследником круга значений исходного и.-е. корня, а его немотивированность и стилистическая нейтральность предполагают небольшое сопротивление рядовых носителей русского языка смыслам и коннотациям, либо несвойственным его изначальной семантике (употребление данной лексемы по отношению к не-лицу), либо этимологически присущим, но утраченным (пейоративное значение «любой ситуативно связанный с говорящим человек») или внутренне антонимичным (значение «муж в гражданском браке»).

Сопоставительный анализ дериватов словообразовательного гнезда с корнем *друг-* позволяет заключить, что концепт ДРУЖБА имеет трехслойную структуру, соотносящуюся с частеречной принадлежностью репрезентирующих его лексем: идеальный конструкт, воплощающий этический эталон дружеских отношений (*дружба*, *дружество*), динамическое выражение внешней атрибутики ситуации дружбы (*дружить*), наложение идеальной схемы на реальные взаимоотношения (*друг*, *подруга*, *дружок*, *дружище*, *дружбан*, *дружбандель*, *друган*, *другьяк*). Слова, обозначающие конкретных участников ситуации, всегда соотносятся с реальными человеческими взаимоотношениями, что объясняет как их наибольшую семантическую емкость (словообразовательные аналоги дублируют отдельные куски семантической структуры слова *друг*), так и регулярно встречающуюся в различных контекстах негативную оценку (*И я скажу: «Да, друг мой – дурак и пьяница, но ведь друг!»* Вен.Ерофеев). Данные лексемы обозначают преимущественно субъект не эмоциональной, а предметной связи, которая варьируется от обозначения отношений поверхностного приятельства (*Есть у меня другьяк в Питере: познакомился в прошлый проезд, все три дня у него жил. Из разг. речи*), делового сотрудничества (*Мы же с вашим деканом друганы: он актовый зал всегда нам отдает на проведение всякой ерунды. Из разг. речи*) до выражения связей, подобных дружеским (*Ничего дружбану своему не пожалю. Из разг. речи*). Соответственно положительная коннотация здесь не является обязательной, а помощь и поддержка, выражаемые указанными словами, получают менее высокую оценку.

Несимметричность пары *друг – подруга* доказывает существующую в обыденном сознании нашего современника гендер-

ную нерасчлененность концепта ДРУЖБА, ср.: употребление лексем *друг* по отношению к женщине (*Графине хотелось с глазу на глаз поговорить с другом своего детства, княжной Анной Михайловной*. Л.Толстой). Концептуальная природа слова *подруга* в корне отличается от природы слова *друг* отсутствием в ее структуре этического компонента, что явствует из неупотребительности сочетания **истинная подруга* и обуславливает коннотативную нейтральность и возможность нормальной с точки зрения рядового носителя языка негативной оценки *подруги* (*У меня есть одна подруга, ну такая дура, надоела ужасно*. Из разг. речи). Здесь концептуальная картина мира противоречит научной: согласно психологическим исследованиям, женская дружба в целом более устойчива и стабильна, чем мужская, поскольку базируется в большей степени на психологической близости, чем на совместной деятельности (Бодалев 1983, с.61).

Гендерную пару образуют слова *подруга* и *товарищ*: их объединяет, с одной стороны, обозначение людей, поставленных в равные экзистенциальные условия: *подруги* должны «быть вместе и совместно участвовать в том, что происходит в жизни» (Вежбицкая 1999, с. 355) – и, с другой стороны, сходная концептуальная структура, включающая одни и те же семантические сферы: «дружность» (*Тут в песочнице подруга какая-то разложилась, так моя Лизка ее мигом выгнала – Сейчас гололедица, один товарищ, я видел, очень даже пострадал*. Из разг. речи), «действие в пользу кого-чего-либо» (*Горишь ли ты, лампада наша, подруга бдений и пиров*. Пушкин – *Люблю тебя, булатный мой кинжал, товарищ светлый и холодный*. Лермонтов) и т.д. Как мы полагаем, основной гранью, отделяющей *подруг* от, допустим, *коллег* или *одноклассниц*, является намеренный допуск в свою личную жизнь, который происходит «в постоянном общении, состоящем не в экзистенциальном разговоре «о самом главном» (что более характерно для *друга*), а в том, чтобы делиться друг с другом своими переживаниями и сплетничать о ближних» (Шмелев 2002, с. 188). Таким образом, слово *подруга*, по семантической емкости стоящее на втором месте после слова *друг*, противопоставлено последнему по принципу «связи, основанные на духовно-ментальном родстве» – «связи, базирующиеся на душевно-эмоциональном притяжении».

Лексема *дружить* характеризуется своеобразной двухслойностью семантики: являясь симметричным глаголом, она передает ситуацию идеальной дружбы, синкретичной с точки зрения гармонии отношения и чувства, основной характеристикой которой является постоянное личное общение. Действительно, «человека,

который живет в другой стране и с которым мы давно не виделись и не разговаривали, я могу назвать своим *другом* (если считаю, что могу на него положиться), но не могу сказать, что мы *дружим*» (Шмелев 2002, с. 185). Обязательная симметричность взаимодействия и взаимной симпатии, предполагающаяся данным глаголом, накладывает некоторые ограничения на развитие отдельных значений, соответствующих субъектным, что объясняет, в частности, отсутствие глагольной пары к «недружеским» употреблением лексемы *друг*. Глагол *дружить* выказывает тенденцию к выражению содержательной стороны дружеских отношений, трактуемой обыденным сознанием как предоставление помощи / поддержки; таким образом, слово *дружить* утрачивает сему «взаимность» и обозначает уже конкретные действия в рамках ситуации дружбы, но с эмоциональным компонентом. Например, в монологе утюга: *Очень люблю я белье, с белой рубашкой дружу, как погляжу на нее – глажу, утюжу, сколжу* (Мандельштам) – слово *дружить* употреблено скорее в значении «обеспечение физического комфорта», однако оно явно эмоционально окрашено (что подчеркивается соседством с лексемой *люблю*) и выражает симпатию и дружеское благорасположение.

Абстрактное имя *дружба*, исторически представлявшее собой собирательное наименование (значение «общество, товарищество»), ориентировано на воплощение идеальной дружбы. Употребление его апеллирует к идеалу групповой дружбы и исключает выражение субъектно-объектных отношений: в обыденном сознании носителя языка слово *дружба* ассоциируется с сообществом людей, с чем-то вроде персонифицированной помощи, поэтому является своеобразным индикатором истинности / ложности отношений и показателем этического характера исследуемого концепта.

Рассмотрение основных синонимов триады *друг – дружить – дружба* (*товарищ, быть в товарищеских отношениях, товарищество, приятель, быть в приятельских отношениях, приятельство*) позволило определить инвариантную семантику концептуальной сферы «дружеские отношения»: это симметричные отношения, основанные на хорошем знакомстве и взаимном расположении двух или более людей, предполагающие: а) стремление к неформальному общению и совместному проведению времени (*Судя по тому, как быстро их беседа стала переходить на продолжение какого-то давнего разговора, они были старыми приятелями*. Пелевин); б) сильную морально-эмоциональную поддержку и содействие в делах (*Борис, напут-*

стимулируемый пожеланиями успеха от своего товарища Берга, уехал в Ольмюц. Л.Толстой).

Лексемы синонимических функционально-семантических триад дружбы, товарищества и приятельства различаются по следующим смысловым признакам (НОСС 2000, с.107; Вежицкая 1999, с. 357-368, уточнения наши – О.А., Р.Г.): 1) степень знания другого человека, максимальная в случае дружбы (*Я бы сам тебе этого не рассказал: есть вещи, о которых не распространяются. Игорь – другое дело, он мой друг.* Из разг. речи); 2) определяющая качественная характеристика отношений: *дружба* предполагает любовь, понимание, доверие и преданность (*Мне хотелось бы поговорить с близким человеком, с другом, который бы понял меня.* Чехов), *товарищество* основано на равенстве (*Все обходились между собою как товарищи и не оказывали никакого особенного предпочтения своему предводителю.* Пушкин), основным признаком *приятельства* – легкость и необязательность отношений (*У приятельницы день рождения, не пойду, наверное, – денег нет.* Из разг. речи); 3) готовность помогать, предполагающаяся дружбой и товариществом, но не приятельством (*подвести, предать* можно *друга / товарища*, но не *приятеля*); 4) время общения и постоянство данных отношений: *дружба* воспринимается рядовым носителем русского языка как наиболее тесные и устойчивые отношения (ср.: нормальное *дружба до гроба* при исключаяющемся **вечное товарищество / *приятельство до гроба*); 5) степень уникальности данных отношений: *товарищество* и *приятельство* не воспринимаются как уникальные, поскольку внутри них существует качественная градация (*товарищ по работе, товарищ по походу, приятель из клуба, приятель из тренажерного зала*).

Семантическая структура концептов ТОВАРИЩЕСТВО и ПРИЯТЕЛЬНОСТЬ в значительной степени совпадает со структурой исследуемого концепта ДРУЖБА, демонстрируя одинаковые схемы развития значений. Так, сфера «другость» характеризует все три концепта – употребление имени участника отношений в функции обращения (*Ты сер, а я, приятель / *товарищ / *друг, сед.* Крылов) и для обозначения ситуативно знакомого человека (*Этот друг / товарищ / приятель к нам надолго?*). То же можно сказать и о сферах «действие, совершаемое в пользу кого-либо» (обозначение неодушевленного объекта: *Мы с ноутбуком давние друзья / товарищи / приятели*) и «дружеские отношения» (употребление имени участника связей по отношению к животному: *Мой грустный товарищ / *друг / *приятель, махая крылом, кровавую пищу клюет за окном.* Пушкин). Однако базовые струк-

туры анализируемых концептов различны, что и позволяет представить их как смежные, но нетождественные ментальные образования. Основной концептуальный признак ТОВАРИЩЕСТВА – общность социального положения, условий жизни и/или профессиональных занятий его субъектов, основанная «не на том, что мы сами выбираем, но на том, что с нами происходит» (Вежицкая 1999, с. 361) (*Он же мой товарищ, мы работали вместе, а потом он кандидатскую защитил и в науку подался*. Из разг. речи). «Приятельство» возникает на базе совпадения вкусов, увлечений, хобби и предполагает получение удовольствия от общения (Шмелев 2002, с. 186) (*Сонечкина приятельница оказалась не самым приятным человеком и в компании нашей не задержалась*. Т.Толстая). *Товарищи* и *приятель* противопоставляются как члены – соответственно – формальных (учебные заведения, профессиональные союзы, общественно-политические движения и т.д.) и неформальных (тусовки, компании, клубы, молодежные группировки) объединений. Дружба – категория, основанная на интересе к личности другого и потребности раскрыть ему свою, не привязана к коллективам людей, поэтому *дружба* и *товарищество*, *дружба* и *приятельство* могут пересекаться, что наглядно демонстрируется в следующих контекстах: *друг/товарищ по институту; Среди тусовщиков у меня есть друзья/приятель*.

Рассмотрение синонимической микросистемы лексем функционально-семантической триады *друг – дружить – дружба* приводит к выводу о символизации дружбы как братских связей (синонимы *побратим, названный брат, побрататься, побратимство, братва, браток, братан* и т.д.), соединяющих равных в экзистенциальном плане людей (развитие исторической синонимии между дружеством и братством прослежено в (Колесов 2000, с. 52-60)). Согласно социопсихологическим исследованиям исторически дружба приравнивалась к родственным узам (ср. мифические персонажи Кастор и Полидевк, Орест и Пилад, Ахилл и Патрокл) (Кон 1989, с. 39). Семантический перенос «братские связи» – «близкие товарищеские, дружеские отношения» представляет собой регулярное ментальное образование, свойственное обыденному сознанию рядового носителя русского языка и в настоящий момент активно эксплуатирующееся в сфере жаргонного словоупотребления (*братва, братки, братан*): *Моя братва времени зря не теряла: видел, чай, вчера возле твоего дома мерс взорвался*. Пелевин). Данные лексемы характеризуются сниженной и выхолощенной семантикой, они не образуют сочетаний с эпитетами, характерными для *друг*: **лучший братан, *преданные братки, *верная братва* невозможны, поскольку

предполагается, что группы людей, обозначаемых данными словами, отличает определенный набор функций-констант, не зависящих от индивидуально-личностных качеств человека, в связи с чем эти отношения не могут оцениваться с точки зрения истинности/ложности.

Наличие синонимической группы *кореш, корешиться, корень* и т.д. (*В трезвяке мы с корешем отдохнули весело, потому что с корешем мы орали песенку* Городск. фольклор) подтверждает выдвинутую нами гипотезу о концептуальной метафоре дерева как праоснове концепта ДРУЖБА. Внутренняя форма анализируемых слов восходит к образу корня (см. сочетание *крепкий корень* – «старый, верный друг» в: СРЖ 2000) и, соответственно, ассоциируется с образом братских отношений. Разница внутренних форм предопределяет семантические различия между этими группами слов: если в структуре лексем с корнем *брат-* акцентируется прежде всего компонент «равенство», то в структуре лексем с *корень-* – компоненты «общность происхождения», «близость».

Исконный этимологический смысл «следующий» реализуется в синонимической триаде *наперсник – наперсничать – наперсничество*, внутренняя форма которой («вскормленный на груди») также позволяет заключить о глубинной связи концептов РОДСТВО и ДРУЖБА. Лексемы указанной триады обозначали близкие, но несимметричные (невозможно **мы наперсники*) отношения между старшим и младшим, основанные на том, что один из них становился кем-то вроде доверенного лица второго. Компоненты «несимметричность связи», «неравенство участников отношений», помешавшие слову *наперсник* получить дальнейшее развитие в качестве синонима лексемы *друг*, не противоречат этимологической истории товарищества и стабильно входят в периферийную зону концепта ДРУЖБА и смежных концептов отношений.

В целом развитие семантики лексем анализируемой триады шло от обозначения отношений, главным компонентом которых являлась формальная, внешняя, материально выраженная связь, к обозначению отношений, основанных на глубокой внутренней привязанности, общности идей, целей, чувств и переживаний, предполагающих помощь и поддержку. Очевиден сдвиг значения из горизонтальной плоскости (отношения широкого охвата, но небольшой глубины) в вертикальную (большая глубина связей, духовное родство и близость их участников). Из этого можно заключить, что дружеские отношения считаются исключительно ценными в России 20-го века и удостоиваются высокой положительной оценки со стороны рядовых носителей языка. Однако в настоящее

время наблюдается некоторая «девальвация» «высокой» семантики лексем анализируемой триады, которая на лингвистическом уровне отражается в актуализации этимологически присущих словам с исследуемым корнем смыслов, напрямую не связанных с семантикой «высокой» дружбы. Мы склонны связывать отмеченное явление с деструкцией этического идеала дружбы, а не с ориентацией русского концепта ДРУЖБА на англосаксонскую культуру и, в частности, на английский недифференцированный концепт FRIEND, поскольку жаргонные употребления производных от *friend* (*френд*= друг, приятель; *фрэндуха*= подруга, *фрэндовый*= 1. имеющий отношение к другу; 2. дружеский, приятельский в: СРЖ 2000) преимущественно используются для обозначения именно дружеских отношений.

Синтагматический аспект слов-репрезентантов концепта ДРУЖБА позволяет представить прототипический образ дружбы в сознании рядового носителя языка, поскольку именно в визуальной сочетаемости воплощается нормативный идеал отношений. В когнитивном пространстве русского народа ДРУЖБА материализуется, воплощаясь в различных гештальтах, которые можно разделить на две группы: вещные и антропоморфные. Дружба образно интерпретируется как хрупкая ценная вещь, ценность которой заключается в ее целостности (*ценить, снискивать, приобретать, сохранять дружбу; дружба расклеилась*), подчиненное существо (*водит дружбу*), вещество (*хлеб дружбы, вино дружбы*), пламенная сфера (*дружба горячая, теплая, светлая; дружба согревает*), веревка/цепь (*узы дружбы; завязывать, разрывать дружбу, короткая дружба*), часть строения (*фундамент дружбы, основываться на дружбе*), крепость (*дружба монолитная, незыблемая; укреплять, разрушать, подрывать дружбу*), упорядоченный строй, армия (*расстроить дружбу*), блюститель порядка (*дружба обязывает, вознаграждает; дружба принципиальная, идейная, неподкупная*), простодушный эмоциональный человек (*дружба простая, нехитрая, живая; угрожать, изменить дружбе*). Образ дружбы в обыденном сознании амбивалентен: приведенные гештальты образуют пары, в которых первый символизируется как форма, второй несет содержание – например вещь и вещество, крепость и армия. Мы считаем, что двоякая интерпретация дружбы эксплицирует глубоко укорененный в структуре концепта дуализм исследуемого феномена: в визуальном образе человеческое подсознание овеществляет различие двух сторон дружбы – отношения и чувства – как форму и содержание.

Анализ узуальной сочетаемости, афористики, паремии, ассоциативных реакций слов-репрезентантов концепта (*друг, дружить, дружба*) позволяет нам сделать вывод о том, что в прототипической зоне исследуемого концепта происходит ассимиляция выделенных нами семантических сфер одной главной – сферой «дружеские отношения», поскольку обыденное сознание отражает стереотипы, установки и этические нормы, обуславливающие невозможность реализации некоторых потенциалов, присущих историческому и современному состоянию концепта (например, развитие значений сферы «другость»). Концептуальное пространство дружбы структурируется значимой для обыденного мышления оппозицией истинная – ложная дружба (*Жить в дружбе можно, когда она не ложна*. Пословица), которая характерна и для общеевропейского концептуального пространства (ср. постулирование в западноевропейской афористике разрыва между идеалом дружбы и реальными дружескими связями: *О, друзья мои! Нет на свете друзей!* Аристотель), но именно в русском языковом сознании обладает широкой лексической разработанностью (*дружба истинная, настоящая, надежная – дружба ложная, фальшивая, ненастоящая, поддельная, ненадежная* и т.д.), формируясь по принципу стабильные/ нестабильные связи (*дружба постоянная, неизменная; Дружба должна быть прочною штукаю, способною пережить все перемены температуры и все толчки той ухабистой дороги, по которой совершают свое жизненное путешествие дельные и порядочные люди*. Писарев).

В когнитивной базе русского народа концепт ДРУЖБА лежит в области идеально-нормативных предписаний, что выражается преимущественно (около 60 % проанализированных сочетаний) в оценочной сочетаемости слов функционально-семантической триады *друг – дружить – дружба*. Истинная дружба представляет собой нормативный идеал отношения, осознающийся рядовым носителем русского языка как безусловная ценность (*Ни музы, ни труды, ни радости досуга, ничто не заменит единственного друга*. Пушкин), а также как источник положительных эмоций (ср.: ассоциации *радость, счастье, мир, хорошее слово, тепло, хорошо*, отраженные в: РАС 1994, кн. 1, 3, 5), что подтверждается психологическими исследованиями. Все вышесказанное обуславливает доминирование в обыденном сознании тезиса о необходимости дружбы (*Человек без друзей – что дерево без корней*. Пословица). Такой взгляд на дружеские связи полностью согласуется с общеевропейской концептуальной картиной мира, в которой согласно афористике *Никто не пожелает себе жизни без друзей, даже если бы он имел все остальные блага* (Аристотель), по-

сколько дружба выполняет важнейшую социальную функцию, обеспечивая индивиду чувство безопасности и комфорта: *Мы не столько нуждаемся в помощи наших друзей, сколько в уверенности, что эту помощь мы от них получим* (Эпикур).

Русское языковое сознание приравнивает истинную дружбу к кровному родству или ставит выше его: *Нет такого дружка, как родная матушка; Хороший друг лучше ста родственников* (Пословицы). Ценность конкретных дружеских отношений в народной пословичной культуре, в отличие от элитарной афористической, ассоциируется с их носителем, которому приписываются положительно окрашенные свойства, выраженные эпитетами *верный, хороший, милый* и т.д. Положительную или отрицательную оценку пословичный образ дружбы получает при функционировании в тексте, соотносимом с конкретной ситуацией: *Дружба дружбе рознь – иную хоть брось; С другом дружись, а как недруга берегись*. Исходя из данного тезиса, мы выдвигаем гипотезу, что концепт ДРУЖБА, изначально не будучи оценочным, в своем развитии «дрейфовал» по направлению к этическому пространству национальной когнитивной базы. Прототипические дружеские связи подчиняются законам правды, а их неотъемлемая характеристика в обыденном сознании – постоянство – обусловлена неизменностью этической позиции его субъектов. Истинная дружба в русском языковом сознании подразумевает искренность (*Где нет полной откровенности, полной доверенности, где скрывается хотя малость какая-нибудь, там нет и не может быть дружбы*. Белинский) в выражении участниками отношений своей этической установки с верифицирующей и прескриптивной целями: установить ее соответствие законам правды; воздействовать на партнера, дабы укрепить его в следовании правде: *Искренность в отношениях, правда в обращении – вот дружба*. Суворов. Прототипическая дружба функциональна: это союз, заключенный для совместных действий по преодолению житейских невзгод: *Двое несчастных, находящихся в дружбе, подобны двум слабым деревьям, которые, одно на другое опершись, легче могут противиться бурям* (Прутков).

Прототипическая зона русского концепта ДРУЖБА несет в себе следующие смыслы – это процесс установления и поддержания отношений очень близких (*дружба тесная; дружба близкая; друзья короткие*) с обязательным личным контактом и вербальным общением (*Я уже не жду от редакторов интимной дружбы, ежедневных встреч, полных задушевных разговоров*. Довлатов), складывающихся либо в детстве (*друг детства, друг школьный*, ассоциации *парта, одноклассник*), либо в любом другом возрасте,

но при условии, что один индивид вместе с другим какой-то период времени находится в ситуации, грозящей ему моральным или физическим вредом (*Не успела княжна взглянуть на лицо Наташи, как она поняла, что это был ее искренний товарищ по горю и потому ее друг.* Л.Толстой). Именно здесь ярко прослеживается расхождение между русской и общеевропейской моделями дружбы. По данным европейской афористики, базой возникновения дружеских отношений являются: а) общие интересы: *Дружба основывается на сходстве характеров и интересов в общем совместном деле* (Гегель); б) сходство убеждений, вкусов, мнений: *Дружба – это едиனுшие относительно прекрасного и справедливого* (Платон), т.е. внутренние особенности индивидов, а не внешние обстоятельства их встречи, хотя согласно психологическим исследованиям реальная дружба основывается на общности внешних факторов: социальной и территориальной близости субъектов, длительности контактов (Обозов 1990, с. 127).

Однажды установившись, дружеские отношения остаются неизменными в течение длительного времени (*дружить всю жизнь; друг вечный; друг до гробовой доски*), несмотря ни на какие повороты индивидуальной судьбы партнеров. В противном случае истинная дружба переходит в разряд ложной, считаясь не выдержавшей ключевого для ее русской модели испытания правдой (*О такой дружбе, которая не выдерживает прикосновения голой правды, не стоит и жалеть.* Писарев), временем (*Не узнавай друга в три дня, узнай в три года.* Пословица), материальным благополучием/неблагополучием (*Нужда сдружила, приволье раздружило; Скатерть со стола – и дружба сплыла.* Пословицы), счастливыми/несчастливыми жизненными обстоятельствами (*На языке легка и ласка и услуга; но в нужде лишь узнать прямого можно друга.* Крылов; *Друга в верности без беды не узнаешь.* Пословица).

Концепт ДРУЖБА в русском языке предполагает активную позицию по отношению к состоянию друга: оказание добровольной нерегламентируемой помощи, когда она необходима для защиты здоровья, жизни, чести, достоинства друга, пусть даже ценой собственной жизни (*Сам погибай, а товарища выручай.* Суворов; *Больше той любви не бывает, как друг за друга умирает.* Пословица), что совершенно не характерно для европейской концептуальной модели дружбы (отсутствие подобных афоризмов). Добровольность демонстрируется в принципиальном размежевании деловых и дружеских отношений, их эквиполентности (*Дружба дружбой, а служба службой; Ближний счет – дальняя дружба.* Пословицы; *Дружба не услуга, за нее не благодарят.* Державин).

Прототипическая дружба получает символическое овеществление: обрастает чувствами, «привязывающими» субъектов дружбы друг к другу (*беспокоиться о друге; скучать по другу; гордиться дружбой; верить в друга*); взаимными одолжениями и помощью, выступающими в той же роли (*обратиться к другу; заступиться за друга; поручиться за друга; сочувствовать другу*), контактами, которые устанавливает уже не один человек, а вновь сложившаяся сущность – дружеская пара (*рассказывать о друге; познакомить кого-либо с другом; познакомить с кем-либо другом*).

Семантика прототипической зоны концепта ДРУЖБА предопределена характеристиками и интенциями носителей отношений, которыми могут выступать любые хорошие люди независимо от возраста, пола, социального положения (*Добрый конь не без седока, а честный человек не без друга*. Пословица), что полностью согласуется с общеевропейской моделью дружбы: *Дружба может соединять лишь достойных людей*. Цицерон). Завязывание отношений между коллективом и человеком маркируется связанной сочетаемостью (*друг семьи*), поскольку данные две категории субъектов дружбы рассматриваются обыденным сознанием как разнопорядковые сущности. Прототипическими субъектами дружбы с точки зрения рядового носителя языка считаются мужчины, приблизительно равные по социальным, интеллектуальным, эмоциональным характеристикам (*Ни раба, ни повелителя дружбе не надо. Дружба любит равенство*. Гончаров), а прототипическая дружба – однополая и парная (*дружба мужская, братская, дружба сверстников*). Ни животные, ни неодушевленные предметы и явления, которые на данном этапе развития концепта ДРУЖБА стабильно выступают в качестве субъектов дружбы, не являются прототипическими для изучаемого концепта, в обыденном сознании носителей русского языка он остается чисто человеческим.

Соглашаясь с доказанной Л.О.Чернейко необходимостью рассматривать абстрактное имя концепта не только в обыденном, но и художественном сознании, поскольку оно «вскрывает либо новые свойства, признаки объекта, проявляющиеся только под пристальным взглядом художника, либо дает новые проекции уже известных» (Чернейко 1997, с. 310), в качестве примера, демонстрирующего нежесткость структуры концептуального пространства, вариации его в зависимости от индивидуального видения мира, мы взяли творчество писателя 19-го века С.Т.Аксакова.

Интерпретация изучаемого концепта индивидуальным художественным сознанием С.Т.Аксакова характеризуется дополнитель-

ной акцентировкой некоторых периферийных слоев концепта. В его индивидуальной концептосфере концепт ДРУЖБА занимает подчиненное положение по отношению к концептам РОДСТВО и ЛЮБОВЬ. В анализируемых произведениях образуется смысловая триада РОДСТВО – ЛЮБОВЬ – ДРУЖБА, вершиной которой является РОДСТВО, которое ассимилирует первые два понятия и прочно с ними соединяется: *Благодарю тебя, Софья Николаевна, за твои родственную любовь и дружбу. Кажется, мы с тобой друг друга не разлюбим* (Аксаков 1966, т. 1, с. 526, далее цитаты по данному изданию). На релевантность концепта ДРУЖБА в сознании С.Т.Аксакова и окказиональность его интерпретации дружбы указывает более высокий ранг анализируемого концепта по сравнению с концептом ПРАВДА»: *Но дружба заставила меня покривить душой, я отдал роль генерала Александру Панаеву* (Т. 2, с. 129). В сознании Аксакова, в отличие от обыденного, полностью отсутствует отрицательная оценка друзей, что доказывается, в частности, несовместимостью понятий «разбойник» и «друг» (*И сих разбойников – о, стыд превыше сил, – во многих я домах друзьями находил* (Т. 4, с. 229)). Также нехарактерны для современного рядового носителя языка наблюдаемые в его произведениях противопоставление дружбы и товарищества: *Более всего приводили меня в отчаяние товарищи: старшие возрастом не обращали на меня внимания, а мальчики одних лет со мною по большей части были нестерпимые шалуны и озорники; с остальными я имел так мало сходного* (Т. 2, с. 22) и отрицание априорного равенства друзей: *Все его встретили как близкого родного, покровителя и друга* (Т. 2, с. 74.).

Проделанный анализ семантического пространства исследуемого концепта позволяет сделать следующие выводы. ДРУЖБА выступает как один из базовых социальных концептов, структурирующих человеческое сообщество по принципу «свои» – «чужие», и входит в ту зону национальной концептосферы, где сконцентрированы этические воззрения русского народа. ДРУЖБА предстает как концепт идеологический, в котором прескриптивная составляющая превалирует над остальными, формируя в обыденном сознании стереотип дружеских отношений как естественных и обязательных для человеческого общества, представляющих собой норму отношений между людьми. Тем самым задается сугубо положительная коннотация фразеологическим единицам, вербализующим данный концепт. Эволюция концепта ДРУЖБА предопределяется его глубинной прасемантикой. Экстралингвистические (социальные, идеологические) факторы, действующие на концепт в процессе развития, актуализируют заложенные в этимологии

слов-репрезентантов концепта потенциальные смыслы, расширяя его границы, углубляя семантику, но принципиально не меняя содержания. Таким образом, концепт ДРУЖБА предстает как синергетическая структура. Его смысловая организация представлена шестью непрерывно, параллельно, но неравномерно развивающимися семантическими сферами: «другость», «родство», «товарищество», «действие на благо кого-чего-либо», «дружеские отношения», «любовные отношения».

В национальной концептосфере концепт ДРУЖБА занимает подчиненное положение по отношению к концепту ПРАВДА, но рассматривается рядовыми носителями языка как превалирующий над формальными, установленными человеком предписаниями. Соответствие / несоответствие «жизни по правде» предопределяет структурирующее концепт противопоставление нормативного идеала дружбы и реальных дружеских связей. Данная оппозиция порождает проблему верификации дружбы, ключевую для русского концепта, которая разрешается через ситуацию испытания дружбы. Взаимодействие концепта ДРУЖБА со смежными – РОДСТВО, ЛЮБОВЬ, ТОВАРИЩЕСТВО, ПРИЯТЕЛЬСТВО – носит динамический характер. Названные концепты представляют собой разные, но генетически родственные образования, что доказывается тождественностью их семантической структуры, которая обусловлена общей концептуальной метафорой дерева, лежащей в их основе. Современный этап функционирования концепта ДРУЖБА характеризуется, с одной стороны, сдвигом его семантики из горизонтальной плоскости (отношения широкого охвата, но небольшой глубины) в вертикальную (большая глубина связей, духовное родство их участников). С другой стороны, наблюдается экспансия концепта (на основе доминирующего компонента «действие во благо») в новые области концептуального пространства: от выражения межличностных отношений к обозначению неличностных отношений, символизируемых как дружеские. Ментальное пространство русского концепта ДРУЖБА структурировано по принципу ядра (в котором находится область, репрезентируемая лексемой *друг*) и периферии. Оно представляет собой содержательное единство, однако интерпретации анализируемого концепта в сознании представителей различных областей русского культурного социума варьируются.

Литература

- Альберони Ф. Дружба и любовь. М., 1987.
Арапова О.А. Концепт дружбы в произведении С.Т.Аксакова «Детские годы Багрова-внука» // Актуальные проблемы современного языкознания. Уфа, 1998.

Арапова О.А. С.Т.Аксаков о дружбе // Исследования по семантике: Межвуз. науч. сб. / Отв. ред. Р.М.Гайсина. Вып. 21. Уфа, 2001.

Арапова О.А. Функционирование слова *друг* в речи рядовых носителей русского языка (на материале пословиц) // Коммуникативно-функциональное описание языка: Сб. науч. ст. Уфа, 2002.

Арапова О.А. Предыстория концепта «дружба» по данным этимологии // Проблемы филологии: Сб. науч. работ аспирантов, соискателей и молодых ученых. Вып. 2. Уфа, 2003.

Арапова О.А. Динамика значений слова *друг* по данным словарей и текстов // Коммуникативно-функциональное описание языка: Сб. науч. ст. Ч. 1. Уфа, 2003.

Арапова О.А. Концепт «дружба»: системный и функционально-когнитивный анализ. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2004.

Арапова О.А. Этическая трактовка дружбы (на материале этической и философской афористики) // Исследования по семантике: Межвуз. науч. сб. / Отв. ред. Р.М.Гайсина. Вып. 22. Уфа, 2004.

Бердяев Н.А. Я и мир объектов // Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М., 1994.

Бодалев А.А. Личность и общение. М., 1983.

Бубер М. Я и Ты // Бубер М. Два образа веры. М., 1995.

Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.

Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М., 2001.

Колесов В.В. Древняя Русь: Наследие в слове. Мир человека. СПб, 2000.

Кон И.С. Дружба. М., 1989.

Лукашкова О.Ю. Концепт «дружба» в русском языке // Культура общения и ее формирование. Воронеж, 2001. Вып. 8.

Макшанова Н., Захаренкова М. Пословицы с концептом «дружба» в русском и немецком языках как отражение народного менталитета // Свое и Чужое в европейской культурной традиции: Литература. Язык. Музыка. Н.Новгород, 2000.

Обозов Н.Н. Психология межличностных отношений. Киев, 1990.

Печенюк А.Н. Концепт «дружба» в поэтическом тексте Б.А.Ахмадулиной // Речь. Речевая деятельность. Текст. Таганрог, 2000.

Садчикова Л.В. Семантическое поле дружбы в лирике А.С.Пушкина на фоне употребительных слов // Речевое мышление и текст. Воронеж, 1993.

Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М., 1997.

Трубачев О.Н. История славянских терминов родства. М., 1959.

Хорошкевич А.Л. «Дружба» и «ссора» в бытовом общении русского и иностранного купечества 16-17 вв. // Россия и мировая цивилизация. К 70-летию чл.-кор. РАН А.Н.Сахарова. М., 2000.

Чернейко Л.О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. М., 1997.

Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира. Материалы к словарю.— М., 2002.

Список источников

- Аксаков С.Т. Собр. соч. в 5-ти тт. М., 1966.
БАС1: Словарь современного русского литературного языка: В 17 тт. М.-Л., 1954. Т.3.
ИЭС: Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2-х тт. М., 1994. Т.1.
НОСС: Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М., 2000. Вып.2.
РАС: Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Р.А. Русский ассоциативный словарь. М., 1994. Кн. 1, 3, 5.
СД: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 тт. М., 1978. Т.1.
СДРЯ: Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. М., 1989. Т.1.
СРЖ: Толковый словарь современного русского жаргона. М., 2000.
СРЯ 18-го в.: Словарь русского языка 18-го в. СПб., 1992. Вып.7.

О.Н. Кондратьева (Кемерово) ДУША, СЕРДЦЕ, УМ

Настоящая работа посвящена изучению фрагментов концептосферы внутреннего мира человека, в частности, ее центральных компонентов – концептов *душа*, *сердце* и *ум* – в национальной картине мира древнерусского периода.

Материалом исследования послужили летописи, являющиеся одним из центральных жанров древнерусской литературы. Русские летописи включают в себя образцы всех жанров древнерусской письменности и частично – жанров фольклора. Соединение разных жанров, широчайший охват событий позволяет назвать летописи своеобразным зеркалом, в котором отражены практически все сферы жизни человека. Для исследования были выбраны наиболее значимые в культурном и языковом отношении летописи, охватывающие период XI-XV вв. – Лаврентьевская (Л.л.), Ипатьевская (И.л.), Новгородская первая (Н.л.), Софийская первая (С.л.) летописи и Московский летописный свод (М.л.с.).

Методом сплошной выборки было выявлено 3028 конструкций с лексемами *душа*, *сердце*, *ум* и их производными.

Была поставлена цель – на основе исследования сочетаемостных свойств лексем, репрезентирующих концепты *душа*, *сердце* и *ум*, выделить признаки, образующие структуры соответствующих концептов.

Методологическая основа исследования сложилась под воздействием работ ведущих зарубежных и отечественных когнитологов и лингвокультурологов – А.Вежбицкой, Дж. Лакоффа и М.

Джонсона, В.В. Воробьева, С.Г. Воркачева, Е.С. Кубряковой, Ю.С. Степанова, И.А. Стернина, В.Н. Телия, А.П. Чудинова, в том числе и занимающихся изучением внутреннего мира человека – Н.Д. Арутюновой, М.К. Голованивской, М.В. Пименовой, Е.В. Урысон, А.Д. Шмелева и др.

Понятие концепт, как и многие сложные научные феномены, не имеет однозначного толкования в науке о языке на современном этапе ее развития. Дискуссионными остаются многие вопросы, связанные с теорией концептов. Предпринятый анализ различных дефиниций и подходов к термину *концепт* в современной научной литературе позволяет сформулировать его следующие признаки: 1) концепт является идеальным объектом; 2) областью локализации концепта является сознание человека; 3) концепт не существует изолированно, он находится в тесной взаимосвязи с другими концептами; 4) концепт обладает национально-культурной спецификой; 5) концепт объективируется языковыми средствами; 6) концепт обладает достаточно сложной структурой; 7) тип концепта и методика его описания во многом зависят от явления, соположенного ему в мире.

В соответствии со сказанным, наиболее удачным представляется определение С.Г. Воркачева, которое и будет использоваться в работе в качестве рабочего: концепт – это «единица коллективного знания/сознания (отправляющая к высшим духовным ценностям), имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой» (Воркачев 2001: 70).

Анализ концептов внутреннего мира человека проводился в два этапа – предварительный и собственно исследовательский. Предварительный этап включает в себя: 1) выявление языковых репрезентантов исследуемых концептов. В частности, это лексемы *душа*, *сердце*, *ум* и их производные (например, для концепта *сердце* – тяжкосердие, легкосердие, каменосердие и др.); 2) рассмотрение этимологии ключевого слова; 3) анализ лексического значения соответствующих лексем в словарях древнерусского языка.

Собственно исследовательский этап, отраженный в диссертации, представляет собой: 1) анализ сочетаемости, базовый для проводимого исследования; 2) выявление концептуальных метафор (способов метафорической концептуализации) изучаемых объектов. Выявленные концептуальные метафоры отождествляются с признаками концепта, формирующими его структуру (Стернин 2001: 62–63); 3) количественный подсчет для выявления основных и факультативных концептуальных признаков, а

также для сопоставления особенностей изучаемых концептов; 4) фиксация в таблицах признаков, свойственных концептам внутреннего мира. При этом указывается процентное отношение соответствующих признаков от общего количества языкового материала; 5) установление признаковой структуры изучаемых концептов; 6) поэтапное сопоставление признаков трех изучаемых концептов, на основе которого делается вывод о специфике их концептуальной структуры и сравнительной значимости концептов.

Использование указанных приемов дает возможность максимально полно эксплицировать признаковую структуру изучаемых концептов, установить их роль в жизни человека Древней Руси.

Процесс концептуализации внутреннего мира происходит на базе знаний и представлений о человеке как живом существе. Ипостаси «внутреннего человека» (душа, сердце и ум) концептуализируются при помощи витальных и физиологических характеристик, признаков внешности и характера, а также ментальных, эмоциональных и социальных признаков.

К витальным признакам относятся 'жизнь': моужьство и оум в немъ жив#ше (Л.л.), 'смерть': не каючимс# погубит дшю свою и с тхломъ (И.л.), 'здоровье': здравымъ ходаше и цхлымъ умомъ (Н.л.), 'болезнь': вижь скорбь сердца моего и язву душа моя (С.л.), 'возраст': а оумъ молодъ не дошелъ (Л.л.).

В структуру исследуемых концептов включаются физиологические признаки, центральными из которых являются 'голос': и стонуше сердца ихъ и смхжающи очи свои (М.л.с.), 'движение' и 'покой': покои богъ душу его въ царьствии небеснхмъ (Н.л.).

Одну из наиболее структурированных групп образуют эмоциональные признаки внутреннего человека, включающие в свой состав 'веселье': и весел# с# сердце мое. и въвеселис# оумъ мой (И.л.), 'печаль': вскую печална еси душе моя (Л.л.), 'горесть': от горести д(у)ша языкъ связаетса (С.л.), 'скорбь': вельми бо прискорбна ест душа моя (М.л.с.), 'боязнь': не ибоитсь сердце мое. аще встанеть на м#% брань (Л.л.). Разнообразие эмоциональных признаков внутреннего человека находится в непосредственной взаимосвязи со степенью эмоциональности носителей языка.

Ментальные признаки «внутреннего человека» представлены 'мышлением': мысли срдца моего таино въздыхаше (Л.л.), 'мудростью': оума мудростью ход#ща по заповхдемъ Бжимъ (И.л.), 'просвещением': дша просвхщающа вхрным людемъ (И.л.).

Среди всех признаков, входящих в структуру концептов внутреннего мира, наиболее показательными являются социальные признаки, включающие 'власть': ...умъ владетель чювьствиемъ

ч(е)л(о)в(е)ческим (С.л.), 'подчинение': вс#ка дша властемь повину-
етьс# (Л.л.), 'богатство/ бедность': и то же ^& скоудости нашего ни-
щетооумья (И.л.). Особую группу среди социальных признаков об-
разуют признаки интерперсональные, характери-зующие межлич-
ностные отношения «внутреннего человека» с другими «внутрен-
ними людьми»: много борещис# срдцмь и одолхвши дше срдцю мое-
му (Л.л.), с самим человеком: вскую печалуеши душе вскую смуща-
еши м# (Л.л.) и Богом как вершиной иерархии, который судит
«внутреннего человека»: и виждь, г(о)с(под)и, и суди: се готова
д(у)ше моя предь тобою, г(о)с(под)и! (С.л.).

С рассмотренным выше типом интерперсональных признаков
(в частности, отношениями «внутренний человек» – Бог) связана
парадигма религиозных признаков. Существование социума в
средневековый период во многом определялось христианской
идеологией, существующие в сознании понятия преломлялись
через христианские догмы и при этом непременно приобретали
оценочные характеристики.

Существование «внутреннего человека» также определялось
основными христианскими постулатами. «Внутренний человек»
греховен, он живет с осознанием своей несовершенной природы:
дши своей вставление грххов прос# (И.л.). «Внутренний человек»,
согласно православной этике, должен обладать целым комплек-
сом характеристик, в частности, целомудрием: цѣломудрии умь
дръжаше (С.л.), непорочностью: но ты самъ д(у)шю непорочну
б(о)г(о)ве принесе (С.л.), «нескверностью»: иноша дша чсты не-
скверьни (Л.л.), святостью: святая душа его возиде на небеса (Н.л.).
Широкая представленность социальных признаков отражает
национальные особенности менталитета носителей языка. Для
русской культуры во все времена была характерна соборность и
ориентация на социум.

Каждый из компонентов внутреннего мира человека концепту-
ализируется как неподконтрольное телу существо, живущее сво-
ей собственной жизнью, воздействующее на других внутренних
существ и даже на самого человека. Проведенный анализ пока-
зал, в наибольшей степени признаками «внутреннего человека»
обладает душа.

Выделяются также растительные признаки концептов внут-
реннего мира человека. Названные признаки могут быть пред-
ставлены посредством морфологических характеристик растения,
таких, например, как 'корни' и 'плоды': како ти не оурвалося сердце
от корени (С.л.); сердце миру умный плодь подаваеть (С.л.), а также
признаками 'места произрастания растений', такими, в частности,
как 'сад' и 'нива': говоръ водѣ вѣтромъ бываеть, ...умъ въ с(е)рдцѣ садъ

вкореняеть (С.л.); да умягчить господь нивы душевныя сердцеъ ваших (М.л.с.).

В древнерусских текстах 'нива' души и сердца подвергается действиям, которые характерны для обычного поля. В описании процесса приобщения человека к истинному вероучению, в познании книжности, присутствуют все этапы земледельческих работ: пахота, удобрение, посев, жатва: штець бо сего Володимеръ (землю) взора и оум#чи рекше крещеньемъ просвѣтивъ. съ же нашя книжными словесы сердца вѣрных людий. а мы пожинаемъ оученье приимлюще книжное (Л.л.). Хорошо знакомый человеку процесс земледелия, особое отношение к земле как главной ценности, от которой во многом зависит существование человека, обусловило перенос данных характеристик на компоненты внутреннего мира.

При концептуализации внутреннего мира человека в рамках биоморфной системы используются концептуальные метафоры, основанные на когнитивных моделях «человек – внутренний человек» и «растение – внутренний человек». Когнитивная модель «животное – внутренний человек» в летописном материале не представлена, антропоморфные и растительные признаки формируют структуру всех концептов. Преобладание антропоморфных признаков у концептов внутреннего мира человека над растительными, их детальная структурированность объясняется общей антропоцентрической направленностью процесса познания.

Язык также отражает существовавшие некогда среди носителей языка представления об анатомическом строении человека. Душа, сердце и ум описываются как локализованные в реально существующих пространствах внутри тела.

Душа мыслится как локализованная в теле человека: не могу ся лишити брата своего, донеле же ми и душа в тѣлѣ» (М.л.с.), в крови: изиде душа его со кровью во адъ (И.л.). Уже в древности было замечено, что обильное кровотечение приводит к смерти, кровь воспринималась как quinta essentia жизненной силы человека, именно этим обусловлены представления о нахождении души в крови. Другим местом обитания души является грудная клетка: там, где сосредоточен воздух, находится и душа. Об этом свидетельствует и обозначение легких в древнерусском языке, которые именовались душъникъ (от дышать, душа).

Косвенным свидетельством нахождения души в сердце является этимология данной лексемы – «то, что внутри» > «вместилище души» (Черных II: 156). Это предположение подтверждает и то обстоятельство, что достаточно часто в летописях сердце связывается с дыханием, а дыхание и душа, как уже было отмечено, взаимосвязаны: въздыхающе из глубины сердца (М.л.с.). Можно

предположить, что душа скрыта в самой глубине сердца и при волнении обнаруживает свое присутствие в прорывающихся наружу вдохах.

Сердце может мыслиться как находящееся не в левой стороне груди, а в середине человеческого тела, что явствует и из этимологии данной лексемы: сѣрдь, середина (*serd), сердце «получило имя по своему местоположению в теле» (Шанский 1997: 286) и из летописных контекстов:рогатиною ударить за лопатку или противу сердца по груди и промежи крыль, и разболхвся... (М.л.с.).

Ум в летописях предстает как помещенный внутри человека без указания на конкретную область локализации: мужьство и оумъ в нем жив#%ше (И.л.), возникает концептуальная метафора: 'человек – дом', 'ум – жилец', обитающий в этом 'доме'.

Душа, сердце и ум занимают свое определенное место во внутреннем мире, и эта позиция воспринимается как норма, от которой в отдельных случаях возможны некоторые отклонения. В летописях отражено несколько направлений, по которым осуществляться движение компонентов внутреннего мира человека – это движение по вертикальной оси, по горизонтали и по кругу.

Движение по вертикали, вверх, оценивается преимущественно отрицательно, как проявление гордыни и высокомерия (для концептов *сердце* и *ум*): писание глаголетъ весь оузносся сердцем нечистъ предъ Богомъ (И.л.), движение по горизонтали – нейтрально, хотя в некоторых случаях может быть проявлением человеческой неискренности: тѣм же усты чтуть м#. а сердце ваше далече отстоить от мене (Н.л.), а круговое движение в большинстве случаев – положительно, так как связано обращением человека к Богу, к истинным ценностям: глаголетъ бо к намъ пророкомъ: обратитесь ко мне всѣмъ сердцемъ вашимъ (Н.л.). Таким образом, всякое перемещение в пространстве является отмеченным в религиозно-нравственном отношении, «понятия нравственной ценности и локального расположения выступают слитно: нравственным понятиям присущ локальный признак, пространственным – нравственный» (Лотман 2000: 298).

«Поверхность» также выступает как признак концептов внутреннего мира человека». В грамматическом отношении признак поверхности представлен сочетанием имени концепта с предлогами на и съ. Названный признак свойственен всем трем рассматриваемым концептам, специфика обнаруживается лишь в объектах, локализованных на 'поверхности'. Для ума его внешняя 'поверхность' связана либо непосредственно с процессом мышления: Володимер же положи на срдци своемъ. рекъ пожду и еще мало (Л.л), либо с нахождением на ней мыслей, что обусловлено ос-

новой функцией ума – участием в интеллектуальной деятельности человека. На душе локализованы человеческие грехи: и душу покрыеть множество грѣховъ (И.л.). На ‘поверхности’ сердца происходит мыслительная деятельность человека, пишутся законы нравственной жизни, а также может располагаться бремя «нелюбья»: смиловался и нелюбье съ сердца сложилъ (М.л.с.).

В отличие от русского языка, где появление содержимого на ‘поверхности’ души, сердца или ума объясняется его подъемом из глубины на поверхность (М. Михеев, А.Д. Шмелев), в древнерусский период идеальные объекты на ‘поверхность’ возлагает Бог (мысли), другие человек добровольно принимает на свою душу (клятва), либо его поведение определяет их появление (неправедное поведение отягощает душу человека грехами). Человек может освободить ‘поверхность’ души и сердца (снять с души обязательства или сложить «нелюбье» с сердца).

Как признак концептов внутреннего мира человека выступает также «Вместимость». В грамматическом отношении концепт вместилища представлен предлогами въ и изъ. Имена концептов внутреннего мира человека сочетаются с названными предлогами и, соответственно, предстают как вместилища.

К динамическим ситуациям, связанным с пересечением границы внутреннего пространства души, сердца и ума относятся ‘каузация нахождения во внутреннем пространстве’ (каузатором является Бог, ангел, Дьявол и, крайне редко, человек): уже ти Бъ вложилъ такую мысль въ сердце (И.л.); ‘самостоятельное проникновение во внутреннее пространство’ (субъекты – эмоции, Дьявол, человек): посемже вниде страхъ божии во сердце его (И.л.), ‘вобрание во внутреннее пространство’: князь же Игорь приемъ во сердце съвѣтъ их (И.л.); ‘удаление из глубины внутреннего пространства’.

К статическим ситуациям относятся: ‘отсутствие некоторого компонента во внутреннем пространстве’: и бѣшетс# единѣмъ топоромъ не имѣя страха в души своєї (Л.л.); ‘хранение в пространстве’ (объекты – эмоции, мысли, правда / неправда): бѣ бо имѣ до него любовь велику. во сердце своємъ (И.л.); ‘действие во внутреннем пространстве’ (речь, мышление и др.): глаголаше бо въ души своєї окаяныи: «Что створю?» (С.л.).

Рассмотренный материал позволяет говорить о том, что для сознания средневекового человека, было важно, каким именно образом происходило ‘заполнение’ и ‘опустошение’ идеальных пространств внутреннего мира. При этом сам человек был достаточно пассивен в процессе формирования содержимого сердца, души и ума. В большинстве случаев наполнение идеальных пространств вообще не зависит от самого человека. Вероятно, это

связано с русской пассивностью, покорностью, о которых с давних пор говорят русские и западные мыслители, а с относительно недавних пор – и лингвисты.

В целом же пространственные отношения активно используются для моделирования внутреннего мира человека. Пространственные метафоры отличаются четкой организованностью, они существуют в виде оппозиций, основными из которых являются 'внешнее–внутреннее' и 'верх–низ'. Пространственная характеристика фрагментов внутреннего мира зачастую связана с религиозно-нравственными понятиями и имеет ярко выраженный оценочный характер. Главенствующей является когнитивная модель вместилища, имеющая практически универсальный характер – тело человека – вместилище души, сердца и ума, которые, в свою очередь, предстают как вместилища мыслей, эмоций, чувств.

Исследование летописного материала показало, что душа, сердце и ум обладают практически всем набором признаков, позволяющих определить их как особые идеальные 'органы' «наивной анатомии»; они мыслятся как вместилища, имеют достаточно четкую локализацию в теле человека, выполняют определенные функции в жизнедеятельности человека. Все сказанное позволяет утверждать, что душе, сердце и уму может быть сопоставлен «метафорический концепт ОРГАН, в своем исходном конкретном значении – обособленная часть тела человека (а также, возможно, и других живых существ), предназначенная для выполнения определенных функций, т.е. способная производить определенные действия, выдавать адекватные реакции...» (Падучева 2000: 244–245).

Физические признаки концептов *душа*, *ум* и *сердце*. Внутренний мир человека «моделируется по образцу внешнего, материального мира, основным источником психологической лексики является лексика «физическая», используемая во вторичных, метафорических смыслах (Арутюнова 1999: 387). 'Органы' «наивной анатомии», несмотря на свою идеальную природу, обладают рядом признаков, характеризующих их как вполне материальные объекты физического мира, им присущи такие признаки, как твердость / мягкость: аще вы Бъ оум#кчить сердце. и слезы своя испустите \$% w грhсhх своихъ (Л.л.), легкость / тяжесть: и& бы братьи его т#\$%жько сердце. Игореву и Стославоу волости бо дасть снви а братьи не надһли ничимъ же (И.л.); чистота / загрязненность: и по семь нача каятися ко отцемъ своимъ духовнымъ со многымъ смирениемъ, очищая душу свою (М.л.с.), они могут сохранять целостность и распадаться на части: како ли не разсдһся сердце отъ многия туги (Н.л.).

Функции души, сердца и ума. Идея важности функционального аспекта в характеристике объектов внутреннего мира человека высказывалась в лингвистической литературе неоднократно (Г.Н. Берестнев, Е.С. Кубрякова, М.В. Пименова, Е.В.Урысон, А.Д. Шмелев). Как отмечает Н.Д. Арутюнова, «лишь очень постепенно компоненты психики получили самостоятельное, отдельное от физических органов существование» (Арутюнова 1999: 9). Применительно к древнерусскому периоду как раз можно говорить о тесной связи большинства психических функций с определенными органами.

Душа являлась органом жизни человека, участвовала в его эмоциональной, ментальной и речевой деятельности, с ее помощью строились отношения между человеком и другими людьми, а также между человеком и Богом, поскольку душа (наряду с сердцем) выступает в качестве органа, регулирующего нравственно-религиозную жизнь личности.

Сердце также выполняло достаточно широкий круг функций, связанных со всеми областями существования человека: мышление, память, интуиция, внутренняя речь, переживание эмоций, желания, нравственный контролер, индикатор истинности, общение с Богом и единение с другими людьми, а также являлось залогом физического существования человека.

Ум был связан не только с ментальной сферой, но и отвечал за внутреннюю речь, участвовал в эмоциональных реакциях, способствовал объединению индивидов, контролировал деятельность других органов, в частности сердца.

Для древнерусского периода характерна полифункциональность основных органов внутреннего мира. Большинство процессов – мышление, переживание эмоций, речь, сохранение информации – происходит во внутреннем пространстве, что еще более сближает данные концепты именно с органами. Как в реальных анатомических органах локализованы жизненно важные процессы – в сердце происходит процесс кровообращения, в печени вырабатывается желчь, в желудке происходит пищеварение и т.д., – так и в идеальных органах локализованы процессы, необходимые для полноценной духовной жизни – зарождаются эмоции, обдумываются события, произносятся внутренние монологи.

Главное отличие фрагментов внутреннего мира в древнерусском и современном русском языках состоит в способе его организации. Современная «... русская языковая модель человека определяется **противопоставлением** идеального и материального, а также **интеллектуального и эмоционального**. Первое противопоставление отражается в языке как противопоставление

духа и плоти, второе – как противопоставление **сердца (груди) и крови, с одной стороны, и головы и мозга (мозгов)** с другой» (Шмелев 1997: 537). В древнерусской же модели человека отсутствует столь четкое противопоставление органов интеллектуальной и эмоциональной сфер. Каждый из идеальных 'органов' принимает участие и в интеллектуальной, и в эмоциональной деятельности человека.

Таким образом, все три изучаемых концепта обладают сложной концептуальной структурой. Структуру концепта *душа* образует 57 признаков, концепта *сердце* – 51, *ума* – 32. Очевидно, что сложность, расчлененность структуры соответствующего концепта является показателем большей его значимости в сознании носителей языка в конкретный исторический период, на определенном этапе развития общества и мышления. Таким образом, можно утверждать, что концепты внутреннего мира человека – *душа, сердце и ум* – представляют особую значимость для древнерусской культуры, обладают своей особой спецификой.

Концептуальная структура *души, сердца и ума* организована сегментным образом; она включает три сегмента, равнозначных по степени абстракции, каждый из которых образуется иерархически организованными признаками. В сегментной структуре концептов внутреннего мира человека распределение признаков происходит крайне неравномерно, для каждого концепта характерно преобладание определенного сегмента. У концепта *душа* основным является сегмент биоморфных признаков (54,91%), сегмент наивно-анатомический составляет 27,46%, и пространственный сегмент – только 17,63%. У концепта *сердце* наибольшим является наивно-анатомический сегмент (44,33%), пространственный составляет 36,92%, и биоморфный – 18,75%. У концепта *ум* три сегмента являются практически равновеликими, с незначительным преимуществом наивно-анатомического сегмента (34,27%) над биоморфным (32,93%) и пространственным (32,8%).

Концепт *душа* представлен в сознании человека русского средневековья в первую очередь как «внутренний человек», а концепты *сердце* и *ум* – как особые идеальные 'органы', отвечающие за духовную жизнь человека. Прототипическое значение «внутренний человек» реализуется через витальные, физиологические, метальные, эмоциональные, социальные, признаки, а также признаки внешности и характера, имеющие свои конкретные разновидности. Прототипическое значение «органа наивной анатомии» реализуется в признаках параметрических, физических, а также в признаках локализации и вместимости и соответствующих функциях.

При концептуализации внутреннего мира человека Древней Руси действовал принцип аналогии. Душа, сердце и ум, представляют собой объекты «невидимого мира», и потому отображение их свойств возможно лишь путем выявления сходства по ряду параметров с некоторыми вполне материальными объектами. Все объекты, с которыми сопоставляются при концептуализации душа, ум и сердце человека, являются базой для их познания, для выявления наиболее значимых свойств этих недоступных для непосредственного восприятия констант внутреннего мира человека. За счет этого происходит объективация в языке концептов, которые иным способом не могут быть выражены. Результатом данного процесса является, таким образом, расширение смыслового аппарата древнерусского языка.

Известно, что источником концептуализации являются области, актуальные для общества определенного времени. Для средневекового периода в качестве таковых выступает человек, его материальные органы, природный мир (растения), пространство, окружающее человека, базовые виды деятельности (земледелие).

В отличие от современного русского языка, где центральную роль в системе внутреннего мира человека играет душа, для древнерусской культуры подобную функцию выполняло сердце, что определяется, во-первых, наибольшей частотностью употребления имени данного концепта по сравнению с остальными, многообразием языковых воплощений, а также наиболее широким спектром функций, которые оно, в представлении средневекового человека, выполняло в его жизни.

Литература

Кондратьева О.Н. Внутреннее пространство как признак идеальных концептов (по данным русских летописей) // Социокультурная герменевтика: проблемы и перспективы: Сб науч. ст. междунар. конф. Кемерово: Графика, 2002. С. 137–138.

Кондратьева О.Н. Основные направления в области концептуальных исследований // Филологический сборник. Кемерово: Графика, 2002. Вып. 2. С. 83–88.

Кондратьева О.Н. Вертикальная ось 'верх-низ' в характеристике концептов внутреннего мира человека (на материале русских летописей) // Sprache. Kultur. Mensch. Ethnie. Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2002. S. 90–96.

Кондратьева О.Н. Некоторые особенности концептуализации эмоциональной системы человека Древней Руси (сквозь призму концепта *душа*) // Вестник Кемер. гос. ун-та (Филология). 2002. Вып. 4(12). С. 84–89.

Кондратьева О.Н. Движение по вертикали, горизонтали и по кругу в характеристике концепта *сердце* // Сборник трудов молодых ученых,

посв. 60-летию Кемеровской области. Кемерово: Полиграф, 2002. Т.1. С. 221–224.

Кондратьева О.Н. 'Перемещение в пространстве' как признак концепта *душа* // Язык – миф – этнокультура. – Кемерово: Графика, 2003. С. 152–156.

Кондратьева О.Н. Душа, ум и сердце человека Древней Руси в свете «наивной анатомии» (материалы к спецкурсу) // Проблемы лингвистического образования. Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2003. Ч. I. С. 158–167.

Кондратьева О.Н. Признаки локализации концепта *ум* в литературе Древней Руси // Молодые ученые – Кузбассу. Кемерово: Полиграф, 2003. С. 51–53.

Кондратьева О.Н. Концептуальная метафора 'душа-дом' и способы ее реализации древнерусских текстах // Материалы междунар. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Москва: Студенческий союз МГУ, 2003. Вып. 10. Ч. II. С. 240–241.

Кондратьева О.Н. Душа в системе внутреннего мира человека Древней Руси // Образ человека в картине мира. Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 2003. С. 230–235.

Кондратьева О.Н. 'Вместимость' как признак концепта «сердце» // Словарь, грамматика, текст в свете антропоцентрической лингвистики. Иркутск: ИГУ, 2003. Вып. 2. С. 51–57.

Кондратьева О.Н. Типовые ситуации со значением совместности в древнерусском языке (на материале конструкций, описывающих внутренний мир человека) // Человек и его язык (К 75-летию проф. В.П. Неद्याлкова). Кемерово: Графика, 2003. С. 72–77.

Кондратьева О.Н. Роль конфессионально-религиозных факторов в концептуализации внутреннего мира человека // Региональная политика: исторический опыт и критерии оценки эффективности: Материалы междунар. конф. Кемерово: Кузбасс, 2003. Вып. 2. С. 249–253.

Кондратьева О.Н. Вегетативные метафоры в характеристике внутреннего мира человека (древнерусский период) // Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект: Материалы междунар. конф. Владимир: ВГПУ, 2003. С. 103–105.

Кондратьева О.Н. Земледельческая метафора в концептуализации внутреннего мира человека Древней Руси // *Mentalität und Mentales*. Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2003. S. 118–122.

Кондратьева О.Н. Некоторые особенности концептуализации перцептивной системы человека Древней Руси (сквозь призму концептов внутреннего мира человека) // Язык. История. Культура: Сб. науч. тр. Кемерово: Графика. 2003. С. 123–129.

Кондратьева О.Н. Динамический аспект в характеристике концепта «сердце» // *Linguistica juvenis*: Сб. науч. тр. молодых ученых. Екатеринбург: УрГПУ, 2003. С. 88–96.

Кондратьева О.Н. Восприятие и описание мира в категориях пространства // Пространство и время в восприятии человека: историко-психологический аспект: Материалы междунар. науч. конф. СПб.: Нестор, 2003. С. 299–304.

Кондратьева О.Н. Концепты внутреннего мира человека в русских летописях (на примере концептов *душа, сердце, ум*). Автореф. дис. ... канд филол. наук. Екатеринбург, 2004. 24 с.

Пименова М.В., Кондратьева О.Н. Странствия русской души // Культурное пространство путешествий: Материалы науч. форума. СПб.: Центр изучения культуры, 2003. – С. 179–181.

Пименова М.В., Кондратьева О.Н. Концептуальная метафора «душа-странница» в диахроническом аспекте // Язык. Этнос. Картина мира: Сб. науч. тр. Кемерово: Графика. 2003. С. 73–77.

И.В. Палашевская (Волгоград) ЗАКОН

Цель данной работы заключается в сопоставительном межъязыковом моделировании культурного концепта "закон" в обыденном и правовом сознании на материале английского и русского языков.

Совокупность концептов культуры реализует концептуальную картину мира, которая представляет собой глобальный инвариантный образ мира, лежащий в основе мировидения носителей той или иной культуры. В зависимости от сложности социокультурной стратификации общества таких инвариантных образов мира может быть сколько угодно, но при всем их разнообразии в пределах одной культуры, всегда существует единый инвариант. Правовая картина мира является одним из профессиональных образов мира. Формирование правовой картины мира, социально и когнитивно адекватной его реальностям, способно служить ориентировочной основой для эффективной деятельности человека в этом мире.

Характерной чертой правовой картины является ее многоуровневая, иерархическая структура, элементарной составляющей которой является единичное нормативное положение, т.е. норма, предписание. Совокупности нормативных положений в их целостности и системности образуют объективное право того или иного государства.

Системность выражается в нормативных обобщениях по-разному. Особенностью правовой системы Англии является открытость методов решения юридически значимых проблем. В соответствии с этим правовая система этой страны является нормативно-судебной, где на первое место выступает субъективное право, защищаемое судом. Правовая система России выражена в абстрактно формулируемых нормах – обобщениях высокого уровня, которые представляют собой структурно-сложное, логи-

чески замкнутое построение и систематизируются в правовых кодексах. В силу этого наиболее существенные отличия правового представления концепта "закон" в английской и русской лингвокультурах состоят в характере аргументации: в английском юридическом дискурсе ведутся ссылки на конкретные судебные прецеденты, в русском – на кодифицированные нормы.

Концепт "закон" является ключевым концептом правовой картины мира. Особенности смыслового содержания этого концепта в английской или русской культурах отражают специфику действующих в них правовых систем. Лингвистически это выражается в безэквивалентной лексике, лакунах, смысловых различиях слов, воспринимаемых как эквивалентные в разных языках, национально-культурных особенностях внутренней формы слов, своеобразных коннотациях и т.п. Например, безэквивалентными лексемами в английском правовом словаре по сравнению с русским являются "*ratio desidendi*", "*obiter dictum*", выражающие концепцию судебного прецедента, до недавнего времени неизвестные романо-германским правовым системам понятия trust (траст), tenure (вид реального права, имеющего своим объектом недвижимость), joint tenancy (совместная собственность – понятие, не имеющее ничего общего с параллельным явлением в континентальных правовых системах). В советском праве таковыми являются *принцип социалистической законности*, *принцип революционной целесообразности*, *комитет народного контроля*, *товарищеский суд* и т.п. Примером "белых пятен на семантической карте языка" или лакун может служить тот факт, что в английском языке, например, кроме слова lawyer (юрист, адвокат), есть еще несколько обозначений разновидностей адвокатской профессии: attorney (уполномоченный, поверенный), barrister (адвокат, имеющий право выступать в высших судах), solicitor (стряпчий, который имеет право выступать в низших судах), counsellor (советник), advocate (адвокат высшего ранга).

Концепт "закон" является культурной константой (Ю.С.Степанов), постоянно присутствующим, относительно устойчивым ментальным образованием. Идеальные смыслы концепта "закон" опредмечиваются словом "закон", декодируются в его определениях, представленных в выведенных (на основе словарных дефиниций и данных антропологии и этнографии) формулах лингвокультурной информации, согласно которым релевантными признаками концепта "закон" в русской и английской лингвокультурах выступают: 1) согласие, 2) писаная норма поведения, санкционированная государственной властью, 3) неписаная, но строго соблюдаемая норма поведения, продол-

жающая вековые традиции, 4) запрет, 5) обязывание (вменение в обязанность), 6) дозволение, 7) источник права. Отличия наивно-языкового представления концепта "закон" в английском языковом сознании заключаются в понимании закона как гаранта свободы, в русском языковом сознании – как предела, ограничителя свободы.

Наличие в смысловом потенциале концепта "закон" таких признаков, как запрет, право и обязывание, позволяет говорить о понимании закона как руководящего начала, нормы поведения и принадлежности данному концепту как к правовому, так и к наивно-языковому сознанию представителей русской и английской культур. В праве данные признаки конкретизируются деонтическими операторами в диспозиции норм, содержащихся в правовых документах; в наивно-языковом сознании они выражаются в абстрактных морально-утилитарных нормах, отраженных в паремнологических единицах, значениях слов, юмористических текстах, выражающих социально-типичные позиции и оценки, свойственные деонтическому кодексу рассматриваемых культур.

Таким образом, наиболее распространенным конвенциональным значением рассматриваемого концепта в современном английском и русском языке является представление о законе как обязательном для всех правиле, поддерживаемом авторитетом государства либо обычаями и традициями. Выделенное значение и составляет понятийную сторону рассматриваемого концепта. Представление о законе как норме поведения позволяет провести параллель с иными формами социокультурного регулирования (табу – ритуал – миф – обычай – религиозные нормы – этические и утилитарные нормы) с различным уровнем жесткости императивных и запретительных установок, а также свободных пространств социальной жизни, где человеку предоставляется право совершать действия и выражать суждения по собственному усмотрению.

В языке генетическая связь закона с различными формами социокультурного регулирования доказывается на основе компонентного анализа лексем, в своих значениях сохранивших компоненты, отсылающие к кодифицированным обычаям, обрядово-ритуальным формам культуры (например, *custom, duty, court* – в английском языке; суд, судьба – в русском). В таких лексемах прослеживаются общие признаки правового и наивно-языкового понимания концепта "закон" представителями рассматриваемых культур.

Концепт "закон" включает многочисленные оценки, составляющие моральные и утилитарные нормы, что позволяет говорить о

взаимосвязи правового и деонтического кодексов рассматриваемых культур. Деонтический и правовой кодексы ориентируются на ценностно-консолидирующее пространство рассматриваемых культур, в котором выделяются две части – общечеловеческая и национально-специфическая, последняя реализует социально-типичные позиции и оценки, свойственные данной культуре. Общечеловеческая часть ценностной картины мира занимает гораздо менее объемна. Поскольку стандарты и ценности имеют особый характер в разных культурах, то невозможно сформулировать универсальный кодекс для человечества в целом. Возможно лишь говорить о таксономии культурных ценностей, о функциональных взаимосвязях и параллелях характерных культурных черт и процессов, что ведет к созданию определенных культурных типов или ареалов.

Паремии в силу своей композиционной структуры и стилистического оформления являются символическими единствами языковой формы и выражаемого в ней морально-утилитарного содержания. Моральные и утилитарные нормы, выраженные в паремиологических единицах, внутри одной и той же культуры, как и в разных культурах, могут совпадать и диаметрально различаться по своим оценкам того или иного поведения. Культурные доминанты языка носят относительный характер и устанавливаются при сравнении культур по признаку количества ценностно-маркированных суждений. Отсутствие или незначительное число паремий на определенную тему свидетельствует о неактуальности этой темы для ценностной картины мира данного народа.

В результате семантических трансформаций конкретных норм поведения, содержащихся в универсальных высказываниях, возможно выделение следующих нормативных комплексов или аксиом поведения, предложенных В.И. Карасиком (2002), с изменениями, продиктованными материалом исследования:

1) аксиомы взаимодействия: нельзя причинять зла, следует творить добро (*Злой с лукавым водились и оба в яму провалились; They that sow the wind shall reap the whirlwind*); нельзя быть неблагодарным (*When you drink from the steam, remember the spring; Дареному коню в зубы не смотрят*); следует помогать друг другу (*Two heads are better than one; Одна голова хорошо, а две – лучше*); следует быть смелым, идти на определенный риск (*A bold heart is half the battle; Отвага мед пьет и кандалы трет*);

2) аксиомы жизнеобеспечения: следует трудиться (*No song, no supper; Под лежачий камень вода не течет*); следует быть терпеливым (*Patient men win the day; Терпение и труд все перетрут*); нельзя терять время (*A stitch in time saves nine*); следует

надеяться на лучшее, быть оптимистом (*Cloudy mornings turn to clear afternoons; Не все ненастье – будет и ясно солнышко*); следует обуздывать свои страсти и быть аскетом (*Greedy eaters dig their graves with their teeth; Хлеба с душой, денег с нужу, платья с ношу*);

3) аксиомы общения: не следует много говорить (*Words have wings and cannot be recalled; Слово не воробей – вылетит не воротись*); следует уметь прощать людям ошибки (*Those who live in glass houses should not throw stones; В чужом глазу сучок видим, а в своем и бревна не замечаем*); следует быть честным (*He that will cheat at play, will cheat you anyway*); не следует быть (чрезмерно) любопытным (*He who peeps through a hole, may see what will vex him; Любопытной Варваре не базаре нос оторвали*);

4) аксиомы ответственности: следует отвечать за свои поступки (*If you leap into the well, the providence is not bound to fetch you out*); не следует исправлять дурной поступок другим дурным поступком (*He that falls into the dirt, the longer he stays there the fouler he is*); следует соблюдать законы (*We live by laws, not by examples; Custom rules the law*). Интересно, что в русской культуре аналогичные паремии содержат в основном контртезис (*Закон, что дышло: куда повернешь, туда и вышло; Суди не по закону, а по совести; Закон что паутина – шмель увязнет, муха проскочит*), подтверждающий тот факт, что "Самые плохие законы – в России, но этот недостаток компенсируется тем, что их никто не выполняет" (М.Е. Салтыков-Щедрин);

5) аксиомы управления: не следует ломать чужую волю (*If the lad go to the well against his will, either the can will break or the water will spill; Как с быком не биться, а все молока от него не добиться*); не следует поручать одно дело большому числу людей (*Too many cooks spoiled the broth; У семи нянек дитя без глаза*); не следует подавать дурной пример подчиненным (*An army of stags led by a lion would be more formidable than one of lions led by a stag; Каков поп, таков и приход*);

6) аксиомы реализма: следует исходить из своих возможностей и надеяться на собственные силы (*You cannot have your cake and eat it; Выше головы не прыгнешь*); нельзя полагаться на первое впечатление, следует стремиться раскрыть суть вещей или людей (*Still waters have deep bottoms; В тихом омуте черти водятся*); следует знать о невозможности исправления укоренившихся недостатков и пороков (*The fox may grow gray, but never good; Черного кобеля не отмоешь до бела; The wolf may lose his teeth, but never nature; Горбатого могила исправит*); не следует пренебрегать незаметными явлениями, так как они могут иметь

большое значение (*The best things come in small packages; Small fish are sweet; Мал золотник, да дорог*);

7) аксиомы безопасности: не следует спешить, принимая серьезное решение (*Don't count your chickens before they are hatched; Don't sell the skin till you have caught the bear*); следует быть предусмотрительным (*Don't put all eggs in one basket*); следует приспосабливаться к окружающей среде (*Who keeps company with a wolf, should learn to howl; С волками жить – по-волчьи выть*);

8) аксиомы благоразумия: не следует чрезмерно предаваться заботам и тревогам (*You cannot prevent the birds of sadness from flying over your head, but you can prevent them from nesting in your hair; Завей горе веревочкой*); следует довольствоваться тем, что имеешь (*A bird in the hand is worth two in the bush; Лучше синица в руках, чем журавль в небе*).

Особую группу в паремиологическом фонде русского языка составляют судебные паремии. Такого рода единицы наиболее ярко иллюстрируют соотношение моральных и правовых норм, т.е. соотношения обыденного и правового сознания, например, *Всякая вина виновата (у жестокого судьи); Не всякая вина виновата* или *Не всяко лыко в строку (у судьи, соединяющего суд с милостью, который виноватых прощает, а правых жалует); Судья что плотник, что захочет, то и вырубит*. Такого рода пословицы отражают "характерную черту русской жизни, ее константу – незнание каждым отдельным гражданином основных законов государства" (Ю.С. Степанов), в силу чего судья рассматривается как носитель "сакрального знания", от воли которого зависит судьба подсудимого.

Наличие подобных пословиц объясняется тем, что большинство такого рода единиц служило основанием для письменных законов (статутов) или входило в их состав. В качестве примера может выступать паремия *Десятая вина виновата*, которая отражает древний способ наказания, согласно которому, если вина падает на все общество, то по жребию осуждается каждый десятый. Данный обычай (децимация) существовал еще в римской культуре. В ряде паремий такой способ расправы получает отрицательную коннотацию: *Лучше десять виновных простить, чем одного невинного наказать; Лучше одного гражданина сохранить, чем умертвить тысячу врагов; Лучше десять винных освободить, нежели одного невинного к смерти приговорить*.

В результате сопоставления паремиологических единиц английского и русского языков можно утверждать, что сходство между ними наблюдается в фундаментальных ценностях как мо-

рального, так и утилитарного порядка. Различия касаются плана выражения, распределения и комбинаторики норм, степени их актуальности для данных культур. Так, например, контраст между своим и чужим в английской культуре более резок, чем в русской. Характерными нормами английского общества являются невмешательство в чужую жизнь, терпимость по отношению к другим, вследствие чего в английском языке гораздо больше паремий, порицающих любопытство, навязывание своей воли другим. Для русской культуры понятие частного пространства менее актуально, что выражается в незначительном количестве паремий, фиксирующих соответствующие аксиомы, либо наличию контрарных высказываний. Актуальные для английской культуры ценности получают широкое выражение в деонтическом кодексе языка и конкретизируются правом, попадая в зону интенсивного правового регулирования, где существует детальное правовое опосредование поведения всех участников общественных отношений. Закон предоставляет гарантии соблюдения данной нормы, тем самым сохраняя права на частное пространство, свободу действий в нем. Само понимание закона как гаранта свободы в английской культуре и предела в русской определяет отношение к нему, что выражается в английской паремиологии в положительных коннотациях, в русской – в отрицательных.

Корпус паремиологических единиц в языке относительно стабилен. Этого, однако, нельзя сказать о пейоративных словниках, состав которых постоянно пополняется в результате возникновения новых лексем и развития пейоративных значений у уже существующих.

Классификация человеческих недостатков, отраженных в значении пейоративов, может быть построена в основном на оппозиции "социально опасный – неопасный". Анализ таких групп, как общие этические пейоративы (слова, обозначающие поведение, которое ниже всяких моральных норм), общие утилитарные пейоративы (слова, обозначающие несоответствие усредненному типу человека в обществе или в определенной группе общества), частные объективные (слова, обозначающие объективные пороки людей – глупость, лень, чревоугодие, вожделение и т.д.) и частные субъективные пейоративы (слова, обозначающие людей иного круга, расовые, национальные и прочие групповые ярлыки) позволяет заключить, что четкой границы между этими группами провести нельзя в силу многозначности пейоративных единиц. Например, слова *эгоист*, *нахал*, *лицемер*, *трус*, составляющие группу общих этических пейоративов, могут занимать обе

стороны оппозиции в зависимости от контекстуального окружения.

Пейоративная лексика, таким образом, принципиально не может быть обозначением тех явлений, которые квалифицируются с позиций права. Для юриста важен состав преступления и обстоятельства, при которых оно совершено, в то время как для неспециалиста, носителя обыденного или наивного языкового сознания, важно оценить преступление с эмоциональных позиций (жестокое, подлое, коварное и т.д.). Юридические термины, относящиеся к видам преступлений и преступникам, являются своего рода застывшими формулами ценностно-значимой информации, лишенными эмотивности, образности, свойственных пейоративам. Пейоративы являются подвижными смысловыми образованиями; в зависимости от контекста, они каждый раз рождают новый образ, причем логическое значение этого образа неопределенно.

В пределах одной культуры знак оценки того или иного явления, поступка, качества в правовом и деонтическом кодексах совпадает, что обусловлено накопленным социальным опытом. Право опирается на ценностную картину мира, присущую данной культуре, вбирая в себя раз и навсегда определенный, условленный смысл того или иного явления, заключая его в конкретные формулировки, которые становятся знаками, отсылающими нас к уже накопленному, т.е. прошлому опыту. Такие единицы, как пейоративы, в силу своей подвижности и благодаря эмоциональным коннотациям стремятся расширить уже существующие значения. Как только ценностно нагруженная лексическая единица попадает из пейоративного словника в правовой, она теряет свою абстрактность и в ряде случаев меняет свой оценочный знак. Так, например, этнические инвективы, столь распространенные в английском языке, с позиции права представляют собой вербальные оскорбления по расовым признакам. Употребление этих инвектив противоречит актуальному в настоящее время концепту политической корректности и преследуется законом (Crime and Disorder Act 1998, sect. 33: Racially aggravated offences). Причем понятие "вербальное оскорбление" приравнивается к понятию насилия (harassment) и в данном случае определяется следующим образом: "causing a person alarm or distress".

Особую группу пейоративов составляют профессиональные ярлыки представителей закона, в основном полицейских или служащих милиции, с которыми наиболее часто соприкасаются представители рассматриваемых культур. Данная пейоративная группа в русском языке является более обширной и стабильной,

что исторически обусловлено негативным отношением к закону и соответственно к власти.

Оценочные характеристики рассматриваемого концепта представлены также в юмористических высказываниях или шутках. Высокая степень наглядности достигается тем, что в структуре шутки выделяются два содержательных плана, две логики развития мысли. Между данными содержательными планами должно быть неустранимое противоречие. Осознание этого противоречия предполагает смеховую реакцию адресата. Такая реакция возможна только в том случае, если природа этого противоречия связана с актуальными для говорящих вещами, при этом несообразность является достаточно малозначимой. Формула юмористического высказывания может быть представлена в следующем виде: Суждение С1 – Ценностное утверждение Ц1 – Возможная стандартная реакция на это утверждение СтР – Контекстное расхождение этого утверждения с действительностью КР – Ценностное утверждение Ц2 – Подразумеваемый вывод в суждении С2 – Нестандартная реакция на исходное ценностное утверждение – НСтР – Смеховая реакция. Юмор есть форма мягкой критики. Ценностное утверждение Ц1 подвергается юмористической критике. Если в суждении С1 постулируется смелость того или иного человека, контекст же свидетельствует об обратном, то подразумеваемый вывод в суждении С2 является неожиданным разрешением этого противоречия и вызывает разрядку в виде смеха. Следовательно, для определения ключа к шутке необходимо определить, какое ценностное суждение в этой шутке опровергается и какими дискурсивными приемами это достигается. Например: *"How can I ever thank you?", gushed a woman to Clarence Darrow, after he had solved her legal troubles. "My dear woman", Darrow replied, "ever since the Phoenicians invented money, there has been only one answer to that question"*. В приведенном тексте мы сталкиваемся с эффектом обманутого ожидания и перифразированием. Фраза *"Как я могу Вас отблагодарить?"* предполагает стандартную реакцию (СтР) благородного человека в виде отказа от благодарности. По сути дела, клиент должен был задать иной вопрос: *сколько стоит эта юридическая услуга?* Адвокат оказался в затруднительном положении: он не мог ответить прямо о стоимости своего гонорара (это бы нарушило этикетные конвенции), но и не хотел лишаться заработка. Поэтому он прибегает к неожиданному витиеватому ответу, содержание которого предельно просто: благодарность клиента должна быть выражена в деньгах.

Репрезентируемые шутками ситуации рассчитаны на однозначное понимание. Функция шуток, как юмористических единиц, состоит в нейтрализации социальных противоречий и векторов враждебности по отношению, в данном случае, к закону и его представителям.

В результате компаративного анализа рассматриваемых единиц в английской и русской культурах было выявлено, что особенностью многих русских шуток, относящихся к представителям закона, является отсутствие в них контекстуального рассогласования ценностного утверждения с действительностью, они констатируют поведение, признаваемое нормальным, отражающее реальное положение дел. Например:

Ночью в гостиничном номере двое соседей не дают уснуть третьему: рассказывают политические анекдоты.

- Здесь все прослушивается!

Они смеются и продолжают. Тогда он выходит и просит дежурного через пять минут принести в номер три чашки кофе. Возвращается, наклоняется к пепельнице и говорит:

- Товарищ майор! Три кофе в номер, пожалуйста! Дежурная вносит кофе. Потрясенные рассказчики ложатся спать. Наутро шутник просыпается в одиночестве. Спрашивает у дежурной, где его соседи. Та отвечает:

- Ночью гебисты приезжали, забрали их!

- А почему меня не забрали?

- Да майор сказал: "Уж больно мне его шутка с пепельницей понравилась!"

В приведенном примере ценностное утверждение о несоблюдении закона (о свободе слова, частной жизни) самими представителями закона не опровергается, а наоборот, подтверждается дальнейшим развитием событий.

Образы в шутке представлены в виде имплицитно данных формул, т.е. небуквальных смыслов, интуитивно выводимых из всего содержания шутки. Такие формулы непосредственно связаны с нарушением деонтического кодекса, представленного в моральных и утилитарных нормах того или иного общества, находящих самое разнообразное языковое выражение, начиная от рассмотренных паремииологических единиц, пейоративов и инвективных высказываний до религиозных заповедей и правовых законов.

Необходимо заметить, что статичный точечный образ героев шуток представляет собой лишь частный случай развернутых динамических образов. Это связано с тем, что за текстом стоит меняющийся, динамичный мир событий, ситуаций, идей, чувств, побуждений, ценностей, существующий вне и до текста. В тексте отображаются лишь качества, взятые в своей статике, проявля-

ющиеся в застывших моментах. Однако рассмотрение такого рода текстов представляется важным в силу того, что представленная в них характеристика представителей закона является не личностным смыслом, а культурным стереотипом и определяет отношение носителей данной лингвокультуры к выделенному образу.

Семантическое моделирование концепта "закон" осуществляется посредством концептуальной схемы, отражающей предельно обобщенные модели огромного количества различных норм права и морали. Выступая в таком качестве, рассматриваемый концепт является логически сконструированным, концептуальная основа слова на данном уровне лингвистической абстракции сводится к вербальному определению, в силу чего его образность практически стирается. Эта концептуальная схема может быть формализована в следующем виде:

S A Q R, где S – правовой субъект (определенный правом субъект в определенных правовых обстоятельствах); A – правовое поведение (определенное правом поведение); Q – правовая модальность (определенное правом отношение между правовым субъектом и правовым поведением); R – возможная реакция в виде санкции в случае нарушения нормы права.

Первый структурный элемент представляет понятие, конституированное совокупностью двух групп признаков – (а) характеризующих собственно правового субъекта (понятие – правовой субъект безотносительно к ситуации) и (б) характеризующих собственно правовую ситуацию (понятие – правовая ситуация безотносительно к правовому субъекту). Указанные группы признаков, рассматриваемые совместно, определяют единое понятие – правовой субъект-в-ситуации.

Второй структурный элемент – поступок, значимый с позиции права – представляет понятие, конституированное признаками, характеризующими поведение. Последнее определяется различными способами – признаками собственно поведения, признаками результата поведения и т.п.

Третий структурный элемент – деонтическая квалификация поступка – представляет понятие, конституированное признаками, характеризующими отношение между субъектом и поведением. Такое отношение определяется установленным типом правовой модальности и придает предписанию соответствующий модальный характер.

Четвертый элемент – возможная реакция – санкция в случае нарушения нормы права – предполагает нарушение вышеуказан-

ных элементов и, следовательно, формирование новой нормы, направленной на предотвращение нарушения исходной нормы.

Представленная схема правовой нормы поведения имеет универсальный характер. Однако и при столь общем характере концептуальная схема правовой нормы оказывается эффективным теоретическим средством анализа текстуального представления правовых норм (метода реконструкции элементов правовых норм из соответствующих текстуальных представлений).

Минимально необходимой языковой единицей, способной представить содержание правовой нормы, выступает предложение. Соответственно концептуальная схема правовой нормы не может оказаться синтаксически более простой, чем форма предложения. Вместе с тем нетрудно показать, что произвольное множество простых предложений, конституирующих правовую норму, можно преобразовать в единственное сложное, нисколько не теряя в содержании соответствующей правовой нормы. Последнее означает достаточность формы предложения для адекватного представления всякой правовой нормы.

Классическая логико-синтаксическая схема правовой нормы представляет собой следующую последовательность: "Если..., то..., в противном случае...". В данной синтаксической последовательности содержится, прежде всего, указание на условие (гипотеза), при котором норма подлежит применению, затем изложение самого правила поведения (диспозиция), наконец, указание на последствия невыполнения этого правила (санкция). Синтаксическая схема правовой нормы не обязательно выражена условным предложением и не обязательно сконцентрирована в пределах одного предложения, однако статья закона всегда поддается трансформации в условное схематическое предложение.

При заполнении концептуальной схемы правовой нормы возможны определенные деформации ее строения, выражающиеся в сложных для восприятия синтаксических конструкциях, неоднозначности используемых терминологических единиц, что приводит к своего рода "засекречиванию" элементов концептуальной схемы нормы и ее затрудненному восприятию носителями наивно-языкового сознания. Разницу между разговорным и юридическим языками иллюстрирует следующий пример, ставший своеобразным фольклором. Фраза "*I give you this orange*" ("я даю тебе этот апельсин") юридически может быть оформлена следующим образом:

"I hereby give, grant and convey to you all my interest, right, title and claim of and in this orange, together with all its rind, skin, juice and pulp, and all right and advantage therein with full power to bite, cut, suck, or otherwise eat or consume the said orange, or give away or dispose of to any third party the

*said orange, with or without its rind, skin, juice and pulp, subject to any amendments subsequently introduced or drawn up to this agreement*¹ (Настоящим я даю, дарю и передаю вам в соответствии с моими интересами, правом, статусом и требованием этот апельсин вместе с кожурой, цедрой, соком и мякотью и со всеми правами на кусание, резание, сосание или иное употребление указанного апельсина, или извлечение от него, или передачи указанного апельсина в распоряжение третьей стороне, с кожурой, цедрой, соком и мякотью или без кожуры, цедры, сока и мякоти, в соответствии со всеми поправками, прилагаемыми впоследствии к настоящему соглашению).

Сложность синтаксического строения как российских, так и английских правовых текстов объясняется ориентацией на: (1) однозначность выражаемого в них смысла; (2) эксплицитность элементов концептуальной схемы правовой нормы; (3) языковую компрессию; (4) традицию.

(1) На лексическом уровне принцип однозначности достигается за счет применимой только к правовой действительности условной дефиниции ключевых слов (терминов), выражающих элементы концептуальной схемы правовой нормы. Условность дефиниции выражается в разграничении, расширении, сужении общепринятых лексических значений слов, используемых в юридическом дискурсе. Однако синтаксически сложная дефиниция является потенциальным источником смысловой неопределенности правовых предложений. Очевидно, что структура предложений должна быть такой, чтобы отношение определяющего к определяемому являлось явным и однозначным, т.е. определяющее должно занимать максимально близкую позицию к определяемому. Однако на практике в предложениях из английских правовых текстов определяющее часто занимает относительно свободную позицию, что позволяет логически относить его к нескольким элементам. Неясность такого рода вызвана смысловой близостью к определяющему нескольких элементов предложения, подлежащих определению. Так, например, использование пассивного залога может затруднить соблюдения принципа однозначности высказывания, поскольку его употребление делает неясным то, на кого падает обязательство подачи заявки – на лицо, передающее права на что-либо, или лицо, которому эти права передаются: *Notice of the sale or disposal of a licensed printing press shall be given to the Registrar within fourteen days.*

(2) Эксплицитность концептуальной схемы правовой нормы достигается за счет языковых маркеров ее элементов. Так как само правило поведения формулируется непосредственно в диспозиции правовой нормы, то эксплицитность именно этого элемента является наиболее значимой. В английских правовых

текстах такие деонтические операторы, как *must, it shall be the duty of, shall*, в русских – *обязан, должен* маркируют обязывающие нормы поведения; правоустановительные нормы в русских текстах выражаются такими предикатами, как *вправе, имеет право, может*, английские правовые нормы – *is entitled to be, do not have to, have an implied authority, in one's discretion, may*. Запрещающие нормы в русских правовых текстах маркируются такими глаголами, как *запрещается, не вправе, не может, не допускается*, а английских – *must not, shall not, it shall not be lawful*. Эксплицитность в английских правовых текстах проявляется в тенденции употребления маркеров гипотезы: вместо *if* употребляется *in the event that, where – in any case where, in relation to, in the context of – as to* и т.п., а также употреблению слов, выполняющих уточняющую функцию (гипонимов при наличии гиперонима, синонимов-дублетов, прилагательных, не несущих дополнительной семантической нагрузки), что приводит к перегруженности правовых предложений длинными последовательностями слов.

(3) Обратной тенденцией эксплицитности является компрессия, целью которой на уровне синтаксиса является преобразование множества простых предложений, конституирующих правовую норму, в единственное сложное, что ведет к сложной казуистике правовых предложений (нескольких гипотез), сложности восприятия заключаемого в них смысла для носителей наивно языкового сознания. Например, " *Суд, прокурор, а также следователь с согласия прокурора в соответствии со статьей 90 УК РФ вправе прекратить дело в отношении несовершеннолетнего (1), впервые совершившего преступление небольшой или средней тяжести (2), если будет признано, что его исправление может быть достигнуто путем применения принудительных мер воспитательного воздействия (3)*" (Комментарий к УПК РФ, ст. 8). " *If there is no parent or lawful guardian of such party residing in the Colony and capable of consenting (1) or if such party satisfies the Registrar that after diligent inquiry such party is unable to trace any such parent or guardian (2), the Registrar may give his consent in writing to the marriage, if an inquiry the marriage appears to him to be the proper (3), and such consent shall be effectual as if the parent or guardian had consented*".

Компрессия иллюстрирует принцип экономии, который в частности проявляется в имплицитном выражении элементов концептуальной схемы правовой нормы. Такая тенденция свойственна правовым документам РФ. Так, например, в виде повествовательных, утвердительных, а не нормативных предложений изложено большинство норм Конституции, нормы Уголовного кодекса

РФ, административных, процессуальных кодексах и других актах. Принцип экономии в меньшей мере характерен для английских правовых документов в силу соблюдения четвертого принципа их построения.

(4) Принцип ориентации на традицию, присущий английским правовым текстам, выражается в использовании большого числа латинских (типа *mens rea*, *ab initio*, *certiorari*) и французских (*lien*, *plaintiff*, *tort*) терминов и коллокаций, заимствованных в результате нормандского завоевания и утвердившихся в языке английского права в XVII веке и в настоящее время сопровождаемых церемониальными, выполняющими стилистическую функцию единицами (*aforesaid*, *aforementioned*, *hereinbefore*, *whatsoever*, *it hereby declared that*). В результате интерпретация законов не только носителем наивно-языкового сознания, но и специалистом становится во многих случаях проблематичной.

В силу особенностей текстуальной репрезентации норм, регулятивная функция предписаний, выражающаяся в диспозиции, характерна не только для правовых норм, но и для норм, содержащихся в самых разных текстах регламентирующего характера (народных примет, поверий, суеверий, паремий). Из проведенного анализа следует, что тексты правовых документов, паремий и примет подчинены сходным законам построения. В основе данных текстов лежит концептуальная схема нормы. Элементы концептуальной схемы нормы базируются, в свою очередь, на преконструктах, которые строятся в виде определения. Для правовых текстов эквиваленция, лежащая в основе определений, условна. Она симметрична только в праве, а за пределами правовой картины мира распадается. В силу этого правовая дефиниция всегда условна и служит для определения данного правового понятия. В тексте примет определяется целая ситуация. Эквиваленция, лежащая в основе такого определения, для современного человека также условна, однако для суеверного человека является истинной. Вместе с тем, если от такого асимметричного равенства приметы можно отказаться, не принимать его всерьез, то в отношении правовой нормы это невозможно, так как право в современном обществе является доминирующим регулятором отношений между людьми и пренебрежение или нарушение норм права влечет за собой реальные последствия, указанные в санкции той или иной правовой нормы. Текст паремии строится идентичным образом: первый уровень составляют условные определения, репрезентирующие ситуацию, второй уровень составляют предписания. Эти два уровня накладываются на концептуальную схе-

му нормы, представляющую собой преконструкт, общий для любого типа норм поведения.

Концептуальная схема закона проецируется в тексты о законе через схему состава правонарушения, что позволяет сделать вывод о иерархическом строении схем, о возможности их объединения, достраивания до более сложной организации. Реализация концептуальной схемы наиболее наглядно демонстрируется на примере газетных и публицистических текстов информационно-оценочного жанра. Такой выбор обусловлен их социальной ориентированностью, апелляцией к обширной аудитории.

В текстах о нарушении закона норма права проецируется через схему правонарушения, которая предполагает наличие следующих элементов: субъект (S) – инициатор правонарушения; объект (O) – охраняемые законом ценности и блага, которым нанесен ущерб (например, собственность, жизнь, общественный порядок и т.п.); выраженное внешне деяние (A), квалифицируемое с позиции права; интенция правонарушителя (I), сопряженная с понятием вины (умышленность, неосторожность, небрежность, самонадеянность: *не задумываясь о последствиях, ср. очертя голову, надеяться на авось да небось, кривая вывезет*), мотива и цели правонарушения.

Данная последовательность элементов представляет собой обобщенную схему нарушения правовой нормы. Накладываясь на реальные события, эта схема может дополняться такими составляющими, как жертва, свидетели, спасатели, личная сфера субъектов, обстоятельства правонарушения, соотносимые с обстоятельствами, указанными в гипотезе нормы, ответственность, соотносимая с наказанием, указанным в санкции нормы.

Вместе с тем, в данной работе важно выделение относительно статичных элементов, составляющих концептуальную схему концепта "закон", а не иных когнитивных моделей репрезентации действительности, в состав которых она входит. Анализ проекции концептуальной схемы правовой нормы в тексты показывает, что элементы схемы не всегда точно проецируются в текстах. Такое несоответствие объясняется тем, что концептуальная схема отражает объективное представление о типичной ситуации и ее составляющих, сложившееся в определенной культуре, и не является схемой изложения данной ситуации в тексте. Необходимо иметь в виду, что реализованный набор составляющих типичной ситуации, как в русских, так и английских газетно-публицистических текстах, зависит от вкусов и интересов потенциального адресата, от цензуры, статуса газеты, мастерства ав-

тора, от принятой схемы жанра, а также от известных фактов, актуальности описываемых норм и т.п.

Особенностью реализации концептуальной схемы в тексте о законе или его нарушении является оценочное (Е) сопровождение, которое позволяет судить об актуальности данной нормы в данной культуре, об отношении к ней с позиции морали, законности и т.п. При этом моральная оценка, сопровождающая описанное в том или ином тексте деяние, формируется в процессе его соотнесения с диспозицией соответствующей нормы права, в которой это поведение расценивается как должное, запретное или дозволенное и влекущее или не влекущее санкции.

Таким образом, на первом этапе неизбежна реализация особого рода оценки – юридической квалификации, характерной для юридического дискурса. Под юридической квалификацией понимается выраженный в суждении результат процесса установления соответствия или несоответствия признаков реального факта и факта, абстрактно очерченного нормой права. Схематично эти суждения могут быть схематично представлены следующим образом: деяние D1 соответствует (не соответствует) признакам деяния D, предусмотренного нормой N; факт F1 соответствует (не соответствует) признакам факта F, очерченного нормой N. Такого рода соотнесение является доминирующим при определении "правильного" и "неправильного" поведения, позволяет провести определенные параллели с моралью, а также осуществить компаративный анализ приемлемых и неприемлемых, дозволенных и недозволенных моделей поведения в рассматриваемых культурах.

В текстах о том или ином законе и его нарушении эксплицитно или имплицитно выраженная оценка поведения субъекта может качественно менять в пределах данного текста существующую правовую норму, превращая запрещенное с позиции права поведение в дозволенное с позиции морали и наоборот. Такое изменение не обязательно радикально, оно может предполагать различного рода модификации.

Рассмотрение проекции концептуальной схемы закона в текстах позволяет выявить не только существующие в культуре понимания приемлемого и неприемлемого, но и намечающиеся изменения, которые, в конечном счете, могут привести к созданию соответствующих новых правовых норм, качественному изменению уже существующих или аномии. Эти изменения представляются важными, так как они влекут за собой неизбежные изменения в концептосфере языка.

В результате выполненного исследования мы пришли к следующим выводам.

Основное содержание культурного концепта "закон" в английском и русском обиходном и правовом языковом сознании сводится к следующим признакам: 1) предметно-образная сторона концепта – концептуальная схема, отражающая предельно обобщенные образы различных норм права и морали: S A Q R (где S – субъект в правовой ситуации, A – поступок, значимый с точки зрения права, Q – деонтическая квалификация поступка, R – возможная реакция в виде санкции в случае нарушения нормы права); 2) понятийная сторона концепта – кодифицированная норма, установленная и поддерживаемая государственной властью и традицией; 3) ценностная сторона концепта – отношение к норме и государственной власти.

Важнейшие отличия обиходного представления концепта "закон" в английском языковом сознании заключаются в понимании закона как гаранта свободы, в русском языковом сознании – как предела, ограничителя свободы.

Наиболее существенные отличия правового представления концепта "закон" в английской и русской лингвокультурах состоят в характере аргументации: в английском юридическом дискурсе релевантными признаются ссылки на конкретные судебные прецеденты, в русском – на кодифицированные нормы.

Представление закона в английской паремиологии отличается положительными коннотациями, в русской – отрицательными, в английских юридических текстах – ориентацией на конкретный прецедент, в русских юридических текстах – ориентацией на тип квалифицируемого поведения, в английских юмористических текстах – контекстным рассогласованием с действительностью, в русских анекдотах – контекстным согласованием с действительностью.

Литература

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

Карасик В.И., Палашевская И.В. Концепт "закон" в английской и русской паремиологии // Гуманитарные исследования. Астрахань, 2001. №3. С.63-72.

Палашевская И.В. Лингвокультурный концепт "закон": подходы к изучению // Языковая личность и проблемы межкультурного общения: Тез. науч. конф. Волгоград: Перемена, 2000. С. 53-54.

Палашевская И.В. Отношение к закону в зеркале английского юмора // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности. Волгоград: Перемена, 2001. С.31-40.

Палашевская И.В. Концепт "закон" в английской лингвокультуре // Языковая личность: проблемы когниции и коммуникации. Волгоград: Колледж, 2001. С.68-76.

Палашевская И.В. Репрезентация концепта "закон" // Ученые записки (Вып. 2) / Волгогр. ин-т экономики, социологии и права. Волгоград, 2001. С.91-92.

Палашевская И.В. Концепт «закон» в английской и русской лингвокультурах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001. 23 с.

А.Н. Усачева (Волгоград)

ЗДОРОВЬЕ

Целью данной работы является построение лингвокогнитивной модели концепта "здоровье", исследование ее языковой наполненности и фреймовой организации лексических средств, вербализующих данный концепт в современном английском языке, а также идентификация лингвокультурной специфики концепта "здоровье".

Концепт «здоровье» относится к числу важнейших витальных ориентиров человека и поэтому закономерно получает в языке множественное лексическое и фразеологическое обозначение. Здоровье является ценностью, способной побуждать человека к действию – сохранить, улучшить, укрепить, восстановить здоровье (to make better, improve, return health) всевозможными способами, которые общество может одобрять полностью или не совсем одобрять, даже осуждать с известной долей иронии, только если это не принимает формы психического расстройства и не докучает окружающим:

a fitness freak (derog.) – a person who spends a lot of time doing exercises to keep their body strong and in good condition;

a crank (humor.) – a person with very unusual and strongly held ideas, often concerning food and health, especially ideas that other people think are very foolish.

Концепт "здоровье" можно охарактеризовать, с одной стороны, как общечеловеческую, с другой стороны, как личностную, персональную ценность, имеющую особенно важное значение для каждого индивида и в социальной, и в частной жизни.

Важнейшим средством выражения ценностей является оценка. В конкретном акте оценки проявляется взаимодействие общечеловеческой, этнокультурной и индивидуальной системы ценностей. В нашей работе мы придерживаемся функционального подхода к оценке, в основе которого лежит ценностное сравнение, выражающее предпочтение оценивающего субъекта, что связы-

вает оценку с действительностью и ставит ее в зависимость от цели действия (Арутюнова 1998). Таким образом, оценка оказывается тесно связанной с прагматическим уровнем структуры языковой личности.

Вслед за С.Х. Ляпиным и В.И. Карасиком под концептом мы понимаем многомерное когнитивное образование, имеющее онтологические, аксиологические, образные и поведенческие аспекты, вербализованное в единицах языка и, следовательно, характеризующееся определенными лингвистическими параметрами. Под фреймом в нашем исследовании понимается способ структурной организации всего пласта лексических единиц, эксплицирующих данный концепт в языке.

Здоровье и болезнь – состояния индивидов, значимые не только на личностном, но и на социальном уровне. Это состояния, оцениваемые и реально закрепляемые в культурных и социальных структурах различных обществ. То, что люди вкладывают в слова "невыносимые условия", "непереносимая боль", "безграничное удовольствие" и т.д., является не столько индивидуальным, сколько санкционированным коллективным одобрением или порицанием, т.е. социально-культурными характеристиками.

Лингвокультурный концепт "здоровье", как многоаспектная категория, может структурироваться в виде фрейма, представляющего собой некую упорядоченную конвенциональную схему, которая систематизирует знания носителей языка о данном концепте и языковые средства, используемые ими для выражения этого когнитивного фонда.

Основываясь на английской и русской лингвокультурных моделях личности, предложенных А. Вежбицкой (1999), и в результате интроспективного анализа мы построили микрофрейм с плюс-характеристиками лингвокогнитивной модели:

X здоров, если он

А. чувствует себя

- а) здоровым, хорошо
- б) энергичным, жизнерадостным
- в) молодым, не старым

Б. выглядит

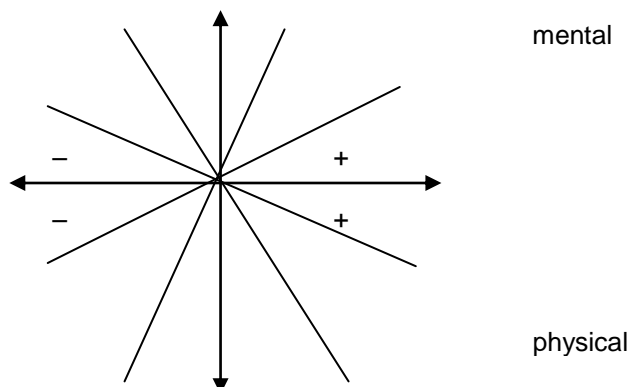
- а) хорошо, привлекательно, здоровым
- б) сильным, бодрым
- в) чистым (соблюдающим личную гигиену)
- г) без физических недостатков

В. делает

- а) правильно питается (употребляет здоровую пищу)
- б) занимается спортом, физическими упражнениями

- в) не имеет вредных привычек ("не злоупотребляет")
- г) редко / не прибегает к помощи медицины (в том числе нетрадиционной).

Представленная графически лингвокогнитивная модель, отражающая онтологические признаки концепта "здоровье", имеет следующий вид:

По вертикальной оси лингвокогнитивной модели расположены аксиологически нейтральные признаки концепта, представляющие здоровье как состояние живого человеческого организма, которое характеризуется объективно присущей ему способностью выполнять все необходимые функции. Отклонения состояния здоровья от норм, установившихся в данном лингвокультурном социуме, становятся объектом оценки, что позволяет включить в модель оценочные "плюс-характеристики" и "минус-характеристики", образующие полярные микрофреймы модели. Горизонтальная ось разграничивает секторы физического и ментального здоровья. В каждом секторе выделяются три части в соответствии с внутренней, нормативной и внешней оценкой.

В процессе верификации лингвокогнитивной модели были выявлены, уточнены и дополнены лингвистические параметры концепта "здоровье" в современном английском языке.

Результатом этого этапа исследования стала уточненная и дополненная лингвистическая модель концепта "здоровье". Вербальные средства, манифестирующие признаковые плюс- и минус-характеристики исследуемого концепта, организуются во фрейм, состоящий из двух аксиологически полярных микрофреймов, которые отображены в Таблице 1.

Таблица 1.

Положительный микрофрейм: X is healthy if s/he	Отрицательный микрофрейм: X is ill/ sick if s/he
<p>A. feels</p> <p>a) good, all right, well, healthy</p> <p>b) energetic, strong</p> <p>c) happy, on top of oneself</p>	<p>A. feels</p> <p>a) unhealthy, bad, sick, horrible, terrible</p> <p>b) weak, tired, lacking energy, lethargic, fatigued, crumpy</p> <p>c) sad, depressed, frustrated, uncomfortable</p>
<p>B. looks</p> <p>a) healthy, well, good, pretty, all right</p> <p>b) capable, exuberant, fit</p> <p>c) clean, well-kept, face has a healthy glow, rosy cheeks, bright eyes, good odor)</p> <p>d) happy, cheerful</p> <p>e) calm, grand</p>	<p>B. looks</p> <p>a) unhealthy, bad, unwell, sick, poor, ugly, horrible, awful</p> <p>b) weak, emaciated, rotten, tired, exhausted, trashed</p> <p>c) pale, grey, discolored, sallow complexion, skin looks green, not clean, not taking care of personal hygiene</p> <p>d) sad, unhappy, depressed, down, distressed</p> <p>e) moody</p>
<p>C. does</p> <p>a) healthy food, a balanced diet, good/ organic/ fresh/ non-fatty/nutritious food (fruit, vegetables, vitamins)</p> <p>b) keep exercising on a daily basis (frequently), go for a walk/running, (outdoor) sports, physical and mental activity, fresh air, clean water</p> <p>c) nice behaviour, moderation concerning food and drink minus smoking, all things in moderation, not doing drugs/ alcohol/ smoking, not too much drinking</p> <p>d) healthy outlook on life (optimism), positive thinking, avoid/ low stress, relax when needed</p> <p>e) sociable, get together with friends, healthy people around, good choices.</p>	<p>C. does</p> <p>a) unhealthy/ fatty/ junk/ fast/ candy/ bad/ the Donalds/ rotten/ ill-prepared food; unhealthy diet</p> <p>b) unhealthy life style, not keeping exercise, not sleeping enough;</p> <p>c) risky behaviour, premarital sex; bad habits: smoking, drugs, overeating, drinking; excess, laziness</p> <p>d) pessimistic, laissez-faire attitude; stress, not talking to other people about problems, unhealthy relationships, aggressive behaviour</p> <p>e) sitting in front of a computer/ TV/ video; being lonely, having no friends, very shy; negative surrounding, bad choices</p>

Сравнение лингвокогнитивной модели концепта и лингвистических параметров его фрейма позволило наряду с универсальными характеристиками концепта (например, отклонения от нормы в ментальном здоровье, маркированные интернациональными по-

суффиксами -phobia, -philia, -mania) выявить его лингвокультурную специфику как в структурном (лакунарность негативной самооценки в секторе "ментальное здоровье"), так и в содержательном планах, в частности:

– при самооценке (внутренней оценке) возраст не является релевантным для определения хорошего или плохого состояния здоровья;

– при нормативной оценке наличие физических недостатков не характеризуется как отклонение от нормы;

– при внешней оценке регулярное обращение к врачам не является показателем плохого здоровья, т.к. это поведенческая норма данного социума.

Исследование концепта "здоровье" с точки зрения его представленности в системе современного английского языка было начато со сплошной словарной выборки и дефиниционного (при необходимости – многоступенчатого) анализа лексических единиц, содержащих семантический признак 'health' эксплицитно или имплицитно.

Как показывает анализ, в значениях слов признак 'здоровье', как и любой семантический признак, может быть выражен отдельно (специализированное выражение признака) или связан с ближайшими по значению признаками (связанный признак), либо может использоваться для конкретизации другого значения (нейтральный признак). В ходе исследования нами рассматриваются все три типа манифестации данного семантического компонента: специализированный (*health* – the general condition of body and mind; the state of being bodily and mentally vigorous and free from disease), связанный (*hale (and hearty)* – (very) healthy and active) и нейтральный (*to ground* – 'to forbid a pilot to fly because of bad health').

Толковые словари (Longman, Hornby, Webster, Collins) включают в дефиниции слова *health* два значения, первое из которых является аксиологически нейтральным – оценочно немаркированная констатация состояния здоровья (*health*¹):

'the condition of the body or the mind; bodily conditions'.

Приведенные словарные толкования фиксируют возможность различных состояний тела и разума человека, т.е. говорящие не оценивают здоровье, а констатируют признаковые качества денотата физического и умственного состояния. Аксиологически нейтральный денотат "health" – естественное состояние живого организма – играет роль центра фреймовой организации концепта. Будучи здоровым, человек не задумывается о своем естественном состоянии, что подтверждается следующей пословицей:

The healthy know not of their health, but only the sick.

("Здоровые не знают о своем здоровье, [знают] только больные".)

Прилагательное *healthy*, образованное от существительного *health*² в его втором (оценочном) значении, и антоним *unhealthy* маркируют все типы оценки и характеризуют как физическое, так и ментальное здоровье.

В современном английском языке хорошее здоровье с точки зрения ощущений самого человека, т.е. внутренняя оценка, характеризуется прилагательными *healthy*¹, *sound*, *well*, *good*, *right*, *energetic*, *strong*, *fit*, *powerful*. Парадигма лексем, характеризующих общее самочувствие отрицательно, состоит из прилагательных *bad*, *horrible*, *terrible*, *awful*; *unhealthy*, *ill*, *sick*, *unwell*, *invalid*, *ailing*, *debilitated*, *disabled*, *diseased*, *uncomfortable*, *feeling pain*; *weak*, *tired*, *exhausted*, *lethargic*, *fatigued*, *crimpy*, *fragile*; *unhappy*, *sad*, *down*, *depressed*. Самооценка имеет следующие параметры: хорошее / плохое здоровье; ощущение силы и энергии / слабости и дискомфорта; удовлетворенность и счастье / плохое настроение, депрессия.

Остальные части фрейма концепта "здоровье" представлены нормативной оценкой внешнего вида, эстетического впечатления, физического состояния, гигиены, психического состояния, проявления эмоций и внешней оценкой общих условий жизни, питания, образа жизни и привычек, отношения к жизни и окружающим, развлечений.

В атрибутивных характеристиках концепта очевидно преобладание отрицательно маркированных лексем (64 %).

Следует отметить, что негативные отклонения в ментальном здоровье не подвергаются самооценке и не находят вербального выражения в английском языке. Таким образом, во фрейме концепта данная часть сектора "ментальное здоровье" представлена пустым множеством.

Дефиниционный анализ фразеологизмов направлен на раскрытие их культурно значимого смысла и идентификации места идиом в структуре фрейма лингвокультурного концепта. Толкования идиом, предлагаемые словарями, позволили разделить их на группы и подгруппы в зависимости от содержательных признаков физического и ментального здоровья, положительной или отрицательной оценки и типа оценки (внутренняя, нормативная или внешняя).

Фразеологизмы, входящие в положительный микрофрейм исследуемого концепта, описывают хорошее здоровье, активность и энергию, жизнерадостность, внешнюю привлекательность, физи-

ческую силу и сопротивляемость болезням. Сюда же относятся фразеологизмы, содержащие глаголы или существительные, семантика которых ассоциируется с движением. Факторы, влияющие на такое изменение, могут быть как внешними (другие люди, какие-то предметы, явления или события – *put someone right, bring someone round*), так и внутренними (сам человек – *turn the corner, come back from death's door*); причина изменений может и не указываться (*on the road to recovery*).

В отрицательный микрофрейм лингвистической модели концепта "здоровье" включены фразеологизмы, маркирующие те же параметры, но с отрицательной коннотацией: *run oneself into the ground, a nail in one's coffin, knock the stuffing out of somebody, go downhill, take a turn for the worse*.

Объекты оценки (внутренней, нормативной и внешней) во фразеологических единицах не везде совпадают с объектами оценки, представленной лексемами. Полное соответствие наблюдается во внутренней и внешней оценке. Расхождения наблюдаются в секторе "физическое здоровье" микрофрейма с минус-характеристиками, где становятся релевантными отклонения от нормы, касающиеся отдельных органов тела (например, *as blind as a bat, deaf as a post*).

Лингвокультурная специфика концепта проявилась и в образах, использованных в идиомах. Здоровый энергичный человек сравнивается с крикетным мячом (*as lively as a cricket*), скрипкой (*as fit as a fiddle*), лошадью / быком (*strong as an ox/ a horse/ a bull*), волком (*eat like a wolf/ a horse*), собакой (*sleep like a dog*), блохой (*fit as a flea*), воблой (*sound as a roach*). Вторая часть фразеологизмов, описывающих нездоровое состояние в самых разнообразных его аспектах, является более многочисленной – 71% (болезнь, как отклонение от нормы, получает более объемное образное выражение).

Пословицы и поговорки составляют паремиологический фонд языка и являются обобщением и вербализацией опыта многих поколений и обыденной культуры социума. Материал для них берется из повседневной жизни, а основанием метафоры становится домашнее хозяйство и простые события из жизни людей. В английских паремиях описываются поведенческие характеристики концепта "здоровье", метафоризируется мир крестьянина, охота, рыбная ловля, различные ремесла и мореплавание. В структуре фрейма концепта они закреплены преимущественно за внешней оценкой, объектом которой становится образ жизни ("After dinner sit a while, after supper walk a mile"), питание ("Eat to live and not live

to eat"), привычки, роль медицины и врачей ("Sickness soaks the purse").

Большинство "медицинских" паремий являются лишь общими дидактическими рекомендациями безотносительно к конкретным заболеваниям и не дают научно обоснованных советов, но содержат важную информацию о факторах, способствующих улучшению здоровья либо наносящих ему вред.

Основные результаты нашего исследования сводятся к следующим положениям:

Лингвокультурный концепт "здоровье" интегрирует онтологические, аксиологические, образные и поведенческие характеристики денотата "здоровье", выраженные лексическими единицами языка.

Лингвокультурный концепт "здоровье" имеет сложную структуру, представленную в лингвокогнитивной модели, в которой выделяются: аксиологически нейтральный центр, отражающий онтологические характеристики здоровья, и аксиологически вариативные микрофреймы, содержащие положительную и отрицательную оценку денотата "здоровье". В оба микрофрейма включаются параметры физического и умственного здоровья, образующие отдельные секторы, каждый из которых распадается на три части по типу оценки – внутренняя оценка (основанием служит чувство, ощущение), нормативная оценка (основанием служит образец, стандарт, идеал), внешняя оценка (приписывается предмету как средству достижения какого-либо результата). Объектами внутренней оценки являются: самочувствие, настроение; нормативной оценки – внешний вид, сила, чистота; внешней оценки – отношение к еде, спорту, вредным привычкам, врачам и лечению / лекарствам как средствам сохранения / восстановления здоровья.

Лингвистические средства выражения концепта "здоровье" структурированы во фрейме, отражающем лингвокультурную специфику исследуемого концепта, которая проявляется в лексическом материале, входящем во все части сектора "физическое здоровье" и во внутреннюю оценку сектора "ментальное здоровье" в микрофрейме с минус-характеристиками.

Фразеологические единицы, вербализующие концепт "здоровье", представляют собой образные характеристики концепта и связаны со всеми тремя типами оценки – внутренней, нормативной и внешней. Лингвокультурные особенности проявляются в образном основании идиом.

Паремиологические единицы манифестируют поведенческий аспект концепта "здоровье". Они являются назидательными высказываниями, сентенциями общего характера в отношении здо-

рового образа жизни, питания, привычек, роли медицины и врачей, т.е. соотносятся преимущественно с внешней оценкой.

Литература

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Школа "Яз. рус. культуры", 1998. 896 с.

Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. 780 с.

Усачева А.Н. Русские и английские пословицы и поговорки, отражающие признак "здоровый – больной" // Материалы XII науч. конф. профессорско-преподавательского состава ВолГУ. Волгоград, 1995. С. 47–49.

Усачева А.Н. Отношение к здоровью как культурный концепт // Языковая личность: система, нормы, стиль: Тез. докл. науч. конф. Волгоград: Перемена, 1998. С.110–111.

Усачева А.Н. Концепт в культурной и лингвистической семантике // Сборник трудов молодых ученых и студентов Волгогр. гос. ун-та: В 2 ч. Ч. 2. Волгоград: Издательство ВолГУ, 2000. С. 202–204.

Усачева А.Н. Культурная семантика: здоровье и язык // Наука, искусство, образование на пороге III тысячелетия: Материалы II междунар. науч. конгресса, г. Волгоград, 6–8 апреля 2000 г.: В 2 т. Т. 1. Волгоград: Издательство ВолГУ, 2000. С. 508–510.

Усачева А.Н. Лексические средства выражения концепта "здоровье" // Проблемы лингвокультурологии и семантики через призму междисциплинарной парадигмы. Волгоград: Станица–2, 2001. С. 11–13.

Усачева А.Н. Лингвистические параметры концепта «состояние здоровья» в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2002. 17 с.

Ю.В. Мещерякова (Волгоград) КРАСОТА

Цель данной работы заключается в комплексной характеристике концепта «красота» в английском и русском языковом сознании.

В основе эстетической оценки лежит особая функция, выполняемая природной вещью или искусственным объектом в общественной жизни, – ценностная предметность, способность объекта быть значимым для человека. Эта функция характеризует всю практическую деятельность людей и поэтому закономерно отражается в языковом сознании и коммуникативном поведении. Ценностная предметность осмысливается и переживается как ценность – субъективная интерпретация ценностной предметности. В свою очередь, ценности выражаются в виде оценок – результатов сравнения оцениваемого с неким идеалом или эквивалентом.

Применительно к эстетической оценке в качестве эталона сравнения выступает идеал красоты.

В языковом сознании отражается картина мира – образ действительности как динамическая система дискретных ментальных образований, фиксирующих значимые для людей фрагменты и аспекты объективной и субъективной реальности. В силу исторических, географических и этнопсихологических особенностей народов картина мира всегда характеризуется национально-культурной спецификой, устанавливаемой на фоне общечеловеческого единства в мировосприятии. Одним из аспектов картины мира является ценностная картина мира – система значимых приоритетов в понимании действительности и вытекающих отсюда норм поведения. С позиций эстетических ценностей правомерно выделять в качестве аспекта картины мира ценностно-эстетическую картину мира.

Оценка представляет собой определение значения объекта по отношению к ценности с позиций оценивающего субъекта. Будучи выраженной языковыми средствами, оценка становится свойством языковых элементов (оценочностью). Важнейшей характеристикой оценки является ее ориентация не на объективные характеристики действительности, а на субъективно значимые параметры классификации мира. Выделяются общая и частные оценки, и соответственно общеоценочные (хорошо – плохо) и частнооценочные признаки. Разновидностью частной оценки является оценка эстетическая, основанная на синтезе сенсорных и психологических оценок. Эстетическая оценка представляет собой рационально отрефлектированное и эмоционально переживаемое чувственное восприятие мира в модусах восхищения и отвращения.

Слово *beautiful* в английском языке является заимствованием из французского, восходящим к латинскому *bellus*, которое в свою очередь восходит к слову *bonus* – хороший. Таким образом, идея красоты представляет собой конкретизацию общеоценочного положительного признака. В этом смысле можно заметить, что смысловое сближение общей положительной оценки и эстетической положительной оценки является, вероятно, естественной оценочной квалификацией объектов, и эта квалификация осуществляется в челночном режиме: хорошее – красивое – хорошее, отсюда и «красивый поступок». Слово *pretty* толкуется в этимологическом словаре английского языка как *crafty*, *wily*, *clever*, *ingenious*, *fine*, *brave*, *beautiful in a slight or dainty manner*, *considerable in quantity* и восходит к германскому **pratt- trick*. В словаре приводится очень важное рассуждение: развитие значе-

ния этого слова параллельно и развитию семантики других слов – *canny, clever, cunning, fine, nice* (ODEEtym). Мы видим, что слова, обозначающие частные положительные качества «умный», «умеющий» и др., перешли в разряд общеоценочных, а те вновь конкретизировались для обозначения красоты. Эти наблюдения заставляют нас задуматься над общей тенденцией развития значения слова от конкретного к абстрактному. Известно, например, что обозначение эмоциональных концептов, таких как «страх», «радость», «печаль» развивалось от конкретного к абстрактному, от выражения человеческой реакции (например, страх выражается через оцепенение, удушье) к обозначению эмоционального психического состояния (Красавский, 2001). Слова эстетической оценки развиваются по трехступенчатой модели: конкретный положительный признак – общий положительный признак – эстетический положительный признак.

В этимологическом словаре русского языка корень **крас-** сближается с древнеисландскими и древневерхненемецкими словами со значениями «хвалиться», «слава». Приводится также гипотеза о возможном сближении с литовским *grozis, grazus* – «красота, красивый». Исходя из возможного колебания инициальной фонемы *g/k*, можно предположить сходство древнеславянского корня *крас-* с латинским *gratia*, которое через *gratus* сближается с санскритским *gurtas* – *welcome, agreeable, thankful, orig. approved*. Этот корень восходит к древним индо-иранским и балтийским словам, обозначающим «восхваление» (Фасмер, ODEEtym). Хвала есть выражение эмоциональной оценки одобрения и восхищения. В данном случае также идея красоты развивается по линии «конкретное действие с положительной оценкой» – «общая положительная оценка» – «эстетическая положительная оценка». Наше предположение, разумеется, нуждается в дальнейшей проверке.

Идея отрицательно оцениваемого эстетического признака в английском языке выражается в слове *ugly*. Это слово этимологически восходит к северогерманским словам со значением «страшный». Заимствование из французского (и ранее из латинского) *monstrous* восходит к идее «смотреть с удивлением» (изначально – смотреть с трепетом на нечто чудесное). Идея безобразного выражается как характеристика человеческой эмоции при виде безобразного (страх, отвращение) и как удивление.

В русском языке отрицательно оцениваемый эстетический признак прозрачно выражен в семантике важнейших слов, называющих его. «Уродливый» значит «имеющий физическое врожденное уродство, аномалию, внешнее отклонение от нормы».

«Безобразный» – буквально «не имеющий образа», т.е. «не соответствующий должному образу».

Идея эстетической оценки выражается через слова со значением «удивляться». В английском admire является заимствованием из французского (и ранее из латинского) и восходит к слову «чудо» – miracle. Этимология германского слова wonder в словарях отсутствует. Латинское обозначение этой идеи связано с понятием «смотреть».

В русском языке удивление этимологически трактуется через «диво», т.е. чудо и ассоциативно связано со словами, обозначающими в индо-европейском бога. Этимология слова «чудо» объясняется в словаре М. Фасмера через сближение с греческим словом, обозначающим честь, славу.

Понятийные характеристики концепта «красота» раскрываются в словарных толкованиях синонимов, обозначающих этот концепт. Обратившись к английскому синонимическому словарю (WNDS), мы обнаруживаем следующие дистинкции:

1. Общим признаком для синонимов beautiful, lovely, handsome, pretty, bonny, comely, fair, beautiful, pulchritudinous, good-looking выступает качество «доставлять удовольствие при созерцании». В словаре специально оговаривается то обстоятельство, что удовольствие при созерцании красоты является чувственным или эстетическим. Важно отметить, что противопоставление 1) непосредственно чувственного и 2) эстетического как мысленно опосредованного созерцания лежит в основе выделения эстетики как специальной области знания.

2. Дифференциальные признаки сравниваемых синонимов сгруппированы в следующих направлениях:

а) мысленно опосредованное созерцание (mind and soul) (beautiful),

б) совершенство, соответствие идеалу (beautiful),

в) интенсивное эмоциональное восхищение, очарованность (lovely),

г) рациональное (неэмоциональное), дистанцированное удовольствие от созерцания совершенства (handsome),

д) тонкость, изящество, деликатность созерцаемого объекта (обычно небольшого размера) (pretty),

е) акцент на удовольствии от (чувственного) созерцания объекта (bonny),

ж) гармоничность, соразмерность и противопоставление простому, заурядному (comely),

з) подчеркивание чистоты, безупречности и свежести предмета созерцания (*fair*),

и) акцент на телесной красоте (иногда с ироничным подтекстом) (*beauteous, pulchritudinous*),

к) меньшая степень экспрессивности (*good-looking*).

В ряду слов, соотносимых с приведенными синонимами по аналогии, выделяются единицы двух типов: 1) *splendid, resplendent, glorious, sublime, superb*; 2) *exquisite, elegant, choice*. Слова первой группы носят общеоценочный характер и, на наш взгляд, могут быть дополнены обширным списком подобных слов. Заслуживают внимания слова второй группы:

elegant – 1) *graceful in appearance or manner*, 2) *tasteful, refined*, 3) *(of a mode of life etc.) of refined luxury*, 4) *ingeniously simple and pleasing*, 5) *US excellent* (COD).

exquisite – 1) *extremely beautiful or delicate*, 2) *acute; keenly felt (exquisite pleasure)*, 3) *keen; highly sensitive or discriminating (exquisite taste)* (COD).

Словарные дефиниции этих прилагательных акцентируют признаки «вкус», «изящество», «интенсивность эмоционального удовлетворения». Они не случайно соотносятся с идеей выбора: хороший вкус подразумевает умение выбрать лучшее (*careful selection of the best*). В этимологической справке к данным словам мы находим информацию о том, что в латинском языке корневые морфемы этих единиц обозначали выбор и поиск.

В синонимических словарях русского языка мы видим слова, обозначающие концепт «красота»: 1) красота, красивость, краса, 2) красивый, прекрасный, распрекрасный, хороший, пригожий, 3) миловидный, миленький, милый, хорошенький, смазливый (СсинРЯ), красный, прелестный (КрСсинРЯ). В ряду существительных дифференциация проходит по признакам «внешний – внутренний» и «поэтическое – общеупотребительное». В ряду прилагательных выделяются признаки «интенсивность», «очарование», «стилевые характеристики – народно-поэтическое, книжное, разговорное», «уточнение объекта оценки – ребенок, молодая женщина, девушка», «пренебрежительная оценка». В качестве ассоциативно связанных слов с концептом «красота» фигурируют единицы очаровательный, прелестный, обаятельный, чарующий, обворожительный, пленительный (СсинРЯ). В толкованиях этих слов актуализируются признаки «покоряющая сила», «внешность, поведение, поступки человека», «интенсивность», «колдовская, сверхъестественная власть».

Сравнив релевантные признаки синонимов, уточняющих концепт «красота» в английском и русском языках, мы можем сделать следующие выводы:

1. Общие признаки синонимов в сравниваемых языках совпадают.

2. Дифференциальные признаки приведенных синонимов обнаруживают как совпадение, так и различие. К совпадающим характеристикам можно отнести следующие: а) соответствие идеалу, б) интенсивность, в) ироничная оценка красивой внешности. Различительные признаки таковы: 1) противопоставление непосредственного и мысленно опосредованного созерцания (в английском языке), 2) противопоставление внешней и внутренней красоты (в русском языке), 3) противопоставление рационального и эмоционального удовлетворения от созерцания красоты (в английском языке), 4) акцентирование выбора как основания для эстетической оценки (в английском языке), 5) акцентирование сверхъестественной силы красоты (в русском языке), 6) конкретизация величины объекта эстетической оценки (маленький размер, хрупкость, деликатность) (в английском языке), 7) конкретизация неиспорченности объекта эстетической оценки (чистота, свежесть, безупречность) (в английском языке).

На наш взгляд, различия в эстетической оценке между английской и русской лингвокультурами носят глубинный закономерный характер.

Русская лингвокультура характеризуется синкретизмом эмоционального и рационального отношения к действительности (с позиций западного мировосприятия это выглядит как эмоциональность русской культуры). В английской лингвокультуре последовательно противопоставляется рациональное и эмоциональное отношение к миру.

Русское мироощущение бинарно в другом отношении: противопоставляется здешнее, внешнее, земное и нездешнее, внутреннее, небесное. Соответственно, подлинной красотой признается красота внутренняя. Поэтому и самым существенным противопоставлением признаков концепта «красота» в русском языковом сознании является контраст между красивым и прекрасным, чего нет в английском языке. Английское мироощущение, напротив, синкретично в этом отношении: для англичан внешнее и внутреннее неразрывно связаны, они акцентируют внимание на внешнем, полагая, что оно должно коррелировать с внутренним содержанием, хотя признают, что внешность может быть обманчива.

Следующее существенное различие между сравниваемыми культурами касается активности субъекта эстетической оценки. В английской лингвокультуре субъект вообще более активен. Применительно к оценке красоты здесь подчеркивается идея выбора как действия субъекта. В русской лингвокультуре, которая сориентирована не столько на деятеля, сколько на созерцателя, акцентируется сверхъестественная сила красоты, субъект оказывается более пассивным, зависящим от обстоятельств и судьбы.

Что же касается других дифференциальных признаков (выделение маленьких и неиспорченных объектов в английском языковом сознании в связи с идеей красоты), то они свидетельствуют о том, что маленькое в английском сознании ассоциируется с положительной эмоциональной оценкой (о специфике слова *little* писал В.И. Шаховский), а идея неиспорченности объекта связана с подчеркиванием роли агента, который либо сумел сохранить объект в таком качестве, либо мог нанести ущерб, но не сделал этого. Большое количество народно-поэтических синонимов, обозначающих концепт «красота» в русском языке, и отсутствие таких единиц в английском языке можно объяснить известными характеристиками английской и русской синонимии соответственно: для английского языка более характерна идеографическая синонимика, для русского – оценочно-стилистическая.

Будучи оценочным образованием, концепт «красота» допускает противопоставление красивого и некрасивого. На наш взгляд, красота относится к тем концептам, которые в своих противопоставлениях допускают не двухчастную, а трехчастную структуру. К двухчастным образованиям относятся случаи контрадикторной антонимии: А – не А, например, живой – мертвый. Они не допускают промежуточных образований, хотя возможны всем известные речевые игровые примеры: «Пациент ни жив, ни мертв». Однако в общепринятом смысле «неживой» значит «мертвый». К трехчастным противопоставлениям относятся те случаи, когда имеет место контрадная антонимия, например: «молодой – старый». Между крайними позициями в этом противопоставлении находится промежуточное образование, в приведенном примере – «человек средних лет». Применительно к концепту «красота» мы можем, таким образом, установить, как минимум, два противоположных понятия: некрасивый, но не выделяющийся «особой некрасивостью», и некрасивый, внешность которого вызывает активное отращение, т.е. уродливый. Таким образом, антонимичными понятиями по отношению к понятию «красивый» являются единицы «заурядный» и «уродливый».

Анализ лексического обозначения понятий, противоположных понятию «красивый» в английском языке, приводит нас к следующим выводам.

1. Слова, обозначающие понятие «некрасивый», не обнаруживают симметричных признаков по отношению к словам, обозначающим понятие «красивый», за исключением признака «интенсивность».

2. Общая понятийная схема «заурядный» – «уродливый» уточняется в английском языке следующих направлениях: а) отсутствие украшения, б) отсутствие формы, бесформенность, в) непропорциональность, нарушение формы, г) искажение, причинение уродства, д) грубость, необработанность, е) отвращение, вызванное грязью, нищетой, убожеством, ж) отвращение, вызванное страхом, з) непривлекательность, заурядность.

Анализ слов, обозначающих понятие «некрасивый» в русском языке, дает возможность констатировать следующее:

1. Подавляющее большинство этих слов отмечены стилистически как разговорные и просторечные, следовательно, обозначение некрасивой внешности признается допустимым только в кругу хорошо знакомых между собой людей.

2. Смысловые различия между исследуемыми словами носят следующий характер:

а) наличие врожденного физического недостатка, б) диспропорциональность, в) негативно оцениваемый маленький рост, г) отсутствие ярких особенностей, д) вызывающий жалость, е) хилость, слабое здоровье, ж) гендерная маркированность: в качестве примеров некрасивой внешности приводятся слова, обозначающие женщин; з) тесная связь с этической оценкой.

Сравнение признака отрицательной эстетической оценки в английском и русском языках приводит нас к следующим выводам.

Общим в негативной эстетической оценке является чувство страха, отвращения по отношению к очень некрасивым людям или предметам и чувство пренебрежения по отношению к людям с простой, заурядной внешностью. Отрицательно оценивается диспропорциональность объектов.

Различия в негативной эстетической оценке между сравниваемыми лингвокультурами таковы:

1. В русском языке акцентируется врожденность безобразной внешности, в английском подчеркивается то, что человек или объект стал отталкивающе некрасивым в силу причинения уродства.

2. В английском языке выделяется грубость, необработанность и отсутствие украшения как причина того, что объект вызывает отрицательную эстетическую оценку.

3. В русском языковом сознании отрицательную оценку вызывает хилость, отсутствие должного здоровья, которое признается неотъемлемым атрибутом красоты.

4. В английском языке отрицательно оценивается убожество, нищета и грязь, поскольку подразумевается, что нужно жить в чистоте и достатке, прилагая определенные усилия для этого.

5. Русскому языковому сознанию свойственно специфическое основание для отрицательной эстетической оценки – маленький рост, в то время как в английском маленький размер вызывает положительно-эмоциональную оценку.

6. В русском языке прослеживается ассоциативная связь между отрицательно оцениваемой внешностью и чувством жалости.

7. Показателен гендерный признак в отрицательной оценке применительно к женщинам в русской лингвокультуре, из этого вытекает признание того, что нормальная женщина должна быть красивой.

В русской фразеологии выделяются следующие образы, лежащие в основе закрепления концепта «красота»: 1) молодость, 2) хорошее здоровье, 3) произведение искусства, 4) сравнение с божеством, 5) сравнение с демоном, 6) сравнение с цветами и звездами, 7) сравнение с благородными животными и птицами (он красив, как орел, она – как павая или лебедь). Отрицательная эстетическая оценка фиксируется в следующих признаках: 1) плохое здоровье, 2) врожденный физический дефект, 3) избыточные и недостаточные рост и масса тела, 4) отсутствие вкуса в одежде, 5) сравнение с грязными животными, 6) сравнение со смертным грехом.

Положительная эстетическая оценка закреплена в следующих признаках, зафиксированных в семантике английских фразеологизмов: 1) произведение искусства, 2) сравнение с божеством, 3) сравнение с цветами и звездами, 4) сравнение с благородными животными и птицами. Отрицательная эстетическая оценка фиксируется в следующих признаках: 1) плохое здоровье, 2) избыточные и недостаточные рост и масса тела, 3) отсутствие вкуса в одежде, 4) сравнение с грязными животными, 5) сравнение со смертным грехом, 6) возрастная конкретизация отрицательной оценки внешности (неуклюжесть подростков и уродливость старых злых женщин). Общий вывод, который можно сделать, сравнив фразеологическое обозначение эстетической оценки в английском и русском языках, – значительное совпаде-

ние единиц и расхождение, касающееся концепта «здоровье» (этот концепт более активно используется в русской лингвокультуре) и концепта «возраст» (этот концепт более активно сопряжен с идеей внешности в английской лингвокультуре).

Среди английских, русских пословиц, связанных с концептом «красота», можно выделить две группы. В первую из них входят пословицы, представляющие красоту в активном виде, во вторую – в пассивном (по В.З.Демьянкову).

Пословицы первой группы представляют «красоту» как начало, независимое от человека и играющее во взаимодействии с ним активную роль: например, *Beauty dies and fades away, but ugly holds its own*; *Beauty is a living thing*; *Красна речь пословицей*; *Женщине красота – домостройство*.

В пословицах второй группы человека и красоту связывают отношения оценки (характеристики):

оценка поступков человека (*красив тот, кто красиво поступает*; *красную речь красно слушать*);

оценка артефактов, объектов (*красиво поле снопами, а гумно – скирдом*);

оценка внешности (*лицом красив, да сердцем спесив*; *молодец красив, да на думу крив*; *личиком гладок, да делами гадок*; *и умен и пригож и на дело гожд*).

В английских пословицах красота провозглашается ценностью менее важной, чем честь и совесть: например, *Good fame is better than a good face*; *Handsome is as handsome does*.

В русских пословицах красота занимает важное место (*скромность красит человека*; *коса – девичья краса*; *красива пава перьем, а жена – мужем*). Красота уступает уму: *красавице ум не помеха*; *краса до венца, а ум до конца*; *красота и без разума пуста*. Поступки человека ценятся больше, чем его внешность: *личиком гладок, да делами гадок*; *не тот хорошо, кто лицом пригож, а тот хорошо, кто на дело гожд*.

В английских пословицах красота часто не совместима с высоким моральным обликом человека: *a pretty girl, a heart of gall*. Красота является следствием любви, проявления чувств: *beauty lies in lover's eyes*. В английской наивной картине мира так же, как в русской, существует понимание длительности красоты и прекрасного: *beauty is a living thing – beauty is only skin deep* = прекрасное вечно; красота недолговечна. Обращает на себя внимание пессимистическое английское речение об эфемерности красоты и постоянстве уродства: *beauty dies and fades away, but ugly holds its own*.

Большинство русских пословиц указывают на факт недостаточности одной лишь красоты: снаружи красота, внутри пустота; красивыми словами пастернак не помаслишь. Красота, также как и в английских пословицах, мало значима без соответствующего морального облика, без чувств, без особого внутреннего мира: *fair without, false within; fair face may hide a foul heart; не та мила, что хороша, а та мила, что по сердцу пришла; родилась пригожа, да по нраву не гожа; в уборе и пень хорош*.

В русских пословицах красота выступает как эстетическая оценка, служит параметром измерения качественных характеристик действия (*Красиво врешь – за мной грош*), предмета (*В уборе и пень хорош*), внешности человека (*Молодец красив, да на думу крие*).

В обоих языках красота может противопоставляться внутренним качествам человека: *Не хитер парень, да удачлив, неказист, да талантлив; Neither beautiful nor clever*.

В английской и русской афористике концепт “красота” получает разнообразные характеристики. Общим для сравниваемых лингвокультур является следующее: 1) красота признается одной из высших человеческих ценностей, 2) красоте уделяется большее внимание, чем характеристикам отрицательной эстетической оценки, 3) красота сопряжена с другими высшими ценностями, 4) красота женщины может быть обманчива.

Например, Джон Мильтон подчеркивает то, что только слабые умы поддаются очарованию красоты:

Beauty stands in the admiration only of weak minds led captive (Красота чарует лишь слабые умы)(J.Milton).

К красоте можно привыкнуть (эта истина отражена также и в английской пословице о том, что и к чуду привыкают):

Beauty is all very well at first sight; but who ever looks at it when it has been in the house three days?(При первом взгляде у неё все прекрасно; но кто на неё взглянет на третий день?) (G.B.Shaw). Сравните: *A wonder lasts but nine days (чудо длится только три дня).*

Красота притягивает к себе хищников:

O gracious, why wasn't I born old and ugly?(О господи, почему я не была рождена старой и уродливой?) (C.Dickens).

Обратим внимание на актуальное для англоязычного сознания сочетание признака эстетической оценки и возраста.

Авторы афористических сентенций пронизательно замечают, что красота (так же, как ум или успех) может вызывать к себе отрицательное отношение в силу человеческой зависти:

Against the beautiful and the clever, and the successful, one can wage a pitiless war, but not against the unattractive (Против красивых, умных и

удачливых можно вести безжалостную войну, но против непривлекательных – никогда)(G.Greenе).

С грустью констатируется особенность людей уделять большее внимание безобразному в окружающем мире, чем прекрасному:

What beastly incidents our memories insist on cherishing!.. the ugly and disgusting... the beautiful things we have to keep diaries to remember! (Какие мерзкие события мы бережно храним в нашей памяти! ...уродливые и отвратительные...А чтобы не забыть о красивом, нужно вести дневники... (Е.О'Neill).

Русские писатели подчеркивают смысложизненную ценность красоты для человека:

Потребность красоты и творчества, воплощающего ее, – неразлучна с человеком, и без нее человек, может быть, не захотел бы жить на свете (Ф.М.Достоевский).

Для русских мыслителей центральным вопросом эстетики является связь красоты и добра. Прежде всего, подчеркивается неразрывная связь этих категорий:

Добро само по себе ... убеждает нас, только если осветит его красота. (М.М.Пришвин).

В афоризмах прослеживается связь между концептами «красота» и «здоровье»:

Прекрасное и красивое в человеке невысказано без представления о гармоническом развитии организма и здоровья (Н.Г.Чернышевский).

В афоризмах выражена мысль о том, что красота сама по себе не самодостаточна:

Глупая красота – не красота. Взглядишь в тупую красавицу, всмотришь глубоко в каждую черту лица, в улыбку ее, взгляд – красота ее превратится мало-помалу в поразительное безобразие. (И.А.Гончаров).

Основные различия в отношении к красоте и ее антиподу в английской и русской лингвокультурах, по данным афористики, таковы: 1) для английских авторов важно отметить связь красоты, свободы, радости как проявлений жизни, для русских наиболее существенным является сопоставление красоты и добра, т.е. внешнего и внутреннего в человеке; очень важен тезис о том, что подлинная красота постигается не умом, а сердцем; 2) английские мыслители подчеркивают соотношение красоты и бесполезности, красоты и эфемерности, красоты и незащитности, русские – соотношение красоты и здоровья, красоты и гармонии, 3) англичане с горечью констатируют склонность людей игнорировать красоту, русские воспевают изначальную красоту мира.

Сравнительный экспериментальный анализ стереотипных ассоциаций с образами красоты в русской и англоязычной лингво-

культурах показал, что важнейшие специфические отличия в стереотипах красоты касаются высокой оценки внешности представителей своей культуры (прежде всего, женщин), высокой оценки чужой красивой местности и подчеркивания красоты в альтруистическом поведении (русская лингвокультура) и меньшей значимости внешности, важности признака «чистота», понимания счастья как признака красоты, признания своей местности эталоном красоты и акцентирования коммуникативных особенностей личности как образцов красивого поведения.

Слова со значением положительной эстетической оценки в английских художественных текстах употребляются в соответствии с их словарными дефинициями. Имеет место взаимопереход общеоценочной и эстетической положительной квалификации объектов: слова со значением «красивый» употребляются для выражения общей положительной оценки, а общеоценочные слова в конкретных контекстах выражают эстетическую оценку.

Англоязычные каноны внешности человека четко противопоставляют красоту женщин и мужчин и красоту блондинов (чаще блондинок) и других людей. Использование слова *beautiful* для описания внешности женщины, ребенка является нормативным и поэтому не нуждается в уточнениях эстетической оценки. Если же речь идет о красоте мужчины, то показательным является наличие адвербиального уточнителя, например, *frigidly beautiful*. Застывшая, холодная красота присуща скорее предмету, чем человеку. В этом контексте эстетическая оценка вступает в противоречие с общей оценкой: человек внешне красив, но его красота чем-то отталкивает. Обратим внимание на то, что в данном примере нет противопоставления эстетической и этической оценок, для англичан такое противопоставление не столь актуально, как для русских.

Блондинки и блондины соответствуют английским критериям красоты. Неслучайно в текстах художественных произведений мы сталкиваемся со словосочетаниями *blond and beautiful*, *fair and beautiful*. Стереотипное представление о женской красоте англичанок в известной мере соответствует внешности принцессы Дианы: светлые волосы, большие серые глаза, удлинённый овал лица, ровный нос, крупные белые зубы, длинная шея, стройная фигура. Можно сказать, что этот стереотип соответствует северо-западному европейскому типу внешности человека. Цвет лица для англичан играет очень важную роль, в английском языке есть специальное слово для его обозначения – *complexion*: “*She was an adorable creature, her rosy complexion was not the least ad-*

vantage of her appearance" (Mitchell). Заслуживает внимания подчеркивание удлиненности форм как критерий красоты (*long beautiful hands*).

Обращает на себя внимание факт использования разговорных общеоценочных слов для выражения эстетической оценки в английском языке. При этом соответствующая лексика используется либо предикативно, либо в качестве функциональных эквивалентов междометий.

В количественном соотношении однословные вербальные обозначения красоты в английском языке отражают специфику художественного текста как описания действительности: слова эстетической оценки статистически многократно превосходят общеоценочную лексику. По стилевой принадлежности употребительность слов высокого стиля примерно соответствует в количественном отношении употребительности слов разговорного стиля (50% – 50%), однако количество слов высокого стиля значительно превышает соответствующее число разговорных слов (80% – 20%). Слова высокого стиля употребляются в речи также неравномерно, подавляющее большинство таких единиц используется достаточно редко.

Доминантой группы «красота» в русском языке является слово «красивый», которое употребляется авторами чаще других слов, обозначающих оценку внешности и т.п.

Красота может определяться словами – дивная, жгучая, неземная, ослепительная, броская, сиять красотой, обжигать красотой.

Если бы смотрел художник, то выискал бы в ее чертах инопланетную красоту (Токарева).

Про ослепительную красоту Митя неоднократно читал в романах (Акунин).

Анализ обозначения концепта «красота» в русских художественных текстах позволяет сделать следующие выводы.

Текстовое употребление слов с положительной эстетической оценкой соответствует их словарным дефинициям.

Для русских обозначений эстетической оценки в меньшей мере характерен переход в сферу общеоценочной квалификации, чем для английских коррелятов.

В русских художественных текстах положительная эстетическая оценка выражается посредством слов высокого или общелитературного регистра, разговорные единицы практически не используются для этой цели.

В количественном отношении в русском языке наблюдается резкий разрыв между тремя словами, обозначающими концепт «красота» (красивый, совершенный, прекрасный), и остальными

однословными обозначениями этого концепта (примерно 90% – 10 %).

В результате анализа слов со значением отрицательной эстетической оценки в английских художественных текстах мы пришли к следующим выводам:

Слова, обозначающие безобразную внешность людей и предметов, соотносятся прежде всего в сознании носителей английского языка с идеями страха и грязи. Это соответствует данным словарных дефиниций. Признак сознательного причинения внешнего ущерба объектам или людям, выделенный в словарях, в текстах художественных произведений не прослеживается как частотный.

Слова отрицательной эстетической оценки в английском языке распадаются, по данным анализа текстовой выборки, на общеоценочные и собственно специфически эстетические характеристики объектов, взаимно перетекающие друг в друга.

Подводя итоги, можно отметить, что обозначение отрицательной эстетической оценки в русских художественных текстах представлено значительно беднее, чем характеристика красоты. Наиболее частотным является слово «страшный», что соответствует данным английского языка (отметим, что по количеству страниц был проанализирован равный объем художественных текстов на английском и русском языках). Слова «уродливый», «безобразный» употребляются в русских художественных текстах крайне редко (примерно 3% от общего числа употреблений всех слов с отрицательной эстетической оценкой). Вероятно, такой факт связан со спецификой эстетического отражения действительности в художественной литературе.

Сравнив обозначение концепта «красота» в англоязычной и русской художественной литературе, мы можем констатировать следующее.

В обоих языках имеет место совпадение обозначения красоты (либо ее антипода) в дефинициях словарей и художественных текстах. Обращает на себя внимание тот факт, что как в английском, так и в русском языках соотношение словоупотреблений с положительной и отрицательной эстетической оценкой в проанализированном корпусе примеров из художественных текстов составляет пропорцию примерно 2 : 1 (в английских примерах 9230 : 4325, в русских – 4251 : 1932).

Основные различия в вербализации исследуемого концепта в художественных текстах применительно к сравниваемым лингвокультурам касаются статистических моментов. В английском художественном тексте детально представлены различные лексические обозначения прекрасного и безобразного, при этом нет рез-

кого противопоставления высокочастотной и низкочастотной лексики. В проанализированных текстах русской художественной литературы наблюдается количественный разрыв между основными наименованиями концепта «красота» и множеством слов, представленных в выборке единично. Для английского языкового сознания существенным является противопоставление красивого как рационально оцениваемого и как эмоционально привлекательного, при этом последний тип обозначений тяготеет к разговорному выражению. Для русского языкового сознания такое противопоставление нерелевантно. В русских художественных текстах прослеживается выделение красоты внешней и внутренней, однако количество слов, обозначающих внутреннюю красоту резко уступает числу лексических обозначений красоты внешней (примерно 20% – 80%).

Вербальное воплощение концепта «красота» в английском и русском массово-информационном и обиходном дискурсе характеризуется следующими особенностями.

Вербальное выражение эстетической оценки в публицистических текстах не отличается от соответствующего выражения в текстах художественных. Разговорное воплощение концепта «красота» и его антипода тяготеет к клишированным формам, которые имеют высокую частотность в речи.

В публицистических и рекламных текстах достаточно часто используются контекстуальные синонимы и антонимы слов эстетической оценки, акцентирующие восхищение или отвращение субъекта оценки.

Заслуживает внимания комбинаторика признаков «красивый» и «умный», при этом отчетливо видна позиция говорящего по отношению к характеризуемому человеку, это – дистанцирование от объекта:

She is a handsome woman, intelligent, articulate and faithful to inflexible socialist principles, which I must confess I have never shared. – Она – красивая женщина, умная, четко выражающая свои мысли и верная жестким социалистическим принципам, которые я, признаюсь, никогда не разделял.

Слово *elegant* часто используется в рекламных текстах:

With its fabulous long beaches of soft, white sand, basking in eternal sunshine, its shimmering turquoise waters and cool, elegant hotels, Tunisia is the ideal holiday destination for sun-worshippers. – Сказочные длинные пляжи с мягким белым песком, возможность постоянно загорать на солнце, мерцающая, бирюзовая вода и прохладные фешенебельные отели – все это делает Тунис идеальным местом отдыха, для тех, кто любит солнце.

В приведенном примере наблюдается синонимическая аттракция слов, близких по оценочной семантике: сказочные пляжи, фешенебельные отели, идеальное место для отдыха.

В публицистических текстах идея безобразной внешности обобщается как антипод жизненных сил и достойной судьбы:

A hideous, distorted, emaciated maniac without knowledge, without patriotism, without natural affection, spending his life in a long routine of useless and atrocious self-torture, and quailing before the ghastly phantoms of his delirious brain had become the ideal of the nations which had known the writings of Plato and Cicero, and the lives of Socrates and Cato.

В приведенном примере подчеркивается уродство как результат намеренного отхода от гармоничного идеала человека в древней Греции и Риме (жуткий, искаженный, истощенный маньяк, лишенный знаний, любви к родине, естественных привязанностей, проводящий свою жизнь в бессмысленных и жестоких пытках самого себя и содрогающийся перед ужасными фантомами, которыми наполнен его бред).

Смысловое распределение признаков, выделенных ранее при анализе дискурсивного воплощения исследуемого концепта в художественном тексте, является таким же и в публицистическом и разговорном текстах. Подтвердилось наблюдение о тесной взаимосвязи общей и эстетической оценок в сравниваемых лингвокультурах.

В публицистическом дискурсе слово «красивый» часто контрастирует со словами, обозначающими пользу или моральные нормы:

...люди, видя по телевизору кумиров, отцов нации, слушая их благородные речи, верят, что за словами обязательно последуют дела. Если все ограничивается словами, разочаровываются и больше уже никогда не поверят тем, кто говорит правильно и красиво, но глубоко равнодушен как к живым, так и ушедшим соотечественникам.

В данном примере противопоставлены слова «правильно и красиво» и «равнодушен», в результате чего внешняя красота того, о чем идет речь, оценивается критически.

Удалось выявить некоторое статистическое различие в соотношении употреблений слов с положительной и отрицательной оценкой в публицистическом и обиходном дискурсе: если для художественного текста эта корреляция была примерно одинаковой для английского и русского языков и составляла соотношение 2 : 1 (66% – 33%), то для публицистического и обиходного дискурса соотношение между восхищением и отвращением является иным для английской и русской лингвокультур: в английском языке это 75% – 25%, а в русском – 62% – 38%. Возможно, эти результаты объясняются более представительной выборкой разговорной ре-

чи в русском языке по сравнению с английским. Тем не менее, этот факт приводит нас к выводу о том, что в обиходном дискурсе отрицательная эстетическая оценка более частотна, чем в художественном либо массово-информационном.

Если в художественном тексте мы сталкиваемся с описаниями красивых людей и предметов, характеристиками красоты внутренней, то в разговорном и обиходном тексте реакция на красоту выражается большей частью в виде аффективных слов – междометий и междометных эквивалентов. Тем не менее, представляет интерес проанализировать корпус текстов заведомо сниженной тематики, где речь идет о предметах и людях с позиций эстетической оценки. Такие тексты – анекдоты – весьма употребительны, в них дается мотивация эстетической оценки, и, следовательно, в них можно увидеть лингвокультурные приоритеты, доминанты оценочной квалификации.

Например, подчеркивается несовместимость собственной плохой внешности (и не только внешности) и высоких запросов, касающихся внешности женщины:

Ищу умную красивую и богатую принцессу, способную вернуть мне веру в справедливость. Спросить в подсобке грузчика Ваську.

Понятно, что умная, красивая и богатая принцесса несовместима с человеком низкого социального статуса.

Выделяются шутки о претензиях женщин выглядеть лучше, чем они есть:

'You see my real shoe size is four,' said Vera. 'But I'm wearing sevens coss fours hurt!' – Понимаешь, мой размер обуви – четвертый, но я ношу седьмой, потому что четвертый давит!

Сравнительный анализ английских и русских анекдотов, в которых обыгрывается эстетическая оценка, позволяет нам сделать следующие выводы.

Эстетическая оценка в анекдотах касается только внешности человека. Общим в сравниваемых текстах является сочетание признаков женской красоты и глупости, красоты и денег. Основные различия состоят в следующем: 1) в русском корпусе анекдотов четко противопоставляется оценка жен и чужих женщин, при этом жёны некрасивы и глупы, а чужие женщины красивы и недосыгаемы, такого различия нет в английских примерах; 2) в английских анекдотах наряду с констатацией глупой женской красоты есть и констатация глупости мужчин, пытающихся унижить женщин; 3) в русских шутках видна нескрываемая положительная оценка внешности русских женщин по сравнению с чужестранками; 4) в английских шутках важное место занимает тема борьбы с лишним весом; 5) в русских шутках о внешности мужчин выделяются гипертрофические характеристики уродства, сравнение

мужчин с женщинами, несовместимость желаний и возможностей, в английских – связь внешности мужчин с их возрастом (мы видим, что мужскую внешность по-русски характеризуют мужчины, а по-английски – женщины); б) среди русских анекдотов о внешности попадаются абсурдные шутки, которые не встретились нам по-английски, в корпусе английских шуток мы нашли агрессивные насмешки-оскорбления и насмешки-дразнилки о внешности, у которых нет аналогов в русском языке. Важно отметить, что выделенные признаки эстетической оценки внешности по данным анекдотов не коррелируют с признаками красоты / безобразия, устанавливаемыми в лексической семантике, в значении фразеологизмов, пословиц и афоризмов на английском и русском языках, а также в вербальных ассоциациях. Факт такого несовпадения требует осмысления и проверки на более представительном материале, касающемся других концептов, но вероятно, можно утверждать, что существует дискурсивная специфика проявления концепта, и дискурсивные признаки концептов являются взаимодополнительными по отношению к признакам, выделяемым на основе анализа лексики и паремиологии.

Результаты выполненной работы подтверждают тезис о двух важнейших культурных доминантах поведения, свойственного английскому и русскому миропониманию, – отношению к действительности с позиций Деятеля либо с позиций Созерцателя. Можно констатировать, что с позиций Созерцателя концепт «красота» является самым важным в системе жизненных ценностей.

В результате выполненного исследования мы пришли к следующим выводам.

Лингвокультурный концепт «красота» представляет собой сложное ментальное образование, его образно-перцептивная составляющая есть совокупность прототипных образов красивой / некрасивой внешности, его понятийная составляющая является эстетической оценкой – рационально отрефлектированным и эмоционально переживаемым чувственным восприятием мира, его ценностная составляющая сводится к признанию красоты одним из высших смысложизненных ориентиров и вытекающей отсюда системе приоритетов поведения.

Общие характеристики концепта «красота» в английской и русской лингвокультурах сводятся к соответствию с идеалом, взаимоперетеканию общеоценочной и эстетической квалификации объекта, наличию интенсивных уточнений, признанию возможных моральных недостатков при внешней красоте, к страху

перед очень некрасивой внешностью и пренебрежению по отношению к заурядной внешности.

Основные специфические характеристики концепта «красота» в английской лингвокультуре – это противопоставление непосредственно эмоциональной и рационально отрефлектированной положительной эстетической оценки, акцентирование выбора как условия для признания чего-либо соответствующим критериям красоты, преимущественное осознание безобразного как результата неправильного человеческого поведения.

Основные специфические характеристики концепта «красота» в русской лингвокультуре – это противопоставление красоты внутренней и внешней, подчеркивание чудесной сущности красоты, преимущественное понимание уродства как независимого от людей дефекта и вытекающая отсюда жалость по отношению к людям с физическими недостатками, осознание тесной взаимосвязи между красотой и здоровьем.

В английской фразеологии, паремиологии и афористике доминирует идея обманчивости и эфемерности красоты, в русской фразеологии, паремиологии и афористике – идея единства красоты и добра.

В дискурсивном воплощении положительная эстетическая оценка является преобладающей в художественных и публицистических текстах, доля отрицательной эстетической оценки увеличена в обиходно-разговорном дискурсе.

Специфика дискурсивного воплощения концепта «красота» в английской лингвокультуре сводится к актуализации связи между молодостью и красотой и резко отрицательной характеристике дефектов внешности, в русской лингвокультуре – к подчеркиванию связи между красотой и здоровьем и пониманию тщетности попыток улучшить свою внешность.

Литература

Демьянков В.З. Пленительная красота // Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного. М.: Индрик, 2004. С.169-208.

Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: Монография. Волгоград: Перемена, 2001. 495 с.

Мещерякова Ю.В. Концепт «красота» в английской и русской культурах // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики: Сб. науч. тр. / ВГПУ. Волгоград: Перемена, 1999. С. 209–215.

Мещерякова Ю.В. О лингвокультурном концепте «красота» в английском языке // Языковая личность: проблемы межкультурного общения:

Тез. науч. конф., посв. 50-летию ф-та иностр. яз. Волгоград, 3-4 февраля 2000 г. / ВГПУ. Волгоград: Перемена, 2000. С. 48–49.

Мещерякова Ю.В. Язык и культура – сущность взаимосвязи и взаимовлияния // Языковая личность: проблемы когнитивной и коммуникативной: Сб. науч. тр. Волгоград: Колледж, 2001. С.165–172.

Мещерякова Ю.В. Эстетические ценности в языковой картине мира // Проблемы лингвокультурологии и теории дискурса: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2003. С. 29 – 34.

Мещерякова Ю.В. Концепт «красота» в английской и русской лингвокультурах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 24 с.

Л.Е. Вильмс (Волгоград)

ЛЮБОВЬ

Любовь как эмоциональное состояние является эмоциональной универсалией в том смысле, что каждый человек может любить и признавать любовь другого человека. Это вызывает вопрос, не является ли ее лингвистическое кодирование тоже универсальным: имеют ли языки мира идентичные или, по крайней мере, сходные категории для такого понятия как “любовь” и являются ли они неизменными, постоянными во времени?

Цель данного исследования – сопоставление лексико-фразеологических средств, описывающих концепт “любовь” с точки зрения эмоционального состояния, отношения, поведения и его оценки в рамках русского и немецкого языков. Хотя понятие “любовь” становилось предметом исследования многих лингвистов (С.Г.Воркачев, Л.Г.Бабенко, В.В.Колесов, Л.В.Кульгавова, L.Jäger, E.Karl-Blume и др.), специальное сопоставительное лингвистическое исследование его дескриптивных и экспрессивно-оценочных языковых характеристик еще не проводилось.

В данной работе мы противопоставляем терминологически эмоции и чувства. **Эмоция** – субъективное оценочное отношение индивида к определенному предмету или явлению, обладающее качеством и интенсивностью. **Чувство** – эмоциональное состояние, равное совокупности X-числа эмоций, переживаемых индивидом некоторое время, т.е. характеризующееся продолжительностью и направленностью на конкретный объект.

Чтобы определиться в понимании самого явления “любовь”, мы сочли логичным исходить из положения, что любовь есть чувство, либо комплекс эмоций, различных по психическим параметрам (интенсивность, качество, продолжительность, ценность, оценочность и т.д.). Тем самым обеспечивается объективность сопоставительного анализа языковых средств описания понятия

“любовь” в немецком и русском языках. Такое понимание ориентировано прежде всего на сопоставление разноквантовых эмоциональных переживаний, связанных с чувством любви. Например, ‘любовь’ + ‘восхищение’ → ‘восторгаться’, ‘восхищаться’, ‘умирать по ком-либо’, ‘превозносить до небес кого-либо’ и т.п.

Так как объектом нашего исследования является фрагмент внутреннего мира человека – т.е. психологический (эмоциональный) феномен – то логичным представляется опора в сопоставительном лингвистическом анализе на использование теоретических положений, связанных с категорией эмотивности (В.И.Шаховский).

В качестве итогового положения по этим вопросам выдвигается следующее: внутренний мир человека (его эмоции, чувства, переживания) так же, как и предметный мир, является отражением окружающей действительности, которым последняя и оценивается. Для этого язык призван выполнять эмоциональную функцию, заключающуюся в выражении различных эмоциональных переживаний. Одной из форм этой функции является специальный набор языковых единиц фразеологического и нефразеологического характера, которые представляют категорию эмотивности. Последняя тесно связана с категорией оценочности. Обе, в свою очередь, являются основными компонентами плана содержания, через который манифестируется тот или иной знак эмоции. Оценочность суждений, оформленных эмоционально предполагает наличие ассоциаций и переосмыслений, свойственных только данной культуре.

Анализируя концепт “любовь”, мы выделили шесть основных его интерпретаций: 1) обиходные и/или определения “наивного” восприятия, 2) общефилософские, 3) аспектно-научные, 4) художественно-образные, 5) определения-суждения и 6) концептуально-авторские.

Характеризуя типы культурных определений понятия ‘любовь’, мы учитывали те потенциальные цели и задачи, которые ставятся в каждом отдельном случае носителем языка в процессе коммуникации. Понятно, что значения, приписываемые слову в процессе коммуникации, носят для своего продуцента ситуативный характер. Например, определение-суждение “Любовь – это такое чувство, когда я чувствую то, что вы чувствовать не можете” принадлежит А.П. Чехову, и в нем могут быть выделены признаки, которые стали главными для конкретной языковой личности: ‘чувство’, ‘необъяснимость’, ‘невозможность испытывать нечто подобное другим лицом’. Это определение претендует на афористичность (оно принадлежит известному лицу), тем самым оно

отличается от обиходных интерпретаций понятия “любовь”. Но: аспектно-научное определение “Любовь – это депрессивно-маниакальный психоз, крайнее проявление которого – суицид” опирается на терминологическое медико-психическое понимание явления, что по сути не сопоставимо с другими концептуальными интерпретациями.

Очевидно, что каждый тип определений глобального понятия “любовь” располагает “своим” набором лексических единиц, который потенциально может быть бесконечен. В связи с этим мы ограничиваемся поиском признаков характеристик понятия “любовь” в русском и немецком языках, сопряженных с обиходными, художественно-образными определениями и определениями-суждениями (в нашем случае они представлены паремиологическими изречениями), в которых национально-культурная специфика отражения самого явления через лексико-фразеологические средства интерпретации понятия проявляется наиболее полно и в которых категория эмотивности и оценочности презентуется на уровне общего и особенного в двух сравниваемых языках.

Историко-сопоставительный анализ признаков понятия “любовь” в немецкой и русской лексикографии на материале энциклопедических и филологических словарей, изданных в Германии в XVIII -XIX веках и в России в более позднее время ориентирован на сравнительный анализ лингвистических средств номинации и описания феномена любви в русском и немецком языках.

В итоге выяснилось следующее:

1) немецкие энциклопедические издания и словари XVIII века трактуют любовь в духовно-теологическом либо в философском плане. Сексуальная сторона имеет в определении понятия либо символическое значение, либо игнорируется полностью. Решающее значение имеет любовь к Богу и братьям, ближнему. Под любовью понимается не человеческое чувство в отношениях между мужчиной и женщиной, а милость Божья и потребность/необходимость в продолжении человеческого рода, предопределенная Богом. Русское понятие “любовь” дефинируется шире, а именно: в дополнение к немецким значениям “божья милость”, “благосклонность” подразумевается страсть, а также согласие, мир, в то время как в немецком языке для номинации этих понятий существуют другие лексемы. Кроме того, в русскоязычных источниках не упоминается толкование любви как болезни, напротив, – немецкие издания часто объясняют любовь как физическое состояние больного человека.

2) в XIX веке в Германии понимание любви уже не носит явно теологический характер, но постепенно становится антропологической категорией, т.е. в это время любовь уже не является чисто научным понятием, а толкуется с точки зрения человеческого фактора. В русских словарно-справочных изданиях понятие “любовь” либо опускается, как, например, в словаре Ф. Павленкова, либо оформляется кратким толкованием, основанным на перечислении созначений, либо (это касается энциклопедических изданий) на философской интерпретации этого понятия. Например, статья “любовь” в энциклопедическом словаре Ф.Брокгауза и И.Эфрона, изданном в Санкт-Петербурге в 1880 году, написана русским философом В.С. Соловьевым. Автор рассматривает три вида любви (родительскую, любовь детей к родителям и половую любовь). Эта статья является кратким изложением трактата В.С.Соловьева “О любви” и не имеет ничего общего с толкованием понятия “любовь” в немецком издании того же словаря, где “любовь – свободное влечение родственных лиц разного пола, или чувственное стремление к полному единению с определенной личностью противоположного пола, или же само единение” (Brockhaus, 1864-1868) (перевод наш – Л.В.);

4) общее и различное в дефиниционном толковании понятий “любовь” / “die Liebe” сведено в единую таблицу, для чего выделяются их основные значения, или их основные признаки, к которым мы, не претендуя на категоричную завершенность, относим прежде всего: божественность, добродетель, болезнь, страсть, влечение, уважение, мир, согласие (покой), духовно-физическое единение.

Страна	Германия		Россия	
	XVIII	XIX	XVIII	XIX
Признаки				
Божественная милость	+	-	+	-
Добродетель	+	+	+	+
Болезнь	+	+	-	-
Страсть, влечение	-	+	+	+
Уважение	-	+	-	-
Мир, согласие	-	-	+	-
Духовно-физическое единение	-	+	-	+

4) все выделенные группы понятийных характеристик не имеют признаков конкретизаторов, а упоминаются как признаки к самому понятию “любовь”, т.е. ‘любовь’ = ‘добродетель’, ‘страсть’, ‘мир’ и т.д.

Аналогичный анализ признаковых характеристик понятия “любовь” на материале современных изданий показал, что практически во всех русскоязычных изданиях ‘любовь’ понимается как чувство. Именно так оно определено только в четырех из девяти немецких источниках. Однако в трех из них ‘любовь’ трактуется как комплекс чувств и практически во всех немецких изданиях ‘любовь’ – это половое влечение, т.е. на первое место ставится биологический фактор. Такая трактовка прослеживается лишь в четырех русских изданиях. Смысловое объединение ‘склонность’ обнаружилось не в равных пропорциональных отношениях в русских и немецких источниках: 2:5. Зато ‘привязанность’ превалирует в четырех русских источниках, и только в одном немецком. Тенденция к вычленению смысловых подгрупп (сопоставляющих понятий) ‘любви’ достаточно неравномерна, что позволяет говорить о разнородных понятийных ассоциациях русского и немецкого языкового сознания. Если существует разность в понятийном осмыслении X-явления, то очевидным должно стать и различное в признаковом обозначении понятия.

Анализ современных дефиниций в сравниваемых языках подтвердил это предположение. Упомянутые смысловые объединения характеризуются в русских и немецких изданиях 11 признаками: глубина, сила, интимность, избирательность, теплота, уважение, страсть, самоотверженность, страдание, преданность, устремленность, непредсказуемость. Выделив именно это количество, мы руководствовались наличием некоего признака хотя бы в двух источниках.

В данном случае также имеет место различное в самом распределении выделенных признаков. На фоне упоминающихся и в русских, и в немецких источниках признаков ‘самоотверженность’, ‘преданность’ больше случаев различных признаковых характеристик в сопоставляемых источниках. Например, в немецких словарных изданиях нет признака, характеризующего ‘любовь’ как боль, страдание. Справедливо заметить, что в русских изданиях отсутствует понимание любви как страсти. Но существуют и общие признаки, встречающиеся как в русских, так и в немецких изданиях: ‘интимность’, ‘теплота’. Общее количество признаков понятия “любовь” существенно увеличилось по сравнению со словарными источниками XVIII-XIX веков.

В итоге сопоставительного анализа лексикографического обозначения концепта «любовь» обнаружилось следующее:

1. Основным выводом по результатам проделанного диахронного и синхронного анализа толкований понятия “любовь” в немецком и русском языках может стать то, что в процессе исто-

рического развития общества и связанных с ним социальных изменений происходят не обнаруживаемые в синхронии процессы вариативности языкового опосредования в номинации, а отсюда – и в дескрипции, предметов и/или явлений окружающего мира. Диалектика действительности определяет динамику изменений понятий и категорий, их наполняемость лексическими средствами языка и коннотативную интерпретацию.

Чувственная картина внутреннего мира человека также подвергается вербальному переосмыслению, как это происходит с предметным миром, окружающим человека и отраженным в его сознании. Сами по себе чувства не могут меняться с течением времени (человек испытывал радость, нежность, страх, угрызения совести и много веков назад), но их языковой код видоизменяется вместе с переосмыслением семантической интерпретации смыслов понятия.

В разных языках это переосмысление происходит по-разному, следовательно, и языковым сознанием каждого отдельного этноса охватывается по-разному и по-разному же интерпретируется самим языком.

2. Для анализа лексикографических источников были отобраны только прямые номинативные значения. Сравнительный анализ словарных дефиниций имен существительных 'любовь' и 'die Liebe' показал, что мнения составителей словарей по поводу признаков, по которым можно определить каждое из значений данных многозначных единиц, не совпадают, поэтому выделенные ими признаки весьма разнообразны. Особенно это характерно для признаков – конкретизаторов чувства. Даже если авторы единодушны в выделении некоторых характеристик, то нередко они придерживаются противоположных точек зрения относительно того, как эти признаки определяют 'любовь' и 'die Liebe' в разных значениях. Это позволяет утверждать, что, во-первых, каждое из значений имен в обоих языках размыто, не определено; во-вторых, и семантические границы между значениями внутри слова в некоторой степени размыты. Это, в свою очередь, свидетельствует о расплывчатости, неопределенности абстрактного понятия "любовь" в целом при функционировании его языкового кода в речи.

3. Очевидным результатом анализа является тот факт, что в современных лексикографических источниках в обоих языках существенно увеличилось количество сопологающих смыслов и признаковых характеристик. Часть из них (например, 'уважение', 'непредсказуемость', 'страдание, боль') не жестко фиксированы и довольно свободно поддаются варьированию.

Именно это явление системы языка служит предпосылкой возникновения особого функционирования понятий 'любовь' и 'die Liebe' в форме имен существительных в речи, когда признаки, описывающие чувство, отличаются еще большим разнообразием и необязательно совпадают со словарными. Говорящий/носитель языка, пользуясь расплывчатым языковым значением слова, как правило, допускает субъективное модифицирование значения и при этом как бы нацеливается на уточнение этой нечеткости по своему. Такая модификация обуславливается закономерными факторами прагматического характера.

Следующим этапом сопоставительного анализа с целью выявления общего и различного в национально-культурных характеристиках понятия "любовь" явилось сопоставление интерпретаций пословичных выражений о любви и выявление общего и специфического в ассоциативных связях русского и немецкого языкового сознания. В этом смысле пословицы представляют собой своеобразный вид толкований понятия как такового, а именно – определения-суждения о каком-либо явлении, в нашем случае – любви.

Исходя из основных положений паремиологии и беря за основу первичное толкование паремии, мы отобрали для сопоставительного анализа 68 пословичных выражений о любви на русском языке и 50 на немецком из общего числа около 7000 паремий. Все, отобранные пословичные выражения двух языков, можно распределить в соответствии с их идейным содержанием в общей сложности по 23 основным группам:

(1) – 'любовь – высшее благо и высшая ценность для человека'; (2) – 'любовь – не самое главное в жизни человека': а) 'труд, работа важнее и необходимее любви', б) 'деньги, материальное благополучие важнее любви'; (3) – 'любовь неизбежна и непредсказуема'; (4) – 'истинная любовь приходит к человеку только один раз'; (5) – 'на смену одной любви приходит другая'; (6) – 'нельзя любить по принуждению'; (7) – 'для доказательства любви важна сила'; (8) – 'любовь все преодолет, любящий способен на многое'; (9) – 'внешность (красота) не главное в любви'; (10) – 'любовь начинается с внешнего впечатления'; (11) – 'любящий не может быть объективен в оценке партнера или его поступка'; (12) – 'любовь нельзя скрыть, утаить, а значит и преодолеть'; (13) – 'любовь – это боль, страдание, мука'; (14) – 'в любви есть место злобе, раздражению, агрессии'; (15) – 'жертвенность, самоотверженность – признак любви'; (16) – 'любовь вечна'; (17) – 'любовь преходяща'; (18) – 'материальные блага, комфорт не играют существенной роли в любви'; (19) – 'любовь должна быть

взаимна'; (20) – 'в любви не должно быть места ревности, недоверию'; (21) – 'ревность – спутница любви'; (22) – 'любовь – это страсть, удовлетворение физического влечения'; (23) – 'любовь не подчиняется воле и разуму человека'.

Анализ показывает, что общее и особенное в пословичных выражениях о любви определено прежде всего в идее. Так пословицы, объединенные идеей (3), (18) никак не представлены в немецком пословичном фонде, а в (13) количественное соотношение – семь русских и только одна немецкая пословица – свидетельствует об условной безразличности немецкого менталитета к идее негативных эмоциональных проявлений в любовных переживаниях. Зато (14) и (22) отражены в немецком языке, в русском же нам не удалось найти идейного эквивалента. Причем, если в немецких пословицах, утверждающих, что не бывает любви без ссор, обид, раздражения, чувствуется (само)ирония и снисходительность к человеческим слабостям, то пословицы, сопряженные с идеей (23), имеют явно отрицательную оценку.

В обоих языках имеются взаимоисключающие утверждения, оценивающих то или иное проявление любви. Например: 'где любовь – тут и Бог'(1) ↔ 'одной любовью сыт не будешь' (2a); 'was man aus Liebe tut, das geht nochmal gut' ↔ 'Liebe kann viel, Geld kann alles'(2б); 'alte Liebe rostet nicht'(4) ↔ 'alte Liebe rostet, wenn sie neue kostet' (5); 'насилу мил не будешь' ↔ 'кого люблю, того и бью' и т.д.

С идеей (1) в немецком языке можно соотнести условно лишь одну пословицу. Фактический материал подтверждает, что немецким языковым сознанием культивируется идея, что любовь – не самое главное в жизни человека, но труд, а следовательно, материальное благополучие, деньги важнее и необходимое для человека, чем чувства: 'Arbeit löscht der Liebe Feuer', 'Liebe kann viel, Geld kann alles', 'zuerst die Arbeit, dann die Liebe' и т.д.

Мы далеки от утверждения, что, если (13) практически не представлено пословицами немецкого языка, то немцы не знают душевной боли и страданий в любви, а русские полагают, что человек способен подчинить своему разуму и воле любое душевное переживание (23). Однако складывается впечатление, что для русского менталитета любовь значит больше, чем для немца: даже в количественном плане преимущество пословичных выражений о любви отмечается в русском языке; в немецком языке преобладают пословицы о сватовстве, женитьбе, семье и ее обустройстве. Для русских важнее духовный комфорт, эмоциональ-

ность переживания, для немцев очевидно рационально-утилитарное восприятие явления.

Идея, приписываемая отдельной паремии, всегда рассчитана на определенный перлокутивный эффект: говорящий/пишущий, раскрывая для адресата предмет речи с определенной стороны, истолковывая и оценивая его по-своему, стремится побудить слушающего/читающего к определенным запланированным выводам и действиям. Иными словами, речь идет о том, что содержание пословицы определяется в первую очередь с точки зрения его воздействующей силы на собеседника. Вот пример такого воздействия: “Лушка захохотала, сказала вслед: “Макар от меня все мировой революцией заслонялся, а вы – севом. ...Мне горячая любовь нужна, а так что же? У вас кровя заржавели от делов, а с плохой посудой и сердцу остана!” (Шолохов, 1966:208). Идею употребленной пословицы можно интерпретировать в данном случае следующим образом: любовь должна быть взаимна, без ответного чувства исчезает любовь, симпатия, привязанность. Как результат отчаянной попытки привлечь к себе внимание, высказанное чувство горечи от одиночества и желание ответной любви – растерянность Давыдова, затем жалость к Лушке и сомнение в правоте своих действий по отношению к ней.

Основным выводом по этой части нашего исследования стал следующий тезис: сопоставительный анализ пословиц о любви в русском и немецком языках мог бы стать подтверждением мысли о том, что возникшие в определенном историко-культурном социуме пословичные выражения отражают общие характерные для многих языковых коллективов мировоззренческие и поведенческие стереотипы, но также несут ментальные черты лишь конкретного этнического сообщества.

Сопоставительный анализ лексических средств фразеологического и нефразеологического характера, обозначающих понятие “любовь” с точки зрения их общих и особенных структурных типов, коннотативных признаков и метафорического переосмысления приводит нас к следующим выводам.

Своеобразие номинации и описания вычлененных языковым сознанием говорящих на определенном языке элементов окружающей действительности и внутреннего, эмоционального мира человека как ее части задано уже формой интерпретации, т.е. форма языковых средств, стремясь к своеобразию, влечет за собой определенные различия в семном составе и в эмотивной прагматике. Такие различия сами по себе суть своеобразное картирование окружающего мира и одновременно – свидетельство

неодинаковости видения его конкретным культурным сообществом.

Материал исследования свидетельствует, что этнокультурная специфика понятия “любовь” в немецком и русском языках объективно выделяется и может быть представлена в нескольких культурных доминантах:

1) немецким языковым сознанием однозначно осуждаются такие проявления любви, как безрассудность, открытая демонстрация чувства; отрицается мистический характер любви. Негативно оценивается в немецком культурном социуме назойливость, неумение сдерживать эмоции. Русский менталитет терпим к таким признаковым и оценочным характеристикам, как безрассудность, страдание, боль, мучительные переживания в любви, проявления влюбленности мистического характера, но осуждает легкомыслие, безответственность, нескромность (особенно жесткие социальные требования предъявляются к женщине). Немецкое языковое сознание скорее оценивает эти поведенческие характеристики в любовных отношениях иронически, чем с осуждением;

2) русский язык стремится к конкретизации эмоциональной информации, к обозначению нюансов эмоционального отношения, поведения и состояния, номинируемых как ‘любовь’. Немецкое языковое сознание характеризуется в этом смысле определенным консерватизмом и не стремится вербализовать нюансы любовных переживаний, ограничиваясь новообразованиями от нейтральных глаголов общего типа и широкой семантикой словарного состава. Однако в обоих языках активно используются метафорические переносы для описания и/или обозначения того или иного эмоционального переживания, связанного с любовью;

3) культурологические признаки в описании понятия “любовь” для носителей немецкого и русского языков частично универсальны, частично специфичны. В обоих сравниваемых языках основные культурно-образные ассоциации, связанные с понятием “любовь”, основаны прежде всего на ‘пламени’, ‘жаре’, ‘огне’, ‘горении’. Совпали в немецком и русском языках представления о любви как о питательном средстве, пище. Однако в немецком языке образ любви никак не представлен лексикой ‘дыхания’, ‘кипения жидкости’, ‘вместилища/сосуда’, практически отсутствуют ассоциации с колдовством, чародейством, волшебством, которые отражены в русском языке. Русское языковое сознание “не выхватило” никаких ассоциативных переосмыслений для описания любви из животного мира, в то время, как немецкий язык достаточно активно оперирует образами, связанными с фауной. Из

двух сравниваемых языков только русский имеет в своем составе слова, в которых отсылка к литературному персонажу имеется в их внутренней форме.

В обоих сравниваемых языках любовь “очеловечивается” и опредмечивается, но русский менталитет чаще интерпретирует ‘любовь’ как явление природы. Закономерным для обоих культурных социумов является гиперболизация в описании способностей человека любить как фундаментального чувства. Однако для русского языкового сознания это ассоциируется прежде всего с ‘душой’ и ‘сердцем’, для немецкого же предпочтительным является ‘сердце’.

Гиперболизация степени чувства в описании любви связана для носителя русского языка прежде всего со смертью, а затем – с безумием. Немецкий менталитет ограничивает гиперболизированное описание степени любви с разными видами безумия; тема смерти практически не затрагивается.

В целом (при некоторой базовой ассоциативной общности, основанной, как правило, на дедуктивно-логических и индуктивно-прагматических признаках каждое языковое сознание добавляет “свои” переосмысления, интерпретации, свойственные только ему и являющимися для данного культурного социума ценностными доминантами.

Основные варианты интерпретации концептов “любовь” / “die Liebe”	
Русское языковое сознание	Немецкое языковое сознание
Общее	
‘любить’- значит быть верным, преданным по отношению к партнеру; ‘любить’- значит восхищаться своим/своей избранником/-цей; ‘любовь’- это страсть; ‘любовь’- это радостное чувство; плохо, когда чувство выставляется напоказ: надо быть сдержанным; ‘любить’- значит проявлять заботу, беспокойство о любимом; плохо, когда любовь односторонне направлена = безответная ‘любовь’; есть более сильные чувства/эмоции, способные подавить ‘любовь’ (воля, напряжение всех психических сил, душевные усилия).	
Особенное	
‘любовь’ – самое важное в жизни человека	‘любовь’ – не важнее, чем семья, труд, материальное благополучие
безрассудность в проявлении любовных переживаний вызыва-	безрассудность, бесконтроль-ность в любви осуждается

ет понимание / сочувствие / жалость	
без страданий нет любви	плохо, когда приходится страдать в любви: значит это не любовь
душа = сердце – сосредоточие любовных переживаний	сердце – сосредоточие любовных переживаний
'любовь' – благо, данное свыше: она связана с мистикой	глупо верить в мистическое в любви
плохо быть легкомысленным в любви, проявлять безответственность (особенно для женщины)	Легкомыслие, ветренность – не осуждаемые поведенческие типы, связанные с любовью
'любить' можно вечно ("до последнего вдоха" → физическая смерть; и "до безумия" → духовная смерть)	'любить' можно "до безумия" → духовная смерть

Подводя итоги, следует отметить, что являясь универсальным явлением в человеческой жизни вообще, "любовь" как понятие универсально с точки зрения совокупности существенных признаков, наполняющих его. Но языковые интерпретации этого понятия отличны в сравниваемых языках, так как коннотативные и ассоциативные признаки, вычлененные конкретным языковым сознанием, своеобразны и базируются на ментальных образах, свойственных только данному культурному социуму. Расхождения в лингво-культурологических интерпретациях понятия "любовь" прослеживаются в структурных типах его описания, в коннотативных признаках и в образно-ассоциативных переосмыслениях, связанных с этим понятием.

Основные результаты нашего исследования сводятся к следующим положениям:

Общее положение о том, что язык, будучи "практически действительным сознанием", соотносится с окружающей действительностью (при этом последняя воздействует на язык неодинаково), конкретизируется и подтверждается идеей о том, что стремление любого языка к сохранению индивидуальных черт своеобразно отражается в передаче в каждом языке тех или иных понятий, тех или иных категорий. Этнокультурные различия в интерпретации понятия "любовь" в немецком и русском языках означают не только наличие/ отсутствие тех или иных признаков,

но и особенности этих признаков (внешних и внутренних) и своеобразие в их комбинаторике.

Историческое изменение признаковых характеристик глобального понятия типа 'любовь' осуществляется в немецком и русском языках по-разному, что находит свое отражение в разных образно-ассоциативных связях внешнего мира и его восприятия отдельным этнокультурным социумом.

Национально-культурная специфика языкового отражения того или иного явления может быть смоделирована по трем типам соответствий: 1) для обоих языков может потребоваться одинаковый набор признаков для описания параллельных семантических полей (полное наложение смысловых объемов); 2) существует некоторая базовая признаковая общность, за пределами которой каждый язык добавляет определенное количество несходных признаков (пересекающееся наложение смысловых объемов); 3) семантическое поле в одном языке полностью исчерпывается семантическими признаками другого языка, в котором, однако имеются дополнительные признаки, оставшиеся "невыявленными" (неполное наложение семантических объемов).

Лингвокультурологические варианты в "наполнении" понятия "любовь" в сравниваемых языках – свидетельство относительной не-универсальности самого понятия и разности его культурного фона.

Литература

Вильмс Л.Е. О психолингвистическом аспекте феномена любви // Тез. докл. междунар. конф. "Языковая личность и семантика". Волгоград, 1994. С.27-28.

Вильмс Л.Е. Ассоциативно-образные переосмысления в сложных словах с компонентом 'liebe-' / '-liebe' // Языковая личность: культурные концепты: Сб. науч. тр. Волгоград – Архангельск: Перемена, 1996. С.167-175.

Е.Ю. Балашова (Саратов)

ЛЮБОВЬ И НЕНАВИСТЬ

В статье рассматриваются концепты *любовь* и *ненависть*, проводится сопоставительный анализ их национальной специфики в лингвокультурах США и России, а также исследование степени их взаимосвязи в языковом сознании носителей русского языка и американского варианта английского языка.

Выдвигается гипотеза, что концепты *любовь* и *ненависть* представляют собой бинарную оппозицию.

Система языковых значений представляет собой языковое сознание, которое, в свою очередь, формирует *языковую картину мира*. Изучение языковой картины мира необходимо при описании и моделировании концептов и выявлении особенностей национальной *концептосферы*, составляющими которой и являются концепты, поскольку в этом случае языковые знаки являются средством доступа к концептосфере человека.

Единого понимания сути концепта в современной лингвистике не выработано, тем не менее, подходы, ориентированные на тот или иной аспект этого многомерного явления, обозначились довольно-таки чётко. В сущности, все они распадаются на два больших блока: лингвокогнитивный и лингвокультурный. Наше исследование выполнено в рамках лингвокогнитивного подхода, представителями которого следует считать Е.С. Кубрякову, З.Д. Попову, И.А. Стернина, В.Н. Телия и др. Упомянутый подход ориентирован на системное понимание концепта и определяет последний как ментальное образование в сознании индивида, которое обеспечивает выход на концептосферу социума, т.е. в конечном счете на культуру. В основе знаний о мире лежит такая единица ментальной информации, как концепт. С позиций лингвокогнитивного подхода к изучению концепта была разработана его полевая модель, представленная в терминах ядра и периферии (И.А. Стернин). В ядро концепта входит наиболее яркий образ, который носит индивидуально-чувственный характер и обладает чётко выраженной личностной окраской, поскольку наглядно-чувственный образ, как правило, формируется из личного опыта человека. Ядро концепта в совокупности с некоторыми дополнительными когнитивными признаками составляет его базовый слой. В ядро входят слои с наибольшей чувственно-наглядной конкретностью, тогда как периферия, обозначаемая термином *интерпретационное поле*, содержит интерпретацию отдельных когнитивных признаков и их сочетаний в виде определённых установок сознания, различного рода утверждений и стереотипов, определяющих особенности менталитета той или иной лингвокультурной общности. Представленная полевая модель концепта была принята нами при разработке методики сбора экспериментального материала и приёмов его дальнейшего анализа. Поскольку в нашем исследовании мы определяем *любовь* и *ненависть* как культурно-значимые концепты, обладающие рациональной, эмоциональной и оценочной характеристиками, это сближает наш подход и с позициями лингвокультурного подхода.

Результаты анализа системно-языкового материала, сопоставленные по когнитивному и семантическому параметрам с ре-

чевым материалом, полученным в ходе психолингвистического эксперимента, позволили получить наиболее полное представление о специфике функционирования культурных концептов *любовь*, *ненависть* в русском и американском языковых сознаниях.

Сопоставление семантических пространств разных языков позволяет увидеть общечеловеческие универсалии в отражении окружающего людей мира, а также даёт возможность увидеть специфическое, национальное, а затем и групповое и индивидуальное в наборе концептов, всодержании концептов и принципах их структуризации. Этнокультурная специфика семантики отражает особенности языкового сознания двух народов и может быть использована для моделирования концептов как единиц национальной концептосферы.

С целью выявления чувственно-образной составляющей ядра концепта были проведены психолингвистические эксперименты, в ходе которых русские и американские испытуемые должны были описать наиболее яркий образ, возникающий у них при слове «любовь». В целом можно сказать, что предметно-чувственные образы, представленные той и другой группой информантов, принадлежат преимущественно к сфере их личного перцептивного опыта и в большинстве своём не являются фактами *национальной* концептосферы. Однако часть образов, описанных русскими и американскими испытуемыми, совпала. В ядро концепта *любовь* в русском и американском языковых сознаниях входят такие предметно-чувственные образы, как *цветы, солнце, яркое небо, облака, улыбка, радость, тепло, эмоции*.

Семантический анализ системно-языкового материала способствовал выявлению универсальных и специфических сем в составе языкового значения лексемы *любовь*. К семам первого типа нами были отнесены следующие единицы:

1) способность любви проявляться в форме интереса или привязанности к определённому лицу или роду деятельности (любовь к музыке, любовь к искусству, любовь к работе);

2) истинность и бескорыстие любви (любовь к родине, материнская любовь);

3) присутствие страсти в любовных переживаниях (горячая, безумная, страстная любовь, пылать любовью);

4) способность любви причинять страдания (страдать, умирать от любви).

Семами, представляющими национальную специфику лексемы в русском языковом сознании, являются такие семы, как:

1) непродолжительность любви (любовь прошла, угасла, умерла);

2) возможность заслужить чью-либо любовь (завоевать, заслужить, снискать любовь);

3) возможность внушить любовь кому-либо (прививать, воспитывать любовь у кого-либо);

4) необходимость сдерживать свои чувства при посторонних (скрывать, таить, беречь любовь).

К семамам, выделенным в составе лексемы *любовь* в американском языковом сознании, относятся:

1) влюблённые обычно очень счастливы (love nest, love birds, lovey-dovey, love-spring);

2) люди, состоящие в браке, могут снова влюбиться в кого-либо (love affair, love-rat, lovers, love-begotten);

3) любовь часто близка к ненависти (love-hate, be no / little love lost between, somebody you love to hate, love-hate relationship);

4) любовь предполагает заботу и внимание по отношению к объекту (for the love of, labour of love, love-taken).

Когнитивный анализ фреймовых образований в структуре концепта *любовь* позволил не только выявить языковое наполнение фрейма, но и получить более полное представление об особенностях строения исследуемого концепта. Нами были выделены ядерные, базовые и периферийные признаки фрейма в русском и американском языковых сознаниях, а также проведён их сопоставительный анализ. К ядру фреймового образования в структуре концепта *любовь* в языковом сознании носителей русского языка мы причислили такие когнитивные признаки, как:

1) высокая духовность любви (самопожертвование, самоотдача, сострадание, бескорыстность);

2) физиологическая сторона любви (поцелуй, влечение, близость, объятия);

3) положительные эмоции, испытываемые от любви (счастье, радость, хорошее настроение);

4) страсть как наиболее интенсивная в эмоциональном плане форма проявления любви (страсть, безумие, безрассудство, пропась)

Признаки № 2, 3 были выделены и при анализе словарных статей в словарях.

К базовым когнитивным признакам фрейма мы причислили следующие признаки:

1) любовь может причинять страдания (горе, переживания, слёзы, тоска);

2) любовь может быть поверхностна и непродолжительна (влюблённость, увлечение, флирт);

3) у объекта любви часто возникает чувство защищённости (забота, защита, по мощь, поддержка).

Периферийным является признак *красоты внешней стороны любви* (цветы, весна, стихи, вечер), а также признак *материнской любви как одной из форм проявления этого чувства* (мама, мать с ребёнком).

В ядро фреймовой модели концепта *любовь*, построенной американскими информантами, входят следующие признаки:

1) требовательность и высокая нравственность настоящей любви (sacrifice, devotion, unselfishness, mutual respect);

2) восхищение объектом любви (adore, worship, admiration, affection);

3) положительные эмоции, доставляемые любовью (happiness, warmth excitement, joy);

4) чувство защищённости, возникающее у объекта любви (care, comfort, security, bulwark).

Базовый слой фрейма составляют такие признаки, как:

1) любовь может иметь физиологическую основу (sex, lust, kiss);

2) любовь связана с дружбой (friendship, companionship, strong amiable feelings, mate, partnership);

3) любовь может быть неглубокой (smiling, joking, fun, giggling);

4) настоящая любовь должна быть длительной (lifelong, always together, life togetherness);

5) любовь может выражаться в наиболее глубокой и эмоционально интенсивной форме – страсти (passion, infatuation, risk, crush).

Периферия фреймового образования содержит следующие признаки:

1) недостижимость любви (vision, dream, goldfish, hard to find, rare to meet);

2) любовь предполагает психологическую совместимость партнёров (comfort compatibility, no fights);

3) любовь даёт ощущение свободы (freedom, far from world).

Мы выделили универсальные когнитивные признаки, входящие в состав фреймового образования концепта *любовь* в русском и американском языковых сознаниях. К таковым относятся:

1) чувство защищённости, возникающее у объекта любви;

2) возможная поверхностность любви;

3) физиологическая сторона любви;

4) страсть как крайняя форма проявления любви;

5) положительные эмоции, испытываемые от любви;

6) в любви требуются высокие нравственные качества людей.

Анализ словарных статей семантических словарей русского языка и тезаурусов английского языка позволил углубиться в семантическое пространство фреймовой модели и выделить дополнительные когнитивные признаки, составляющие фреймовую модель изучаемого концепта. В русском языковом сознании к таким признакам относятся:

- 1) близость любви и дружбы (товарищ, друг, дружба, группа);
- 2) отсутствие конфликтов в любовных отношениях (солидарность, единство, взаимодействие);
- 3) существование разных форм проявления любви (привязанность, симпатия, признательность, наклонность).

В американское языковое сознание входят следующие дополнительные когнитивные признаки:

- 1) наличие в любви устойчивой эмоциональной привязанности к объекту (affection, attachment, warm feeling, endearment);
- 2) верность влюбленных друг другу (loyalty, devotion, fidelity, trueness);
- 3) развитие любовных отношений приводит к свадьбе (marriage, engagement ring, bride, affianced);
- 4) любовь может быть основана на кровном родстве (brotherly love, sisterly love, maternal love, parental affection);
- 5) любовь предполагает определённый эмоциональный накал (ardency, ardor, fervor, flame, spark).

Анализ материалов свободного и направленного ассоциативного эксперимента со стимулами любовь, love и их синонимами позволил выявить наиболее типичные реакции русских и американцев, стратегии ассоциирования, выбранные той и другой группой испытуемых, исследовать структуры ассоциативных полей в русском и американском языковых сознаниях и выделить когнитивные признаки исследуемого концепта, а также сопоставить материалы экспериментов с данными ассоциативных словарей русского языка и результатами ассоциативных экспериментов, проведённых американскими психолингвистами. Всего нами было обработано 385 свободных ассоциаций и 321 направленная ассоциативная реакция американских информантов, а также 363 свободных реакции и 331 направленная реакция, представленных русскими испытуемыми. Количество слов-стимулов в том и другом случае составило 15 единиц.

Наиболее характерными типами ассоциативных реакций для американских информантов являются такие реакции, как реакции-пояснения, реакции синонимами, ассоциации, приписывающие некоторые признаки стимульному слову, ментально-

функциональные ассоциации, ассоциации по выполняемой функции.

Типичными реакциями русских испытуемых оказались реакции-пояснения, тематические ассоциации, визуально-функциональные ассоциации, ассоциации, приписывающие какие-либо признаки слову-стимулу.

Нами были выделены когнитивные признаки, отражаемые в структуре ассоциативного поля как в русском, так и в американском языковых сознаниях. Примечательно, что при анализе фреймовой модели концепта *любовь* эти признаки также были зафиксированы в её составе:

1) любовь предполагает заботу и защиту объекта (защита, забота, внимание; caring, always considerate of the other, supporter);

2) любовь может проявляться в наиболее обострённой форме страсти (страсть, потерять голову, пылкость; passion, risk, a form of madness);

3) чаще субъект испытывает от любви положительные эмоции (вдохновение, счастье, приятные чувства; joy, happiness, tenderness, warmth).

К национально-специфичным признакам, входящим в ассоциативное поле концепта *любовь* в русском языковом сознании, мы причислили следующие когнитивные признаки:

1) оборотной стороной любви является равнодушие (по данным направленного ассоциативного эксперимент: любовь – равнодушие, отчуждение, непонимание);

2) объект, потерявший любовь, может социально игнорироваться (по данным направленного ассоциативного эксперимента: возлюбленный – изгой, отверженный, отвергнутый);

3) любовь может закончиться разочарованием (по данным направленного ассоциативного эксперимента: влюбиться – разочароваться, разлюбить, рассориться);

4) отсутствие любви влечёт агрессивную направленность действий (по данным направленного ассоциативного эксперимента: любовь – зло, любить – вредить, любовник – недоброжелатель);

5) любовь может являться причиной страданий (по данным направленного ассоциативного эксперимента: любовь – слёзы, страдание, ревность).

Когнитивные признаки, отражающие национальную специфику ассоциативного поля концепта *любовь* в американском языковом сознании:

1) любовь не может быть лишена дружественных отношений (friends and family, best friends, companion, opposite sex friend for life);

2) любовь делает человека свободным (freedom from fear, unthreatening, to be free from all worries);

3) любовь может привести к слепому восхищению объектом (adored, uncritical adoration, idol);

4) любовь предполагает определённого рода зависимость от объекта (deep attachment, dependence, bond, tied);

5) человек может быть любим за те или иные качества или действия (kind, patient, pretty, selfless);

6) настоящая любовь труднодостижима (a problem, difficult, complicated).

Анализ данных ассоциативных словарей русского языка позволил выделить дополнительные когнитивные признаки исследуемого концепта;

1) обманчивость любовного чувства (бывает ли?, ложь, обман, не бывает);

2) объект любви может оставаться равнодушен (без ответа, нет, отказ);

3) настоящая любовь обладает определёнными характеристиками (верная, нежная, большая, чистая).

Когнитивная обработка результатов ассоциативных экспериментов, проведённых американскими психолингвистами, также позволила выявить дополнительные концептуальные признаки, входящие в состав ассоциативного поля концепта *любовь* в американском языковом сознании. К ним относятся:

1) взаимосвязь понятий «любовь» и «семья» (mother, husband, house, children);

2) любовь может иметь религиозную основу (Bible, religion, priest).

Данные об интерпретационном поле концепта могут быть получены из внеконтекстных дефиниций, раскрывающих особенности национальной концептосферы в целом и структуру периферии в частности. Испытуемые должны были ответить на следующий вопрос: «Как Вы считаете, что думает средний носитель русского / американского варианта английского языка о любви? Дайте своё понимание любви».

Сопоставив выделенные нами когнитивные признаки на основе ответов русских и американских информантов, мы установили, что когнитивный признак *наличие привычки / привязанности в любви* присутствует как в русском, так и в американском языковом сознании. Однако у русских этот признак обладает, скорее, отрицательной оценкой, а под словом *привязанность* подразумевается более *привычка*, превращающая любовь в чувство, утратившее прелесть новизны. Американцы оценивают данный

когнитивный признак положительно, понимая под привязанностью психологическую необходимость, в объекте любви, возникающую как результат постоянного пребывания с ним.

Когнитивный признак *забота об объекте любви* также был выделен при анализе внеконтекстных дефиниций, данных русскими и американскими информантами, однако мы выявили определённые различия в его понимании русскими и американцами. Для русских испытуемых забота об объекте своих чувств сводилась к жертвам ради него и потому понималась как нечто трудндостижимое и высокое, тогда как для американцев забота представляет собой различного рода помощь и обеспечение чувства комфорта и безопасности объекту любви.

Когнитивный признак, определяющий настоящую любовь как высокодуховное чувство, также был выделен нами при анализе ответов как американских, так и русских информантов, однако в данном случае существенных различий в его интерпретации представителями русской и американской лингвокультурных сообществ не выявлено.

В зоне интерпретационного поля концепта *любовь* в русском языковом сознании не были выделены следующие когнитивные признаки:

1) часто любовь основывается на удовлетворении физиологических потребностей (...the need for sex...; ...a very important part of physical intimacy...; ..love is often mistake for lust, sex...);

2) семья и любовь неотделимы друг от друга (...love is a very important part of family...; marriage; ...you love your family...);

3) любовь и дружба являются взаимосвязанными понятиями (love is a really strong bond of friendship and kinship...; ...show your friends and family you love them...);

4) любовь предполагает высокую оценку объекта (love is respect for one another...;.. .show people how much they mean to you...);

5) настоящая любовь не может закончиться (love happens only once; ...a relationship that lasts forever...).

На периферии данного концепта в американском языковом сознании не были зафиксированы такие когнитивные признаки, как:

1) в любви есть доля привычки (многие считают, что любви на свете нет, есть только привычка, привязанность или расчет...; любовь – это чувство сильной привязанности между людьми...);

2) любовь даёт ощущение счастья (.. если она есть, то это полное счастье...; любовь – это настоящее счастье; любовь – это редкость и счастье одновременно...);

3) любовь основана на понимании и доверии (любовь – это полное понимание человека; любовь – это умение доверять как самому себе...);

4) любовь предполагает психологическую совместимость партнёров (любовь – это когда два человека смотрят не друг на друга, а вместе в одном направлении);

5) любовь приводит к иррациональному взгляду на мир (Любовь – что это? Кто скажет мне? Да это в бешенстве быть при здоровом уме!).

Поскольку периферия концепта содержит различные определения, толкования, которые могут быть отражены в паремиях, афоризмах, крылатых выражениях, фразеологических оборотах, мы провели когнитивный анализ банка пословичных выражений, объективирующих концепт *любовь* в русском и английском языках. Нередко содержание поговорок относится не к ядру, а к периферии концепта, состоящей из самых разнообразных когнитивных признаков.

Проведённый анализ показал, что совпавшие когнитивные признаки неоднозначно оцениваются русскими и американцами и обладают различным статусом в языковом сознании представителей того и другого этноса. Например, признак *иррациональный выбор объекта любви* представлен восемью пословицами в русском языке и только двумя в английском.

Сходную ситуацию можно наблюдать и в случае с признаком *необходимость любви в жизни человека*, представленном двумя пословичными выражениями в английском языке и пятью в русском. Однако такой когнитивный признак, как *наличие чувства ревности в любви* ярче выражен в американском языковом сознании, тогда как в русском он объективирован двумя противоположными по смыслу пословицами.

Яркость когнитивного признака *независимость любви от материальных благ* относительно одинакова как в русском, так и в американском языковом сознании. Подобную картину можно наблюдать и в случае с признаком *невозможности контроля чувств*, который объективирован тремя паремиями в русском языке и двумя в английском. Такой когнитивный признак, как *способность любви проходить со временем*, выражен четырьмя пословицами в обоих языках.

Анализ английских пословичных выражений позволил установить национально-специфичные когнитивные признаки, находящиеся на периферии концепта *любовь* в американском языковом сознании:

1) любовь преодолевает все препятствия (love laughs at locksmiths; love will find a way; love knows no obstacles and grows with them);

2) любовь далека от корысти и расчёта (a labour of love; not for love or money; for love);

3) отсутствие материальных благ может убить любовь (when the poverty comes in at the door, love flies out of the window);

4) любовь обычно сопровождается накалом эмоций (love is the only fire against which there is no insurance; love's anger is fuel to love);

5) любви можно добиваться всеми способами (all is fair in love and war; all strategies are fair in love);

6) любовь субъекта может вызвать ответные чувства объекта (love begets love; love is the reward of love; love is the true price of love).

Кроме того, нами был выделен ряд когнитивных признаков, отражающих национальную специфику периферии концепта *любовь* в русском языковом сознании. К таким признакам относятся:

1) любовь неразрывно связана с разлукой (без милого не жить, а и при милом не быть; разлучит нас заступ да лопата);

2) часто под давлением обстоятельств выбирать объект любви не приходится (лучше взять такого, когда нет никакого; хоть за старца, лишь бы в девках не остаться);

3) любовь предполагает желание быть вместе с любимым человеком (с милым – хоть на край света; к милому семь вёрст не крюк);

4) объект любви может не обладать внешней привлекательностью (белила не сделают мила, подо нрав не подбелишься; милёнок – и не умыт белёнок);

5) между любящими людьми существует некая духовная связь (одна думка – одно и сердце; сердце сердцу весть подаёт);

6) любовь является противоречивым чувством (вместе скучно, а врозь тошно; горе с тобою, беда без тебя).

Когнитивная интерпретация экспериментального материала по концепту *ненависть* также позволила выявить универсальные и вариативные компоненты ядерной части концепта *ненависть* в русском и американском языковых сознаниях. Отмечается, что в ряде случаев для описания образа *ненависти* русские и американские испытуемые используют чёрный (тёмный) цвет. Например: что-то чёрное, отвратительное, вредящее здоровью; что-то тёмное и неприятное; it's blank stare – usually black; hatred is black pools of oil-like liquid; black. Подобные показания позволяют предположить, что на глубинном ассоциативно-образном уровне, со-

ставляющем основу ядерной части концепта, ненависть связана с чёрным цветом как в языковом сознании русских, так и в языковом сознании американцев. Кроме того, и та, и другая группа информантов обнаружила достаточно устойчивую тенденцию сопоставления образа ненависти с образами войны и убийства. Мы относим указанные образы к категории базовых составляющих ядерной части концепта *ненависть* в русском и американском языковых сознаниях.

Когнитивный анализ образов, описанных русскими и американцами, позволил выявить и вариативные элементы в составе ядра исследуемого концепта. В частности, на основе ответов американских испытуемых нам удалось выделить такой когнитивный признак концепта *ненависть*, как *пожелание зла объекту* (*narrow-eyed malice, dark thoughts about someone*), тогда как экспериментальные данные, полученные от русских информантов, не позволяют выделить подобный признак в русском языковом сознании. В свою очередь, часть русскоязычных участников эксперимента указала на взаимосвязь понятий любви и ненависти, в то время как ни один американский испытуемый не отметил смежность этих эмоций. Реакции прецедентными именами, в целом, также более характерны для русских информантов (Монтески и Капулетти).

Как и при описании образа любви, русские испытуемые пытались представить ненависть в качестве определённого эмоционального состояния, в котором находится субъект, как некую эмоцию, которую он испытывает. Американцы, напротив, были ориентированы на конкретные образы или ситуации, нередко взятые из собственного жизненного опыта и вызывающие у них чувство ненависти. Поскольку ненависть может быть направлена на самые разнообразные предметы и действия, нами было получено достаточно большое количество ассоциативных реакций (особенно от американских информантов), обозначающих неодушевлённый объект ненависти: *anchovies on pizza, vomit, soak, plain tomato and tomato sandwich*. Это существенное различие в механизмах ассоциирования, а также в общих стратегиях моделирования того или иного понятия было обнаружено нами на всех уровнях анализа экспериментального материала.

С помощью семантического анализа системы значений и особенностей комбинаторики ключевой лексемы-репрезентанты, объективирующей концепт *ненависть* в языке, нам удалось выявить её национальную семантику, а также определить дополнительные семы и, соответственно, когнитивные признаки концепта.

Часть сем, выделенных при анализе лексемы *ненависть* в русском и американском языковых сознаниях, совпала. К таким семам относятся: *эмоциональная интенсивность ненависти* (непримиримая ненависть, смертельная ненависть; *extremely strong feeling of dislike, intense dislike*); *желание зла объекту ненависти* (недоброжелательные отношения, нерасположение; *wishing ill to others, malice*); *связь ненависти и вражды между собой* (скрыто враждебные отношения; *personal enmity*). Однако в семантической структуре русской лексемы не отражены такие признаки, как:

- 1) продолжительность ненависти (*strong aversion, animosity*);
- 2) причинение вреда в результате ненависти (*malevolence, spite*);
- 3) злорадство в результате ненависти (*hatred derives its whole happiness from one's misery and destruction*).

В свою очередь структура английской лексемы *hatred* не содержит сему *брезгливости на физиологической основе* (отвращение, резкая неприязнь, соединённая с брезгливостью).

В процессе анализа особенностей комбинаторики изучаемой лексемы в обоих языках мы установили следующие дополнительные когнитивные признаки, входящие в состав концепта *ненависть* в русском и американском языковых сознаниях:

- 1) ненависть может выражаться открыто (смотреть с ненавистью; сказать с ненавистью; *to express hatred, to show hatred*);
- 2) ненависть может быть вызвана какими-либо качествами или действиями объекта (пробуждать ненависть, вызывать ненависть; *to arouse, to stir up, to instill hatred*);
- 3) ненависть может полностью захватить человека (ненависть охватила, овладела кем-либо; *to be consumed with hatred, to be filled with hatred*);
- 4) ненависть лишает человека возможности рационально смотреть на мир (ненависть ослепила кого-либо; *blind hatred*);
- 5) ненависть предполагает бескомпромиссность по отношению к объекту (непримиримая ненависть, *implacable hatred*).

Анализ лексемы *ненависть* в русском языке позволил выделить такие дополнительные семы в системе её значений, как *оправданность и социальное поощрение ненависти с точки зрения морали* (священная ненависть, ненависть к врагу, к войне, к подлости) и *возможность скрыть чувство ненависти* (скрывать, прятать ненависть). Система значений английской лексемы *hatred* подобных единиц не содержит.

С помощью анализа лексико-семантических полей концепта, когнитивными проекциями которых являются фреймовые образо-

вания, мы выделили ряд универсальных когнитивных признаков, составляющих структуру исследуемого концепта в русском и американском языковых сознаниях. Однако рейтинг смежных признаков в том и другом случае неодинаков, а, следовательно, положение, которое они занимают в структуре концепта в языковом сознании русских и американцев, различно.

Если признак *способность ненависти вызывать отрицательные эмоции* является ядерным как в русском, так и в американском языковом сознании, его рейтинг в первом случае составляет 49%, а во втором – 38%. Такой когнитивный признак, как *желание причинить вред объекту ненависти*, является базовым в американском языковом сознании (19%) и находится на ближней периферии в русском (13%). Обратную картину можно наблюдать в случае с признаком *наличие конфликтных отношений между субъектом и объектом*, который входит в ядро концепта *ненависть* в русском языковом сознании (43%) и в базовые слои в американском (18%). Когнитивный признак *способность ненависти причинять душевные страдания* входит в состав ближней периферии в языковом сознании русских (11%) и находится на дальней периферии в языковом сознании американцев (7%). Наконец, такой когнитивный признак, как *низкая оценка личностных качеств объекта ненависти*, принадлежит области ближней периферии в американском языковом сознании, где его рейтинг составляет 13%, и входит в структуру базовых слоев в русском языковом сознании, обладая рейтингом 18%.

Мы выделили следующие когнитивные признаки концепта *ненависть*, характерные для русского языкового сознания:

- 1) ненависть предполагает унижение личности объекта (зависимость, рабство, потеря достоинства);
- 2) ненависть ведёт к проявлению крайних форм агрессии (война, убийство, терроризм);
- 3) по эмоциональной силе ненависть сопоставима с любовью и представляет её антипод (любовь, нелюбовь).

К когнитивным признакам, составляющим специфику концепта *ненависть* в американском языковом сознании, относятся:

- 1) ненависть предполагает отсутствие сочувствия к объекту (cruelty, unforgiving, violence);
- 2) ненависть ведёт к презрению объекта (detest, loathe, contempt);
- 3) ненависть может вызвать чувство страха (fear, horror);
- 4) объект ненависти обычно социально игнорируется (isolate, segregate). Весьма показателен когнитивный признак *эмоциональной связи ненависти и любви* в русском языковом сознании.

Данный признак был выявлен нами и при анализе ядерной части концепта, тогда как американские информанты не включили любовь в сферу понятий, близких ненависти, и не пытались описать образ ненависти посредством сопоставления последней с противоположным ей чувством любви.

С целью наиболее полного отражения особенностей структуры, лексико-семантических полей концепта *ненависть* в русском и американском языковых сознаниях, а также выявления базовых когнитивных признаков изучаемого концепта был проведён анализ материалов русского семантического словаря под ред. С.Г. Бархударова и, соответственно, обработка данных различного рода тезаурусов английского языка.

Нами были выделены следующие когнитивные признаки, входящие в состав базовых слоев концепта в русском языковом сознании:

1) по интенсивности ненависть может быть соотносима со следующими эмоциями и состояниями: *гнев, гореть, порыв, припадок, страсть, злоба, сердиться, отвращение*;

2) ненависть может являться следствием таких эмоций, как: *страх, ужас, стыд*;

3) ненависть, предполагает отрицательную оценку свойств и качеств объекта (*поганый, злой, пакостный, постылый, страшный, противный, пакость*);

4) ненависть близка к вражде (*вражда, враждебный*).

В результате анализа материалов тезаурусов английского языка мы установили такие базовые признаки концепта *ненависть* в американском языковом сознании, как:

1) отсутствие какого бы то ни было контакта между субъектом и объектом (*off-putting, estrangement, alienation, antagonism, disfavour, disaffection*);

2) ненависть, может быть основана на чувстве обиды (*umbrage, pique, dudgeon, offensive, insulting, provoking, resentment*); ненависть предполагает отрицательную оценку свойств и качеств объекта (*acrimony, acerbity, obnoxious, hateful, abhorrent, odious, repulsive, spiteful*);

3) ненависть порождает родственные эмоциональные состояния (*phobia, horror, irritating, spleen, prejudice, invidious, jealousy, bitterness*);

5) ненависть может быть оборотной стороной любви (*unloved, unbeloved, crossed in love, forsaken, jilted, rejected, love-lorn*);

6) ненависть предполагает враждебные отношения (*hostility, to set against, craftily, animosity, rancor, repugnance, averseness, odium, venom, to envenom*).

Некоторые когнитивные признаки, выделенные с помощью анализа материалов русского семантического словаря и данных тезаурусов английского языка, оказались смежными. Так, признак *близости ненависти к тем или иным эмоциональным состояниям* был выделен нами в обоих случаях, однако наполняющие его структурные единицы различаются. В английском языке состояниями, близкими к ненависти, являются *phobia, spleen, ill feeling, jealousy, bitterness, prejudice, irritation* и т.д., тогда как в русском данный когнитивный признак представлен более сильными в эмоциональном плане единицами; *гнев, гореть, порыв, страсть, припадок*.

Когнитивный признак *отрицательной оценки свойств и качеств объекта* также был выделен как при обработке данных русского семантического словаря, так и при анализе материала тезаурусов английского языка. Свойства и качества объекта, вызывающие ненависть у русских и американцев, несколько различаются по семантической окраске. В целом можно сказать, что отрицательные свойства и качества, перечисленные в английских тезаурусах, в большинстве своём относятся к интеллектуальной сфере (*obnoxious, abhorrent, spiteful*), в то время как свойства, отмеченные русским семантическим словарём, принадлежат более к сфере эмоциональной (*поганый, постылый, противный*).

И русские, и английские источники указывают на близость понятий ненависти и вражды с акцентом на более активном характере последней.

Когнитивный признак *эмоциональной связи любви и ненависти*, выявленный нами при анализе образов, описанных русскими информантами, а также при анализе лексико-семантических полей, построенных русскоязычными участниками эксперимента, был выделен и в результате когнитивной обработки материала, представленного тезаурусами английского языка. Однако структурные единицы, наполняющие этот признак в английском языке, скорее образуют значение «ненависть к ранее любимому объекту, отказ или разочарование в нём», тогда как смежный когнитивный признак в русском языке более передаёт смысл иррациональной смены одной эмоции на другую, не зависящей от свойств и качеств объекта или каких-либо внешних обстоятельств.

В процессе когнитивного анализа материалов свободного и направленного ассоциативного эксперимента была создана модель ассоциативного поля концепта *ненависть* в русском и американском языковых сознаниях. Всего было проанализировано 273 свободных и 286 направленных ассоциативных реакций, данных русскими информантами, а также 273 свободных и 247

направленных реакций американских испытуемых. Количество стимульных слов в том и другом случае составило 12 единиц.

Структура ассоциативного поля изучаемого концепта в русском языковом сознании выглядит следующим образом:

Ядерная зона:

1) ненависть предполагает отсутствие положительных эмоций по отношению к объекту (по данным направленного ассоциативного эксперимента: ненависть – дружелюбие, симпатия, приязнь);

2) ненависть предполагает отсутствие некой психологической связи между субъектом и объектом (по данным направленного ассоциативного эксперимента: ненависть – любовь, привязанность, притяжение);

3) ненависть вызывает крайне отрицательные эмоции, переживаемые субъектом (по данным свободного ассоциативного эксперимента: ненависть – злоба, разочарование, страдание).

Околоядерная зона:

1) ненависть приводит к низкой оценке свойств и качеств объекта (по данным направленного ассоциативного эксперимента: ненависть – обожание, восхищение, уважение);

2) ненависть может иметь физиологическую основу (по данным свободного ассоциативного эксперимента: ненависть – отвращение, брезгливость);

3) ненависть может быть вызвана определёнными свойствами или действиями объекта (по данным свободного ассоциативного эксперимента: ненавистный – ехидный, злопамятный, завистливым).

4) ненависть может обладать активным характером с целью причинения вреда (по данным, свободного эксперимента: ненависть – конфликт, противостояние, насилие).

Ближняя, периферия:

1) социальная изоляция объекта ненависти (по данным свободного ассоциативного эксперимента: ненавидеть – не общаться, игнорировать, изгнание);

2) эмоциональная холодность к объекту ненависти (по данным направленного ассоциативного эксперимента: ненависть – сострадание, жалость, сочувствие).

Дальняя периферия представлена когнитивным признаком *интеллектуальная основа ненависти* (по данным свободного ассоциативного эксперимента: ненавидеть – не понимать, презирать, не уважать).

Модель ассоциативного поля концепта *ненависть* в американском языковом сознании:

Ядерная зона:

1) ненависть исключает положительное эмоциональное отношение к объекту (по данным направленного ассоциативного эксперимента: hatred – approval, love, appreciation);

2) ненависть может быть вызвана определёнными свойствами или качествами объекта (по данным свободного эксперимента: hateful – pessimist, cynic, doubter, ill wisher).

Базовый слой:

1) ненависть исключает заботу, направленную на объект (по данным направленного ассоциативного эксперимента: hated – caring, grateful, to support);

2) ненависть может проявляться на физиологическом уровне (по данным свободного ассоциативного эксперимента: hatred – disgust, physical revulsion);

3) ненависть может вызывать разнообразные отрицательные эмоции (по данным свободного ассоциативного эксперимента: hatred – rage, bitterness, anger).

Ближняя периферия:

1) ненависть предполагает пожелание зла объекту (по данным свободного ассоциативного эксперимента: hatred – death, the desire to hurt, to want the worst for someone);

2) ненависть влечёт за собой социальное игнорирование объекта (по данным свободного ассоциативного эксперимента: to hate – to dishonor, outcast, isolated).

Дальняя периферия:

1) взаимная ненависть не является выходом из конфликтной ситуации (по данным свободного ассоциативного эксперимента: hatred – no way out, not a solution, open conflict);

2) ненависть влечёт за собой крайне отрицательную оценку объекта (по данным свободного ассоциативного эксперимента: to hate – to set low in estimation, to have a low opinion of smb's words and abilities, no appreciation).

В результате обработки данных Русского ассоциативного словаря под ред. Ю.Н. Караулова нам удалось определить не только дополнительные когнитивные признаки, входящие в ассоциативное поле изучаемого концепта, но и выделить банк наиболее устойчивых ассоциаций, зафиксированных как в ответах испытуемых, так и в указанном ассоциативном словаре.

К дополнительным когнитивным признакам концепта *ненависть* в русском языковом сознании относятся такие признаки, как:

1) ненависть представляет собой крайне интенсивную и продолжительную эмоцию (горит, бешеная, до гроба, всю жизнь);

2) со временем ненависть может пройти (ушла, прошла);

3) ненависть близка к таким эмоциям и состояниям, как: зависть, злоба, злость, гнев, грусть, страсть, стыд, ужас, нервы, не терпеть;

4) по степени эмоциональной обострённости ненависть связана с любовью (любовь, и любовь, любя).

К наиболее устойчивым ассоциативным реакциям относятся следующие: враг, любовь, зависть, злоба, злость, гнев, зло, война, месть, ложь, люди, смерть, страсть, стыд, убийство, ужас, чёрная, чувство.

Высокая частотность этих ассоциативных реакций позволяет предположить, что они входят в ядро изучаемого концепта и являются фактами языкового сознания представителей русской лингвокультурной общности.

Сопоставление результатов свободного и направленного ассоциативного эксперимента с ассоциативными нормами, собранными американскими исследователями, также позволило выявить дополнительные когнитивные признаки ассоциативного поля исследуемого концепта и установить ядерные ассоциативные реакции в американском языковом сознании.

К дополнительным когнитивным признакам концепта *ненависть* относятся следующие компоненты:

1) ненависть близка к таким эмоциям, чувствам и состояниям, как: afraid, anger, bitter, mad;

2) ненависть может возникать в результате тех или иных действий / свойств (walk, washing, working);

3) ненависть может носить активный характер (war, trouble);

4) ненависть противоположна следующим эмоциям: like, joy, comfort.

На основе анализа данных Русского ассоциативного словаря нам удалось выделить когнитивный признак, противопоставляющий непосредственно любовь и ненависть, тогда как в американских ассоциативных нормах ненависть противопоставляется только существительным «удовольствие» и «комфорт», а также глаголу «нравиться».

К наиболее устойчивым ассоциативным реакциям, входящим в ядерную зону ассоциативного поля концепта *ненависть* в американском языковом сознании, относятся: afraid, anger, bitter, trouble, like, mean, bug.

Как русские, так и американские информанты более склонны к реагированию существительными, а подавляющее большинство ассоциативных реакций глаголами в основном получено от глагольных слов-стимулов. Мы полагаем, что существует определённая зависимость между лексико-грамматическим классом

слова-стимула и ассоциаций на него. Кроме того, факт преобладания реакций-существительных над реакциями-глаголами заставляет предположить, что базовыми первичными единицами информации, хранящимися в языковой памяти человека, являются существительные, а не глаголы. Видимо, человеческая психика более оперирует категориями «Предмет» или «Состояние», чем категорией «Действие».

С целью детального раскрытия взаимосвязи концептов *любовь, ненависть* в русском и американском языковых сознаниях мы сопоставили результаты направленного ассоциативного эксперимента с материалами словарей антонимов русского и английского языков. В словаре антонимов русского языка под ред. Л.А., Новикова представлены следующие антонимические пары: «любовь – ненависть», «любить – ненавидеть», «обожать – ненавидеть». В словаре антонимов Н.П. Колесникова существительное *ненависть* противопоставляется существительному *любовь*, а глагол *ненавидеть* – глаголу *любить*.

В ответах испытуемых ненависти противопоставляются такие понятия, как: дружба, приятельские отношения, сострадание, жалость, дружелюбие, любовь. Анализ реакций испытуемых позволяет выделить два когнитивных компонента в структуре концепта: *отсутствие эмоционального сопереживания по отношению к объекту ненависти* (сострадание, жалость) и *отсутствие контакта субъекта и объекта* (дружба, дружелюбие, приятельские отношения). Однако наибольшее количество информантов противопоставило ненависть любви.

К глаголу *ненавидеть* русские испытуемые подобрали следующие антонимичные единицы: дружить, создать, хорошо относиться, обожать, ценить, любить. Пары «*любить – ненавидеть*», «*обожать – ненавидеть*» зафиксированы и в словаре антонимов русского языка под ред. Л.А. Новикова. На основе реакций участников эксперимента мы выделили дополнительный компонент в структуре изучаемого концепта: *неприятие ценности личности объекта* (ценить, хорошо относиться). Кроме того, как и в случае со стимульным словом *ненависть*, которому в ряде случаев была противопоставлена дружба, слову-стимулу *ненавидеть* также противопоставляется глагол *дружить*. В словаре антонимов русского языка подобных пар не зафиксировано. Однако антонимическая пара «*обожать – ненавидеть*» отмечена как в экспериментальном, так и в словарном материале.

В тезаурусах и словарях антонимов английского языка лексема *hatred* противопоставляется большему числу единиц, чем в русских. В круг антонимов данной лексемы входят такие понятия,

как: affability, affection, admiration, amity, attachment, devotion, fondness, friendliness, goodwill, liking, love, benevolence, benignity, charitableness, cordiality. На основе представленных единиц можно выделить следующие когнитивные компоненты концепта *ненависть*:

1) ненависть исключает дружеские отношения (amity, friendliness, affability);

2) ненависть не предполагает положительное отношение к объекту (affection, attachment, devotion, fondness, liking, love, admiration);

3) ненависть исключает сочувствие и доброжелательность (goodwill, benevolence, benignity, cordiality, charitableness).

Ответы американских информантов содержат меньшее количество понятий, антонимичных слову-стимулу *hatred*: love, giving, acceptance, approval, appreciation, passion, lovable, well wishing, likeable, family: Реакции «love», «appreciation», «passion», «lovable» могут быть причислены к категории единиц, составляющих когнитивный признак *отсутствие положительного эмоционального отношения к объекту*. Реакции «giving», «well wishing», «likeable» были отнесены нами к числу отражающих когнитивный признак *отсутствие доброжелательности по отношению к объекту*. Наконец, ассоциации «acceptance», «approval» соответствуют категории единиц, составляющих структуру признака *отсутствие дружеских отношений между субъектом и объектом*.

По данным тезаурусов английского языка глагол *to hate* входит в антонимические отношения со следующими лексемами: to be fond of, cherish, dote on, enjoy, esteem, fancy, like, love, relish, treasure, wish, favour, prefer, prize, respect, revere, idolize, worship. Таким образом, мы выделили следующие дополнительные когнитивные компоненты, входящие в состав концепта *ненависть* в американском языковом сознании:

1) неприятие ценности свойств и качеств объекта (esteem, treasure, prize, respect, revere, idolize, worship);

2) отсутствие положительных эмоций по отношению к объекту (cherish, be fond of, dote on, enjoy, fancy, like, love, relish);

3) нежелание контакта с объектом (wish, prefer).

Ответы информантов включают следующие понятия, противоположные стимульному слову *to hate*: to love, to accept, to like, understanding. Такие ассоциации, как «understanding» и «to accept» могут быть отнесены к составляющим когнитивного признака *неприятие ценности свойств и качеств объекта*, а реакции «to

like», «to love» наполняют когнитивный признак *отсутствие положительных эмоций по отношению к объекту*.

Когнитивный анализ результатов направленного ассоциативного эксперимента и системно-языкового материала, представленного словарями антонимов русского и английского языков, позволил установить существование стойкой взаимосвязи концептов *любовь, ненависть* в русском и американском языковых сознаниях, поскольку наиболее частотными оппозициями на ассоциативном и языковом уровнях объективации данных концептов являются такие оппозиции, как «любовь – ненависть», «любить – ненавидеть» и, соответственно, «love -hatred», «to love – to hate».

На базе анализа периферийной части концепта *ненависть*, основанного на полученных экспериментальных данных, мы установили универсальные и национально-специфические когнитивные признаки, составляющие структуру периферии исследуемого концепта. Так, когнитивный признак *взаимозависимости ненависти и зависти* (...ненависть – чувство, основанное на лжи и зависти; ...jealousy could be a cause to hatred), а также признак *интеллектуального неприятия объекта* (ненависть – это непонимание...; hatred is sometimes an intolerance of differences...) и признак *естественности чувства ненависти для человека* (ненависть – зачастую нередкость...; you can find hatred in any human being...) находятся на периферии концепта как в русском, так и в американском языковом сознании. Когнитивный признак *эмоциональной близости ненависти и любви* (ненависть – противоположность любви, когда человек не в силах простить; hatred is a good foil to love) также был выделен нами при интерпретации ответов русских и американских информантов. Однако в целом первые более склонны к противопоставлению этих полярных эмоций, поскольку реакции, указывающие на подобную взаимосвязь, достаточно устойчиво проявляются в ответах русскоязычных участников эксперимента.

На периферии концепта *ненависть* в американском языковом сознании не были зафиксированы следующие когнитивные признаки:

1) ненависть является одним из самых негативных чувств, когда-либо испытываемых человеком (...отрицательное, злобное чувство внутри меня...; ужасное чувство; ...злость...);

2) ненависть представляет собой определённого рода тип отношений субъекта и объекта (...самое плохое отношение между людьми...; ...отношение человека к другому человеку...);

3) от ненависти надо избавляться (...хорошие люди стараются избегать его...; это зло, от которого надо избавляться).

Когнитивные признаки, не выделенные на периферии концепта *ненависть* в русском языковом сознании:

1) ненависть часто основывается на страхе (hatred is fear and revulsion; hatred is an emotion based upon fear);

2) настоящая ненависть не часто испытывается (hatred is like a sickness; .. I do not dislike people that badly...);

3) ненависть влечёт за собой чувство гнева (...feeling anger...; hatred is showing rage towards people you despise).

Поскольку когнитивная интерпретация паремий также позволяет раскрыть национальную специфику и особенности строения периферийной части концепта, мы рассмотрели и этот аспект проблемы. Необходимо заметить, что как в русском, так и в английском языках пословичный фонд концепта *ненависть* небогат. Однако по сравнению с изученными нами результатами психолингвистического эксперимента и материалами различного рода словарей русского и английского языков именно в паремиологических единицах наиболее ярко отражена связь исследуемых концептов.

Когнитивный анализ английских пословиц и поговорок о ненависти позволил выделить следующие когнитивные признаки на периферии исследуемого концепта:

1) ненависть может погубить человека, который её испытывает (he who hates is lost; hate is burning fire that may consume the one who hates);

2) от чувства ненависти тяжело избавиться (there is no medicine for hate);

3) ненависть предполагает несправедливое отношение к объекту (we hate those whom we wronged, men hate when they hurt);

4) ненависть может возникнуть между родственниками (the hatred of the nearest relatives is the most bitter);

5) объект должен быть достоин ненависти (there are few who would rather be hated than laughed at).

Предложенные методы анализа экспериментального и языкового материала достаточно полно позволяют раскрыть особенности и состав интерпретационного поля концепта *ненависть* в русском и американском языковых сознаниях, а также выявить национальную специфику его когнитивных составляющих.

В ходе сопоставительного анализа различных структурных частей концептов *любовь* и *ненависть* была выявлена их стойкая взаимосвязь на разных уровнях репрезентации в языке. Наиболее показателен в этом плане ассоциативный материал, поскольку

ку по результатам направленного ассоциативного эксперимента самыми частотными оппозициями являются такие пары ассоциативных реакций, как «love – hatred», «to love – to hate» и, соответственно, в русском языке «любовь – ненависть», «любить – ненавидеть». Не менее чётко взаимосвязь исследуемых концептов прослеживается на базе системно-языкового материала, представленного словарями синонимов, антонимов, тезаурусами словарями сочетаемости, а также фразеологическими словарями. По своим когнитивным характеристикам ядра концептов более однородны, чем их периферийные части, включающие самые разнообразные компоненты.

Установленные различия в механизмах ассоциирования, используемых русскими и американскими информантами, которые в основном заключаются в том, что носители русского языка часто обращаются к воображаемым ситуациям или прецедентным именам, составляющим фонд национальной концептосферы, тогда как американцы чаще прибегают к конкретным образам или ситуациям, которые они почерпнули из личного жизненного опыта.

Проведенное исследование показало, что на разных уровнях объективации концептов *любовь*, *ненависть*, а также в процессе моделирования последних выявляется стойкая взаимосвязь указанных концептов в русском и американском языковых сознаниях, хотя характер подобной взаимосвязи существенно отличается в том и другом случае.

Экспериментальные данные позволяют судить об общих стратегиях, выбираемых русскими и американцами при описании исследуемых концептов. У русских испытуемых наблюдается стойкое преобладание эмоциональной характеристики изучаемых концептов, тогда как в ответах американских информантов обнаруживается тенденция доминирования рациональной характеристики.

Оценочные характеристики исследуемых концептов в равной мере присущи и той, и другой группе испытуемых, однако и здесь наблюдаются определённые различия. Оценка большинства американских информантов осуществляется с позиций собственного «Я», т.е. с позиций усвоенного личностью жизненного опыта, тогда как оценка русских испытуемых, скорее, основывается на сравнении с неким идеалом, воплощение которого они хотели бы наблюдать в жизни.

В центр межличностных отношений носители американского варианта английского языка склонны помещать объект, который испытывает на себе действия любящего или ненавидящего его субъекта. Носители русского языка, напротив, отдают приоритет

субъекту, стремясь описать всё богатство гаммы человеческих эмоций.

Литература

Балашова Е.Ю. Концепты «любовь», «ненависть» в русском и американском языковом сознании // Филологические этюды. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2003. С. 43-46.

Балашова Е.Ю. О принципах организации внутреннего лексикона человека // Эколингвистика: теория, проблемы, методы. Саратов: Научная книга, 2003. С. 99-103.

Балашова Е.Ю. Концепт «любовь» в русском и американском языковом сознании: фреймовый анализ / Язык и национальное сознание. Воронеж: Истоки, 2004. Вып. 6. С. 55-60.

Балашова Е.Ю. Сопоставительный анализ ассоциативных полей концепта «ненависть» в русском и американском языковом сознании // Язык: теория и практика преподавания. Саратов: Научная книга, 2004. С. 129-133.

Балашова Е.Ю. Когнитивный анализ ядерных компонентов концепта «ненависть» в русском и американском языковом сознании // Единицы языка и их функционирование. Вып. 10. Саратов: Научная книга, 2004. С. 93-96.

Балашова Е.Ю. Концепты любовь и ненависть в русском и американском языковых сознаниях. Автореф. дис... канд. филол. наук. Саратов. 2004. 23 с.

Спиридонова Т.А., Балашова Е.Ю. Роль ситуативного контекста в построении индивидуальной картины мира // Язык: Вопросы теории и практики преподавания. Саратов: Слово, 2002. С. 49-51.

Н.Н. Панченко (Волгоград)

ОБМАН

Эмпирически очевидно, что нет такой сферы человеческой деятельности, где бы не встречался обман. Будучи сложным переплетением интенциональных, когнитивных и нравственных аспектов, обман сопровождает человеческую коммуникацию и реализуется в ней, знаменуя конфликт между нормой, моралью и правдой, как одной из фундаментальных экзистенциональных (“бытийных”) ценностей. Правда “выступает необходимым звеном в системе высших ценностей, образующих духовный остов социальности и человечности” (Дубровский, 1994). Ложь, являясь антиподом правды, демонстрирует тем самым приоритет низших ценностей над высшими. Регулярная реализация лжи и обмана в процессе повседневной коммуникации порождает лживость –

свойство социального субъекта, обесценивающее и отрицающее ценностную характеристику личности – правдивость.

Цель данной работы состоит в выявлении и сопоставлении лексико-фразеологических средств, номинирующих и описывающих обман и различные его проявления, на материале английского и русского языков.

Мы придерживаемся разграничения терминов “понятие” и “концепт”, понимая под последним не просто совокупность познанных существенных признаков объекта, а ментальное, национально-специфичное образование, планом содержания которого является вся совокупность знаний о данном объекте, а планом языкового выражения – совокупность лексических, паремических, фразеологических единиц, номинирующих и описывающих данный объект. Знаки (имена) “обман” и “ложь” употребляются как для обозначения соответствующих понятий, так и для концепта/его фрагментов. Но там, где речь идет о наборе/совокупности существенных признаков, позволяющих разграничить ложь и обман, о представленности этих признаков в лексикографии, о семантических мотивировках, мы говорим о лжи и обмане как о понятии. Число же концептуально-значимой лексики ограничено, поскольку не всякое имя-обозначение явления/события действительности есть концепт. В нашем понимании, только то явление (феномен) действительности, которое является актуальным и ценным для данной культуры, и вследствие этого получает языковую фиксацию парадигматически и синтагматически в **значительном количестве** лексических средств, ставшее темой **множества** фразеологических произведений (в широком смысле слова), можно считать концептом.

Разграничение терминов “понятие” и “концепт” отнюдь не исключает их совместного изучения. При знакомстве с понятиями “ложь” и “обман” очевидной стала невыясненность их статусов по отношению друг к другу, что обусловило необходимость обращения к дефиниционному исследованию, не запланированному в задачах нашего исследования. В результате анализа 14 англоязычных и 10 русских лексикографических источников обнаружилась национально-культурная специфика семантизации понятий “ложь” и “обман”, которая проявляется в различиях в семантическом представлении лжи и обмана для носителей сопоставляемых языков: существенным для носителей английского языка является указание на мишени и цели воздействия (направленность действия), для русского национального сознания релевантным является интенциональный аспект (намеренность), референтный аспект (искажена ли истина). В англоязычной лексикографии ак-

центрируется каузация, связываемая с агентивностью обмана. Английские лексикографические толкования более дефиниционны в отличие от русских, тяготеющих к интерпретативности. На основании проведенного дефиниционного сопоставления мы пришли к выводу, что содержательные минимумы понятий “ложь” и “обман” различны, ложь – коммуникативный акт, производимый лингвистически или паралингвистически, а смыслодифференцирующим признаком понятия “обман” является успешность, эффективность реализуемого действия.

Выделение философско-этического, социального, психологического и лингвистического аспектов в контексте рассмотрения феноменов лжи и обмана имеет целью разграничить ложь и заблуждение, обозначить свойства и признаки обманного действия. В частности, в социальном аспекте обращается внимание на такие модусы обмана, как тактичность, вежливость, создание имиджа и т.д. В контексте межличностного и социального взаимодействия умение скрывать эмоции, чувства и настроения поощряется и служит отличием цивилизованного человека от дикаря. В рамках этического аспекта можно выделить признаки лжи и обмана, данные в оппозиции: допустимость/недопустимость, безобидность/ вред, корысть/альтруизм. Обман и ложь (как активная, состоящая из заведомо ложного сообщения, так и пассивная – факт умолчания) с позиций жесткой этики квалифицируются как ненормативные и оцениваются отрицательно. Но мотивируемые альтруистическими соображениями, обман во благо и святая ложь (white lie) не противоречат общечеловеческим ценностям и интерпретируются как совпадение интересов агента и реципиента обманного действия. В результате, аксиологические основы утилитаризма допускают моральную легализацию лжи и обмана, маркируя их положительно на аксиологической шкале с точки зрения мягкой этики.

Внутри психологического параметра важными являются причины и цели обмана, синтезированные в мотивах, роль эмоций в генезисе лжи. Несмотря на тот факт, что ложь и обман эмоциями не являются, тем не менее, бесспорно, оказываются тесно связанными с ними. Проанализировав примеры выборки (приняв за 100 % 496 русских и 421 англоязычный пример, мотивы в которых либо эксплицированы, либо легко выводимы из ситуации), мы пришли к выводу, что доминирующими эмоциями, стимулирующими ложь/обман, в обоих языках являются страх, боязнь, малодушие – 43,2 % русских и 41,8 английских примеров, в 24,6 % и 26,3 % случаев (русских и английских соответственно) первопричиной лжи и обмана являются любовь к близким,

жалость, сострадание, желание защитить. Помимо перечисленных доминирующих эмоций ложь и обман стимулируются также жадностью, тщеславием, завистью, желанием изобличить обманщика/узнать правду и другими мотивами.

Лингвистический аспект подразумевает как минимум два момента: обман с точки зрения отправителя (описание средств выражения) и с точки зрения получателя и/или наблюдателя (способы разоблачения). Ложь и обман поражают многообразием и богатством форм. Ложь фиксируется языком – средством, призванным служить инструментом общения, с помощью которого формируется и выражается человеческая мысль. Систематизация языковых средств выражения лжи и обмана показала, что их потенциал поистине безграничен и имеет специфическую лексику, синтаксис, семантику и прагматику.

В результате анализа собранных примеров их художественных текстов русских и англоязычных авторов нами выделен 861 пример (476 и 385 русских и английских соответственно) из общего числа примеров 3198, отсылающих к декодированию ситуации обмана посредством невербальных маркеров. Анализ примеров показал, что высокоинформативным источником описания невербальной индикации ситуации обмана является описание языка глаз, используемого в 44 % русских и 33,8 % английских проанализированных примеров. В обоих языках основные реализуемые в художественной прозе модели невербальных маркеров лжи посредством описания языка глаз совпадают: бегающие глаза – “*глаза тоскливо заюлили*” (Игнатъев), “*the quick slide of the eyes*” (Weldon); отвод глаз/взгляда – “Крылов хотел *поймать его взгляд и не мог*” (Гранин), “*black eyes (...) looked away from her, as though fearful of revealing too much*” (Sheldon).

Одним из очевидных маркеров лжи является описание неконгруэнтности (28,2 % русских и 32,7 % английских примеров), отсылающие к двум видам рассогласований: несоответствию между вербальными и невербальными планами коммуникации и рассогласованию между внутренне переживаемым эмоциональным состоянием персонажа и внешней его презентацией. Нами установлено, что прямую семантику речи или демонстрируемую эмоцию/-и помогают дискредитировать кинетические средства (в частности, мимические компоненты) – *дружелюбный тон ↔ брезгливое выражение лица* (Мальцева) и/или фонационно-просодические средства – “*I am delighted to meet you, Mr. York. Said aunt Deb. (...) She had no warmth, no genuine welcome in her voice*” (Francis).

Помимо названных способов невербальной детекции ситуации обмана реципиент получает шанс декодировать ложь благодаря экстерииоризации психосоматических сигналов (11,6 % русских и 21,8 % английских единиц в нашей выборке). Типичным и наиболее частым для текстов обоих языков является использование авторами в качестве физиологических индикаторов произнесения лжи/утаивания правды таких сигналов, как: пот, испарина – “Вытри нос, у тебя *нос потеет, когда врешь*” (Гранин), “He swears it on his dead mother’s soul, but he *sweats* while he swears. He is *lying*” (Francis); покраснение лица – “He *reddened* again. (...) He *was lying* to her” (Maugham), “... *солгал* Гордеев и с ужасом почувствовал, что *краснеет*” (Маринина).

Нами также обнаружены случаи, в которых информация о невербальных маркерах ситуации обмана/сокрытия представлена имплицитно (16,2 % русских и 11,7 % английских примеров).

В итоге обнаружилось следующее.

В целом анализ примеров, отражающих обыденное представление о возможностях невербальной детекции обмана, обнаружил общность восприятия невербального поведения лгущего субъекта носителями обоих языков, стереотипные представления о возможностях распознавания реципиентом обманного действия.

Описание многоаспектной природы феноменов лжи и обмана выявило их сложность и неоднозначность. Последние наблюдаются в многообразных видах и формах обмана, простирающихся от обыденных высказываний, которые содержат квант неискренности, до случаев спланированного, злонамеренного обмана.

Рассмотрение лжи и обмана по аспектам, отражающим все ипостаси обманного действия, служит основанием для построения некоего концептуального каркаса, который заполняется способами номинации тех или иных модусов обмана и описанием их свойств.

В своем исследовании мы опираемся на понятие “множественной этимологии”, принятое М.М. Маковским, обосновавшим “одновременное существование нескольких (иногда – многих) семасиологических связей в истории одного и того же значения” (Маковский, 1996). Подобное видение базируется на точке зрения, что язычники соотносили один и тот же предмет/явление с самыми различными предметами, а одно и то же действие становилось источником множества ассоциаций в сознании древних, связывающих данное действие с широким кругом действий/явлений. На данном этапе диссертационного исследования решалась задача проследить, с чем в древнем сознании ассоци-

ировались понятия “ложь” и “обман”, с какими значениями оказываются связанными значения “лгать”, “обманывать”, на основе этого определить пути становления значений лексем, номинирующих ‘ложь’ и ‘обман’.

В результате проведенный отбор лингвистического материала, реконструирующий фрагмент модели мира древних на основе языковых данных, отраженных в семантических мотивировках понятий “ложь” и “обман”, показал, что последние в сознании древних ассоциировались с пустотой (значение ‘пустота’ нередко переходило в значение ‘обман’: лат. *vacuus* ‘пустой’ > др.инд. *vakya* ‘ложь, обман’), соотносились с нанесением морального и физического ущерба (др.-инд. *droha* – ‘ущерб, вред, увечье, повреждение’ > *dhrut* ‘обман’; лат. *fraus* ‘ущерб, вред’ > ‘ложь’, англ. *fraud*). Истоки становления значений лексем, номинирующих ложь и обман и кроющиеся в сакральной сфере, оказались издревле связанными со значениями

– ‘огонь, гореть’ (др.англ. *lieg* ‘огонь’, греч. *legein* ‘говорить’, лат. *lingua* ‘язык’, нем. *lügen* ‘лгать’; англ. сленг *to burn* в значении ‘to deceive’, рус. *нагреть на* какую-либо сумму, *нажарить* в значении ‘обмануть’);

– ‘бить, резать, гнуть, ломать’ (лат. *dolo* ‘рубить’, *doleo* ‘испытываю боль, страдаю’, но *dolus* ‘хитрость, обман’; рус. диал. *лукать* ‘гнуть’, *лука* ‘хитрость, обман’, др.-рус. *лукавь* ‘извилистый, хитрый, коварный’);

– ‘дуть’ (англ. сленг *to breeze* ‘to deceive’; рус. *надуть* в значении ‘обмануть’);

– ‘класть’ (лат. *ponere* ‘класть, прятать’, *imponere* ‘класть’, а также и ‘обманывать’, англ. *to impose (upon)* ‘обманывать’).

В древних индоевропейских обозначениях лжи и обмана, таким образом, выделились три основных семантических компонента значений, ставшие источником негативной коннотации лжи и обмана: нанесение ущерба, сокрытие намерений, искривление/искажение действительности.

Необходимость обращения к культурологическому ракурсу становления концепта “обман” аргументируется тем, что в когнитивной лингвистике научные исследования не могут игнорировать приобретенный культурный фон носителей языка. В результате выяснилось, что правда и ложь, соединяясь в едином клубке, вплетаются в ткань человеческой жизни, сосуществуют в сознании людей как две инкорпорирующие модели поведения, с одной стороны, непримиримо противоположные, с другой стороны, взаимодополняющие друг друга.

Общеизвестно, что в поговорках наряду с общечеловеческим выражается и специфичное для данной лингвокультурной общности, то, что принято называть “душой народа”, поэтому на следующем этапе нашего сопоставительного исследования мы обратились к паремиологическому аспекту концепта “обман”. Обосновав причины чисто семантического способа анализа поговорок, мы ограничили количество анализируемых единиц двумя группами изречений, которые реализуют: 1) выражение и предписание определенных правил поведения, имеющее деонтический характер; 2) констатацию общего закона типа “Всегда имеет место X” или “Всякий X обладает свойством/-ами P”.

В результате анализа 150 поговорок (75 английских и 75 русских, не являющихся параллелями) нами обнаружены 15 паремических представлений об обмане, имеющих различные предметно-образные наполнения: (1) Обман/ложь – не от Бога, значит равны греху, наказуемы; (2) Обман/ложь недолговечны (непрочны, существуют до выяснения правды); (3) Ложь/обман опасны (приносят вред); (4) Обман/ложь не принесут счастья, материальных благ; (5) Обманувший теряет доверие людей; (6) Нельзя дружить с лгуном; (7) Любые проявления обмана осуждаемы; (8) Любая правда предпочтительнее лжи; (9) Одна ложь порождает другую; (10) Обман/ложь – обычное явление (ненаказуемы); (11) Ложь живуча, всегда была и всегда будет; (12) Обман/ложь допустимы (в отношении других обманщиков; ложь предпочтительнее, выгоднее правды); (13) Не следует говорить всю правду; (14) Правда без лжи – непривлекательна, болезненна; (15) Лгать необходимо для благополучия/выяснения правды.

Общим для носителей наивного сознания обоих языков является христианизированный стереотип восприятия лжи/обмана как греха (16 русских – 9 английских). Для ряда поговорок обоих языков характерен логический инвариант, который можно сформулировать как “Выбор меньшего зла”. Английские и русские поговорки предлагают альтернативные ситуации, которые отдают предпочтение одному из двух сравниваемых объектов/состояний субъекта. В английском языке, с одной стороны, честный, хотя и бедный предпочтительнее, чем нечестный, хотя и богатый (*A poor man is better than a liar*), с другой стороны, небольшое количество лжи оказывается более желательным, чем честность, обрекающая на несчастье (*It is better to lie a little than to be unhappy much*), а также лучше признается ложь, которая лечит, чем правда, которая ранит (*Better a lie that heals than a truth that wounds*). Аналогично в русском языке в одном случае отдается предпочтение правде, приносящей страдание (*Лучше горькая правда ...*), в двух

других предпочтительной оказывается ложь, обеспечивающая душевное спокойствие/удовлетворение (*Лучше умная/сладкая ложь...*). Такого рода неоднозначность и противоречивость культурно значимых ориентиров, обозначенных в поговорках, объясняется тем, что язык может отражать и доминирующие факты группового или корпоративного, а не только общенародного самосознания (Телия, 1996).

Межнациональные различия обнаруживаются в различной количественной заполняемости одного и того же вербального участка паремиологического пространства концепта «обман». Например, для английских изречений релевантным является тот факт, что реципиентом лжи/обмана в итоге оказывается сам продукт (3 англ. – 0 рус.) Английское языковое сознание выделяет свойство преимущества лжи/обмана, способности увеличиваться и приумножаться (5 англ. – 0 рус.), в то время как русское лингвосознание обращает внимание на признак жизнестойкости, извечности лжи/обмана (4 рус. – 0 англ.).

Русскими поговорками одобряется факт лжи/обмана во спасение; в английском языке в двух случаях «белая ложь» (white lie) признается безвредной и необходимой, тогда как два других категорично ее осуждают. В русских поговорках никак не упоминается полуправда, английские же изречения интерпретируют ее как огромную ложь/хуже целой лжи (2 англ. – 0 рус.).

Будучи непосредственно связанными с различными сферами деятельности человека, ложь/обман, рассматриваемые с утилитарной точки зрения, признаются более важными русской лингвокультурой, акцентирующей: а) материальную выгоду и житейскую пользу лжи/обмана в 11 случаях (англ. – 5); б) их вред, бесполезность, отсутствие благополучия в 10 случаях (англ. – 3).

Нами также обнаружено, что паремиологический фонд русского языка обращает на себя внимание наличием поговорок, фиксирующих трудность, а порой и невозможность выбора между правдой и ложью. Такие поговорки не включены в число исследуемых единиц, и поэтому не стали предметом детального анализа, однако свидетельствуют о русском национальном характере (Вежицкая, 1996): *«Правдою жить, от людей отбыть, а неправдою жить, Бога прогневить»*, *«Неправдою жить не хочется, правдою жить не можется»*, *«С кривою жить больно, с правдою – тошно»*, *«Сказать не велят, утаить нельзя»*, *«Правду сказать не могу, а лгать не хочу»* и другие. Подобные поговорки не только становятся иллюстрацией трудности выбора, с которым сталкивается человек в житейских ситуациях, но и характеризуют свойства русского характера, его склонность к пассивности, нежела-

нию быть ответственным за принятое решение. Из приведенного ниже примера очевидно, что невозможность самостоятельного разрешения дилеммы, страх перед ответственностью принятия решения заставляет обращаться к некоему арбитру за благословением лжи: “Тетю Наташу страшно напугало слово “суд”. *Сказать правды она не могла, но и врать перед судом боялась*, грех на душу боялась брать. Поэтому и поехала к бабушке за советом... Была она у священника... Сказал, что не всякая ложь зло. А эта сразу три жизни сохранит” (Драгунова).

Паремии содержат специфический кодекс правил, так или иначе обосновывающих акты принятия практических решений. На стратегии принятия сопровождающих обыденную деятельность человека решений ориентированы представления аксиологического характера, которые эксплицитно / имплицитно закреплены в большинстве паремий. Оценка в паремиях предназначена для воздействия на слушающего, являясь выразителем рекомендации, нормоустановки. Для анализа аксиологии паремий использовалась методика А.Н.Баранова (1989), выделяемые им количественные, прототипические, гомеостатические и общие типы оценок, прохождение всех уровней оценивания составляют полную аксиологическую процедуру. Пойдя по тому же пути, мы проанализировали варианты совмещения 4 типов оценок и, соответственно, стратегии оценивания, которые зафиксированы в корпусе отобранных паремий. Преобладающее количество паремий обоих языков сопоставления (54% всех проанализированных единиц) отражают предпочтение стратегий с начальной гомеостатической оценкой, рекомендуя носителю языка оценивать ситуацию с точки зрения поставленной цели. Подобные паремии чрезвычайно разнообразны – вплоть до проповедывания противоположного. Например, в паремии *“Не совершь, зобу не набьешь”* для достижения материальных благ рекомендуется использовать ложь, тогда как *“Неправдой нажитое впрок не пойдет”* ориентирует носителя языка на то, что не следует удовлетворять жизненные потребности с помощью неправды. Лексема ‘лихо’/‘худо’ (плохо) в примере *“Лихо (худо) будет тому, кто неправду делает кому”* позволяет адекватно интерпретировать ложь как нежелательный акт, следовательно, не рекомендуемый субъекту при принятии решений. Ситуация в паремии *“To deceive a deceiver is no deceit”* имеет противоположную интерпретацию. Цель обмануть обманщика оценивается имплицитно положительно, значит обыденным менталитетом может быть рекомендована субъекту в подобной ситуации.

Основными выводами, сделанными в этой части исследования, стали следующие.

1. Проанализированный материал подтверждает постулат аксиологии паремии, сформулированный А.Н.Барановым: “если некоторая оценка является исходной в стратегии оценивания, то она сочетается либо с самой собою, либо с теми ее типами оценок, которые находятся справа от нее в последовательности “К-оценка → П-оценка → Г-оценка → О-оценка”, отражающей полную аксиологическую процедуру” (Баранов, 1989).

2. Паремии в нашей выборке интерпретируют отношение русского и английского языкового сознания к обману и лжи приблизительно одинаково: 25 русских и 22 английских паремий характеризуют их положительно и/или считают приемлемыми, содержат рекомендации использования; 50 русских и 53 английских единицы осуждают, оценивают обман как нежелательный, неприемлемый при обосновании принятия субъектом решения, необходимого в повседневной деятельности.

На следующем этапе исследования ставилась задача определения совокупности лексико-фразеологических средств, отсылающих к ситуации обмана в английском и русском языках, которая решалась на основе анализа дефиниций толковых словарей, а также с помощью наблюдений контекстуальных употреблений единиц. В результате обнаружена 652 единицы (291 и 361 русских и англоязычных соответственно), объективирующих различные языковые осмысления концепта “обман”. Принцип отбора данных единиц определялся выделением концептуальной гештальт-структуры, имеющей прототипическое представление. Прототипическая концептуальная схема обмана несет обобщенную информацию о данном акте, абстрагируясь от множества деталей, составляющих коммуникативную структуру ситуации обмана: кто выступает в роли агента и реципиента обмана: лицо (индивид), коллективный, институциональный субъект или социум. Объединение лексических и фразеологических средств в единой таблице в диссертации аргументируется, во-первых, их “функциональной эквивалентностью” (Москвин, 1996), во-вторых, обусловлено задачей выявить количественные расхождения в английском и русском языках в номинировании того/иного фрагмента пространства обмана, учитывая, что актуальность того/иного явления обеспечивает высокую номинативную активность в обозначении того/иного поведения/явления.

В результате компонентного анализа обнаруженных лексико-фразеологических средств, распредмечивающих концепт “обман”, нами было выделено 7 групп, обозначающих такие фрагменты

концептуального пространства обмана, как “активная ложь”, “пассивная ложь”, “клевета”, “преувеличение”, “лесть”, “притворство” и “акциональный обман”. Выделенные в обоих языках фрагменты пространства обмана “клевета”, “лесть”, “преувеличение” отсылают к речевому поведению субъекта и оказываются семантически варьируемыми за счет факторов: цель и содержание высказывания:

1) клевета, сплетни, слухи (субъект и реципиент (жертва) лжепроизнесения, как правило, не совпадают) – *очернить, возводить напраслину, slander, fling dirt about* (‘распространять грязные сплетни’);

2) преувеличение, бахвальство, хвастовство, небылицы (субъект и реципиент лжераспространения нередко совпадают) – *лить пули, заливать, show, blow one’s own horn* (‘бахвалиться, хвастаться’);

3) лесть, неискренность – *рассыпаться мелким бесом, по/льстить, flatter, feed smb on soft corn* (‘льстить, лицемерить’).

Фрагменты “пассивная ложь” и “притворство” передают значение утаивания, сокрытия:

пассивная ложь – замалчивание или сокрытие истинной информации: *умалчивать, темнить, недоговаривать, veil, sweep under the carpet*;

притворство – сокрытие истинных намерений/поведения и/или маскировка их альтернативными, как правило, более предпочтительными: *симулировать, блефовать, пускать пыль в глаза, pretend, bluff*.

По нашим данным наиболее представительными в количественном плане являются лексико-фразеологические единицы, номинирующие фрагмент “акциональный обман” (различного рода надувательства, жульничество, плутовство и пр.). Внутри последнего возможно выделение подмножеств, образующих парадигмы, на основе совпадения у некоторых единиц признаков, уточняющих характер действия. Так, и в русском, и в английском языках в этом фрагменте выделяются парадигма, семантически маркирующая ловкость, умение, легкость производимого действия: *catch (old birds) with chaff, come (put) Yorkshire over smb, обжулить, надуть, обводить/обвести вокруг пальца* и др.; группа лексико-фразеологических средств, номинирующих обман при денежной сделке: *обсчитать, нагреть, нажарить, flim-flam, cheat out of, swindle out of* и др.; в обоих языках сопоставления можно обмануть другого, пользуясь его наивностью, доверчивостью, неопытностью: *одурачить, об/дурить, околпачить, dupe, make a sucker of, kid* и др.; и наконец, можно с помощью обмана

поставить в худшее положение, нередко пользуясь оплошностью реципиента: *impose on/upon*, *double-cross*, *объезгорить*, *обуть*, *облапошить* и другие.

Чтобы продемонстрировать разность в охвате языковым сознанием фрагментов, обозначающих ситуацию обмана в русском и английском языках в количественном плане, мы проанализировали глагольные лексико-фразеологические средства в процентном отношении. Объясняется это тем фактом, что именно глаголы, семантика которых связана со свойствами актантов, выступают как бы слепком целой ситуации, в частности ситуации обмана. Для обоих языков безусловным лидером в количественном отношении является акциональный обман – 36,2 % в русском и 38 % в английском (где за 100 % принимается 185 и 226 единиц в русском и английском соответственно), представленный такими его модусами, как плутовство, жульничество, мошенничество и т.д. Не менее распространенной для русской лингвокультуры является “активная ложь” (20 %), которая оказалась менее релевантной для английского языка (12 %). Количественные расхождения наиболее наблюдаемы в фрагментах “клевета”, “лесть”, “пассивная ложь”. К доминирующим чертам английского коммуникативного поведения исследователи относят эмоциональную сдержанность, очень высокий уровень фатического общения и бытовой вежливости, в то время как в русском коммуникативном поведении признается выше искренность и ниже уровень бытовой улыбочивости и приветливости по сравнению с Европой. Анализ количественного отношения выборки лексико-фразеологических средств оправдал стереотип восприятия русской лингвокультурной общностью англоязычного коммуникативного поведения, представление о их как вербальной, так и невербальной неискренности, фальшивости. Для англоязычной культуры оказались в большей степени характерны лесть (9,3% и 4,3 % – английский и русский соответственно) и ложь умолчанием (13,7 % в английском языке и 6,5 % в русском). Любопытным оказался факт, что русское языковое сознание для передачи значения клеветы, распространения порочащих слухов закрепило практически в четыре раза больше (в процентном отношении) единиц в сопоставлении с английским. Объяснение такому количественному преобладанию в русском языке мы находим в культурно-исторической закреплённой традиции распускания слухов, сплетен, ритуальной одобрительности обмана (славянские ритуалы защиты от нечистой силы и продуцирующие магические приемы основаны на мотиве обмана).

Важным для анализа национальных особенностей мышления, выявления аккумулированного в языке культурного опыта народа представляется описание сходств и расхождений в членении континуума действительности. Раскодирование зафиксированного членения возможно благодаря языку. Одним из способов/приемов выявления сходств и расхождений при сопоставительном анализе признается проба на взаимопереводимость. “Чужой” язык есть иная категоризация объективного мира. Метод сопоставительного анализа фактического материала (направленность сопоставления текста-оригинала и текста-перевода – от английского к русскому и наоборот) показал, что английский язык для перевода лексем, номинирующих субъект обманного действия, в подавляющем большинстве случаев обходится использованием лишь одной номинации нейтрального употребления: ‘лгун’, ‘лжец’, ‘врун’, ‘враль’, ‘вруша’, ‘брехун’ – ‘*liar*’. Для эмоционально-оценочных номинаций ‘*лгунишка*’, ‘*врунишка*’ лексемного эквивалента в английском нет.

Сопоставив лексические предикаты всех семи выделенных нами групп в русском и английском языках, мы обнаружили, что подавляющее большинство предикатов имеют эквиваленты в языке сопоставления. Однако по наличию эквивалентности эмоционально-оценочной информации не все глаголы имеют соответствующие корреляты. Русские аффиксальные лексемы передаются чаще всего разноструктурными образованиями, как правило, стилистически неотмеченного характера: к примеру, ‘завратиться’ – ‘*to do too much lying*’, ‘приврать’ – ‘*to distort the truth a little*’ и т.д. Установлено, что в 7,3 % случаев различия в нюансах эмоциональной информации, несовпадение семантики предикатов при переводе влечет за собой неизбежные коннотативные потери.

Применение когнитивного подхода к анализу лингвистических единиц дает возможность осмыслить применение говорящим субъектом той/иной языковой единицы, зависимость ее выбора от значимости для говорящего того/иного признака характеристики ситуации. Признается, что чем более многокомпонентной является выбранная говорящим языковая единица для описания ситуации/события, в частности обмана, тем больший когнитивный опыт несет данная единица. Результаты выборки свидетельствуют, что признаки, эксплицируемые при описании обмана могут широко варьироваться в диапазоне экспрессивно-оценочных оттенков от выражения чувств нежности и симпатии – *милое надувательство* до категоричного выражения презрения, пренебрежения – *подлый, ничтожный лгун, cheap crook*. Сопоставительный анализ

1932 (895 английских и 1037 русских) выделенных из общей выборки примеров, презентующих разнообразную палитру синтагматических окружений глагольных и субстантивных единиц, которые описывают обманное действие/его субъект, показал, что 91,8 % имеют адекватные эквиваленты в языке сопоставления/могут быть переданы разноструктурными единицами. Лишь 8,2 % представляют случаи, когда часть эмоциональной или национально-специфичной информации теряется при переводе на другой язык. Расхождение между языками сопоставления можно продемонстрировать тем, что многие признаки в русском языке выражены гораздо большим количеством эмотивных единиц, английский язык более сдержан в эмоциональной характеристике лжи/обмана, не стремится вербализовать оттенки, нюансы эмоций, вызываемых ситуацией обмана, предлагая больше единиц нейтрального употребления для описания обманных действий. В данном случае анализ примеров выборки позволяет предположить бо́льшую эвокацию эмоций относительно лжи и обмана для русскоязычной культуры. Различие между языками прослеживается и в имеющих культурно-национальные коннотации русских словосочетаниях, отсылающих к концепту русской души (Вежбицкая, 1996): *'врать с размахом'*, *'по-быстрому наврать'*, *'навраться досыта'*, *'обманывать на всю/полную катушку'* и др., для которых в английском языке не существует адекватного перевода. Английский язык предлагает большой выбор синонимических средств описания *'нагромождения лжи'* – *'enormity of/ tissue of/ pack of'* и многие другие. Попытки же передать соответствующее русскому представление о свойственной русскому человеку широте души, "ненасытности" даже в вопросах, касающихся лжи и обмана, с помощью сочетания *'good liar'* (порядочный лжец) не представляются удачными, поскольку теряется национальная информация, заложенная в указанных русских номинациях.

Исследование участка концептуального пространства обмана, фиксируемого фразеологическими единицами (ФЕ), в работе сфокусировано главным образом на классе идиом, образное основание которых признается средоточием культурной коннотации, связанной с мировидением народа. Образование идиом, объективирующих концепт обмана/его фрагменты, происходит преимущественно на основе метафоризации. Акт формирования значения идиом представляет собой синтез а) когнитивной интенции; б) формируемого в языковом сознании образа, хранящегося свернутым в виде гештальта и материально выражаемого в сцене (Добровольский); и в) выводного знания как результата но-

минативного замысла говорящего. В результате анализа исследуемых фразеологизмов нами установлено, что образное воплощение обмана во ФЕ обоих языков имеет в основе своей общую идею манипулятивного воздействия на субъект, характеризуемого перекрытием доступа к информации с помощью создания помех для внешних органов чувств, нередко сопровождаемого нанесением вреда, ущерба субъекту. А анализ когнитивной инференции показал: для носителей обоих языков существенным является знание о том, что вследствие подобного воздействия получение истинной информации и/или честность во взаимоотношениях исключены.

Несмотря на наличие общей идеи, лежащей в основе ассоциативной образности идиом, обнаружено, что каждое языковое сознание выражает эту идею по-своему. Продемонстрируем расхождения во фразеологизации концепта “обман” на примере одного из выделенных фрагментов. В английском языке идея утаивания (“пассивная ложь”) имеет в основе образ “покрывания”, которое соединяет в себе покров (символ таинства, сверхъестественного) и темнота, наследующие древние мифопоэтические представления: *keep in the dark, draw a curtain on, cast a veil over* и др. В русском языке семантика сокрытия, покрывания как магического действия фразеологически не зафиксирована.

Для обоих языков характерно использование в качестве “донора” для фразеологизации обмана образных основ, обнаруживаемых семантическую ориентированность на человека, однако, в русском языке при номинировании ситуации обмана частотность использования вербализованных соматизмов выше.

Все, связанное с ложью и обманом, актуально для человека и осваивается человеческим сознанием через соотнесение с аксиологической системой, обуславливающей положительные и отрицательные оценки, которые получают множественную интерпретацию по нравственно-этическим и утилитарно-прагматическим критериям. Эмоциональные словосочетания с прилагательными оценочного характера типа *чудовищная, гнусная, грязная, отвратительная ложь/обман, dirty liar, thumping lie* усиливают негативную оценку опорного слова. Однако словосочетания *изящная выдумка, виртуозная ложь, first-class liar, heroic lie, вдохновенно, талантливо, skillfully, magnificently лгать/обманывать* не могут быть оценены в отрицательном диапазоне. В этих сочетаниях положительные коннотации слов *ложь/обман, lie/liar* являются адгерентными. В данном случае принято говорить о флуктуирующей (Телия) оценке, проявляющейся в контексте и зависящей от эмпатии говорящего. Посколь-

ку нас, в первую очередь, интересовал не сосюрковский язык “в себе и для себя”, а говорящий субъект, его интерпретация и оценка явлений и событий действительности, мы посчитали предпочтительным пронаблюдать оценку лжи и обмана, реализуемую в контексте. Это позволило констатировать, что в отрицательном диапазоне оценки регулярно шкалируются лишь фрагменты “лесть” и “клевета”, выделенные нами в концептуальном пространстве обмана. В большинстве же своих модусов обман имеет флуктуирующую оценку, где знак “-” или “+” зависит от ценностной ориентации говорящего.

Лексический ассортимент средств описания обманного действия/его субъекта включает также метафоры и сравнения (как устойчивые, так и индивидуально-авторские). Анализ образности устойчивых сравнений показал, что для носителей русского языка в большей степени характерно ситуативно-образное соизмерение: *Совралось как с курка сорвалось*. Приведенный пример показателен еще и потому, что не типичен для английского языка, поскольку символизирует элемент бессилия, отсутствие фактора воли агенса. Это вновь отсылает нас к русскому национальному характеру, его неконтролируемости, попытке освободить говорящего от ответственности за происходящее.

Расхождения в метафорическом осмыслении концепта “обман” русским и англоязычным обыденным сознанием проявляются в том, что русской наивной логике свойственно воспринимать обман / его фрагменты как самостоятельные, всепроникающие, нередко мистические сущности, перед которыми человек оказывается слабым существом, опять-таки характеризующие русского человека как пассивного, невластного над своей деятельностью, склонного к зависимости от неких более могучих сил.

Подводя итоги, мы отмечаем, что представления о лжи и обмане, их субъекте, свойствах, присущие английской и русской лингвокультурной общности, существуют в форме мифов, архетипов, символов, эталонов и стереотипов поведения. Соотнесенность данных представлений с мифологической картиной мира, наследование черт архаического сознания древних, связь с базовыми (прототипическими) представлениями о мире, являются общими для носителей двух сопоставляемых лингвокультур, служат основой идентичного восприятия, обозначения и описания многих видов, форм, признаков обманного действия. Однако, индивид с “наследственной памятью коллектива” (Лотман) получает не только древние, но и наслоившиеся за века нюансы, свойственные только данной группе/культуре, следовательно, неиз-

бежны какие-либо расхождения в интерпретации действительности, в частности, ситуаций, связанных с обманом.

Наблюдения над лексико-фразеологическими средствами, номинирующими и описывающими обман и его разновидности, позволили выявить некоторые черты русского и английского национальных характеров: 1) в русском языке находит выражение высокая степень эмоциональности (в частности, богатство эмоционально-оценочных языковых средств для описания как самого обмана, так и оттенков эмоций, сопровождающих обманное действие), английский язык более сдержан в эмоциональной характеристике обмана; 2) склонность к пассивности и неконтролируемости проявляется в том, что человек мыслится невластным над ситуацией, не имеющим ответственности за произведенное действие, в том числе обманное; 3) при описании обмана/его субъекта проявляются характерные для русской культуры чувства теплоты и сострадания, свойства широты души и размаха, носителям английского языка не свойственно говорить о сознательной увлеченности процессом обманного действия, “ненасытности” ложью и обманом.

Основные результаты нашего исследования сводятся к следующим положениям:

Ложь и обман являются диахронической константой человеческого бытия. Истоки становления значений, обнаруживаемых в древних индоевропейских обозначениях лжи и обмана, кроются в сакральной сфере и оказываются тесно связанными в сознании древних с нанесением вреда/ущерба, “покрыванием”/сокрытием намерений, “искривлением”/искажением, нарушением существующего порядка вещей.

Содержательные минимумы понятий “ложь” и “обман” различаются: ложь – коммуникативный акт, производимый лингвистически или паралингвистически и имеющий сознательную интенцию введения в заблуждение. В наборе существенных признаков содержательного минимума понятия “обман” выявляется дифференцирующий признак – успешность, эффективность реализации цели.

Содержание концепта “обман” объемнее одноименной поверхностной языковой сущности и объективируется в значительном количестве лексико-фразеологических средств, паремиях, прецедентных именах и текстах. Средства объективации концепта “обман”/его фрагментов в английском и русском языках, а также восприятие возможных способов невербального декодирования обманного действия и метафорическое осмысление послед-

него носителями обыденного англоязычного и русскоязычного менталитета в целом совпадают.

Расхождение в средствах объективации концептуального пространства обмана проявляются в количественной экспликации выделяемых фрагментов “клевета”, “лесть”, “пассивная ложь”. Различия в лексико-фразеологической номинации и дескрипции обманного действия также являются следствием проявления индивидуальных черт национального характера языка.

Литература

Баранов А.Н. Аксиологические стратегии в структуре языка (паремиология и лексика) // Вопросы языкознания. 1989. № 3. С. 74-90

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание/ Пер. с англ. М.: Русские словари, 1996. 416 с.

Дубровский Д.И. Обман. Философско-психологический анализ. М.: Изд-во РЭИ, 1994. 120 с.

Маковский М.М. Язык – миф – культура. Символы жизни и жизнь символов. М.: Ин-т русского языка им. В.В.Виноградова, 1996. 329 с.

Москвин В.П. Способ описания фразеологических микросистем в идеографическом словаре // Взаимодействие языковых уровней в сфере фразеологии. Волгоград, Перемена, 1996. С. 36–38.

Панченко Н.Н. Некоторые универсалии лжи в разных культурах // Языковая личность: культурные концепты: Сб. науч. тр. Волгоград – Архангельск: Перемена, 1996. С. 230–236

Панченко Н.Н. Семантика авербальных маркеров лжи// Языковая личность: проблемы обозначения и понимания: Тез. докл. науч. конф. Волгоград, 5-7 февраля 1997 г. Волгоград: Перемена, 1997. С. 104–105.

Панченко Н.Н. Контексты употребления лжи и лести // Актуальные проблемы лингвистики в вузе и в школе: Материалы Школы молодых лингвистов. Пенза, 25-29 марта 1997 г. / Ин-т языкознания РАН; ВГПУ им. В.Г.Белинского; Управление образования Пензенской области. М., Пенза, 1997. Вып. 1. С. 91–92.

Панченко Н.Н. Семантика авербальных маркеров лжи// Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1998. Вып. 10. С. 135–141.

Панченко Н.Н. Общекультурный контекст концепта “ложь” // Языковая личность: система, нормы, стиль: Тез. докл. науч. конф. Волгоград, 5-6 февр. 1998 г. Волгоград: Перемена, 1998. С. 82–83.

Панченко Н.Н. Национально-специфическая интерпретация понятий “обман”/ “ложь” в паремиологическом аспекте // Языковая личность: вербальное поведение: Сб. науч. тр. Волгоград: РИО, 1998. С. 26–30.

Панченко Н.Н. Коммуникативная структура ситуации обмана // Языковая личность: жанровая речевая деятельность: Тез. докл. науч. конф. Волгоград, 6-8 окт. 1998 г. Волгоград: Перемена, 1998. С. 69–70.

Панченко Н.Н. Концептуальное пространство обмана во фразеосистеме русского и английского языков // Языковая личность: социолингви-

стические и эмотивные аспекты: Сб. науч. тр./ ВГПУ; СГУ. Волгоград: Перемена, 1998. С. 168–174

Панченко Н.Н. Средства объективизации концепта "обман" (на материале английского и русского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999. 23 с.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.

О.Г. Прохвачева (Волгоград)

ПРИВАТНОСТЬ

Целью данной работы является комплексная характеристика концепта "приватность" в лингвокультуре США. Под приватностью понимается осознание человеком своей личной сферы, противопоставляемой общественной (публичной) сфере.

Приватность, являющаяся одной из фундаментальных ценностей в американской культуре, представляет собой многоаспектную категорию и рассматривается в рамках различных дисциплинарных направлений – проксемики, психологии, социологии и культурной антропологии. Приватность сопоставима с такими понятиями, как "пространство", "дистанция", "территория". Территориальное поведение, дистанцированность и построение различных моделей пространства выступают как способы обеспечения приватности, включаясь в данное понятие как конкретные механизмы для достижения конечной цели – необходимого каждому человеку баланса личных и общественных интересов. Будучи одним из значимых ориентиров невербального поведения, приватность может быть проанализирована с позиций проксемики. К основным способам проявления приватности (т.е. ее нарушения и защиты) относятся следующие характеристики: физические (зрительные, слуховые, обонятельные и осязательные), ситуативные (обстановка общения, дистанция общения), личностные (характеристики участников общения), межличностные нарушения (характеристики взаимоотношений общающихся).

Проксемные нормы, принятые в американской культуре, этноспецифичны и в ряде случаев ведут к коммуникативным неудачам в межкультурном общении. Так, особенностью американского поведения является использование прямого взгляда во время коммуникации в отличие, например, от японской культуры, где прямой зрительный контакт при общении отсутствует. Американской культуре свойственно следование жестким правилам соблюдения дистанции, подчеркивающее важность защиты личного пространства человека. В текстах художественной литературы

мы сталкиваемся с типичными проявлениями невербального нарушения приватности и типами реакций на них. Например: *Harriet's hand gently sought out Monty's hand and took it in a firm cautious gentle grip like a retriever holding a bird. Monty smiled the wan smile, lightly pressed the intrusive hand, and moved away. He repressed a shudder at the unwelcome contact* (I. Murdoch). В данном примере прикосновение нарушает личное пространство человека и ассоциируется с завоеванием приватности, реакцией является непроизвольное физическое отвращение от нежелательного физического контакта.

С точки зрения психологии приватность рассматривается как способ обеспечения внутреннего психического баланса и связывается с понятием личности. Приватность играет определяющую роль в самореализации личности и регуляции ее взаимоотношений с окружающим миром. Рассматриваются четыре стадии приватности (по теории А. Вестина), к которым относятся: 1) состояние полного одиночества (*solitude*); 2) интимность (*intimacy*), предполагающая пребывание человека в составе малой группы; 3) анонимность (*anonymity*), ассоциирующаяся с ситуацией "человек в толпе"; 4) скрытность (*reserve*), создающая "психологический барьер против нежелательного вторжения" (A. Westin).

На этих аспектах базируются функции, выполняемые приватностью в жизнедеятельности индивида: обеспечение индивидуальной автономности (*personal autonomy*), эмоциональной разрядки (*emotional release*), формирование самооценки (*self-evaluation*), ограничение и защита коммуникации (*limited and protected communication*). Таким образом, отмечается важность феномена приватности в поддержании нормального существования и сосуществования людей и необходимость создания соответствующего баланса приватности для каждого человека.

В социологическом аспекте приватность рассматривается как механизм, регулирующий взаимоотношения индивида и общества, призванный скорректировать давление общества на отдельного человека. Смысл изучаемого понятия меняется вместе с эволюцией общественных форм, по мере их движения от простых к сложным. Так, примитивные общества отличаются преобладанием коллективных интересов и меньшей потребностью в приватности как регулирующем факторе. В отличие от них, в современном постиндустриальном обществе человек все больше противопоставляется окружающему его "враждебному" миру и приватность приобретает новые нюансы. Происходит рост физической приватности индивида, имеющий, с одной стороны, поло-

жительные аспекты – более эффективное обеспечение таких функций, как эмоциональная разрядка и индивидуальная автономность, а с другой стороны характеризующийся такими отрицательными моментами как технологизация общества, рост надзора государства над отдельными индивидами, феномен отчуждения. Итак, при анализе социально-психологических характеристик приватности исследователи отмечают ее общественный характер и важность влияния социальных факторов на содержание данного феномена.

Приватность вместе с тем представляет собой явление культуры и может рассматриваться как культурная ценность. Она находит свое непосредственное проявление в этнических стереотипах поведения как типизированных шаблонах или образцах, закрепляющихся в культуре (А.К. Байбурин). С точки зрения такого принятого в антропологии понятия, как “культурное измерение” (в терминологии Г. Хофстеде), приватность, прежде всего, соотносится с оппозицией индивидуализм – коллективизм. Так, ее содержание в русской и американской культурах определяется различным удельным весом приватности на шкале ценностей: в американской культуре, тяготеющей к индивидуализму, приватность занимает более важное место, нежели в русской культуре, которой присущи коллективистские тенденции.

Мы предлагаем рассматривать приватность как культурный концепт, который соотносится, с одной стороны, с мыслительными процессами человека, а с другой стороны, с миром культуры и находит проекции в языке. Прежде всего, отмечается, что концепт как когнитивный феномен необходимо исследовать с точки зрения все более утверждающегося в современной лингвистике когнитивного направления, которое сменяет традиционные подходы к языку. В рамках когнитологии язык рассматривается как общий когнитивный механизм, дающий возможность изучать ненаблюдаемые явления, происходящие в сознании человека и связанные с отражением и преобразованием окружающей действительности. Научный акцент перемещается на рассмотрение процессов человеческого общения, предпосылок его успешности и причин возможных коммуникативных неудач. Концептуальные системы, складывающиеся в сознании людей и отражающие реальный мир, образуют некоторые концептуальные картины мира и обладают определенной долей общности для носителей одной и той же культуры, достаточной для обеспечения необходимого (хотя и не полного) взаимопонимания.

В данной работе принят комплексный подход к рассмотрению концептуальной картины мира, в рамках которого концепт тракту-

ется не как инструмент познания, а как реально существующая форма бытия культурного феномена, при этом концепты “транслируются” в различные сферы человеческого бытия, такие, как язык, искусство, религия и др. (С.Х. Ляпин, В.И. Карасик). Понятийно-образная сторона концептов может быть представлена в виде фреймов, т.е. систематизированных фрагментов информации, типичных моделей, на которых люди основывают свои впечатления от окружающей действительности и строят свое поведение. В работах многих исследователей разграничиваются термины “фрейм”, “скрипт”, “схема”: скрипт, как правило, соотносится с последовательностью событий и состоит из отдельных сцен (например, скрипт похода в ресторан); схема является отправным пунктом для идентификации любого нового события и включается в понятие “фрейм”; фрейм, в свою очередь, представляет собой более объемное и многоуровневое образование и может быть определен как способ интерпретации людьми поведения друг друга.

В данной работе предлагается использовать фрейм как модель построения концепта «приватность» по следующим причинам: 1) фрейм является наиболее удобной формой представления культурных знаний, т.к. содержит *основную и типичную* информацию; 2) знания во фрейме *структурированы* по определенным направлениям, что позволяет упорядочить хаотичные и разрозненные единицы, ассоциируемые с данным концептом; 3) различные “уровни” фрейма строятся на *ассоциативных связях*, что в целом отражает ассоциативный характер человеческого мышления.

“Приватность” выступает как специфический концепт, который относится к этническим, бытийным сущностям и в связи с этим чрезвычайно “текуч” (А.П. Бабушкин) и отличается большой долей субъективности. Он не “привязан” к конкретным словам языка, а выражается опосредованно в виде признака, отличающегося специфической комбинаторикой. В данной работе признак приватности выступает как механизм изучения языкового наполнения фрейма концепта “приватность”.

Специфика рассматриваемого концепта заключается в особой важности его ассоциативных признаков. Прагматичные по своей природе, они представляют особую важность для изучения культурных особенностей, выражая широкий спектр различных внеязыковых явлений. Именно ассоциативные признаки обычно лежат в основе метафоризации значений и создают тем самым образные модели, являющиеся, как правило, носителями культурно значимой информации.

Методы изучения концепта “приватность”, принятые в работе, обусловлены спецификой самого объекта: приватность выступает как сложная многоаспектная категория, которая воспринимается человеком главным образом на подсознательном уровне. Поэтому одним из первичных методов в исследовании выступает интроспекция, в основу которой положены процедуры самонаблюдения, дополненные наблюдением за представителями рассматриваемой культуры. Кроме того, использовались методы понятийного моделирования (при построении модели концепта “приватность”), эксперимента (анкетирование носителей лингвокультуры) и интерпретации (главным образом при объяснении результатов опроса информантов и анализе паремиологических единиц). При отборе лексических единиц фрейма в качестве сопутствующих применялись методы и процедуры компонентного анализа.

Удалось установить, что соответствующий концепту “приватность” фрейм имеет сложную многоуровневую структуру; его ядро составляют понятия, которые непосредственно ассоциируются с приватностью: 1) свобода; 2) интимность; 3) секретность; 4) одиночество; 5) собственность; 6) личность; 7) межличностные отношения; 8) нарушения приватности. Эти понятия, в свою очередь, составляют центры образуемых вокруг них полей, частично накладывающихся друг на друга и получающих специфическое языковое наполнение (общее количество отобранных лексических единиц составляет 667 слов и 716 словозначений).

В семантике слова признак “приватность”, как и любой семантический признак, может быть выражен отдельно (специализированное выражение признака, например, в словах *privacy*, *private*) либо связано с ближайшими по значению признаками (связанный признак, что предполагает его компонентное выражение с различной степенью наличия исследуемого признака в значении).

Анализ отобранного лексического материала показал, что наиболее существенным является связанный признак приватности, который и положен в основу построения фрейма концепта “приватность” в данной работе.

Наибольший интерес представляет комбинаторное выражение данного признака, т.е. то, в какой комбинаторике он обычно выступает, например: *trespass – a wrongful entry upon the lands of another*. В значении данного слова выделяется связанный признак “чужая территория”, а также связанный оценочный признак “неправомерный”, непосредственно ассоциируемый с нарушением территории. Таким образом, признак приватности конкретизи-

руется в данном значении в направлении “нарушение приватности”.

Заслуживают внимания взаимосвязи концепта “приватность” с близкими по смыслу концептами. Например, по отношению к концепту “свобода” (freedom) выделяются два аспекта таких ассоциаций: во-первых, свобода как право на индивидуальную автономность и независимость, что непосредственно соотносится с одной из важных функций приватности (единицы liberty, independence, self-determination, self-government, self-reliance, autonomy, license), а во-вторых, свобода как характеристика поведения, как правило, нарушающего чужую приватность (контексты the freedom of behavior, the liberty taken).

Наиболее подробно признак приватности представлен в поле “одиночество” (solitariness) (95 единиц) и получает высокую семантическую плотность за счет подробной конкретизации таких элементов смысла, как добровольность/недобровольность одиночества, полное/неполное одиночество, длительность одиночества, духовное/физическое одиночество, а также действий, ведущих к одиночеству или его отсутствию. Например, seclusion (добровольность одиночества), privacy (добровольность одиночества + кратковременность + по отношению к чужим + может быть неполным), forlornness (недобровольность одиночества), loneliness (духовное одиночество) и т.д. Отдельно выделяется достаточно многочисленная группа глаголов, обозначающих ситуации, характеризующиеся чрезмерной степенью приватности (27 глаголов – ostracize, exclude, boycott, avoid, shun, etc.), а также недостатком приватности (24 глагола), ассоциирующихся с поведением в толпе: crowd, throng, cram, jam, stuff, etc.

Специфику поля “собственность” (property) составляет наличие целого ряда слов, описывающих ситуацию нарушения личной территории (16 глаголов плюс соответствующие им существительные). В их значениях конкретизируются такие признаки, как “ненормативность, противозаконность действия” (trespass, intrude, squat, overstep, transgress), “нарушение прав другого человека” (infringe, impinge, encroach), “нарушение приватности” (trespass, invade), “нарушение границ чужой территории” (trespass, encroach, squat).

Поля “личность” (personality) и “межличностные взаимоотношения” (relations) рассматриваются главным образом с точки зрения исторического развития и влияния соответствующих научных концептов. Концепт self, лежащий в основе поля “личность”, является ключевым для американской системы ценностей и как наивное понятие в сознании рядового носителя лингвокультуры во

многим обогащается за счет воздействия массовой культуры, в частности популярной психологии (P. Rosenthal). В американской культуре концепт self сопоставляется с концептами person, ego, individuality, individualism (последний не имеет, в отличие от русского языка, отрицательной коннотации) и противопоставляется концептам people, group, society.

Следует отметить, что различные отношения между людьми предполагают ту или иную степень приватности. Концепты, характеризующие эти взаимоотношения, оцениваются с точки зрения выражения приватности в терминах “больше – меньше”, выстраиваясь в следующем порядке по мере увеличения степени приватности: acquaintance, companionship, fellowship, friendship, familiarity, intimacy. Показательно различное понимание концепта “дружба” в американской и русской культурах: “дружба” в американской культуре имеет более абстрактное значение, включая как представление о близких взаимоотношениях, так и о простом дружеском расположении. Правомерным представляется вывод о том, что в лингвокультуре США имеет место утилитаристский взгляд на дружбу в противоположность русскому концепту, предполагающему близкие сокровенные взаимоотношения во всех сферах жизни.

Существенную часть фрейма приватности составляет группа глаголов, обозначающих нарушения приватности (207 глаголов, 238 ЛСВ, что составляет 31% от общего числа единиц фрейма). Эти нарушения представлены следующими группами: 1) получение информации о ком-либо различными способами (41 глагол, 46 ЛСВ); 2) распространение информации о ком-либо (15 глаголов, 15 ЛСВ); 3) воздействие на объект различными способами, вызывающее эмоциональную реакцию (93 глагола, 104 ЛСВ); 4) сознательное унижение партнера по общению (52 глагола, 65 ЛСВ); 5) символическое и физическое нарушение территории (25 глаголов, 28 ЛСВ).

Признак приватности в данных глаголах представлен в различной комбинаторике. Например, в первой группе, в подгруппе зрительного способа получения информации, выделяются следующие модели:

а) зрительное воздействие + интенсивность действия: observe – watch carefully; follow – watch steadily;

б) зрительное воздействие + секретность: snoop – look in a sneaking manner; peep – look furtively;

в) зрительное воздействие + секретность + враждебные намерения: spy – watch secretly usually for hostile purposes;

г) зрительное воздействие + цель (из любопытства): peer – look narrowly or curiously.

При этом все глаголы характеризуются наличием компонента отрицательной оценки либо непосредственно в семантическом толковании в виде семы интенсивности или семы отрицательной манеры (цели) действия, либо он наводится контекстом. Например: I stood **watching** her, fascinated, till suddenly she sensed, then saw, that she was being **watched**. I quickly smiled – to show her that this was a non-hostile figure in the tuxedo in the twilight on the other side of the glass – but it did no good. The girl's *confusion* was out of all normal proportion... (J.D. Salinger). В процитированном отрывке текста значение нарушения приватности наводится контекстом: глагол приобретает признаки осуществляемого действия (“продолжительность” и “тайность”), отрицательность реакции на действие подтверждает факт нарушения приватности.

Глаголы, принадлежащие ко второй группе, отличаются комбинаторикой следующих признаков: сообщать + информация + секретная, личная, приватная информация + (широкой публике). Например: gossip – сообщать личную информацию; divulge – сообщать секретную, конфиденциальную информацию; let out – обобщить информацию широкой публике (в прессе) и т.д.

Подавляющее большинство глаголов третьей группы является каузативными. В их семантических толкованиях в основном не уточняется, какие именно действия предпринимаются, более важной оказывается экспликация эмоциональной реакции на эти действия. Предлагается деление этих глаголов на подгруппы по семантическому признаку, положенному в основу толкования, среди которых выделяются следующие: 1) глаголы со значением “annoy” (annoy, harass, bother, irritate, vex, pester, irk, etc.); 2) глаголы со значением “criticize” (criticize, scold, revile, insult, rebuke, abuse, pick, etc.); 3) глаголы со значением “afflict” (afflict, torture, assault 1, vex 2, etc.); 4) глаголы со значением “rape” (rape, molest, force, assault 2, violate, ravish, etc.); 5) глаголы со значением “offend” (offend, outrage, disconcert, embarrass, discomfit, abash, etc.); 6) глаголы со значением “stare” (stare, gawk, ogle, gape, goggle, etc.).

В группе сознательного унижения партнера по общению признак приватности эксплицируется по двум направлениям: занижение статуса другого человека (abase, demean, humiliate, chasten, subdue, etc.) и чрезмерное подчеркивание собственного статуса (dominate, domineer, command, overbear, deign, etc.). Группа физических и символических нарушений территории частично пересекается с группой глаголов, принадлежащих к полю “соб-

ственность”, включая также единицы, обозначающие нарушения моментов приватности (interrupt, disturb, bother, thrust, impose, etc.).

В результате проведенного отбора лексического материала была выделена достаточно многочисленная группа слов, обозначающих характеристики людей по отношению к приватности, которые распределяются по следующим направлениям: 1) характеристики людей, нарушающих чужую приватность (158 единиц, 162 ЛСВ) и 2) характеристики людей, чрезмерно реагирующих на нарушения приватности (37 единиц, 38 ЛСВ).

К первой группе были отнесены прилагательные и существительные, описывающие следующие ситуации: а) получение и распространение информации о других (inquiring, inquisitive, curious, busybody, voyeur, talebearer, rumormonger); б) отрицательно оцениваемая манера поведения: недостаточность манер (rude, rough, unrefined, ill-mannered, impolite), оскорбительность манер (vulgar, obscene, unchaste, licentious), вольность манер (presumptuous, free, familiar, frivolous), навязчивость манер (importunate, persistent, obtrusive), неприятные манеры (obnoxious, offensive, nasty, vile), неуместные манеры (unbecoming, improper, unseemly); в) статусные характеристики людей: завышение собственного статуса или его чрезмерное подчеркивание (proud, arrogant 1, haughty, superior), высокомерная манера поведения (lofty, arrogant 2, swaggering), занижение статуса других (supercilious, disdainful, scornful, snobbish), злоупотребление властью (despotic, tyrannical, authoritarian); г) вмешательство: в чужие дела (intrusive, meddling, interfering), навязывание собственных услуг или мнений (obtruding, officious, obtruder), нарушение чужой территории, пространства (trespasser, poacher, unwelcome).

Ко второй группе, связанной с чрезмерностью реакции на нарушения, отнесены три ряда слов, обозначающих людей: а) испытывающих чрезмерную эмоциональную реакцию на нарушения (shy, reserved, coy, touchy, sensitive, bashful); б) испытывающих физическое отвращение к чужому (fastidious, finicky, squeamish, fussy); в) чрезмерно соблюдающих условности (prude, prudish, prim, prig, puritan).

Во фразеологической семантике английского языка признак приватности конкретизируется по тем же направлениям, что и в лексике. Анализ оценочных характеристик отобранных фразеологизмов (всего 353 единицы) показывает, что объектами **отрицательной оценки** выступают следующие действия:

1) *стремиться получить личную (приватную, секретную) информацию о других людях: worm oneself into somebody's*

confidence – втираться в доверие, влезать в душу; *have itching ears* – быть любопытным; 2) *нарушать чужую территорию*: *crash a party* – явиться без приглашения; *a cuckoo in the nest* – нежеланный гость; 3) *распространять приватную информацию о других*: *stab somebody in the back* – злословить за спиной, клеветать; *cast dirt at somebody* – забросать грязью; о себе: *wash one's dirty linen in public* – выносить сор из избы; 4) *пристально и долго кого-либо разглядывать*: *watch somebody like a hawk* – не спускать глаз; *stare like a stuck pig* – вытаращить глаза; 5) *надоедать своим присутствием*: *cling like a limpet to somebody* – не отходить ни на шаг, пристать как банный лист; *breathe down somebody's neck* – стоять над душой; 6) *вмешиваться в чужие дела*: *poke one's nose into somebody's affairs* – совать нос в чужие дела; *roach on somebody's preserves* – вмешиваться в личную жизнь кого-либо; 7) *навязывать услуги, мнение, знакомство, общество*: *scrape acquaintance with somebody* – набиваться в знакомые; *cram something down somebody's throat* – навязывать свое мнение, взгляды; *a Dutch uncle* – человек, который любит давать советы в родственной манере; 8) *нарушать приличия, правила поведения*: *as independent as a hog on ice* – нахал, развязный человек; *a rough customer* – грубиян; *go beyond all bounds* – выходить из границ дозволенного; 9) *вести себя высокомерно, заносчиво*: *have one's nose in the air* – быть высокомерным; *high tuck-a-tuck* – зазнайка, гордец; 10) *контролировать кого-либо, держать в подчинении*: *get somebody by the short hairs* – командовать, держать в ежовых рукавицах; *get the whip over somebody* – держать кого-либо в полном подчинении; 11) *изолировать от общества, игнорировать кого-либо*: *give somebody the freeze* – обдать холодом, облить презрением; *avoid somebody like a leper* – избегать как чумы; 12) *затрагивать в разговоре неприятные (например, слишком личные) для человека темы*: *touch a sore spot* – затронуть болезненное место; *hit somebody where it hurts* – задеть за живое; 13) *критиковать кого-либо, грубить*: *bite somebody's head off* – грубо ответить кому-либо; *pick a hole in somebody* – придирается к кому-либо; 14) *чрезмерно подчеркивать собственный статус, унижать других*: *throw one's weight around* – пытаться командовать другими; *treat somebody as mud* – не считать за человека, смешивать с грязью; 15) *чрезмерно соблюдать условности*: *blue nose* – ханжа.

Положительно оцениваются следующие характеристики:

1) *свобода, независимость*: *free somebody's hand* – предоставить свободу действий; *give somebody his head* – предоставить полную свободу действий; 2) *не вмешательство в чужие дела*:

keep one's nose out of something – не вмешиваться, не совать свой нос в чужие дела; 3) *сохранение собственной приватности*: *be a master in one's own house* – не допускать вмешательства в свои дела; 4) *соблюдение приличий, норм вежливости*: *keep on the rails* – соблюдать нормы поведения, приличия; *keep a civil tongue* – говорить вежливо, учтиво.

Анализ фразеологизмов также показывает, что приватность сопоставляется со следующими концептами: 1) *дом, семья*: *come (get, go) home to somebody, hit someone where one lives* – задеть за живое; *all in the family* – что-либо (например, информация, чаще всего приватная), не подлежащее разглашению; *skeleton in the closet* – *семейная тайна*, тайна, скрывающаяся от посторонних; 2) *свое/чужое*: *make a stranger out of somebody* – относиться как к чужому, холодно, неприветливо обходиться; *a stranger within somebody's gates* – чужой, посторонний человек; 3) *вежливость, приличия*: *keep a civil tongue* – говорить вежливо, учтиво; *mind one's manners* – соблюдать приличия; 4) *территория, пространство*: *beat up somebody's quarters* – ввалиться без приглашения; *darken somebody's door* – прийти без приглашения; 5) *надзор* (актуальный для американской культуры концепт *surveillance*): *have an eye out for somebody* – зорко *следить* за кем-либо; *be at somebody's tail (on somebody's trail, track)* – *преследовать, выслеживать* кого-либо.

С точки зрения образного содержания выделяются следующие **модели**, положенные в основу метафорического представления изучаемого концепта: 1) *территориальные, пространственные образы*: например, *границы территории* обозначаются словами *fence, door, gate, wall, edge, mark, distance* и др.; *личная территория* ассоциируется с символами *house, family, nest, quarters, closet (cupboard), preserves*; 2) *образы, связанные с физическим восприятием пространства человеком*: *give the cold shoulder, give the frozen mitt* – игнорировать; *turn the heat up on somebody* – усилить давление на кого-либо, *put on the grill* – допрашивать “с пристрастием”, *give somebody hell* – ругать на чем свет стоит (ассоциация с преисподней); 3) *образы, связанные с физическими ощущениями человеческого тела*: *stick pins into somebody* – раздражать кого-либо, буквально “вставлять иголки”; *cut to the bone* – глубоко уязвить, буквально “резать до кости”; 4) *образы предметов и ситуаций, связанных с укрощением животных* (выражение идеи ограничения свободы действий, контроля за кем-либо): *keep in blinkers, keep on chain, wear the collar, get the whip over*; 5) *образы, связанные с охотой*: *be on somebody's track, follow*

somebody like a dog – идея преследования; cover somebody's tracks – образ животного, которое уходит от преследования.

Рассмотрение пословиц и поговорок (63 единицы) позволяет выявить дополнительные характеристики норм приватности в языковой картине мира. Так, по результатам паремиологического анализа **отрицательно оцениваются** следующие виды поведения: 1) вмешательство в чужие (семейные) дела: Put not your hand between the bark and the tree; Every fool will be meddling; 2) фамильярность в отношениях: Familiarity breeds contempt; 3) злоупотребление правом на приватность в дружеских взаимоотношениях: Friends are thieves of time; God defend me from my friends, from my enemies I can defend myself; 4) долговые отношения между друзьями: Short reckonings make long friends; Lend your money and lose your friend; 5) распространение личной информации о других: A talebearer is worse than a thief; Give a dog a bad name and hang it; 6) распространение личной информации о себе: Never tell tales out of school; It's an ill bird that fouls its nest; 7) любопытство: Curiosity killed the cat; Ask no questions and you will hear no lies; 8) нарушение личной территории (ассоциируется с концептом "гости"): Visitors and fish stink after three days; A constant guest is never welcome; 9) зависимость, подчинение: No man likes his fetters, be they made of gold; 10) высокомерная манера поведения: Pride goes before a fall.

Вместе с тем объектами **положительной оценки** выступают следующие ситуации: 1) невмешательство в чужие дела, соблюдение права других людей на приватность: Live and let live; Judge not and you won't be judged; 2) соблюдение границ чужой территории, неприкосновенность личной территории: Good fences make good neighbors; A man's home is his castle; 3) соблюдение права на приватность в дружеских взаимоотношениях: A hedge between keeps friendship green; 4) индивидуалистические ценности: Every tub must stand on its own bottom; Self-preservation is the first law of nature; 5) групповые ценности: A house divided against itself cannot stand; There's safety in numbers; 6) вежливость и такт: An ounce of discretion is worth a pound of wit; Civility costs nothing.

В коммуникативном аспекте приватность соотносится с лингвопрагматическими категориями *вежливости и такта*: сохранение приватности обоих участников взаимодействия требует соблюдения определенных норм вежливости. При этом приватность выступает как один из ключевых аспектов социолингвистической категории "лицо" (E. Goffman), как некоторого социального имиджа, приписываемого друг другу участниками коммуникации. В работе устанавливается, что сохранение приватности предпола-

гает табуирование действий, которые ассоциируются с ее нарушениями, а также эвфемизацию возможных завоеваний личного пространства. Процесс эвфемизации получает конкретное выражение в виде коммуникативных стратегий, т.е. повторяющихся действий, направленных на достижение желаемого результата.

В диссертации эти стратегии рассматриваются в этикетном аспекте в некоторых типах речевых актов, а именно: просьбах, приказах (и других директивах), а также вопросах, оказывающих наибольшее коммуникативное давление на адресата.

Так, к способам эвфемизации приватности (путем снижения давления на адресата) в директивах могут быть отнесены (1) различные *косвенные способы* оформления просьбы, например: конструкции типа *Do you mind...? Will you please...? Could you please...? I wonder if you could...* и др.; (2) *стратегии пессимизма* (R. Scollon, S. Scollon), которые выражаются в употреблении ряда конструкций, предваряющих просьбу и как бы признающих невозможность ее выполнения, например: *I don't suppose you'd be able to..., I am not sure I can ask you...*; (3) введение в речь так называемых *"смягчителей"* (hedges), примерами которых служат слова типа *sort of, kind of, like, in a way* (P. Brown, S. Levinson) с целью придания просьбе менее категоричного характера; (4) использование *речевого акта намека*, чтобы выразить просьбу. Например, намек об окончании визита: *"Well, we have enjoyed seeing you in our home"* (H. James) (использование интонационных средств, а также грамматическое оформление высказывания содержат в себе указание на окончание визита: ср. *Мы были рады видеть вас*); (5) использование *речевого акта извинения*, предваряющего обращение с просьбой для предотвращения возможных нарушений: *Excuse me..., I'm sorry to intrude..., I hate to bother (trouble) you...* и др.; (6) использование *речевого акта объяснения*, который служит обоснованием обращения с просьбой и, как правило, подчеркивает важность или срочность данного действия для адресанта: *We are very short of time, could you help us...? I could have asked John but he is very busy...*

По отношению к вопросительным речевым актам в американской коммуникативной культуре могут быть выделены некоторые *стратегии, смягчающие эффект вмешательства и давления*. К ним относятся (1) предваряющие вопрос *разрешения*, выражающиеся с помощью конструкций *Do you mind my asking you? Can I ask you a personal question?*, или *корректирующие приемы* после того, как вопрос уже задан, например: *Are you very deeply in love with your wife? Or am I being too personal?* (J.D. Salinger); (2) слова типа *well, so, now, like, I mean, you know, oh* и другие *маркеры*

дискурса; (3) использование *косвенных приемов* для выражения вопроса, примерами которых может служить замена прямого вопроса косвенным; замена прямого вопроса разделительным, который звучит менее категорично и широко распространен в англоязычном общении (в отличие от русской коммуникации): ср. Are you a student? и You are a student, aren't you?; замена вопроса утверждением (высказывание, по своей форме не являющееся вопросительным, может предполагать вопрос): Say, I heard you just bought a beach condo in California! It must have cost you a fortune! (косвенно выражает вопросы Did you buy a beach condo? Was it expensive?).

При всей своей многочисленности данные стратегии тяготеют к использованию большого количества косвенных приемов и отличаются меньшей степенью эмоциональной окрашенности по сравнению с русским языком. Это может быть объяснено большей значимостью концепта приватности и сохранения суверенитета личности для американской культуры, в то время как в русской культуре превалирует концепт солидарности (Р. Ратмайр).

Представляют интерес *стратегии уклонения от ответа на вопрос*, который адресат может счесть угрожающим собственной приватности. При этом выделяются *два типа реакций*: прямая и косвенная. В первом случае адресат прямо дает понять собеседнику, что не хочет или не может ответить на вопрос. Используемые при этом речевые конструкции могут отличаться различной степенью категоричности: слишком категоричные (That's none of your business! Mind your own business! That does not concern you!) часто заменяются *речевыми актами извинения*, а также *объяснения (предлога)* (That (information) is privileged, We can't release that information, I'm sorry, but that's privileged (в профессиональной коммуникации); That's not something I want to share at the moment, Sorry, I can't say right now, I don't feel like talking about that now, Let's not talk about that и др. как в неформальном, так и в формальном общении). При этом обычно используются маркеры дискурса (слова well, you know, so, oh и т.п.), смягчающие эффект отказа. Например: I think he hardly knew what he was saying, for when I asked him what business he was in he answered: "That's my affair," before he realized that *it wasn't an appropriate reply*, "Oh, I've been in several things," he corrected himself (F.S. Fitzgerald). В примере категоричный ответ заменяется уклончивым, который вводится маркером дискурса Oh.

К типичным косвенным стратегиям относятся:

- 1) Уклончивый ответ, т.е. создание видимости ответа:
– I have to go.

– Where?

– *Just... I have to* (Chinatown).

2) Уход от темы разговора (например, перевод разговора в другое русло):

– Why did you leave police force?

– Do you have any peroxide or anything like that? (Chinatown).

3) Ответ вопросом на вопрос (в пределах той же темы):

“Sally Carrol,” said Clark suddenly, “it a fact that you’re engaged?”

She looked at him quickly.

“Where’d you hear that?” (F.S. Fitzgerald).

4) Шутливый (ироничный) ответ:

‘Olive told me to tell you she hoped you will stay to dinner. And if she said it, she does really hope it. She is willing to risk that.’

‘Just as I am?’ the visitor inquired, presenting himself with rather a work-a-day aspect... ‘Are you ever different from this?’ Mrs. Luna was familiar – intolerably familiar.

Basil Ransom coloured a little. Then he said: ‘Oh, yes; when I dine out I usually carry a six-shooter and a bowie knife’. And he took up his hat vaguely... (H. James).

5) Невербальный способ ответа, к которому могут быть отнесены всевозможные жесты, а также отсутствие ответа как такового, т.е. молчание:

“What was it you had to talk about? It was Alice, wasn’t it?”

I looked away from her (J. Braine).

6) Эвфемизмы (часто имеющие статус клише):

– All right, where did you get this information?

– *A little bird told me* (A. Bertram) (при ответе на вопрос об источнике информации).

– How are things going with your divorce proceedings?

– *The less said, the better* (там же) (способ дать понять, что дальнейшее обсуждение этой темы нежелательно).

– So, any boyfriend?

– Oh, *you don’t want to know...* (Singles).

Было проведено два эксперимента, результаты которых анализируются и интерпретируются в работе. Экспериментальные данные помогают выявить дополнительные прагматические характеристики концепта “приватность”. Она тесно соотносится с выбором темы общения и зависит непосредственно от фактора степени знакомства. В содержательном аспекте высокую степень табуированности (по данным проведенного опроса) получают темы, предполагающие обсуждение личных и интимных взаимоотношений (43,48% и 50% информантов соответственно квалифицируют эти темы как невозможные при общении с незнакомыми людьми), а также финансовых вопросов (34,78%), за ними следуют темы, связанные с вредными привычками (32,61%), результатами голосования (29,35%), здоровьем (25%) (к ним добавляются

также темы “религия” и “этническая принадлежность”). Темы “покупки”, “свободное время”, “питание” являются наиболее нейтральными из всех предложенных. Результаты опроса показывают важность учета ряда дополнительных факторов, влияющих на степень приватности той или иной темы, к которым относятся: общие или личностные аспекты обсуждения темы; ситуация, контекст общения; индивидуально-личностные и социокультурные характеристики общающихся; субъективное впечатление о собеседнике; личный опыт коммуниканта в связи с данной темой; добровольность сообщения какой-либо информации (в отличие от сообщения информации под давлением) и т.д.

Другой важный аспект концепта “приватность” предполагает рассмотрение реакций на ее нарушения, что также было исследовано экспериментальным путем. Согласно проведенному анкетированию выявляются ситуации, характеризующиеся большей или меньшей степенью интенсивности реакции на нарушения. По полученным данным, к наиболее серьезным нарушениям относятся: распространение личной информации о других (59,8% информантов оценивают данное действие как оскорбительное), а также несоблюдение норм проксеимного поведения (прикасаться к чужому человеку – 41,18%, использовать чужую посуду – 37,25%, дышать в лицо собеседнику – 31,37%). Вместе с тем позитивную оценку получают прямой зрительный контакт во время общения (83,33% участников оценивают это действие положительно) и предложение помощи и услуг со стороны незнакомого человека (59,8%). Эти результаты могут быть интерпретированы с точки зрения важности соблюдения проксеимных норм в американской культуре (жесткость границ личного пространства) и осуждения злонамеренного распространения личной информации, получающей статус приватной.

Основные результаты нашего исследования сводятся к следующим положениям:

Приватность как осознание человеком своей личной сферы в противоположность общественной является культурным концептом, моделируемым в качестве обобщенной ситуации, участники которой стремятся сохранить от несанкционированного вторжения свое личное пространство. Образная сторона данного культурного концепта представляет собой базовый фрейм физического и символического пространства личности; понятийная сторона – языковое обозначение характеристик этого пространства, поведения людей, соблюдающих или нарушающих приватность, предметов и событий, ассоциируемых с приватностью; ценностная сторона – принятые в обществе эксплицитные и имплицитные

нормы поведения, регулирующие соблюдение границ личного пространства участников общения.

Приватность как социокультурный феномен находит множественное проявление в языке, выражаясь главным образом в семантике лексических и фразеологических единиц в виде признака приватности. Специфика данного признака заключается в своеобразии моделей его комбинаторики, в которых он находит компонентное выражение, сочетаясь с другими, близкими по значению, признаками, а именно свободой, одиночеством, собственностью, секретностью, интимностью, нарушением приватности, территорией, статусом, вежливостью, эмотивностью.

Концепт “приватность”, который характеризуется как абстрактный, “бытийный” концепт, во многом структурируется метафорически и таким образом находит образное выражение в языке. В качестве “базовой” метафоры выступает сопоставление приватности с образами пространства, территории, а также способами физического восприятия пространства (биологические предпосылки феномена “приватность”) и вместе с тем с образами некоторых предметов и ситуаций, связанных с различными аспектами человеческой деятельности (укрощение животных, охота) (социальная природа феномена “приватность”).

На прагматическом уровне рассмотрения языковой личности концепт “приватность” выражается в речевом поведении носителей языка в виде конкретных стратегий, целью использования которых является предотвращение возможных нарушений приватности (как своей, так и других участников) или смягчение произошедших нарушений. Соответствующие речевые акты тяготеют к широкому употреблению косвенных приемов, носящих этикетный характер (т.е. типичных, конвенциональных способов, закрепленных в системе этикета), что объясняется распространенной в американском общении тенденцией к минимизации коммуникативного давления на адресата. В целом это подтверждает значимость для американской культуры таких категорий, как суверенитет личности, личное пространство, приватность.

Изучение “минус-характеристик” приватности дает возможность дополнить исследование концепта “приватность” новыми данными, полученными в результате социолингвистического анкетирования носителей лингвокультуры США. Эксперимент подтверждает тезис о различной степени “приватности” тем общения, что позволяет составить приблизительный список тем, получающих высокий уровень табуированности в американской культуре (например, интимные и личные взаимоотношения, деньги, политика, вредные привычки, здоровье, религия, этническая при-

надлежность), что имеет важную практическую значимость для избежания коммуникативных неудач в межкультурном общении.

Литература

Байбурин А.К. Предисловие // Этнические стереотипы поведения. Л.: Наука, 1985. С. 3–6.

Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. Сб. науч. тр. Волгоград – Архангельск: Перемена, 1996. С. 3–16.

Ляпин С.Х. Концептология: к становлению подхода // Концепты. Научные труды Центроконцепта. Архангельск: Изд-во Помор. ун-та, 1997. Вып. 1. С. 11–35.

Прохвачева О.Г. Образ “приватного” пространства в языковой картине мира (на материале русской и английской фразеологии) // Языковая личность: культурные концепты: Сб. науч. тр. /ВГПУ, ПМПУ. Волгоград – Архангельск: Перемена, 1996. С. 41–48.

Прохвачева О.Г. Приватность как социально-психологическая характеристика человеческого поведения и некоторые способы выявления ее языковой реализации // Лингвистические явления в системе языка и в тексте: Сб. науч. тр. Вып. 1. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1997. С. 126–132.

Прохвачева О.Г. Этикетный аспект дистанцированности общения в русской и английской культурах // Языковая личность: проблемы обозначения и понимания: Тез. докл. науч. конф. Волгоград, 5-7 февр. 1997 г. / ВГПУ. Волгоград: Перемена, 1997. С. 110–113.

Прохвачева О.Г. Концепт “приватность” в русской и американской культурах (на примере английского и русского языков) // Сб. тр. молодых ученых и студентов Волгогр. гос. ун-та. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1997. С. 415–416.

Прохвачева О.Г. Табуирование и эвфемизация нарушений приватности в различных культурах // Языковая личность: система, нормы, стиль: Тез. докл. науч. конф. Волгоград, 5-6 февр. 1998 г. / ВГПУ. Волгоград: Перемена, 1998. С. 88–9.

Прохвачева О.Г. Лингвокультурный концепт «приватность» (на материале американского варианта английского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2000. 24 с.

Brown P. and Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 346 p.

Goffman E. Relations in Public: Microstudies of the Public Order. Harmondsworth: Penguin, 1972. 464 p.

Rosenthal P. Words and Values. Some Leading Words and Where They Lead Us. Oxford: Oxford University Press, 1984.

Я.В. Зубкова (Волгоград)

ПУНКТУАЛЬНОСТЬ

Цель данной работы заключается в сопоставительной характеристике концепта «пунктуальность» в немецкой и русской лингвокультурах.

Главным свойством концепта в лингвокультурологии и когнитивной лингвистике считается неизолированность концептов, связанность с другими концептами культуры. Совокупность концептов в рамках одной культуры представляет собой концептуальную картину мира носителей этой культуры или концептосферу культуры (Д.С. Лихачев). В результате изучения концептуальных картин мира в немецкой и русской лингвокультурах обнаруживается тесная связь между концептами «время» и «пунктуальность».

Концепт «время» рассматривается как первичный по отношению к концепту «пунктуальность». Культурный концепт «время» относится к универсальным культурным концептам, созданным человеком для соответствия норме всей его жизнедеятельности и рассматривается как ценностная доминанта общества. Вербальное осознание времени превращает его из сопутствующего устройству мира физического обстоятельства в ценностный компонент картины мира и формирует другой концепт в языковом сознании – концепт «пунктуальность».

Создание времени для соответствия правилам и законам привело к возникновению определенных норм поведения в обществе. Наряду с общечеловеческими нормами поведения существуют специфические нормы поведения отдельных наций или народов. Каждой культуре свойственны определенные нормы поведения, складывающиеся на основании представлений о мире. Нормы поведения, принятые в обществе, обусловлены целями и идеалами данного общества. Выявление норм поведения позволяет выявить специфические особенности концептов в разных культурах. Существование специфических признаков концепта «пунктуальность» в русской и немецкой культурах обусловлено различным отношением индивидов ко времени как к культурной ценности.

Разделение культур на полихронные и монокронные (Э. Холл) по отношению ко времени представляется перспективным для изучения взаимодействия концептов «время» и «пунктуальность», поскольку определенное отношение ко времени предполагает разную степень пунктуальности. Немецкая культура относится к культурам с монокронным восприятием времени, русская – к культурам с полихронным восприятием времени. Эти две модели восприятия времени существенно различаются логически

и эмпирически. В настоящей работе рассматривается отношение ко времени и, в частности, к точности во времени, продиктованное данными типами культур.

В монохронной модели время делимо, оно членится на отрезки, которые отведены для заранее выделенных дел. Здесь спланировано время и дела, которые нужно сделать за это время, за определенный отрезок времени. Нетрудно заметить, что монохронное время создано человеком искусственно, оно не дано природой, это не ритм неба, не ритмы человека. Монохронное время – это время прямолинейное, оно ведет из прошлого в будущее.

Полихронное время воспринимается людьми не так ощутимо, как время монохронное. Это не линия, это точка. При таком восприятии времени можно делать несколько дел одновременно, не оглядываясь на «органайзер», на план своих дел. Представители культур с полихронной моделью времени уделяют внимание скорее качеству работы, чем сроку. Люди с монохронным восприятием времени не задержатся на заседании, если время вышло, а поэтому ритм жизни для таких людей будет не стремительным, а скорее – размеренным. Для других – важно не время, важны отношения и именно выполнение намеченного.

Следует подчеркнуть, что восприятие времени, соответственно, и отношение к точности во времени в монохронных и полихронных культурах различно. В монохронных культурах нормы поведения, связанные с пунктуальностью, регламентированы больше. Примером могут служить типовые правила распорядка в доме, характеризующие стремление немцев к упорядочению всего, в том числе и точности во времени: *избегать всякого шума и музицирования с 22 до 8 часов и с 13 до 15 (послеобеденный отдых); наполнение и опорожнение ванны разрешается с 7 до 22 часов; выбивание ковров и одеял производить только в отведенных местах ... по пятницам и субботам с 8 до 12 часов; о празднествах, как то о свадьбах и днях рождениях, нужно извещать соседей заранее, дабы они могли с учетом этого спланировать свое время, например, уехать или вернуться поздно домой* (Федоров, 1986).

Социальные нормы могут быть отражены в языке эксплицитно и имплицитно. Фиксирование норм поведения происходит не только в правилах, документах, нормативных актах, а также в значениях слов. Специфика оценочной лексики, отражающей темпоральные нормы поведения, состоит в том, что отношение к пунктуальности содержится в ней не явно, а в виде семантического признака, выделяемого при толковании.

Исследуя пунктуальность как норму поведения, мы рассматриваем понятия, характеризующие пунктуальность и являющиеся ее вещественным воплощением. *Точность, часы, будильник, органайзер, перерыв или паузы в работе, рано, поздно, сейчас, момент, скоро* – являются теми понятиями, которые наиболее часто упоминаются в анкетах и связываются с понятием пунктуальности.

Выявление характеристик пунктуальности как точности во времени и понятий, являющихся ее вещественным воплощением, позволяет говорить о некотором несоответствии норм поведения, принятых в русской и немецкой культурах и о различном выражении отношения к нормам в немецкой и русской культурах. Основные несоответствия норм поведения, связанных с пунктуальностью, прослеживаются в немецкой и русской лингвокультурах в отношении к понятиям *перерыв, рано, поздно, сейчас*.

В русской культуре понятие *перерыв* (обед) может затянуться на неопределенное время. Часто можно видеть объявления следующего содержания «Перерыв 15 минут», «Буду через 10 минут», но при этом не оговаривается точное время. Паузы и перерывы в работе в немецкой культуре очень четко регламентированы, т.е. здесь необходимо четко знать где, когда и для чего существует перерыв в работе: *Zwischenpause, Unterrichtspause, Arbeitspause, Mittagspause, Tagungspause, Tischzeit, Unterbrechung, Rauchpause*.

Отношение к понятиям *рано* и *поздно* характеризуется русским культурно-обязательным опозданием в гости, не допустимостью раннего прихода по приглашению в противоположность немецкой точности.

Понятие *сейчас* в немецкой и русской культурах воспринимается по-разному, хотя и обозначает фактически одно и то же: в *сей час*, в *этот час* и *Jetztzeit*. В немецком языковом сознании *сейчас* выражается понятиями *jetzt*, и *gleich*. В быденном общении выражение «*Ich komme gleich*» будет восприниматься не как русское «Я сейчас приду». Если вы не придете в самое ближайшее время, ровно через столько, сколько потребуется на дорогу, ваши друзья-немцы будут очень обеспокоены. У русских же слово «сейчас» ни к чему не обязывает, как говорится «сейчас – через час».

Мы рассматриваем так же отношение к соблюдению норм поведения, связанных, в первую очередь, с нарушением пунктуальности. В немецком национальном сознании закреплено более терпимое отношение к нарушению пунктуальности, чем в русском. Например, билет на одну поездку на разные виды транс-

порта может действовать какой-то период времени, а не являться единовременным как в русской культуре. Необходимо отметить тот факт, что в Германии пассажиры всегда получали компенсацию за опоздание транспорта. Терпимость по отношению к опозданиям характерна и для русской культуры: в России, если пассажир опоздал на поезд, ему возвращают 50% от стоимости билета. Эти данные свидетельствуют о терпимом отношении к нарушению временной точности в русской и немецкой культурах и о нетерпимости к опозданию, как нарушению пунктуальности – абсолютной ценности немецкой культуры.

Проанализированный материал показывает, что в немецкой культуре точность во времени является абсолютной нормой поведения, в то время как в русской – это норма относительная.

Точность во времени или пунктуальность в немецкой культуре как норма поведения имеет большую значимость, чем пунктуальность в русской культуре. Пунктуальность выступает в немецкой и русской лингвокультурах регулятивом поведения, поскольку способствует формированию системы ценностей, связанных с осмыслением и усвоением коллективного опыта, и порождению определенных норм поведения, регламентирующих или запрещающих действия, так или иначе связанные с точностью во времени.

Культурный концепт «пунктуальность», как и другие концепты, имеет основное и второстепенное обозначения. Основным обозначением данного концепта является собственно «пунктуальность» и синонимы данного понятия, в то время как все остальные составляющие фрейма являются его второстепенными обозначениями.

Для определения наполнения фрейма пунктуальности используется смысловой подход толкования понятий, а именно: словарная дефиниция. Обозначение русского концепта «пунктуальность» составляют понятия: *аккуратность* и *крайняя точность*.

«Пунктуальный» значит – крайне точный, аккуратный или склонный к крайней аккуратности и точности, осуществляемый с крайней аккуратностью, точностью. Пунктуальность рассматривается так же как крайняя аккуратность, систематичность, неотступное следование каким-либо правилам, условиям.

«Аккуратный» значит – соблюдающий во всем порядок, точность // Регулярный, не нарушающий графика, распорядка.

Немецкое понятие *Pünktlichkeit* означает – *das Pünktlichsein* (быть пунктуальным).

«Pünktlich» значит – *zur richtigen/rechten/vereinbarten Zeit, fristgemäß, fristgerecht, fahrplanmäßig, bezeiten, rechtzeitig* – вовремя, в

назначенное время, в назначенный срок, своевременно, по расписанию. Значения *gewissenhaft* (добросовестный) и *korrekt* (правильный) являются устаревшими. Кроме того, *pünktlich* входит в число синонимов слова *rechtzeitig* – *früh genug*, (*früh*)*zeitig*, *pünktlich* – не ранее, чем следует; вовремя, но не поздно; пунктуально.

Что касается основного обозначения немецкого концепта «Pünktlichkeit», его синонимом выступает *Genauigkeit* (точность). *Genauigkeit* – a) das *Genausein*: die *Genauigkeit* einer *Waage*; b) das *Genausein*: *etw. mit pedantischer Genauigkeit befolgen*.

В результате, можно говорить, что обозначением пунктуальности в языковом сознании немцев являются слова *Pünktlichkeit*, *Genausein* и *Rechtzeitigkeit*. Отличие в значениях данного концепта в немецкой и русской лингвокультурах состоит в различном понимании точности во времени как таковой, в нормах поведения, отраженных в языковом сознании.

Фрейм является структурой данных для представления стереотипных ситуаций (Кубрякова, 1996), поэтому мы считаем возможным анализировать мотивирующий контекст (из картотеки записей устной речи и картотеки частных писем) как способ выражения концепта. Средства языковой репрезентации или номинации концепта в виде готовых лексем, фразеологических сочетаний, свободных словосочетаний при этом рассматриваются нами как обозначение концепта.

В процессе исследования мотивирующего контекста, посвященного концепту «пунктуальность», нами выявлены ассоциации, являющиеся обозначением данного концепта в русской лингвокультуре: *часы, опоздание, договориться, определенное время, приходить вовремя, по часам, позже, торопиться, не торопиться, точный, интервал, обязательный, расписание, расписание, ценить время, рано, размеренно, копаться, педант, успевать, ежедневник, планировать, бережливый, порядок, аккуратность в делах, делать записи, ждать, неудобства, требование, отставать, опережать, новизна, актуальность*.

Для выявления обозначения немецкого концепта точности во времени и для объективности исследования, мы также воспользовались мотивирующим контекстом «Pünktlichkeit bei den Deutschen» из картотеки частной переписки. В процессе исследования мотивирующего контекста, посвященного концепту «Pünktlichkeit», нами выявлены ассоциации, являющиеся обозначением данного концепта в немецкой лингвокультуре: *auf die Minute genau* (точно до минуты), *unbedingt müssen* (обязательно быть должным), *Nachteile* (отрицательные последствия), *auf die Uhr sehen* (смотреть на часы), *pünktlich sein* (быть пунктуальным), *deut-*

sche Pünktlichkeit (немецкая пунктуальность), *die gegebene Zeit* (отведенное время), *mit sinnvollem Tun (Arbeit) ausnutzen* (использовать с пользой), *verschwenden* (тратить), *die Leistungen* (успехи), *lange* (долго), *warten* (ждать), *warten lassen* (заставлять ждать), *überpünktlich sein* (быть сверхпунктуальным), *die Disziplin* (дисциплина), *der Respekt* (уважение), *die Freundlichkeit* (дружелюбие).

В работе исследуются так же другие тексты, описывающие немецкую пунктуальность, и дополнили список обозначения немецкого концепта «Pünktlichkeit». В него вошли следующие слова и выражения: *Pünktlichkeit ist wichtig wie privat* (пунктуальность является насколько важным, настолько и личным), *Tagespläne durcheinandergeraten* (спутать планы), *geplant* (запланированный), *die Termine* (встречи), *unpünktlich* (непунктуальный), *höflich* (вежливый), *die Planung* (планирование), *das Bemühen* (усилие), *die Entschuldigung* (извинение), *die Verabredung* (договоренность), *zeitgerecht* (вовремя), *die sich Verspätenden* (опоздавающие), *die Tageszeiten* (время дня, части суток), *die Verspätung* (опоздание), *reagieren* (реагировать), *die Zuspätkommer* (опоздавшие), *die Wartezeit* (время ожидания), *minutenlanges Warten* (минутное ожидание), *früher* (раньше), *aktuell* (актуально), *kurz vor* (не за долго до), *noch gerade rechtzeitig* (пока еще вовремя), *mit Geduld und Gelassenheit* (с терпением и невозмутимостью).

Обозначением концепта «пунктуальность» так же являются понятия, зафиксированные в Ассоциативном словаре. В ассоциативном словаре русского языка реакцией на стимул «пунктуальность» являются слова: *во времени* и *не быть* (РАС, 1994).

Для выявления обозначения концепта «пунктуальность» мы исследовали фразеологизмы, отражающие порядок, аккуратность, своевременность, т.е. характеризующие явления и ситуации. Это позволило отнести к фрейму пунктуальности следующие выражения: *попадать/попасть в точку, как часы, комар носу не подточит, тюгелька в тюгельку, в самый раз, как раз, в самую пору, секунда в секунду, минута в минуту, час в час, в свой час* (РФ, 1997).

В тематическом словаре немецкого языка точность во времени проявляется в различных группах лексики, например: обозначающей время – *Zeit* (*früh, pünktlich, rechter Zeitpunkt, Gelegenheit, Neu, Sofort*), общество – *Gesellschaft* (*Ausführung*), мысли – *Denken* (*Wahrheit*), поступки и дела – *Sorgfalt, Wollen und Handeln* (*Vollenden*) (Dornseiff, 1970).

Чтобы определить языковое обозначение фрейма «пунктуальность», мы исследовали семантические признаки отдельных лексических единиц.

Прямой связанный признак точности во времени обнаруживается в лексике, имеющей в словарных дефинициях, компоненты со значением пунктуальный, точный, непунктуальный, неточный в качестве основных.

Ассоциативно связанный признак точности во времени обнаруживается в лексике, имеющей в словарных дефинициях, элементы, ассоциирующиеся с данным концептом.

Ассоциативно пунктуальность связана с нарушением, поэтому мы рассматриваем смысловые поля, характеризующие данный признак. Нарушение точности во времени для русской культуры характеризуется:

- а) опозданием;
- б) приходом в неудобное время, не к месту;
- в) сознательным нарушением точности в соответствии с социальным положением в обществе.

Нарушение точности во времени в немецкой культуре несколько отличается. Так, мы выделили следующие смысловые поля:

- а) опоздание;
- б) приход раньше, чем следовало;
- в) приход без приглашения.

Мы выделили следующие понятия, как характеризующие нарушение пунктуальности: опоздание, ожидание, спешка, медлительность, успевать и рассмотрели их выражение в русской и немецкой лингвокультурах.

Следует отметить, что в результате проведенного исследования так же выделены различия между отношением к *неточному приходу*, а именно к *раннему* и *слишком раннему приходу*, *прибытию* в рассматриваемых культурах. В русском языке не точность во времени не связана с «прийти раньше срока». В немецком языке данное понятие находит языковое выражение в синонимических рядах слов *unpünktlich (vorher, zu früh, verfrüht)* и *rechtzeitig (früh genug, (früh)zeitig)* (SW, 1975).

Понятие «рано» в немецком языке значит *не вовремя, не точно*, в русском языке ранний приход не считается нарушением точности. Опоздание осуждается и считается нарушением нормы поведения как в немецкой, так и в русской культурах. В приведенной ниже таблице содержатся результаты языкового анализа отношения к пунктуальности в немецкой и русской лингвокультурах:

	Немецкая культура	Русская культура
--	-------------------	------------------

Рано	–	+
Поздно	-	-

В работе проводится анализ словарных дефиниций русских и немецких понятий *опоздать, поздно, ждать, спешить, быстро*. В результате делаются выводы о том, что опоздание в немецкой культуре всегда рассматривается как нарушение пунктуальности, в то время как в русской – существует понятие *задержаться*, являющееся сознательным нарушением нормы в соответствии с социальным положением в обществе. Немецкое понятие *поздно* включает в себя, в отличие от русского, значение *am Ende (eines Zeitraums)* (в конце какого-либо периода времени). *Ждать* и *warten* являются в немецкой и русской лингвокультурах очень близкими понятиями. Понятие *спешить* имеет отличительный семантический признак в немецком языке: «не тратить время, не терять времени». Понятие *быстро* содержит положительную оценку как в русском, так и в немецком языке. В немецкой лингвокультуре на взаимосвязь понятий *быстро* и *пунктуально* оказывает влияние понятие *планировать*.

К фрейму точности во времени мы относим также названия людей, опаздывающих, задерживающих кого-либо, заставляющих ждать, а так же названия свойств их характера: *копуша, медлительный, флегматик, скорый поезд, сонная муха, нерасторопный; Bummelant* (медлительный человек, лентяй), *D-Zug* (скорый поезд), *matt wie eine Fliege* (как сонная муха), *Mährliese* (копуша), *Nöler* (копуша, флегма), *Schleiche* (черепаха), *Schnecke* (медлительный человек, улитка [черепаха]), *Tranfunzel* (флегма, рохля), *Trödelfritze* (медлительный человек, копуша), *Trödlerin* (копуша), *Lahmfuß* (медлительный), *latschig* (медлительный, нерасторопный) и т.д. В немецком и русском языках метафорические названия часто совпадают, например: *сонная муха, скорый поезд*.

В связи с тем, что определения черт характера людей свидетельствуют об отношении общества к ним, т.е. содержат определенный семантический признак, рассматриваются так же понятия «педант», «дотошный», «скрупулезный». *Педант* в русском языке – это: 1) *устар.* требующий соблюдения строгого формального порядка учитель, наставник // Формалист в науке. 2) перен. Тот, кто излишне строг в выполнении всех формальных требований. *Скрупулезный*: 1) Чрезвычайно тщательный, точный до мелочей. 2) Соблюдающий абсолютную точность, придерживающийся чрезвычайной тщательности. *Дотошный*: 1) Настойчиво, придирчиво вникающий в дело, в каждую мелочь; въедливый // Пытливый, любознательный. 2) Свидетельствующий об излишней тща-

тельности, скрупулезности. В немецком языке данные понятия легко выражаются словосочетанием *peinlich genau* (Duden). Немецкое *peinlich* значит: 1) *unangenehm und so, dass man sich dabei schämt*. 2) *sehr genau und mit größter Aufmerksamkeit (gemacht) ≈ sorgfältig*. Немецкое *pedantisch* (*zu genau und ordentlich ≈ kleinlich, pingelich*) имеет сходное с русским значение и восходит, так же как и русское, к французской основе.

В результате анализа языковых единиц русского и немецкого языков, принадлежащих фрейму «пунктуальность» было установлено, что характеристики отношения к временной точности в сопоставляемых языковых картинах мира отличаются определенной спецификой, что так же отражается на количественном составе лексических единиц, относящихся к данному фрейму.

К фрейму «пунктуальность» в немецком языке мы относим 385 лексем, имеющих в компонентном выражении прямой связанный признак «временная точность». В русском языке количество искомым лексем составляет 215 единиц, что на 44, 16 % меньше, чем в немецком языке.

Мы предположили, что в немецком языке количество лексики, связанной с нарушением точности, а именно с опозданием, будет больше, чем в русском языке, так как маркированное, нежелательное поведение в большей степени фиксируется в языке. В результате, были получены следующие данные.

К смысловому полю «нарушение пунктуальности» мы отнесли понятия *опоздание, медлительность, ожидание, спешка*. В русском языке по отношению к немецкому нами зафиксировано на 42,7% меньше лексем, относящихся к понятию нарушения точности (соответственно: 129 единиц к 225). К понятию «медлительность» в немецком языке мы отнесли 109 лексем, а в русском – 57. Таким образом, в русском языке на 38 % меньше лексем, имеющих в своем значении признак «медлительность». К смысловому полю «спешка» в русском языке относится 53,3% лексем по отношению к немецкому (т.е.: 32 единицы в русском и 60 – в немецком языке).

В языковом сознании носителей как немецкого, так и русского языка существует фрейм «пунктуальность». Данный фрейм имеет различное обозначение в исследуемых – русском и немецком – языках. Лексические единицы, принадлежащие исследуемому фрейму, обладают в немецкой и русской языковых картинах мира определенной спецификой и, в связи с этим, различным количественным составом.

В диссертации рассматриваются речеповеденческие тактики, выражающие отношение к пунктуальности в русской и немецкой

культурах. Под речеповеденческой тактикой в работе понимается программа речевого и неречевого поведения, присущая носителям определенного языка и соответствующей культуры.

Проведенный анализ различных типов текстов (произведений художественной литературы, кино- и мультипликационных фильмов, рекламных текстов, анекдотов и т.д.) позволяет говорить о связи исследуемого концепта с другими концептами культуры. Например, в мультфильме «Паровозик из Ромашково» четко прослеживается связь концепта «время» и концепта «пунктуальность», а именно, влияние отношения ко времени на отношение к пунктуальности. Общий вывод, который можно сделать из этого весьма примечательного для отечественной детской культуры произведения таков: хотя нужно стараться выполнять намеченные планы и быть пунктуальным, нельзя игнорировать все остальное в жизни, прежде всего – красоту окружающего мира.

В шутках и анекдотах отражено принятое обращение с понятием пунктуальности. В немецкой лингвокультуре, как в прошлом, так и настоящем, присутствуют шутки по поводу сверхпунктуальности немцев: «...so wird erzählt, daß ein Maurer, der in den Rhein gefallen war, zu schwimmen aufhörte und ertrank, als die Glocke vom Kirchturm den Feierabend einläutete» (GL, 1992). Данный пример высмеивает педантичность, которая является нормой в поведении немцев. Кроме того, из этого примера следует, что эта педантичность основана на безоговорочном следовании порядку. «Порядок ради порядка», «порядок, не смотря ни на что» – именно это отражено в идее этой шутки.

Современные детские немецкие анекдоты так же порой отражают отношение немцев к педантичности:

Deutsch-Unterricht. Der Lehrer fragt die Schüler: «Ich habe zu Abend gegessen. Was ist das für eine Zeit?» Darauf eine Schülerin keck: «Das müßte so zwischen sieben und acht sein...».

Учитель не имел ввиду точное время, время ужина. Речь шла о времени грамматическом, но немцы, с детства приученные к пунктуальности, думают о временной точности.

В русской лингвокультуре отражено собственное отношение к пунктуальности. За эталон, при этом, принимают немцев:

Немца спрашивают:

- *Что такое русский, обладающий немецкой пунктуальностью?*

- *Это человек, который каждый день опаздывает на работу ровно на два часа.*

Проинтерпретировать данный текст можно следующим образом: пунктуальных русских не бывает, немецкая пунктуальность – неоспоримый факт. А если русский и бывает точен, то только в

опозданиях. Таким образом, непунктуальность русских как норма поведения фиксируется в языке.

Немецкий концепт «Pünktlichkeit» тесно связан с концептами «Ordnung», «Disziplin», «Zeit», «Gewissenhaftigkeit», «Verantwortung». Русский культурный концепт «пунктуальность», соответственно, – с концептами «порядок», «дисциплина», «время», «добросовестность», «ответственность».

На наш взгляд, немецкая пунктуальность имеет тесную связь с концептом «Arbeit». Отличительной особенностью русского концепта является его связь с ключевым концептом русской культуры «судьба».

Различия в поведении, а таким образом, и в отношении к временной точности обусловлены в немецкой и русской культурах связями с другими концептами и различным влиянием общих концептов. Кроме того, связи концепта пунктуальности в качественном отношении обуславливают наличие тех или иных норм поведения в русской и немецкой культурах.

Анализ языкового обозначения и выражения концепта «пунктуальность» выявил специфику исследуемого концепта в русском и немецком языках. Анализ речеповеденческих тактик на основе различных типов текстов в русской и немецкой лингвокультурах показал специфику связей концепта «пунктуальность» с другими концептами рассматриваемых культур. Для подтверждения данных, выявленных таким способом, был проведен эксперимент. Некоторые характеристики концепта, полученные в ходе данного исследования в результате анализа языковых единиц, содержащих признак отношения к пунктуальности, были воплощены в типичные жизненные ситуации. Реакция респондентов позволяет выявить специфику отношения к пунктуальности немецкой и русской языковой личности. Кроме того, по общности реакций на те или иные виды поведения представляется возможным выделение норм поведения, сложившихся в определенном обществе. Исследование реакций на ситуации, подразумевающие выражение отношения к точности во времени, позволило выявить нормативные характеристики отношения к пунктуальности.

Респондентами, отвечавшими на вопросы анкеты, выступали взрослые русские и немцы (по 50 человек).

В результате проведенного эксперимента было выявлено сходное отношение к пунктуальности в немецкой и русской культурах: совпадение в поведении представителей русской и немецкой культур выявилось при ответе на семь вопросов из десяти. Различия проявляются лишь тогда, когда речь идет о терпимости к людям, нарушившим правила, нормы поведения.

В частности, при ответе на вопрос «Сколько времени Вы могли бы ждать человека, с которым договорились о встрече?» 15% русских респондентов выбрали вариант ответа «Не стану ждать, так как нельзя опаздывать»; 33% – ждали бы 5-10 минут; 43% – 15-20 минут; 9% – более получаса. Немцы не выбрали первый вариант ответа и в любом случае стали бы ждать, большинство – 48% стали бы ждать более получаса, 42% – ждали бы 15-20 минут и лишь 10% – 5-10 минут.

В русской культуре собственная дозволенность нарушения пунктуальности противопоставлена нетерпимости к нарушению пунктуальности со стороны других членов социума. О немецкой культуре в результате можно говорить как о более терпимой по сравнению с русской.

Подведем итоги.

Основное содержание культурного концепта «пунктуальность» в немецком и русском языковом сознании сводится к следующим признакам:

1) Предметно-образная сторона концепта «пунктуальность» – это обобщенный образ строгого соответствия между должным и фактическим соотношением организуемых событий во времени;

2) Понятийная сторона этого концепта – подразумеваемая норма этого соответствия, противопоставляемая нарушениям этой нормы и уточняемая интенсификаторами;

3) Ценностная сторона данного концепта – оценочные отношения к соблюдению и нарушению соответствующей нормы.

Основные отличия в представлении концепта «пунктуальность» в русском и немецком языковом сознании сводятся к следующим моментам:

1) В немецком языковом сознании этот концепт имеет большую значимость, чем в русском;

2) Нарушения в соблюдении пунктуальности, точности во времени в немецкой лингвокультуре связаны с недостаточной ответственностью человека, а в русской лингвокультуре – с недостаточной ответственностью и препятствующими обстоятельствами, оправдывающими данное нарушение;

3) Нарушения пунктуальности в немецкой лингвокультуре более детально охарактеризованы и включают как опоздание, так и преждевременный приход либо осуществление событий, в то время как в русской культуре они сводятся, главным образом, к опозданиям;

4) Важнейшей характеристикой пунктуальности в немецкой лингвокультуре является планирование событий как внутренняя

потребность человека, в то время как в русской культуре планирование играет вспомогательную роль;

5) В немецкой лингвокультуре нарушения точности во времени воспринимаются с большей степенью терпимости, чем в русской, в русском современном языковом сознании собственное нарушение пунктуальности сопряжено с нетерпимостью к нарушению пунктуальности со стороны других людей.

Литература

Зубкова Я.В. Понятие и культурный концепт в лингвистике // Языковые и культурные контакты различных народов: Сборник материалов Всерос. науч.-метод. конф. Пенза, 2000. С. 50-51.

Зубкова Я.В. Культурный концепт как предмет изучения лингвокультурологии // Человек, культура, цивилизация на рубеже II и III тысячелетий: Труды междунар. науч. конф. Волгоград, 2000. С. 165-166.

Зубкова Я.В. Культурные концепты в современной лингвистике // Материалы науч.-практ. конф. «Философия в жизни волжан» / МЭИ (ТУ) ВФ, 2000. С. 74-75.

Зубкова Я.В. Культурный концепт «время» в обыденном сознании // Материалы науч.-практ. конф. «Философия жизни волжан» / МЭИ (ТУ) ВФ, 2001. С. 55-56.

Зубкова Я.В. Время в языковом сознании: подходы к изучению // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности. Сб. научных трудов. // ВГПУ – Волгоград: Перемена, 2001. С. 97-105.

Зубкова Я.В. Динамика представлений о точности во времени // Материалы науч.-практ. конф. «Философия в жизни волжан». Выпуск 4. Ч. 1. Философия, политология, история. Волжский: МЭИ (ТУ) ВФ, 2002. С. 16.

Зубкова Я.В. Временная точность в русской и немецкой лингвокультурах // Аксиологическая лингвистика: проблемы изучения культурных концептов и этносознания. Сб. науч. тр. / Под ред. Н.А. Красавского. Волгоград, «Колледж», 2002. С. 120-125.

Зубкова Я.В., Кузьминская С.В. Ценностная составляющая как базовый принцип формирования концептов // Теория и практика германских и романских языков: Статьи по материалам III Всерос. науч.-метод. конф. / Отв. ред. Г.А. Калмыкова. Ульяновск, 2002. С. 20-23.

Зубкова Я.В. Антиномии времени // Язык в пространстве и времени: Тезисы и материалы междунар. науч. конф. 29-30 октября 2002 г. Ч. 1. Самара: Изд-во СамГПУ, 2002. С. 81-85.

Зубкова Я.В. Фрейм «точность во времени» в немецком и русском языковом сознании // Материалы науч.-практ. конф. «Философия жизни волжан». Выпуск 5. Часть 2. Философско-гуманитарные и педагогические проблемы. Волжский: Филиал МЭИ (ТУ) в г. Волжском, 2003. С. 42-43.

Зубкова Я.В. Лингвокультурный концепт «точность во времени»: лексико-фразеологические способы выражения // Эколингвистика: теория, проблемы, методы. Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.М. Молодкина. Саратов: Научная книга, 2003. С. 201-206.

Зубкова Я.В. Концепт «пунктуальность» в немецкой и русской лингвокультурах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2003. 19 с.

А.С. Солохина (Волгоград)
СВОБОДА

Цель данной работы состоит в том, чтобы определить характеристики концепта "свобода" в английской и русской лингвокультурах применительно к философскому и бытовому сознанию.

Свобода – один из ключевых вопросов философии, поэтому у каждой философской школы и отдельных философов существует ее специфическое понимание. Для философа свобода – это прежде всего свобода воли. Понимание свободы трансформировалось из античной свободы человека в полисе (свободы законнорожденных) до осознания необходимости равных прав для всех людей в современной политической интерпретации негативной свободы. Специфика понимания свободы русскими философами в том, что последняя связывается с высшими религиозно-моральными ценностями,

Свобода для русских философов (Н. А. Бердяев, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, А. С. Хомяков, М. П. Погодин, И. В. Киреевский, К. С. Аксаков) – это свобода в Боге, соблюдении божественных заповедей, в противопоставлении мирского и духовного. Европейская философская традиция (Т. Гоббс, Д. Локк, Э. Фромм, И. Берлин, М. Хайдеггер и мн. др.) связывает свободу с правом, законом, жизнью человека в обществе, решает вопросы абсолютной свободы.

Античное понимание свободы отражено в этимологии основных имен концепта.

Согласно этимологическим данным имя концепта свобода "liberty" восходит к называнию свободных, законнорожденных людей, в рабовладельческом обществе принадлежащих к определенной этнической группе "своих". Имя freedom происходит от этимона, обозначавшего аффективное отношение к себе и другим, также как и лексема friend. Отношение приязни между людьми позже, вероятно под влиянием кельтского, начинает использоваться для обозначения принадлежности людей к определенной социальной общности свободных. Имя концепта "свобода" в русской культуре связано, с одной стороны, с принадлежностью к кругу своих (как и германских языках), с другой стороны – с выделением себя как

личности. Имя "воля" приобретает значение "свобода" не сразу, первоначально означая только хотение, желание. Воля воплощает собой национальные особенности понимания свободы русскими и связывается с простором и широтой как необходимыми характеристиками русского образа пространства.

По результатам анализа словарных дефиниций имен концепта "свобода" и "воля" в русской и "freedom" и "liberty" в английской лингвокультуре были выделены три основных значения, общие для сравниваемых лексем-репрезентантов концепта: 1) возможность поступать как хочешь, 2) отсутствие ограничений, 3) нахождение не в заключении, рабстве.

Каждое имя, кроме того, имеет ряд своих собственных значений, которые, соответственно, являются частью смыслового содержания выражаемого им концепта в определенной лингвокультуре (в скобках указан порядок следования словозначений в словарях).

Freedom	Liberty	Свобода	Воля
возможность поступать как хочешь, свобода воли (2)	возможность поступать как хочешь (2)	возможность делать, что хочешь, поступать по своему желанию + осознанная необходимость	возможность поступать как хочешь
состояние свободы как отсутствие ограничений (1)	свобода как отсутствие ограничений (<i>подпункт 1-й группы</i>)	вообще отсутствие ограничений, стеснений	свобода как отсутствие ограничений
свобода как нахождение не в заключении, рабстве (3)	свобода от заключения, рабства (1)	свобода как нахождение не в заключении, рабстве	нахождение не в заключении
		отсутствие ограничений, запрещений в политической области	
	иметь официальное право или разрешение что-л. делать		
право владения, свобода пользования			

привилегия, почетное пра- во			
фамильяр- ность, воль- ность	вольность в по- ведении, изло- жении (текста и пр.)		
искренность, открытость, откровенность			
легкость, непринужден- ность		легкость, отсут- ствие затрудне- ний в чем-либо непринужден- ность, отсутствие связанности	
свобода, лег- кость в движе- нии			
		Свободное, не- занятое время; досуг	

Глагольное представление концепта в языке осуществляется при помощи следующих групп глаголов: 1) глаголы обретения свободы, 2) глаголы наделения свободой, 3) глаголы утраты свободы, 4) глаголы лишения свободы. Самая представленная по количеству группа – глаголы лишения свободы.

Поскольку концепт «свобода» является **бинарным** концептом, в диссертации рассмотрены не только действия по обретению свободы, но и действия, приводящие к лишению свободы.

Общая семантика **глаголов обретения свободы** – избавление от некоторых ограничивающих факторов:

1) вредных привычек: *бросать* (пить, курить), *изживать* (привычку), *to dispose of*, *to overcome* и др.;

2) болезни – *излечиваться*, *to recover*;

3) одежды, пут и прочих стесняющих движение покровов – *раскутываться*, *распеленываться* и др., *to unwrap oneself*, *to unswaddle oneself* и др.;

4) исполнения законов, властных предписаний – *беззаконничать*, *бунтовать* и др., *to revolt*, *to rebel* и др.;

5) обязанностей – *демобилизоваться*, *дезертировать*, *увольняться*, и др., *to get demobilized*, *to desert* и др.;

б) неопределенных, неуказанных факторов – *избавляться, освобождаться и др., to break out (from), to escape, to throw off и др.*

Глаголы обретения свободы описывают переход субъекта из состояния несвободы в состояние свободы (или из состояния меньшей свободы в состояние большей свободы), т.е. избавление от некоторой зависимости. Имплицитно человек всегда, в той или иной степени, находится в зависимости от объекта (от которого избавляется или стремится избавиться), например, от своей вредной привычки (наркозависимый), потребностей (раб желудка), страстей (раба любви).

Действия, описываемые большинством этих глаголов, оцениваются положительно.

Группа глаголов **наделения свободой** конкретизируется как:

1) разрешение – *впускать, позволять, разрешать и др., to let (in, through, by), to permit, to allow и др.;*

2) открытие чего-л. – *отмыкать, отпирать, to open, to unlock и др.;*

3) избавление от некоторых ограничивающих факторов. В качестве ограничивающих факторов могут выступать: а) одежда, путы и прочие стесняющие движение покровы: *отпрягать, расковырять, распоясывать и др., to unwind, to uncoil, to unshoe и др.;* б) обязанности – *демобилизовать, увольнять, to demobilize, to dismiss;* в) неопределенные, неуказанные факторы – *избавлять, освобождать, to disentangle (from), to let out, to rescue и др.*

Характеристики агенса и пациенса в предложениях, содержащих глаголы этой группы, определяют семантическое толкование предложения. В частности, предложения, содержащие "чистый" пациенс, т.е. объект, не имеющий собственной воли, описывают освобождение (в некоторой степени) агенса, а не наделение свободой пациенса. Сочетания типа "освободить что-либо от чего-либо, кого-либо" образуют предложения, содержащие метафорический перенос. При X неодушевленном значении конструкции *освободить X* будет – сделать что-либо доступным, незанятым, предоставить в пользование (ср. Make available, as of assets). Когда освобождают стол от бумаг, у стола не появляется большей свободы, а мы избавляемся от того, что нам мешает. Нам мешали бумаги на столе, мы считаем, что стол был несвободен – переносим на него свои ощущения (желание избавиться от ограничивающих или мешающих факторов). Стол стал свободным (незанятым), неважно, от чего его освободили – от кучи бумаг или спящего на нем кота.

Группа глаголов **утраты свободы** – самая малочисленная. Вероятно, это обусловлено тем, что человеку не свойственно переводить себя самостоятельно, добровольно из состояния свободы в состояние несвободы. Данная группа содержит следующие единицы:

1) глаголы подчинения: *повиноваться, покоряться, слушаться, to obey, to yield (up, to), to submit (to) и др.*;

2) глаголы закрытия, пространственного ограничения: *изолировать, баррикадироваться, огораживаться, to fence oneself in и др.*;

3) определения пределов: *ограничиваться, to limit oneself (to), to restrict oneself (to) и др.*

Глаголы подчинения описывают ситуацию, при которой человек, так или иначе, находится в состоянии зависимости от другого человека (людей), обстоятельств и проч. и вынужден делать то, чего не хочет. Довольно часто речь идет об общении людей в ситуации статусного неравенства: дети-родители, подчиненные – начальство и т. п. Возможно также покориться силе, судьбе, року, неизбежному – т.е. неким силам, противостоять которым опасно или попросту невозможно. Некоторая несвобода возможна также с целью укрыться, защититься от чего-либо (глаголы закрытия). Глагол *ограничиваться* подчеркивает, что иногда приходится сознательно идти на некоторое ограничение свободы для достижения цели, что степень свободы может быть различной.

Последняя группа глаголов – глаголы **лишения свободы** – самая многочисленная. Обилие глаголов данной семантики показывает, что число ситуаций лишения человека свободы или угрозы его свободе достаточно велико. Поскольку особенность психики человека состоит в том, что положительные явления нейтрализуются, а отрицательным уделяется большее внимание, можно заключить, что ситуация лишения свободы признается ненормальной, противоположной правильному порядку вещей. Широко и разнообразно представленные глаголы этой группы демонстрируют ценность свободы для человека. В данную группу вошли:

1) глаголы закрытия, пространственного ограничения объекта: *баррикадировать, блокировать, to block, to enclose with и др.*;

2) глаголы ограничения дыхания, движения: *стеснять, стискивать, to constrain, to constrict и др.*;

3) глаголы непосредственного ограничительного воздействия на объект: *арестовывать, вязать, пленять и др., to arrest, to bind и др.*;

4) глаголы принуждения: *велеть, вынуждать, заставлять, обязывать и др.; to order, to compel, to force и др.*;

5) глаголы подчинения: *подчинять, покорять; to subdue, to conquer;*

6) глаголы запрещения: *воспрещать, запрещать; to prohibit, to forbid, to ban и др.;*

7) глаголы ограничения в общественно-политической жизни: *дискриминировать, терроризировать; to discriminate, to terrorize;*

8) глаголы отчуждения, захвата: *захватывать, овладевать, оккупировать; to conquer, to grab, to seize, to occupy, to capture, to kidnap и др.;*

9) глаголы противодействия: *задерживать, затруднять; to hinder from, to impede и др.;*

10) глаголы определения пределов: *ограничивать; to limit, to restrict и др.*

Все перечисленные предикаты лишения свободы можно свести к нескольким основным действиям: ограничить в чем-либо (группы 1, 2, 3, 7, 10), заставить (группа 4), подчинить (группа 5), запретить (группа 6), захватить (группа 8), затруднить (группа 9).

Суть действий по **лишению свободы** в том, чтобы *заставить объект делать то, что он не хочет* или *лишить возможности делать то, что он хочет* (или и то, и другое).

Субъектом воздействия может быть человек, группа людей, человеческая воля, опосредованно через правила и нормы человеческого общежития. **Объектом** воздействия может являться *живое существо* – человек, группа людей, животное либо *территория*, населенная людьми.

При этом применяются такие способы воздействия как: 1) установление некоторого препятствия движению, передвижению, дыханию и т.п., помещение в некоторое замкнутое пространство (*ограничить* в чем-либо, группы 1, 2, 3, 7, 10); 2) непосредственное воздействие (физическое, психологическое, насильственное, ненасильственное) – *ограничить, заставить, подчинить, запретить, захватить, затруднить*.

Другим **субъектом** являются некие силы, которым, в силу различных причин, человек не может противостоять, как то: силы природы, обстоятельства, катастрофы и т.п. Эти силы могут: *ограничить* (блокировать дорогу, загоразивать видимость), *заставить* (вынудить остаться дома, потребовать сосредоточенности), *затруднить* (задержать в городе). **Объектом** выступает живое существо – человек, группа людей, животное.

Глагольное воплощение концепта показывает, что концепт "свобода" актуализируется в "пограничных" ситуациях перехода от свободы к несвободе (или от большей свободы к меньшей

свободе) и наоборот или при наличии у человека желания такого перехода.

Рассмотрение **паремиологического** воплощения концепта свобода иллюстрирует его неоднозначность, двуполярность – свобода не существует без несвободы и наоборот. Концепт, представляющий отношение к свободе, существует во взаимодействии своих двух полюсов – свободы и несвободы. Паремии как свернутые правила поведения и норм общества выражают, с одной стороны, ценность свободы для человека, с другой – указывают на необходимость ограничения личной свободы каждого человека для мирного сосуществования в обществе. Среди русских паремий также довольно много единиц, положительно оценивающих покорность, подчинение и смирение, при отсутствии подобных в английской части.

В пословицах отражено номинативное содержание концепта "свобода":

1. возможность делать, что хочешь, поступать по своему желанию (т.е. свобода в узких пределах): *Своя воля: хочу смеюсь, хочу плачу;*

2. вообще отсутствие ограничений, стеснений (встречается в основном в виде высказываний, констатирующих несвободу): *Неволя, неволя – боярский двор: ходя наешься, стоя выплещешься.*

3. нахождение не в заключении, рабстве: *Воля велика, да тюрьма крепка.*

Согласно пословицам, отношение человека к свободе неоднозначное, противоречивое.

С одной стороны, человек стремится к свободе, желает ее. В русском паремиологическом сознании можно выделить следующие виды свободы: не в крепостной зависимости, в быту, не в тюрьме, в богатстве, в бедности, вне брака, духовная свобода.

С другой стороны, человек сторонится свободы, привык к существующему миропорядку, покорен.

На примере пословиц прослеживается двойкий характер свободы.

Человек несвободен:

1. а) т.к. все управляется Богом (*Человек ходит – бог водит*);

б) т.к. все предопределено (судьба, рок) (*Чему быть, того не миновать*);

2. т.к. вынужден соблюдать нравственные нормы и правила поведения, принятые в обществе, божественные заповеди (*Языком болтай, а рукам воли не давай! Глазами гляди, а рукам воли не давай*);

3. т.к. вынужден подчиняться

а) господину, барину (*Барскую просьбу почитай за приказ*);
б) тем, кто наделен властью, сильному (*Правда божья, а воля царская. Чья сила, того и воля*);

4. из-за отсутствия денег (*Богатому – как хочется, а бедному – как может*);

5. в силу объективной невозможности что-либо сделать (*Все можно, нельзя только на небо взлезть*).

Человек свободен:

1. т.к. сам хозяин своей судьбы (*На бога уповай, да сам не оплошай*);

2. т.к. реализует естественное стремление избежать подчинения (*Господской работы не переработает*);

3. т.к. нечего терять (без денег) (*Голый – что святой: беды не боится*);

4. т.к. в каждодневных поступках, в обыденной жизни, быту волен делать, что хочет (*Хочу, с кашей съем; хочу, масло пахтаю*).

В пословицах присутствуют следующие виды оценки ситуаций свободы/несвободы: а) нейтральная (констатация отношения подчинения, несвободы человека) – 61%, б) положительная оценка свободы / отрицательная оценка несвободы – 18%, в) отрицательная оценка свободы – 21%. Значительная часть пословиц, которые так или иначе выражают идею свободы/несвободы, являются безоценочными. В данном случае мы можем говорить о том, что потребность в свободе не выражена в среде русского крестьянства, т.к. едва ли возможен переход на более высокую ступень в иерархии потребностей, когда не удовлетворены базовые, витальные потребности, как, например, потребность в пище. Зачастую главной проблемой для человека крестьянского сословия было прокормить себя и свою семью, т.е. выжить физически. Следовательно, вполне понятно доминирование субутилитарных ценностей среди крестьян XI – XIX вв.

Основные идеи, встречающиеся в пословицах, можно сформулировать в виде предложений.

Наиболее представлены следующие идеи (в порядке убывания):

1. Человек не волен делать, что хочет в силу объективной невозможности (законы природы, обстоятельства и т. п.). *Паруса да снасти не в нашей власти. Не бывать попу в холопах, что холопу в полах*.

2. Покорность, смирение, умение довольствоваться малым – положительная характеристика человека. Следует быть покор-

ным и смиренным (и за это воздастся). *Послушание паче поста и молитвы.*

3. Покорность – отрицательная характеристика. Не следует быть покорным, следует отстаивать свою (относительную) независимость. *Смирненную собаку и кочет бьет.*

4. Если кто-то обладает властью, то это естественный порядок вещей. Не пытайся противостоятъ сильному (облеченному властью). *Всякая власть от бога.*

5. Подчинение господину (барину) неизбежно, поэтому с таким положением следует смириться и относиться к нему спокойно. Возможно, что за работу / подчинение воздастся. *Кому служу, того и волю творю.*

6. Человеку (крестьянского сословия) объективно невозможно быть свободным, самому распоряжаться своей жизнью. Следует смириться с неизбежным. *В земле черви, в лесу сучки, в суде крючки – некуда уйти.*

7. Любой может угодить за решетку. Бесполезно бороться с властью предержавшим. *С сумой да тюрьмой никогда не бранись.*

8. Человек несвободен, вынужден соблюдать нравственные нормы и правила поведения, принятые в обществе, божественные заповеди. Следует вести себя в соответствии с общепринятыми нормами. Каждый должен ограничить свою свободу, чтобы не нарушать свободы других, чтобы соответствовать суперморальным религиозным нормам. *У себя как хочешь, а в гостях как велят.*

9. Человек не свободен, все управляется богом. Следует положиться на Бога, не следует проявлять излишнюю самостоятельность. *На все власть (воля) создателя.*

10. Все предопределено в жизни человека. Следует положиться на судьбу. *Никто от своего року не уйдет.*

11. Бедный человек не свободен, богатство дает свободу. Следует бороться за свое существование, даже если придется нарушить закон. *Нельзя, коли нет в мошне, можно коли есть в мошне. Нужда закон изменяет.*

Меньше представлены следующие идеи.

12. Человек сам хозяин своей судьбы. Не следует уповать на судьбу или Бога, нужно самому творить свою жизнь. *Коли сам плох, так не даст и Бог. На Бога надейся, а сам не плошай. На Бога молись, а к берегу гребись.*

13. Крестьянская несвобода, зависимость – это плохо. Один человек не должен быть в подчинении у другого. Не следует мириться с существующим несправедливым порядком вещей. *Барин-то ты барин, да только я тебе не слуга.*

14. Богатство не главное в жизни. И без денег можно почувствовать себя легко и свободно, так как нечего терять. Следует искать положительные стороны в бедности и ценить их. *И бояре в неволе у прихотей своих.*

15. Свобода – простор, чистое поле. *В поле своя воля. Жить по воле, умереть в поле.*

16. Если нет простора, то нужно помнить, что главное – духовная свобода, поддержка близких людей. *В каменном мешке, да думка вольна.*

17. В быту человек может поступать, как ему вздумается. *Дан собаке мосол – хоть ешь, гложи, хоть вперед положи.*

В современном русском языке наряду с положительной оценкой личности, на становление которой влияет европейская философская мысль и нормы права, гражданского общества, присутствуют слова, негативно оценивающие отклонения от групповых норм: *высочка, отщепенец, высовываться, выставляться, выпендриваться* и т.д. Особенно характерно употребление подобных единиц в тех социальных группах, где следование общегрупповым правилам поведения является основным условием социализации: подростковой среде, криминальной, военной. Учитывая все вышеперечисленное, мы можем сделать вывод о том, что в русской культуре отношение к свободе имеет двойкий характер: с одной стороны оказывают свое влияние архаические, коллективистские ценности, свойственные россиянам как восточным людям, с другой стороны современное российское общество впитывает общие для всей западной культуры либеральные ценности.

Для выделения ключевых идей, связанных со свободой в английской лингвокультуре было рассмотрено 180 паремиологических единиц на английском языке. В английском паремиологическом сознании широко представлены следующие идеи (в порядке убывания):

1. Бедный человек не свободен, богатство дает свободу. Следует бороться за свое существование, даже если придется нарушить закон. *A golden key opens every door (Богатство открывает все двери). Need must when the devil drives (Голод – не тетка). Beggars can not be choosers (Нищие не выбирают).*

2. Богатство – не главное в жизни. И без денег можно почувствовать себя легко и свободно, так как нечего терять. Следует искать положительные стороны в бедности и ценить их. *A beggar can never be bankrupt (Нищий не разорится). A great fortune is a great slavery (Большое состояние – большое рабство). Better starve free than be a fat slave (Лучше быть голодным и свободным, чем сытым рабом).*

3. Человек не волен делать, что хочет в силу объективной невозможности (законы природы, обстоятельства и т. п.). *A folk can not be dispelled with a fan* (Веером тумана не разгонишь). *A man can do no more than he can* (Выше головы не прыгнешь).

4. Умение довольствоваться малым – положительная характеристика человека. *Contentment is better than riches* (Удовлетворенность лучше богатства). *Half a loaf is better than no bread* (Лучше мало, чем ничего). Здесь же пословицы, подчеркивающие неизбежность социального неравенства. *The shepherd even when he comes a gentleman smells of the lamb* (Пастух пахнет овцой, даже если становится джентльменом).

5. Человек сам хозяин своей судьбы. Не следует уповать на судьбу или Бога, нужно самому творить свою жизнь. *Every man's destiny is in his own hands* (Судьба человека в его руках). *God helps those who help themselves* (Бог помогает тем, кто сам себе помогает).

6. Все предопределено в жизни человека. *Every bullet has its billet* (У каждой пули свое назначение). *No flying from fate* (От судьбы не уйдешь).

7. Излишняя свобода портит человека. *Spare the rod and spoil the child* (Сбереги розгу, испортишь ребенка).

8. Любой может угодить за решетку. Бесполезно бороться с властью предержащим. *Law catch flies, but let hornets go free* (Законы ловят мух, а шершней отпускают). *One law for the rich, and another for the poor* (Для богатых один закон, для бедных – другой).

Следующие идеи представлены малым количеством паремий.

9. Человек несвободен, вынужден соблюдать нравственные нормы и правила поведения, принятые в обществе, божественные заповеди. Следует вести себя в соответствии с общепринятыми нормами. Каждый должен ограничить свою свободу, чтобы не нарушать свободы других. *Do as you would be done by* (Поступай так, как хочешь, чтобы с тобой поступали). *Live and let live* (Живи и давай жить другим). *Do in Rome as the Romans do* (В Риме поступай как римлянин).

10. Следует отстаивать свою независимость. *Forbearance is no acquittance* (Снисходительно терпеть не значит примириться).

Среди английских паремий не представлены единицы, положительно оценивающие покорность человека, его подчинение сильному. Признание неравенства выражается в умении быть довольным тем, что имеешь.

Любопытна такая идея, как управление собой, сдержанность как типичная характеристика англичанина. *He that is master of*

himself will soon be master of others (Кто может справиться с собой, будет управлять другими).

Среди английских паремий доминирует положительная оценка свободы (52%), нейтральная констатация ситуаций подчинения выражена в 43% пословиц, отрицательная оценка свободы встречается в 5% пословиц.

С учетом философских подходов к пониманию свободы и на основе анализа лексических единиц, репрезентирующих концепт, мы выделяем три типа свободы в сознании человека по отношению к человеку: надчеловеческая, общечеловеческая и личная свобода.

Моделируя концепт «свобода» в индивидуальном сознании, можно представить ситуации, когда человек говорит "я не свободен", акцентируя присутствие неких ограничений. Это могут быть ситуации закрепощения (заключение, рабство, плен), ситуации добровольно принятых на себя обязательств (работа, учеба, семья). В таком случае число *ограничений* велико, *желания* неопределенны и размыты, и сама свобода является желанной *целью*. В ситуации же с преобладанием целеполагания, человек говорит "я свободен/несвободен сделать то-то", подразумевая *ограничения* или *возможности*, которые ведут его к некой цели. Свобода же как совокупность возможностей или ограничений выступает как *средство* достижения цели, путь к *желаемому*.

Но и в том, и другом случае (свобода как цель и свобода как средство) высказывание человека о свободе порождается определенным желанием (желаниями), реализация/нереализация свободы представляет собой получение/неполучение желаемого.

Сообразно с этим, *модель существования концепта свободы в индивидуальном сознании* может быть представлена следующим образом:

(1) возникновение потребности – дискомфорта, побуждающего к активности.

(2) деятельность, имеющая целью устранение дискомфорта, ограниченная законами природы или общества.

(3) реализация потребности, приводящая к комфорту, удовольствию, счастью.

Характеристики и условия "деятельности" из этого списка соответствуют ситуации свободы или несвободы.

Неограниченность человеческих потребностей (желаний) определяет бесконечное число интерпретаций человеческой свободы. Однако соответствие между потребностями и свободами можно провести на основе различных критериев классификации потребностей и свобод. То, какой является потребность – ос-

новой или периферийной – определяет важность той или иной свободы в системе ценностей человека. Потребности самореализации соотносимы с вопросами свободы воли, политическими и социальными свободами. При угрозе витальным потребностям люди готовы бороться за свою личную, групповую или национальную свободу.

Таким образом, модель существования свободы в сознании может быть представлена в виде цепочки "потребность (желание) – свобода – комфорт (счастье)". Если потребность не познана или не ценна для человека, то не существует и ситуации несвободы, связанной с ней.

Испытываемые человеком потребности, очевидно, можно представить как сумму нереализованных (нереализуемых) и реализованных (реализуемых) потребностей ($P = NP + RP$). Поскольку мы интерпретируем свободу как функцию потребностей, то пара НП-РП будет соответствовать пара "Несвобода – Свобода". Несвобода появляется, когда возникшая потребность не может быть реализована, в отличие от ситуации, когда человек волен совершить действие (свобода). Сумма несвободы и свободы представляет собой величину, отражающую некое общее количество мыслимой определенным человеком свободы, совокупность осознанных человеком "возможностей", "невозможностей" и "ограничений". Мы назвали эту величину познанной человеком свободой "когнитивной свободой", определяющей его личностное пространство свободы (Когнитивная свобода = Несвобода + Свобода).

"Рационалистический" когнитивный подход снимает многие противоречия и парадоксальные интерпретации свободы, разделяя ее на общечеловеческую и личностную и учитывая приоритет той или иной потребности в личном жизненном пространстве человека.

Для анализа ассоциативных характеристик концепта "свобода" в русской, британской и американской лингвокультурах в работе использовались русский ассоциативный словарь (РАС), Эдинбургский ассоциативный тезаурус (Edinburgh Associative Thesaurus of English – EAT) и Словарь ассоциативных норм Университета Южной Флориды (The University of South Florida word association, rhyme, and word fragment norms).

Все ассоциации были поделены на следующие содержательные группы:

- Синонимичные и антонимичные реакции, смежные понятия

- Ассоциации с историческими, культурными, социальными, политическими коннотациями
- Представления о свободе
- Речевые клише и устойчивые сочетания
- Прецедентные феномены (по В. В. Красных)
- Образы
- Прочие (индивидуальные) ассоциации.

Выделенные группы были рассмотрены для анализа трехсторонней структуры концепта.

Идеи для построения **смысловой** составляющей концепта были выделены в группах: "Синонимичные и антонимичные реакции", "Ассоциации с историческими и пр. коннотациями" и "Представления о свободе". **Ценностная** составляющая отражена в рубриках "Речевые клише и устойчивые сочетания", "Представления о свободе", а также в соответствующих образах свободы. **Образная** составляющая концепта реконструирована на основе данных ассоциативного эксперимента, ассоциативного Интернет-исследования, анализа рекламы и образов художественных произведений русской и английской (британской и американской) лингвокультур.

Группа **«Прецедентные феномены»** содержит конвенционально связанные сочетания слов, относящиеся к национальной когнитивной базе. Такие реакции формируются у респондентов на "подсознательном" уровне, в ситуации, когда стимул вызывает из глубин памяти знакомый текст, являясь частью этого текста ("свобода" – *Юрию Деточкину*). Разного рода прецедентные феномены, встречающиеся в этой рубрике, являются так называемыми "фонетико-звуковыми" ассоциациями (по терминологии В. В. Красных), поскольку не апеллируют к смыслу прецедентной ситуации или прецедентного текста, к которому относятся. Фрейм-структуры данных прецедентных феноменов существуют в коллективных когнитивных пространствах рассматриваемых лингвокультур, но в данном случае они не актуализируются.

Наиболее частотные прецедентные феномены – *статуя свободы* (29 в русской части, 34 в британской и 80 в американской), *Liberty Bell* (2 в брит. и 31 в амер.) и прецедентное высказывание "*свобода, равенство и братство*" (12 рус., 11 брит., 1 амер.), что свидетельствует о том, что данные явления (кроме *Liberty Bell*) прочно вошли в когнитивную базу всех трех сравниваемых лингвокультур, стали такими же полноправными элементами национального ментального пространства, как и "родные" прецедентные феномены. Остальные представленные прецедентные феномены культуроспецифичны. Больше всего подобных устой-

чивых сочетаний приходится на имя "liberty" (GB: statue 18, diabolical 13; US: statue 47, lady 2, torch 2, monument 1, bell 12).

Ключевые идеи, по которым осуществляется семантизация концепта "свобода" в русской и английской лингвокультурах на материале прямых и обратных книг ассоциативных словарей, представлены в таблице.

Таблица "Смысловые компоненты концепта "свобода".

	Русская	GB	US
1. Свобода как противоположность тюрьме, заключению.			
Прямые	+	+	+
Обратные	++	+	-
2. Свобода как противоположность рабству.			
Прямые	-	+	+
Обратные	+	+	-
3. Свобода как соблюдение прав и свобод человека и государства. Смежные общественно-политические понятия (в т.ч. прецедентные ситуации)			
Прямые	+	+	++++
Обратные	++	+++	+++++
4. Свобода как выход, уход откуда-либо.			
Прямые	-	+	+
Обратные	+	++	+
5. Свобода как отсутствие ограничений (в т.ч. связанности, тесноты, преграды движению, дыханию)			
Прямые	+	+	+
Обратные	+	+	+
6. Свобода как а) отсутствие обязанностей (работы, учебы); б) отдых, досуг.			
Прямые	+	+	+
Обратные	++	+	+
7. Свобода как состояние человека холостого, разведенного (отсутствие семейных обязанностей)			
Прямые	-	+	-
Обратные	-	+	-
8. Свобода как совершеннолетие, уход от родителей.			
Прямые	-	-	+
Обратные	+	++	++
9. Свобода как отсутствие запрета.			
Прямые	-	-	-
Обратные	+	+	+
10. Свобода как наличие денег.			
Прямые	-	-	-
Обратные	+	+	+

Таблица "Смысловые компоненты концепта "свобода".

	Русская	GB	US
11. Свобода как покой, спокойствие			
Прямые	+	+	+
Обратные	-	+	-
12. Свобода как беспорядок, беззаконие			
Прямые	-	+	+
Обратные	-	+	+
13. Свобода как отсутствие предопределенности, возможность выбора			
Прямые	-	-	-
Обратные	-	+	+
14. Свобода как вольность, бесцеремонность			
Прямые	-	+	-
Обратные	-	-	+
15. Свобода как легкость			
Прямые	-	-	+
Обратные	-	+	-

Среди идей, представляющих смысловое содержание концепта нашли отражение основные значения концепта по данным толковых словарей и паремиологии.

Свобода в сравниваемых лингвокультурах противопоставляется тюрьме, заключению (*неволя 17, нары, тюрьма 3 и пр.*; GB: *imprison, jail, prison, US: jail, prison и пр.*). В русском языке данное значение актуализируется в большей степени при помощи лексемы "воля", в английском – "freedom". Свобода также понимается респондентами как отсутствие связанности, тесноты, преграды движению или дыханию (*давка, заслон и пр.*; GB: *bondage 5, spacious, US: bondage 2, relief и пр.*). Большое количество подобных реакций зафиксировано в англоязычной части.

Наиболее продуктивными для анализа оказались обратные книги ассоциативных словарей. Это объясняется, во-первых, тем, что количество стимулов, вызвавших реакцию, определялось сплошной выборкой на всем массиве словаря, а не задавалось экспериментатором (сотня ответов), как в первой части. Во-вторых, прямые словари указывают прежде всего на то, с чем ассоциируется свобода, в то время как обратные выявляют то, что является для опрашиваемых свободой. И, в-третьих, меньшая репрезентативность прямых книг объясняется достаточно большим количеством клишированных оборотов и прецедентных феноменов, содержащих имя концепта, по отношению к общему количеству реакций.

Свобода, противопоставляемая рабству, является особенностью британского и американского языкового сознания (*GB: chains, slavery 2, US: slavery 7 и пр.*). Корни этого следует, по видимому, искать в колониальном прошлом Великобритании. Свобода для респондентов также и возможность выйти или уйти откуда-либо (*выпустить; GB: release 6, escape 7, away 2, out of, US: release 2, escape 5, flee 2 и пр.*), причем британцы и американцы акцентируют важность личных усилий человека по достижению свободы. Свобода в сознании многих людей ассоциируется с правами и демократическими ценностями, правосудием и независимостью государства (*демократия 11, независимость 3, республика 3, берлинская стена и пр.; GB: democracy, democratic, independent, independence, justice 5, rights 2, vote, US: democracy 19, independent 7, justice 24, rights 14, и пр.*). Подобное понимание свободы является доминирующим во всех трех сравниваемых лингвокультурах, больше всего в американской. Чтобы человек обрел свободу, часто необходимо, чтобы государство обрело независимость. Вообще, государство, воплощающее свободу, по мнению британцев, россиян и самих американцев, – это Соединенные Штаты Америки (*Нью-Йорк, США 7, Америка 2; GB: America 3, july 2, states, NewYork, US: America 34, USA 51, New York 3, july и пр.*).

Помимо политической и социально-правовой свободы большое количество опрошенных актуализировало в своих ответах свободу "бытовую", т.е. ту, которая чаще всего воссоздается в обыденном дискурсе. Именно такое понимание свободы было широко представлено в обратных словарях. Для обычного человека свобода – это прежде всего отсутствие обязанностей (учеба, работа, семья) и отдых (*увольнение 5, звонок, перемена, с лекции, безделье, пиво, лето, погулять и пр.; GB: holidays 2, holiday, leisure 2, vacation 2, weekend, US: fun, summer, outdoors и пр.*). Такое понимание свободы характерно в большей степени для россиян (процентное соотношение соответствующих реакций в русской части в 2 раза больше, чем в британской и почти в 3 раза больше, чем в американской).

Британские и американские респонденты кроме того выделили совершеннолетие и возможность отдельного проживания от родителей как свободу (*GB: twenty-one 2, adults, apartment, bedsit, US: adult, apartment 7 и пр.*). В русской культуре подобное понимание не актуально.

В англоязычной части присутствует понимание свободы как отсутствие предопределенности, возможность выбора: *GB: chose 2, choose, determination, determine, US: choose 2.*

Свобода – это также отсутствие запрета, наличие денег и, иногда, мир и покой. Англоязычные респонденты, кроме того, назвали свободу анархией и вольностью (*cheek*). В русской лингвокультуре подобное понимание, по данным ассоциативных словарей, не представлено.

Таким образом, среди смысловых реакций нашли свое выражение два взгляда на свободу – так называемый *либеральный* – общественно-ориентированная свобода (права и свободы) и "*обывательский*", когда речь идет о личном, индивидуалистическом, гедонистическом, эгоистическом понимании свободы. Эти два типа свободы связаны с разными *потребностями*: самореализации, самоактуализации – в либеральном понимании, и потребностями нижних уровней (утилитарными, субутилитарными) – в обывательском понимании. В случае общественно-ориентированной либеральной позиции человек (соотносимо с феноменологической свободой по Сартру) осознает положительную альтернативу существующему порядку вещей и себя в качестве того, кто может его изменить – через существующую систему прав и свобод повлиять на принятые в обществе нормы и правила, расширить рамки своей свободы, т.е., уменьшить ограничения и увеличить возможности.

Во втором случае, человек также осознает альтернативу не-свободе, такой, как, например, работа или учеба в виде отдыха, каникул и пр., но, по разным причинам признает, что он не в состоянии это изменить (или не считает для себя нужным это делать, признает это правильным). Т.е. в данный конкретный момент он не может, он должен работать или учиться (что в целом оценивается им правильно), но ему хочется (хоть это и неправильно, нерационально, глупо и т.п.) пойти погулять, выпить пива и т.п.

Возможно, это разделение весьма условно, если принять в качестве непреложного факта, что общественно-ориентированное понимание прочно вошло в индивидуальное понимание свободы, стало его неотъемлемой частью (даже в России, где человек, даже если не собираются свои права реализовывать, знает об их существовании, и это для него важно).

Таким образом, в сознании человека свобода выступает и как гедонистическая реализация потребностей и желаний (любых) и как общественно-значимая возможность реализации одобряемых / разрешаемых / допускаемых обществом потребностей и желаний.

Образное представление свободы довольно разнообразно и включает в себя как динамичные, так и статичные образы. В ан-

глийском сознании доминируют динамичные образы, в русском равнопредставлены оба типа. Имя "воля" порождает, в основном, статичные образы. Имя "liberty" не является образопорождающим.

Динамичные образы: *climbing, flying, running, train, bird, falcon, with the wind, glide, sailing, cart, jump, sprinted, animals, deer, lions, wind, wild (GB); bird, gull 2, seagull, sail, sailing, wind, flying, flight, car, jeep 2, vehicle, hike, freeway (US); птица, в море, ураган, яхта, парус, падать, парить, порхать, веет, стихия, в воздухе 2, скакать, шустрый*. Статичные образы свободы: *spur, countryside, mountains, plains, oxygen (GB); field, space, ocean 2, iceberg, pasture, room, wilderness (US); берег моря во время восхода, природа, раздолье, степь 2, открытость, степная, небо, простор 7, просторы, растения, равнина*. Динамичность как характеристика свободы численно представлена примерно одинаково в сравниваемых лингвокультурах: 17 в британской части, 15 – в американской и 14 – в русской. Статичные образы преобладают в русской части: 18 против 5 в британской и 8 в американской. Таким образом, британское и американское сознание в большей степени воспринимает свободу как движение (17 динамичных против 5 статичных образов в британской части, 15 динамичных против 8 статичных в американской), а для русского равновозможно как динамичное (14), так и статичное (18) воплощение свободы.

При использовании имени *свобода* для апелляции к образам концепта в русском языке нет преобладания динамичных (10) или статичных (8) характеристик. В то время как *воля* в большей степени воспринимается как широкое, неподвижное пространство (4 динамичных, 10 статичных образов).

Образы свободы были рассмотрены на материале ассоциативного эксперимента, ассоциативного Интернет-исследования, образов визуальной рекламы и образов художественной литературы. Были проанализированы образы свободы в поэтических и прозаических произведениях британских, американских и русских авторов XVI–XX вв., воплощенные в метафорах и сравнениях, а также в контекстах приложения эпитета "свободный", "вольный", "free". Было рассмотрено около 8000 страниц англоязычных и 10000 русскоязычных текстов. Для анализа было выбрано 70 англоязычных (британских и американских) образов и 140 образов из русской литературы (по 70 на имена "свобода" и "воля", включая их дериваты).

В произведениях русских писателей и поэтов имена "свобода" и "воля" и их производные представлены примерно одинаково. В

произведениях англоговорящих авторов лексема "liberty" является неплодотворной в плане создания художественных образов.

Среди образов свободы наиболее частотны образы **воздуха** (ассоциативный эксперимент: *оxygen, в воздухе 2, глоток, вздохнуть*; художественные тексты: *gave it a blazing air of freedom and defiance.* (Н. В. Stowe. *Uncle Tom's Cabin*); Свобода есть благо, говорил я, без нее нельзя, как без воздуха (А. П. Чехов. Крыжовник), ... как волен и свеж воздух! (Н. В. Гоголь. Вечера на хуторе...), **ветра** (*wind 3, with the wind, веет, ураган, стихия*; *Thou shalt be free / As mountain winds: but then exactly do / All points of my command* (W. Shakespeare. *The Tempest*); Будьте свободны как ветер (А. П. Чехов. Вишневый сад); Меня б не тронул рай / На вольном ветерочке (Б. Пастернак. Путевые записки), **птицы (по-лета)** (*flying 2, flight, glide, bird, falcon, gull, seagull, птица, парить, порхать*; *In feeling I was but a child, / When first we met – one year ago, / As free and guileless as the bird, / That roams the dreary woodland through* (A. I. Menken. *One year ago*); Самодержавный / Русский гнет / Сжимал все лучшее за горло, / Его мы кончили – / И вот / Свобода крылья распростерла (С. Есенин. Поэтам Грузии); [...] ласточкой вольно летела дева в трико – так высоко над блестящим бассейном, что он казался не больше блюдца (В. Набоков. Приглашение на казнь), **моря (океана и пр.)** (*ocean 2, iceberg, sail, sailing 2, в море, яхта, парус, берег моря во время восхода*; *Thine is the heritage of simple things, / The untasked liberty of sea and air* (S. W. Mitchell (Silas Weir). *The Seagull*); Суда летучие, торговлей окриленны, / Кормами рассекут свободный океан (А. С. Пушкин. На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году); Ты, волна моя, волна! / Ты гульлива и вольна; / Плещешь ты, куда захочешь (А. С. Пушкин. Сказка о царе Салтане). Образ **простора (степи, равнины и пр.)** в большей степени характерен для русской лингвокультуры, чем для английской. Хотя подобные образы и встречаются среди ассоциативных реакций и в рекламе, для произведений британской и американской художественной литературы они не типичны (*field, space, pasture, plains, room, freeway, простор 7, просторы, раздолье, равнина, степь 2, открытость, степная, небо*; В Праге, куда мы заехали показать нашего сына моей матери, он играл в Стромовке, где за боскетами пленяла взгляд необыкновенно свободная даль (В. Набоков. Другие берега.); Нигде не попадались им деревья, все та же бесконечная, вольная, прекрасная степь (Н. В. Гоголь. Тарас Бульба).

Сравнивая образы представленных лингвокультур, мы видим, что основные воплощения свободы в сознании людей совпадают.

Прежде всего, это воздух или ветер (22 англ. и 26 русс.= 13 воля + 13 свобода), некая субстанция – жидкость, воздух (16 англ. и 15=8+7 русс.), полет (11 англ. и 28=11+17 русс.), море, реки и т.п. (9 англ., 14=7+7 русс.), природа – растения (6 англ. – в основном, цветы, 7=4+3 русс.), животные (2 англ. и 3=2+1 русс.), человек (4 англ. и 2=2+0 русс.), детство (6 англ.) или юность (4=0+4 русс.). Национально-специфичный образ свободы в русской культуре – это простор (21=8+13).

Довольно часто авторы не ограничиваются каким-либо одним образом свободы, создавая сложные, многокомпонентные, часто описательные образы. Синкретичность образа усиливает художественную выразительность, помогая глубже воспринять авторский замысел. Например: "А он уже не мог выговорить ни слова, ничего не понимал, и представлялось ему, что он, уже простой, обыкновенный человек, идет по полю быстро, весело, постукивая палочкой, а над ним широкое небо, залитое солнцем, и он свободен теперь, как птица, может идти, куда угодно!" (А. П. Чехов. Архирей). Thy cage is open'd, bird! too well I love thee / To bar the sunny things of earth from thee; / A whole broad heaven of blue lies calm above thee, / The green-wood waves beneath, and thou art free; / These slender wires shall prison thee no more – / Up, bird! and 'mid the clouds thy thrilling music pour (A. B. Welby. The Freed Bird).

Образы свободы, подавляющее большинство которых несут положительную эмоциональную оценку, часто встречаются в так называемой "эмоциональной" (ассоциативной) зрительной рекламе. Рекламы, связанные с концептом "свобода", можно условно поделить на две группы: 1) рекламы, в которых акцентируется какая-либо смысловая составляющая концепта (использование товара освобождает потребителя от неких связывающих факторов, воплощаемых в типичных образах/символах несвободы или дает невиданную ранее свободу), 2) рекламы, содержащие "несмысловые" образы свободы.

В произведениях визуального искусства свобода представлена в женском образе (картины Э. Делакруа "Свобода, ведущая народ", Н. Валлена "Свобода", и Ж.-Б. Ренье "Свобода или смерть", американская статуя свободы, статуя свободы в Сан-Марино и пр.). Все образы свободы глубоко позитивны.

"Мирная" свобода ассоциируется со спокойным синим цветом, революционная "свобода бунта" – с красным.

Ценность свободы проявляется в том, что она *нужна всем*: всем, для всех, навсегда, необходимость; everyone. Кроме того, свободу как нечто весьма ценное и жизненно необходимое можно и нужно *требовать* (вероятно, от тех, кто наделен большей вла-

стью, и, соответственно, большей свободой): дайте 12, и, иногда, весьма *успешно*: дарить, даруется, гарантировать 8. Свобода – это то, чего стоит *ждать* и к чему стоит *стремиться*: дожидаться, стремление, наконец-то. Свобода не дается просто так, часто за нее приходится *бороться*: баррикады, бороться, добиться, завоевать, на баррикадах, завоевание, бороться, борьба, борец 2, победа; GB – more, fighter 4, fighters 2, fight, attain, victory; US – struggle 2, fighter 8, bravery. Когда же мы получили столь *желанную* (желанная 2, счастливая, отлично, прекрасно, радость; ура, ура!, GB – good 2, lovely; US – good 2, great 2, yes 2, forever 3), ею стоит *дорожить* (дорожить 2, дорожи), и, даже, возможно, придется ее *защищать* (GB – defend 2, defender; US – shelter). С другой стороны, свобода *не всегда возможна*, и, в принципе, *относительна*: ограниченная, редкая, нам и не снилась; относительность, взаимозависимость, не верить, не вижу, никакой, GB – impossible, nothing, nowhere; US – mutual, ideal, responsibility. Британцы и американцы несколько "свободнее" русских, или ощущают себя таковыми.

Свобода иногда оценивается как *обуза*: ills, бремя 2, чушь, опасность.

Впрочем, положительные оценки преобладают, и в целом свобода воспринимается как *нечто позитивное*, связана со многими другими позитивными концептами: harmony, betterment. Более того, в сравниваемых лингвокультурах наблюдается пересечение положительных характеристик на уровне слов: жизнь, живет, life, alive (GB), life (US); счастье 4, счастливая; happiness 2 (GB), happiness 2 (US); надежда, hope 2 (GB); молодость, юность, молодежь, youth (GB); love (GB), love 2 (US). Положительная оценка людьми свободы также четко видна при рассмотрении типичных образов свободы.

Ассоциативный опрос подтвердил, что свобода, несомненно, является одной из ключевых ценностей для человека, хотя ее ценность в рассматриваемых лингвокультурах актуализируется по-разному. В то время как русские респонденты терпеливо ждут, когда им *даруют* свободу (24 реакции в русской части при отсутствии подобных реакций в англоязычной), и которой они затем будут *дорожить* (3 реакции), которая в общем-то, *желанная* (2), *необходимость*, *отлично*, *прекрасно*, *радость* и вообще "ура" (2), британцы и американцы готовы свою свободу *защищать* (4). И те, и другие осознают необходимость *борьбы* за нее (8 рус. – 9 брит.+11 амер.), однако по количеству клишированных оборотов (2 в русской части против 8+8 в англоязычной) можно судить о том, что для англоязычных респондентов борьба скорее

является фактом истории, в то время как для россиян мотив борьбы в некоторой степени еще актуален. Возможно, причины этого кроются в том, что российский опрос проводился в перестроечный и постперестроечный период. Не следует однако думать, что это коренным образом изменило результаты. Как видим, вера в доброго царя или благожелательное правительство, которое подарит народу свободу, все же сильнее.

Что касается количественных (численных) характеристик того или иного стимула, то важным для концептуального анализа, по нашему мнению, являются два основных показателя – *энтропия* (мера неопределенности) структуры реакций на стимул и *коэффициент смысловой корреляции* имен концепта.

Чем выше энтропия реакций на стимул, тем выше его способность порождать разнообразные смыслы в сознании людей. Наиболее смыслопорождающими именами концепта являются *freedom* (GB и US) и свобода. Имя *liberty* апеллирует к различным устойчивым сочетаниям национальной когнитивной базы и не отражает все богатство смыслов концепта.

Наиболее высокая смысловая корреляция наблюдается между именами *freedom US* и *liberty US* за счет сильного совпадения в группе "права и свободы". Имена концепта в парах "свобода – *freedom GB*" и "свобода – *freedom US*" и "*freedom GB* – *freedom US*" также хорошо коррелируют, что подтверждает функционирование этих слов как основных имен концепта. При межкультурном сопоставлении видно, что наибольшая корреляция наблюдается между британским и американским концептом, а русский концепт свободы коррелирует с британским и американским примерно одинаково.

Основные результаты нашего исследования сводятся к следующим положениям:

Концепт «свобода» относится к числу базовых концептов-регулятивов, он часто представлен в виде символа, его сущность состоит в бинарном противопоставлении свободы и несвободы, он актуализируется в ситуациях перехода человека из состояния свободы в состояние несвободы (или из состояния большей свободы в состояние меньшей свободы) и наоборот.

Концепт «свобода» характеризуется следующими признаками: а) образная составляющая – синкретичные образы ветра, моря, птицы, полета, дыхания, открытого пространства и др., б) понятийная составляющая – возможность поступать по своему желанию, отсутствие ограничений, противопоставление связанности, плену, заключению, рабству, в) ценностная составляющая – одна из приоритетных ценностей жизни, подразумевающая

возможную угрозу / потерю свободы и необходимость борьбы за свободу, защиты свободы.

Важнейшие лингвокультурные отличия концепта «свобода» в англоязычном мире сводятся к следующим признакам: соотношение концептов «свобода» и «право», противопоставление концепту «рабство», актуализация личных усилий как способа достижения свободы, в русской ментальности – соотношение концептов «свобода» и «счастье», противопоставление концепту «заключение», актуализация получения свободы как дара. Определенная лингвокультурная специфика наблюдается в рамках молодежной возрастной группы: у англоговорящей молодежи свобода ассоциируется с совершеннолетием и началом самостоятельной жизни, у русской молодежи – преимущественно с отдыхом.

Важнейшее отличие в философской традиции понимания концепта «свобода» по сравнению с бытовым его пониманием – акцент на свободе воли, а не свободе как условии деятельности. Англоязычное философское понимание свободы связано с осознанием индивидуальной свободы и закона как условия свободы, русские философы ставят на первое место соотношение свободы и высших религиозно-моральных ценностей.

Литература

Солохина А. С. О культурном концепте "свобода" // Языковая личность: проблемы межкультурного общения: Тез. науч. конф., посв. 50-летию ф-та иностр. яз. Волгоград: Перемена, 2000. С. 60-61.

Солохина А. С. Некоторые характеристики концепта "свобода" в русской и английской лингвокультурах // Основное высшее и дополнительное образование: проблемы дидактики и лингвистики. Вып. 2. Волгоград: Политехник, 2002. С. 181-186.

Солохина А. С. Номинативное и ассоциативное в структуре концепта "свобода" (на материале русского и английского языков) // Аксиологическая лингвистика: проблемы изучения культурных концептов и этносоциологии. Волгоград: Колледж, 2002. С. 76-83.

Солохина А. С. "Свобода" как универсальный концепт русской и англоязычной культур // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста. Материалы междунар. симпозиума. Волгоград, 22-24 мая 2003 г. Ч. 2. Тез. докл. Волгоград: Перемена, 2003. С. 156-158.

Солохина А. С. Отношение к свободе в русской паремиологии // Проблемы современной лингвистики. Сб. науч. тр. / Под ред. Н.А. Красавского. Волгоград: Колледж, 2003. С. 37-42.

Солохина А. С. Ассоциативные характеристики концепта "свобода" в русской и английской лингвокультурах // Аксиологическая лингвистика: проблемы и перспективы. Тез. докл. междунар. науч. конф. 27 апреля 2004 года / Под. ред. Н. А. Красавского. Волгоград: Колледж, 2004. С. 98-100.

С.В. Зайкина (Волгоград)

СТРАХ

Цель данной работы заключается в выявлении и сопоставлении лексико-фразеологических средств, номинирующих и описывающих страх и различные его проявления, на материале английского и русского языков с последующим выделением общих и культуроспецифических характеристик этого концепта.

Мы рассматриваем эмоциональный концепт (далее – ЭК) «страх» как многоаспектное явление, имеющее отношение к психологии, к социологии и к лингвистике.

Определяя место страха в системе человеческих эмоций, мы придерживаемся понимания эмоции как психического процесса, отражающего отношение человека к самому себе и окружающему миру, характеризующегося мимическими, психосоматическими, поведенческими изменениями и находящего отражение в языке.

Эмоция страха не всегда играет отрицательную роль в жизни человека. Среди функций, выполняемых страхом, в первую очередь, выделяют адаптивную или социальную (Изард 2000). Суть данной функции заключается в том, что страх мобилизует силы человека для активной деятельности, помогает предупреждать возможные ошибки и уменьшает риск стать жертвой обстоятельств, защищает, поскольку является очень сильной мотивацией для поиска безопасной среды обитания, позволяет человеку моделировать свое будущее поведение.

В зависимости от каузатора возникновения страха различают внешний и внутренний страхи, по соответствию норме – нормальные и патологические. При классификации страха по критерию продолжительности различают страх как кратковременное состояние, именуемое испугом, и как устойчивую черту характера, которая известна как боязнь или трусость.

По критерию интенсивности человеческий страх может варьироваться от испуга (самая слабая степень страха) до паники и ужаса (сильнейшая степень эмоции, сопровождающаяся отвращением).

Страх может использоваться как средство манипуляции человеком, а также испытываться непосредственно в ситуации опасности или быть отложенным во времени, т.к. вытесняется или

подавляется другой, более сильной эмоцией (например, гневом, яростью).

Анализ связей страха с другими эмоциями и чувствами в психологических исследованиях показал, что они основаны на конфликтной знаковости эмоций и обнаруживают связь страха с агрессией, болевыми ощущениями, интересом, храбростью, ревностью, трусостью.

Исследование специфики вербализации связей страха с другими эмоциями выявило дополнительные содержательные аспекты исследуемого концепта и сделало возможным более детально представить его внутреннюю смысловую структуру.

Анализ 196 примеров вербализации связи страха с другими чувствами (95 английских и 101 русских) подтвердил результаты психологических исследований (Изард 2000, Литвак 1993, Щербатых 2001 и др.) о том, что страх сопровождается как отрицательными (ненависть, агрессия, боль), так и положительными (любовь, интерес, удивление) эмоциями. Большинство из выявленных связей оказываются релевантными для обеих лингвокультур (11 из 13) и, соответственно, могут рассматриваться в качестве доказательства общности эмоционального концепта «страх»/«fear» в английской и русской лингвокультурах. Наиболее частотными для обоих сопоставляемых языков оказываются связи страха с эмоциями «триады враждебности», удивления, чувством боли и именем концепта «храбрость».

Примеры нашей выборки не подтвердили некоторые связи эмоции страха (страх – ревность), заявленные психологами, вместо этого в языках сопоставляемых лингвокультур обнаружены примеры, отражающие связи страха с другими эмоциями и чувствами: растерянностью, уважением, ненавистью, тоской, беспомощностью, стыдом, отвращением, удивлением.

Связь страха со стыдом, уважением является релевантной для обеих лингвокультур, что позволяет говорить о большей значимости социального типа страха, по сравнению с биологическим.

Связь страха с отвращением находит не только языковое отражение, но и зафиксирована в словарных дефинициях слов «ужас»/«horror» в качестве семантического признака: «что-то отталкивающее, вызывающее отвращение», «something that causes disgust».

Высокой частотностью проявления отличается связь страха с изумлением, удивлением. Связь обозначенных эмоциональных концептов обусловлена наличием такого семантического признака в лексеме «удивление», как «странность», «необычность», «непонятность» (Дорофеева 2002). Из психологических исследо-

ваний, а также по результатам проведенного нами дефиниционного анализа лексемы «страх» следует, что изучаемая эмоция возникает не только при наличии реальной опасности, но и чего-либо неизвесного, необъяснимого и странного: «*На его костюме некрасивом лице было разлито огромное испуганное удивление...*» (Вайнеры), «*It gave you quite a curious sensation, chilling but awe-inspiring*» (Maugham).

Обращение к философскому аспекту исследуемого феномена объясняется тем, что позволяет исследовать сущность страха не как эмоции, а как некоего абстрактного явления, играющего важную роль в жизни человека, оказывая на нее определенное влияние. Страх стал одним из базовых понятий философии экзистенциализма. С. Кьеркегор (Кьеркегор 1992) различал обычный «*эмпирический страх-боязнь*» (*Furcht*), вызываемый конкретным предметом или обстоятельством, и, неопределенный, безотчетный «*страх-тоску*» (*Angst*) -неизвестный животным, метафизический страх, предметом которого является «ничто» и который обусловлен знанием человека о своей смертности. Эту точку зрения поддерживали и развивали другие экзистенциалисты: М. Хайдеггер, А.Камю, Ж-П.Сартр, К.Уилсон.

Несмотря на ощутимое влияние социальных норм проявления эмоции страха на поведение человека, возникают ситуации, в которых инстинкт самосохранения берет верх над разумом: «*Самое главное, самое страшное началось утром, когда отпиралась дверь барака... Братья топтали друг друга, рвали один на другом одежды, выцарапывали глаза, ломали руки, ноги, рыдали от счастья, когда выбивались на улицу не последними*» (Астафьев).

Исследование лексических средств объективации концепта обусловлено, во-первых, нашим пониманием концепта как некой ментальной единицы, опредмеченной лексическими единицами: словными и сверхсловными номинациями (фразеологическими единицами, пословицами и поговорками), метафорическими высказываниями; во-вторых, лексический состав более очевидно отражает фрагменты экстралингвистической действительности, поскольку именно слово имеет первостепенную важность в порождении, восприятии, хранении и передаче информации (Кубрякова 1997); в-третьих, методические процедуры исследования лексики языка (методы компонентного, дефиниционного, дистрибутивного анализ) являются хорошо отработанными и используются большим количеством исследователей (Вильмс 1997, Дорофеева 2002, Димитрова 2001, Красавский 2001, Панченко 1999, Покровская 1998, Шаховский 1983, 1988, 2001 и др.).

Наш подход к исследованию ЭК базируется на тезисе о том, что по признаку наличия/отсутствия эмотивности различают единицы выражающие, называющие и описывающие (Шаховский 1988); по способу номинации концепта – на первичные и вторичные (ЛЭС 2002).

В связи с этим все языковые единицы, объективирующие страх, мы условно разделяем на:

1. Номинативные (называющие) единицы:

а) первичные единицы. Сюда входят номинанты концепта (члены синонимического ряда), например, *испуг, бояться, fright, to scare smb., etc.*;

б) вторичные единицы. К ним мы относим единицы метафорического осмысления данного концепта, например, *волна ужаса, микроб страха.*

2. Единицы дескрипции. К группе описывающих единиц относятся устойчивые сравнения (*to run like a deer, бежать как заяц*), фразеологизмы, описывающие переживание страха или поведение в ситуации его переживания (*схватило живот от страха, поджать хвост*), лексико-семантические средства, которые репрезентируют ЭК «страх» через имена смежных/пограничных концептов (храбрость, трусость), а также через описание поведения человека в ситуации переживания страха. Единицы, включенные в эту группу, являются предложениями или словосочетаниями по структуре: «Поэтому он все время шутил, старался вставить в разговор какие-то анекдотики, сам же первый им громко и нервно смеялся» (*Вайнеры*). В приведенном примере описывается поведение человека в ситуации опасности, когда для сокрытия напряжения и страха используются различные отвлекающие средства (громкий смех, шутки), цель которых успокоить себя, придать себе уверенности, т.е. имеет место имплицитное описание страха.

На первом этапе нашего сопоставительного исследования мы обратились к средствам номинации концепта, которые представлены единицами первичной номинации: именем концепта и его синонимами.

Цель данной части нашего исследования заключалась в выявлении общих (инвариантных) семантических признаков концепта на основе дефиниционного и компонентного анализов значений лексем, которые входят в синонимический ряд слов *страх/fear*, в выделении специфических (варьирующихся) семантических признаков, позволяющих разграничить лексемы, номинирующие ЭК «страх»/«*fear*»; моделировании шкалы лексической градации переживания эмоции страха.

В результате сопоставления конкретизирующих признаков, составляющих содержательные минимумы понятий *страх/fear* в 17 англоязычных и 12 русских словарных изданиях, обнаружены следующие различия в семантическом представлении страха для носителей сопоставляемых языков: существенным признаком для носителей английского языка является «боль», а также признак «ожидание боли», в русских словарях описываемый признак не зафиксирован; для русского национального сознания релевантным является признак «душевное смятение», тогда как в английском выделяется этот признак не выделяется. Существенным признаком чувства, называемого *страх/fear*, является его причина – «ожидание опасности, бедствия» (в 6 из 12 русских источников и в 13 из 17 английских). Однако характер опасности может быть различным: в английских дефинициях выделяется возможная, близкая опасность или просто её ожидание (13 из 17 источников), для русского национального сознания – реальная или воображаемая опасность (6 из 12 словарей).

Для представителей обеих культур значимым в переживании чувства с именем *страх/fear* оказалось ожидание конкретной опасности. В случае, когда причина страха расплывчата – говорят о *страхах/fears* и это имеет большее отношение к психологии.

В обоих языках в значении каждой лексемы зафиксированы следующие семантические признаки: «эмоциональное состояние/чувство», «реакция на опасность», «негативное/отрицательное», которые являются общими (инвариантными) для английского и русского языков и обеспечивают успешность межкультурной коммуникации. В понятийное ядро *страха/fear* входят семантические признаки, коррелирующие с признаками страха, как психологического феномена, выделенные нами на базе психологических, социальных и философских исследований.

В результате проведенного компонентного анализа номинантов ЭК «страх»/«fear» на материале лексикографических дефиниций обнаружены количественные и качественные несоответствия. Синонимический ряд, представляющий ЭК «fear» в английском языке, содержит большее число лексем по сравнению с русским языком. В русском языке список лексем, составляющих синонимический ряд слова страх, ограничивается существительными: боязнь, жуть, испуг, кошмар, паника, страх, ужас. В английском языке синонимический ряд имени концепта состоит из 11 лексем: awe, alarm, consternation, dismay, dread, fear, fright, horror, panic, terror, trepidation. Такое количественное преобладание единиц, номинирующих страх в английской лингвокультуре, может

свидетельствовать о более детальном членении внеязыкового континуума, где отдельные психологические характеристики эмоции страха получают в языке специальное имя.

Качественные расхождения заключаются в полном отсутствии возможных межъязыковых эквивалентов или представляют собой совпадения по одному или нескольким семантическим признакам.

В значении синонимов *страха/fear* актуализируются семантические признаки («интенсивность», «причинность», «продолжительность переживания»), которые являются основанием для проведения градации лексических средств названия исследуемого концепта. Совпадение семантических признаков, по которым возможно шкалирование, объясняется их корреляцией с характеристиками страха как психологического феномена.

Частичное совпадение по одному семантическому признаку наблюдается в следующих случаях. Например, по признаку «интенсивность переживания» страха получаем следующую пару контекстуальных эквивалентов: *ужас, кошмар – horror*. Для русского языка, дополнительно к интенсивности, релевантными являются такие семантические признаки, как «оцепенение, подавленность», что в английском языке никак не отмечено, зато актуализируется признак «отвращение». Семантический признак «оцепенение», как следствие действия страха, зафиксирован в значении лексем *ужас, horror, consternation*. В значении слов *боязнь, horror, dread, fear* реализуется признак «продолжительность»: *the horror of dogs; the fear of the dark; cats have a great dread of water, боязнь темноты*.

Специфическими номинантами ЭК «страх» в английском языке являются слова *awe, trepidation* – не имеющие аналогов в русском языке. Лексема *awe* обозначает чувство непродолжительное по времени, не имеющее указания на интенсивность переживания и в качестве причины рассматривающее не традиционную опасность реальную или воображаемую, а нечто неординарное, величественное и именно из-за необычности вызывающее чувство, описываемое словом *awe*. В английском языке слово *awe* имеет ярко выраженную, положительную оценочность. Это единственное слово, описывающее страх с положительной точки зрения: «*She was regarded by all that dwelt there with love certainly and admiration, but also with awe and not a little dread*» (*Maugham*). Английскому *awe* приблизительно будет соответствовать русское словосочетание *благоговейный ужас/трепет*.

Лексема *trepidation*, где основным выделяемым семантическим признаком является «дрожание конечностей», может быть пере-

ведено русским словом трепет. Но в русскоязычном варианте не учитывается такой признак как «неуверенность в себе, робость».

Семантический признак «большое количество», выступающий в качестве причины возникновения чувства страха, именуемого жуть в русском языке, не реализуется ни в одном значении англоязычных номинантов концепта.

Максимальное совпадение семантических признаков английских и русских номинантов ЭК «страх»/«fear» наблюдается всего в 2 парах лексем: паника – panic, испуг – fright. В первом случае наблюдается эквивалентность по основным характеристикам паники: «безотчетность», «неуправляемость», этими словами обозначают чувство, охватывающее «большое количество людей», при переживании этого состояния в полной мере актуализируется «заражаемость» страхом и т.д.: *«Волна паники захлестнула ее. Дыхание ее сбилось, зрачки расширились и бешено вращались. Она то открывала, то закрывала рот, как рыба, выброшенная волной на берег» (Столесен); «...he was seized with panic, so that when the stranger was due to arrive, having arranged everything for his reception, he wrote a note telling him he was obliged to go up-river» (Maugham).*

В значениях лексем испуг и fright в равной степени актуализируются семантические признаки «неожиданность возникновения», «непродолжительность», «реакция на реальную, пережитую опасность», «неинтенсивное чувство», «внешнее проявление», «трудноконтролируемое»: *«...сказал я, и мгновенный испуг окатил меня холодной волной, когда я представил себе Позднякова мертвым» (Вайнеры), «...his direct gaze gave her such a fright that she smothered a cry» (Maugham).*

В сопоставляемых языках лексемы жуть, кошмар, страх, ужас, fright, terror, horror могут обозначать объект внушения страха: *to look a real fright, here comes this terror; она настоящий ужас, страхотище, а не человек.*

Дефиниционный анализ основных номинантов концепта «страх» дополнен в нашей работе анализом их деривационного потенциала.

В числе характеристик общих для сопоставляемых языков установлена возможность разделения глаголов и прилагательных-номинантов *страха/fear* на лексемы, номинирующие переживание страха (*бояться, боязливый, to be afraid/scared, awe-struck, dismayed*), и лексемы, объективирующие страх как средство воздействия на человека (*напугать, застращать, ужасный, frighten smb., awe-inspiring, fearsome*), с заметным количественным преобладанием в английском языке (14 из 19 прилагательных описы-

вают наведение страха, а в русском – 7 из 18 единиц). С помощью постпозитивных элементов от первичных глаголов образуются дериваты с дополнительно приобретенными лексическими значениями. Глаголы *to frighten away/into*, *to scare away/off* включают в свое значение сему «манипуляция», поскольку теперь их значения трактуются как: «you make others do something that they don't want to do by making them afraid not to do it» (CEED).

Для обозначения действия также используются различные первичные глаголы, не имеющие значения «бояться, запугивать» + существительное из синонимического ряда страха: *to give smb. a fright*, *to put fear into smb.* Значения глаголов, являющихся ядреными в данных сочетаниях (*to give*, *to put*), также содержат сему направленности действия на другого человека, переадресации отрицательного импульса, что является дополнительным свидетельством возможности использования страха в качестве средства манипуляции.

В английском и русском языке присутствуют единицы, в значении которых зафиксирован семантический признак «испытывать страх за другого»: *бояться за детей*, *to fear for the children*.

Среди лексических единиц, номинирующих страх в сопоставляемых языках, мало существительных, обозначающих деятеля/производителя страха. Этот факт позволяет говорить о том, что при вербализации страха особую значимость приобретают процессы номинирования и дескрипции состояния получателя (адресата), а не отправителя (адресанта) исследуемой эмоции: *испугаться, ужаснуться, to be afraid, to get scared*. Подобная специфика языкового воплощения ЭК «страх» связана с его психологическими характеристиками: исследуемая эмоция может выступать в роли средства управления поступками человека, ее можно переадресовывать, направлять на другого, с целью подчинить человека, продемонстрировать свою власть над ним. Сам по себе человек не может продуцировать страх, в том смысле, как он может породить, например, ложь.

В процессе выделения семантических признаков *страха / fear* на основе анализа значений из лексикографических источников было обнаружено, что самым частотным в сопоставляемых языках является семантический признак «отвращение», «неприглядный вид», что отражается в языках соответствующими единицами (9 из 19 английских, 7 из 18 русских прилагательных): *страховидный, страхолюдный, awful, horrid, terrible, fearsome etc.*

Существенными для английского языкового сознания выступает такой признак ЭК «fear» как «шок», что зафиксировано в значениях прилагательных *horrific, horrendous* (данный признак не

представлен в значении имен концепта). При осмыслении ЭК «страх» русским языковым сознанием актуализируется сема: «легко поддающийся страху» (7 из 18 прилагательных): *робкий, боязливый*.

В сознании представителя русской культуры переживание страха сопровождается более тяжелыми, мрачными переживаниями по сравнению с восприятием данного концепта английским языковым сознанием.

В речи и в произведениях художественной литературы, наречия и прилагательные часто употребляются в составе междометных и вводно-парентетических конструкций, где выражают значение «emphasizing the degree or the extent of something» (CEED) и приобретают эмотивную функцию: *Awful!, Terribly interesting, Ужасно интересно!, Страшно жарко!*

В результате анализа 500 примеров контекстуального употребления номинантов исследуемого концепта в сопоставляемых языках (234 английских и 266 русских единиц), установлено, что для объективации ЭК «страх» в английском и русском языках наиболее продуктивны следующие модели малого синтаксиса: глагольно-субъектные и атрибутивные.

В глагольных конструкциях слово-номинант *страх* (и его синонимы) может выступать и в качестве зависимого, обозначая объект, (*внушать страх, лишиться чувств от ужаса, to begin to fear, to freeze with fear*), и в качестве главного слова, обозначая субъект действия, (*страх проникает, поселился, the terror catches one's breath, the fear doesn't leave*) в свободном словосочетании.

Сочетание прилагательного и наречия больше свойственно английскому языку (37 примеров), и в ходе анализа их контекстуального употребления была замечена следующая особенность: несмотря на то, что наречия, выражающие/называющие страх, содержат в своем значении отрицательный коннотативный аспект («отвратительный», «неприятный», «вызывающий беспокойство» и т.д.), они могут сочетаться с прилагательными с различным оценочным знаком: *horribly painful, terribly attractive, frightfully handsome*.

В результате проведенного анализа сочетаемости номинантов ЭК «страх» на материале англо- и русскоязычной художественной литературы выявлены наиболее часто эксплицирующиеся семантические признаки исследуемого ЭК, среди которых релевантными для сопоставляемых языков является: 1) «продолжительность» переживания страха – актуализируется либо его кратковременность (*внезапный испуг, a sudden fright*),

либо продолжительный характер (*вечный страх, long-life fear*); 2) «неожиданность», «внезапность» возникновения страха: *вбить в испуг, to give smb. a sudden fright*. Однако оба языка указывают на возможные исключения, из которых становится ясно, что иногда страх можно *ослабить, притупить, заглушить, to fight down*.

В обоих языках страх воспринимается как деятель: *страх связывает руки, прожигает насквозь, catches one's breath, blots out memory*; описывается через актуализацию физиологических проявлений эмоции: *побледнеть, посинеть от страха, хрипеть от ужаса, to go white with fear, to tremble, to shake with fear*.

Обеими культурами страх рассматривается в виде некой субстанции, заполняющей субъекта: *страх наполнил его до краев, to be filled with wild fear*.

Русским языковым сознанием отмечаются такие аспекты исследуемого концепта, как расплывчатость страха, его ненормальный (патологический) характер, что актуализируется в семантическом признаке «искренность»: *неподдельный, форменный ужас*.

Анализ контекстуального употребления номинативных единиц ЭК «fear» позволил выявить такой его признак, как социальную зависимость, что не было отмечено лексикографическими источниками: *the fear of public scandal, the dread of looking foolish*. Данный семантический признак актуализируется в обоих языках, но приоритетным (в количественном отношении) является для английской лингвокультуры.

Следующим этапом нашего сопоставительного исследования явился анализ лексических средств вторичной номинации, обращение к которым объясняется тем фактом, что в их основе лежит какое-либо сравнение, определенное формальное или функциональное сходство между различными фрагментами действительности, в этом случае исследование и выявление ассоциаций, положенных в основу «переименования», позволяет раскрыть новые грани исследуемого концепта.

В основе концептуальной метафоры лежит некий обобщенный образ или представление (*generalization*), которые реализуются неким множеством языковых выражений (*linguistic expressions*).

Исследования концептуальных метафор (в количестве 200 выражений: 80 английских и 120 русских), объективирующих страх, позволило выявить некоторые постоянные модели, которые являются общими для сопоставляемых языков, представляя наиболее значимые для человека признаки страха. В целом ме-

тафорическое восприятие страха представителями английской и русской лингвокультур совпадает (9 из 14 выделенных моделей).

Особенно значимые характеристики страха проявляются в следующих моделях:

СТРАХ – БОЛЕЗНЬ: «Он заболел – в него вошел микроб страха. Он еще жил, дружил, а микроб в нем рос, он клубился от нетерпения его сожрать<...>. И однажды он стал больше его самого – это был огромный страх» (Вайнеры).

Для английского языка осмысление страха через образ болезни также характерно, только симптомы проявления страха-болезни не так вредны и неизлечимы как в русском: *a sickening fear, fever giving fright, to make smb. sick with dread*. Английским языковым сознанием переживание страха связывается с физическим недомоганием (тошнота).

СТРАХ – ЯД/ВРЕДНОЕ ВЕЩЕСТВО: *едкая атмосфера испуга, страх отравил все ее существо, poisonous fear*.

В рамках модели ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ СТРАХА нами выделен возможный вариант, где страх воплощается в образе атакующего, активного субъекта: «Он <страх> управляет им всегда, он подчинил его, как раба» (Вайнеры), «*The horror grasped her, tightened her chest...*» (Allende).

СТРАХ – ЯРКАЯ ВСПЫШКА СВЕТА (семантический признак «неожиданность»): «*В ее глазах вспыхнул страх, и она не успела его притушить*» (Маринина), «*...and I saw what might have been a spark of fear in his eyes*» (Williamson).

В обоих языках образ страха базируется на представлениях, связанных с ХОЛОДОМ, что объясняется физической реакцией на переживание страха: отток крови от конечностей, замедление движения потока крови, что приводит к эффекту похолодания, замерзания: *испуг окатил меня ледяным душем, the fear froze me*.

Наряду с «холодными» метафорами в русском языке встречаются и метафоры, в которых страх воспринимается как ЖАР/ОГОНЬ: *страх прожигает насквозь, запекся на лице нервными красными пятнами страх*.

Расхождения в метафорическом осмыслении концепта «страх» английским и русским обыденным сознанием проявляются в том, что русской наивной логике свойственно воспринимать страх как нечистую силу, перед которой он оказывается слабым существом: «*..., чтобы сбросить с себя, присосавшегося как вампир, злого демона страха*» (Вайнеры); в русском языке страх также уподобляется растению, что актуализирует распространение и закрепление страха, его власть над человеком: «*Но дет-*

ские страхи жили в ней, пустив ветвистые корни и прорастая с годами все глубже и глубже» (Маринина).

Спецификой восприятия ЭК «страх» носителями английской лингвокультуры можно считать наличие метафор, в основе которых лежит представление о том, что страх имеет ЗАПАХ (сильный и неприятный): *that stinking horror of an animal, that fear had an odor, stinking terror*.

На следующем этапе нашего исследования мы обратились к фразеологическому и паремиологическому фондам английского и русского языков с целью выявления дескриптивных единиц, объективирующих концепт «страх».

В результате анализа 140 фразеологических единиц (72 и 68 русских и соответственно английских) мы обнаружили, что концепт «страх» в обоих языках в основном фразеологизируется описательными выражениями – 106 (55 русских и 51 английских) единиц: *побелеть как полотно, pale as a ghost*; выражениями с использованием номинантов *страха/fear* – 34 (10 русских и 24 английских) единицы: *обмереть от страха, to frighten smb. to death*.

Факт количественного преобладания дескриптивных фразеологизмов позволяет отнести их к разряду единиц, описывающих исследуемый концепт, наряду с паремиями и вербализованными авербальными маркерами страха.

Из общего числа (140) отобранных фразеологических единиц нами обнаружено всего 2 пары полных лексических эквивалентов, где имеет место совпадение формальных и семантических признаков. Например: *бояться собственной тени ↔ to be afraid of one's own shadow; со страхом и трепетом ↔ in fear and trembling*. Совпадение по образности и лексическому составу второго примера, можно объяснить тем, что эти выражения (в обоих языках) имеют библейские корни.

Еще 10 из общего числа 140 анализируемых единиц частично эквивалентны, т.е. совпадают по значению, близки по образности, но различаются в лексическом составе или по грамматическому оформлению: *сердце падает/обрывается/екает ↔ to have one's heart in one's shoes (boots)*. По сравнению с русским, английский язык предлагает большее разнообразие выражений, описывающих функционирование сердца в момент переживания страха: резко перемещается вниз – *the heart failed me, the heart sank into the boots*; резко подпрыгивает вверх – *the heart leaped into the mouth/throat*; вообще перестает биться – *one's heart stood still*.

Большая же часть (110) исследуемых единиц при сопоставлении обнаруживает количественные несоответствия в своем со-

ставе, различается по образной основе и лингвоассоциативным связям: *закивать пятками, праздновать труса, to have butterflies in one's stomach*.

Наличие безэквивалентных фразеологических выражений обусловлено своеобразием культуры, а значит и культурного контекста их функционирования. Фразеологический образ как один из основных компонентов плана содержания является национально маркированным благодаря опоре на реалии, свойственные только данному народу. К примеру, в русском языке для передачи значения «бояться, трусить» используется шутовое выражение *труса праздновать*. Данное выражение представляет собой старую народную шутку и буквально значит «отмечать праздник святого Труса», святого по имени Трус в русской церкви никогда не было, и, естественно, не было и дня, т.е. праздника такого святого. Начиная с XVII века это выражение значит просто трусить (ФЭСБ 1998: 387 – 389).

Национальный характер английских фразеологических единиц проявляется благодаря включению в их состав топонимов: *to shoot Niagara* – означает проявление смелости и невиданной, достойной восхищения отваги. Дата появления этого выражения восходит к временам, когда смельчаки неоднократно пытались переплыть Ниагарский водопад, что само по себе является рискованным и крайне опасным предприятием (ФОАРС).

В основе метафорического переосмысления фразеологических единиц при переживании страха положены различные типы ассоциаций с животными:

- Качества, свойства, повадки (*мокрая курица, a chicken-hearted person, to have goose flesh*);
- Поведение (*поджать хвост, что волк на псарне, to cry wolf, to put the tail between the legs*);
- Действия человека, направленные на животное (*to say a boo to a goose*).

В обоих языках зооморфизмами описывается трусливое, несмелое поведение человека. В русском языке символом трусости считается заяц: *роблив как заяц; бегать как заяц*. В английском языке наблюдается большее разнообразие животных (соответственно и фразеологизмов), чье поведение, повадки служат основой метафорического переосмысления переживания ЭК «fear»: *frog* – отвращение, неудобство; *mouse, hare, deer* – трусость, робость, скорость; *chicken* (в рус. *мокрая курица*) – трусость.

Осмысление страха через цвет более свойственно английскому языку: *yellow-livered* – так номинируют трусливого человека; *to be in a complete blue funk (fear)* – этим выражением, имеющим

стилистическую пометку (*жарг.*), описывается паническое состояние, сильный испуг, жуткий страх, т.е. высшая степень страха.

Поскольку эмоция страха является отрицательной, оказывающей негативное влияние на физическое и психологическое состояние человека, провоцируя «предельную» работу организма, то в основном ее фразеологизация происходит посредством фразеологизмов со шкалируемой в отрицательном диапазоне оценкой. Фразы *шаркнуть по-цыгански, закивать пятками, поджать хвост, to cry wolf, to press the panic button* – описывают плохое, недостойное поведение человека в опасной ситуации. Поскольку трусость – это плохо, то проявление трусости вызывает осуждение окружающих, иногда даже иронию, что отражено во фразеологизмах-номинантах: *мокрая курица, a chicken-hearted person*. Фоновые знания, таким образом, стимулируют отрицательную квалификацию обозначаемого.

В случае фразеологизации страха через другой пограничный концепт «мужество, храбрость», который понимается, как «способность побороть, преодолеть свой страх и совершить задуманное», употребляются выражения с положительной оценкой, поскольку мужественное поведение, «приручение» страха одобряется и приветствуется: *собраться с духом, и глазом не моргнуть, to pluck up the courage, not to turn a hair*.

Количество фразеологизмов, в основе которых лежат физиологические симптомы проявления одноименной эмоции, приблизительно совпадает: 33 русскоязычных и 29 англоязычных выражений. Однако если в русском языке фразеологизмы достаточно равномерно охватывают в качестве образа формирования значения фразеологизмов органы человеческого тела (*волосы встали дыбом, язык за порогом оставить, не сметьдохнуть, сердце оборвалось, душа ушла в пятки, ноги подкосились*), то в английском языке четко прослеживается частотность обращения к определенным соматическим симптомам: тремор конечностей (в эту группу мы включили появление мурашек): *to shiver in one's boots, to get the shivers, to quake (shiver, tremble) like a leaf*; озноб, похолодание конечностей: *to get (have) cold feet, cold shudder shake the limbs*.

Актуализация «симптомоподобной» реакции на страх (ощущение человека о снижении температуры крови, что вызывает эффект ее застывания) имеет место в обоих языках, однако более значима для английского языка: 2 русскоязычных и 6 англоязычных выражений (включая возможные варианты): *кровь стынет/леденеет/застывает в жилах, smth. curdles/chills/freezes*

blood, chilled blood freezes with terror, smth. makes/turns smb's blood run cold.

Спецификой русского языкового сознания является обозначение реакции человека в ситуации переживания страха посредством имени типично русского концепта «душа»: *душа в пятки ушла/уходит*. Квазиорган душа является самым ценным достоянием человека, она крайне чувствительна к происходящему, поэтому в ситуации грозящей или воображаемой опасности она перемещается из нормального положения в самую дальнюю часть человеческого тела, она как бы находит временное убежище в пятках. В английском языке нами была обнаружена похожая фраза *all the spirits left the man*, но поскольку в английской лингвокультуре отсутствует аналогичный концепт, то вряд ли мы имеем право интерпретировать слово «spirits» как аналоговое русскому «душа».

В обоих языках имеются фразеологизмы, отсылающие к таким проявлениям страха, как побледнение, причем, и в том и в другом языке цвет лица сравнивается с цветом смерти: *бледен как смерть, pale/white as the death, pale as a ghost* и дополняется более нейтральными сравнениями: *белей белья стать*; трудности речепорождения: *язык за порогом оставить, без языка стать, to have a frog on one's mouth, fear runs away with the tongue, the voice stuck in throat.*

Специфичным для русской культуры является объективация страха через описание выражения глаз: *глаза на лоб полезли/лезут, глаза растаращить*. В ситуации сильного испуга могут возникнуть проблемы со зрением: *невзвидеть свету, небо с овчинку кажется*.

В английском языке отмечена тенденция к особенному акцентированию манипулятивной функции страха, о чем свидетельствует наличие выражений, описывающих намеренное «наведение» страха (11 выражений): *to give smb. the fantods, to put the frighteners on smb.*

Русскому языку более свойственно описание непосредственно переживания страха, его симптоматики и поведения в ситуации опасности, являющейся причиной возникновения эмоции (*лобелеть как полотно, язык к гортани прилип, ножки как лучинки хрустнули*).

Общеизвестно, что в поговорках наряду с общечеловеческим выражается и специфичное для данной лингвокультурной общности, то, что принято называть «душой народа», поэтому на следующем этапе нашего сопоставительного исследования мы обратились к паремиологическому аспекту концепта «страх».

В качестве критерия классификации паремий нами были выделены некие инвариантные значения (идеи), объединяющие некоторое множество пословичных единиц из английского и русского языков

В результате анализа 240 паремий (122 английских и 118 русских) нами обнаружены 13 паремических представлений о страхе, имеющих различные предметно-образные наполнения. Из них только 5 являются общими для обеих культур в том смысле, что в языках обнаруживаются пословицы на эту тему, но они не могут быть названы эквивалентами, поскольку обнаруживают сходство по идее, но расходятся по лексико-грамматическому оформлению. Общими для сопоставляемых лингвокультур являются следующие представления о страхе: «пережив однажды ситуацию страха, человек начинает бояться всего, даже самого незначительного» (*Пуганая ворона куста боится, Threatened folks live the longest: they take precautions*). Страх осмысливается через смерть: в русском сознании смерть является неизбежностью, которая рассматривается как переход на другой уровень существования, страх смерти это естественное чувство человека – *Жизь смерти боится*. Подобное восприятие смерти русским сознанием объясняется традиционно русским отношением к жизни: ко всему надо относиться по-доброму, даже к смерти, принимая ее. В англоязычных пословицах страх смерти признается самым интенсивным: *The fear of death is more to be dreaded, than the death itself, и осуждается: If you fear death, you are already dead.*

В представлении «страх управляет поступками людей» английское языковое сознание различает: а) положительное воздействие страха, подчеркивающее научающую (адаптивную) функцию страха: *A good scare is worth more to a man than good advice*; б) негативное воздействие на поступки человека: *Our fears do make us traitors*; в) *нейтральное воздействие страха: Those who came were not afraid: those who were afraid didn't come.*

В русском языке страх рассматривается в основном как нейтральный регулятор поступков людей: *На всяку беду страху не напасешься, Не стоить тратить свою жизнь на страх.*

Для английской лингвокультуры релевантным является «осуждение и негативное отношение к трусости»: *Cowards die many times before their deaths*, тогда как для русского человека «трусость иногда может быть оправдана»: *Бег не честен, да здоров*. Храбрость/мужество, в основе которых лежит страх, поощряется в обеих, а в русской даже вознаграждается: *Храброго удача догоняет.*

Русская культура иронично относится к проявлению запоздавшей и неуместной храбрости: *Храбр после рати, как залез на полати*, осуждает обманчивую внешнюю храбрость: *Сердце соколье, а смелость воронья, Молодец среди овец, а против молодца и сам овца*.

Английской культуре свойственно воспринимать страх как интенсивную эмоцию, с которой трудно бороться: *It is foolish to fear what cannot be avoided*, не исключаящую, однако, надежду на избавление: *There is no fear without hope*. Русская культура, напротив, поощряет и призывает к активному противостоянию страху с помощью действий: *Глаза страшатся, а руки делают, Дело мастера боится*.

Персонификация страха: *Fear has many eyes, Fear is the farther of cruelty*, надделение его деятельными признаками, физическими характеристиками представляют собой специфику представления эмоционального концепта «fear» в английской паремиологии.

Анализ синтаксических структур паремий показал, что по сравнению с английским языком, русский язык, отражая ЭК «страх», категоричней выражает предписание, назидание по поводу того, что надо делать в опасной ситуации или как преодолевать страх, что достигается с помощью императивных конструкций. В английском языке пословицы, объективирующие ЭК «fear», констатируют факт или событие, говорят о его закономерности и обобщенности (предложения в настоящем времени). Сравнительные конструкции предлагают определенный выбор: «если делать так, то получится вот что, а там вам решать», или «если бы было возможно, то случилось бы так»: *Nobody would be afraid if he could help it* (Никто бы не боялся, если б мог). В переносном смысле эта пословица означает, что невозможно привыкнуть к страху, избавиться от него, каждый испытывает эту эмоцию в той или иной ситуации.

Поскольку в основе исследуемого концепта находится универсальное понятие эмоции, имеющее мимическое, жестовое, фонационально-просодическое воплощение, то исследование специфики языковой репрезентации невербальных маркеров страха является вкладом в сопоставительное исследование концепта в английской и русской лингвокультурах.

Невербальные компоненты проявления страха (мимика, жесты, просодика) обладают этнокультурной универсальностью, поскольку связаны с физиологической и физической стороной исследуемого феномена.

Невербальные индикаторы эмоции имеют двойственную природу плана выражения: с одной стороны, они существуют как

непосредственно воспринимаемые проявления страха, а с другой, – как их вербальное представление.

Базой для исследования данного аспекта проблемы, послужили 594 примера (347 и 247 русских и английских соответственно) из англо- и русскоязычной художественной литературы.

При описании ситуации переживания страха описывается или внутреннее состояние персонажа (200 примеров): *... всегда пугливо замирала в себе, боясь, что у невестки что-нибудь природно лопнет и обнажится (Астафьев), ... there was something unfamiliar in her, some new freezing feeling, that was hard to control (King);* или внешние невербальные проявления страха (мимика, жесты, внешние психосоматические симптомы): *«Он весь посинел от страха, ноги его не слушались, казалось, он сейчас упадет» (Леонов); «Cold sweat was running down his neck at the thought he might be revealed and punished» (Nolan).*

Авторы художественных произведений, отражая обыденное представление о возможностях невербальной индикации страха, пользуются определенными стереотипами представления и описания невербальных маркеров страха: стилистическими приемами (метафора: *страх прожигает насквозь*, эпитеты: *липкий, тошкливый ужас, молочно-голубой от страха*, сравнение: *pale as the death, to run like a hare*, эллиптические конструкции, повторы: *Я так перепугалась, перепугалась насмерть. Мы пережили такой ужас – и ворошить все это снова... И потом, находиться под подозрением, а то и сесть в тюрьму... Я себя не помнила от страха (Кристи);* единицами лексико-фразеологического поля исследуемого концепта (*сердце обрывается, кровь стынет в жилах, to have a frog in one's throat, to shake in one's shoes*), лексемами, в содержании которых реализованы семы «дрожать» (*дрожать, трястись, содрогаться, лихорадка, to shake, to shiver, to tremble*), «отсутствие цвета» (*бледный, побледнеть, побелеть, pale, white, to pale*), «увеличение размера глаз» (*выпучить, вытаращить, растаращить, wide, open*) и т.д.

Общими для сопоставляемых лингвокультур, а также одинаково частотными, с точки зрения реализации в художественной литературе, оказываются следующие семантические признаки ЭК «страх»/«fear»: «дрожание», «испарина», «изменение цвета лица», в основе которых находятся одноименные физиологические симптомы (160 примеров: 83 русских и 77 английских). Физиологический симптом «сердцебиение» реализуется в разных семантических признаках концепта: в русском языке «замедленная работа сердца», а в английском – «учащенное сердцебиение»: *My heart had started pounding so hard that I was sure everybody could hear it (Nolan),* *Остались я и медведь. Затвердело и как бы контурно означилось в гру-*

ди мое сердце, реже и напряженной сделались его удары, пальцы прилепились к скобкам ружья (Астафьев).

Фонационно-просодические особенности проявления эмоции страха также активно отражаются в обоих языках (118 примеров: 70 русских и 48 английских) и являются основой соответствующих семантических признаков ЭК «страх» в сопоставляемых лингвокультурах: «невозможность речепорождения», «изменение звучания голоса», «заикание»: *«Он боялся говорить, голос не подчинялся ему, и из горла вполне мог вырваться крик, или наоборот, шепот (Шоу), Her eyes were wide and dazed, and she kept trying to speak. Her mouth was working, but nothing came out (King).*

Среди мимических проявлений эмоции страха наиболее часто в англо- и русскоязычной художественной литературе актуализируется «язык глаз», маркер, который составляет основу семантического признака «увеличение размера глаз» (108 примеров: 65 русских и 43 английских): *Она выпучила глаза, онемев от страха (Грин), ...and I saw what might've been a spark of fear in his eyes (Hardy).*

В рамках художественной коммуникации реализуется семантический признак «замирание», в основе которого находится поведенческий паттерн человека в ситуации переживания опасности (71 пример: 40 русских и 31 английском): *Я как лежал на газетах, так и лежал, не в силах ни шевельнуться, ни вскрикнуть, подбирая под себя ноги (Астафьев), ... and then his fingers stiffened, grew clumsy with fear (Nolan).*

Второй поведенческий паттерн (избыточная и произвольная активность нервной системы) реализуется в виде семантического признака «активное действие», который актуализируется в художественной литературе обоих языков значительно реже (17 примеров: 10 русских и 7 английских), по сравнению с описанием реакции замирания: *В усах его, как птичка в ветвях, сидела алмазная слеза. Полыхаев удивительно быстро моргал глазами и так энергично потирал руки, будто бы хотел трением добыть огонь... Он бежал за Остапом, позорно улыбаясь и выгибая стан (Ильф, Петров), He shrank against the pillow, smothering with panic, then he threw himself forward (Allende).*

Основные результаты нашего исследования сводятся к следующим положениям:

В силу того, что в основе исследуемого концепта находится универсальное понятие эмоции страха, языковые средства репрезентации невербальных маркеров переживания и проявления страха, оценочные и образные компоненты, выделяемые в составе значения лексических и фразеологических единиц, объективирующих данный концепт, в целом совпадают в английском и русском языках. Семантические признаки «эмоциональное чувство/состояние», «реакция на опасность», «отрицательное / нега-

тивное» являются родовыми и облигаторно реализуются в значении единиц, его объективирующих.

Семантические признаки «продолжительность», «интенсивность», «манипуляция/воздействие на человека» являются дифференциальными в сопоставляемых языках и лежат в основе градации лексических средств номинирования концепта.

Английские и русские номинанты страха, образующие синонимические ряды, актуализируют различные признаки концепта «страх», что затрудняет их взаимопереводимость. При употреблении одного из номинантов русского концепта «страх» языковым сознанием, как правило, актуализируется один семантический признак, который становится доминантным в определенном контексте. При употреблении каждого номинанта английского концепта «fear» помимо инвариантных семантических признаков, дополнительно актуализируется один семантический признак, который и получает отдельное имя. Объем синонимических рядов англоязычных и русскоязычных номинантов концепта не совпадают (11 номинантов в английском и 7 в русском языках).

При осмыслении результатов проведенного сопоставительного исследования языковых средств, объективирующих данный концепт в английском и русском языках, можно сделать заключение, что для русского человека переживание страха представляет собой глубокое, мучительное чувство, затрагивающее душу, а для англичанина переживание страха сопряжено с внешними физическими неудобствами. В английском языке отмечена тенденция к особому акцентированию манипулятивной функции страха, о чем свидетельствует преобладание деривационных прилагательных и наречий, фразеологизмов, описывающих намеренное наведение страха. Русскому языку более свойственно описание непосредственного переживания страха, его симптоматики.

Литература

Вильмс Л.Е. Лингвокультурологическая специфика понятия «любовь» (на материале немецкого и русского языков): Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Волгоград, 1997. 24 с.

Димитрова Е.В. Трансляция эмотивных смыслов русского концепта «тоска» во французскую культуру: Дис. ...канд. филол. наук. Волгоград, 2001.

Дорофеева Н.В. Удивление как эмоциональный концепт (на материале русского и английского языков): Дис. ...канд. филол. наук. Краснодар, 2002. 214 с.

Зайкина С.В. Эмоциональный концепт «страх» в английской и русской лингвокультурах (сопоставительный аспект): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 24 с.

Зайкина С.В. Лингвокультурология страха и его вербализация (постановка проблемы) // Языковая личность: проблемы межкультурного общения: Тез. докл. науч. конф. Волгоград, 3 – 4 февр. 2000 г. Волгоград: Перемена, 2000. С. 27 – 28.

Зайкина С.В. Понятие страха в сопоставительной перспективе // Лингвистические парадигмы: традиции и новации: Материалы междунар. симпозиума молодых ученых «Лингвистическая панорама рубежа веков». Волгоград, 23 – 25 мая 2000г. Волгоград: Перемена, 2000. С. 85 – 89.

Зайкина С.В. Семантизация понятий *страха/тревоги* и *fear/anxiety* в сопоставительном аспекте // Аксиологическая лингвистика: проблемы изучения культурных концептов и этносознания: Сб. науч. тр. Волгоград: «Колледж», 2002. – С. 49 – 54.

Зайкина С.В. Страх как средство манипулирования людьми // Единицы языка и их функционирование: Межвуз. сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во «Научная книга», 2003. – Вып. 9. – С. 239 – 242.

Зайкина С.В. Семантическая структура понятий «страх/fear»: лексикографический аспект // Современная лексикография и терминология: достижения, проблемы, перспективы. Сб. науч. тр. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2003. С. 49 – 55.

Зайкина С.В. Синтаксическая прагматика английских и русских пословиц и поговорок, объективирующих страх // Проблемы современной лингвистики. Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2003. Вып. 2. С. 22 – 27.

Зайкина С.В. Дескрипция невербальных индикаторов страха в художественной коммуникации // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: Материалы междунар. симпозиума. Волгоград, 22 – 24 мая 2003 г.: В 2-х ч. Ч.2. Тезисы. Волгоград: Перемена, 2003. С. 238-240.

Зайкина С.В. Эмоциональный концепт «страх» в английской и русской лингвокультурах (сопоставительный аспект): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 24 с.

Изард К. Психология эмоций. СПб.: Питер, 2000. 450 с.

Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Монография. Волгоград: Перемена, 2001. 462 с.

Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Изд-во МГУ, 1997. 245 с.

Кьеркегор С. Страх и трепет. М.: Терра – Республика, 1992. 489 с.

Литвак М.Е. Психологическая диета. Ростов-на-Дону: Психологическое айкидо, 1993. 60 с.

Панченко Н.Н. Средства объективации концепта «обман» (на материале английского и русского языков): Дис. ...канд. филол. наук. Волгоград, 1999. 171 с.

Покровская Я. А. Отражение в языке агрессивных состояний человека на материале англо- и русскоязычной художественной прозы: Дис. ...канд. филол. наук. Волгоград, 1998. 178 с.

Шаховский В.И. Эмотивный компонент значения и методы его описания (Учебное пособие). Волгоград, 1983. 89 с.

Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка (на материале английского языка): Дис. ...д-ра филол. наук. М., 1988. 402 с.

Шаховский В.И. Эмоции и их концептуализация в различных лингвокультурных контекстах // Русистика. Киев, 2001. Вып. 1. С. 13–19.

Е.В. Димитрова (Волгоград)
ТОСКА

Целью данной работы является контрастивное описание и анализ лингвистических средств, используемых в русской и французской лингвокультурах для репрезентации смыслов русского концепта “тоска”.

Термины *концепт* и *смысл* являются метаязыковыми полисемантами и требуют определённых оговорок при их употреблении в контексте. Для нашего исследования концепт – это структурная единица языкового сознания, оперативная единица ментального лексикона, несущая универсальное и / или национально-специфическое содержание, актуальное для той или иной лингвокультуры; смысл понимается в работе в двух планах: как речевой смысл и как структуры, формирующие когнитивную базу. Смысловые структуры сознания, отражаясь в речевых смыслах, несут информацию о действительности, формируют собой концептуальную систему носителей языка и таким образом участвуют в языковой концептуализации мира.

Культурный концепт обладает структурой лишь условно: концепт калейдоскопичен, и его вербализация в очень малой степени предсказуема. Овнешняется концепт благодаря функционированию ментального лексикона, преломляясь в различных единицах промежуточного языка – структурах представления знания.

Межкультурный контакт предполагает обязательную передачу концептуального содержания языковыми средствами принимающей лингвокультуры. Такой процесс, называемый нами интеркультурной трансляцией концептуального содержания, в зависимости от условий коммуникации может обретать разные формы и носить прямой и опосредованный характер (например, в ситуации перевода). В зависимости от большей или меньшей степени сходства культурных и языковых кодов контактирующих лингвокультур, может быть установлен тип эквивалентности на семантическом уровне для языковых единиц, с помощью которых в языке принимающей лингвокультуры вербализуется транслируемое концептуальное содержание. Репрезентанты инокультурного концепта – это либо частичные, либо абсолютные (пол-

ные) эквиваленты заданного концептуального содержания, либо его нулевые эквиваленты – отсутствие лексем, сигнализирующее об отсутствии заданного концепта в конкретной концептуальной системе, чуждости концепта для лингвокультуры.

Понимание эквивалентов инокультурного концепта в принимающей лингвокультуре осуществляется в соответствии с общими законами смыслового восприятия: реципиент трансформирует воспринятую информацию из вербального кода в когнитивные структуры, которые затем соотносятся с когнитивной базой индивида и, в зависимости от актуальности и значимости данного содержания для деятельности носителя языка, или фиксируется в языковом сознании, или постепенно утрачиваются. В подавляющем большинстве случаев эквиваленты инокультурного концепта не осознаются как таковые носителями языка принимающей лингвокультуры. Инокультурность ощущается только при реализации такой стратегии интеркультурной трансляции концептуального содержания, при которой в полном объёме транслируется содержание культурных коннотаций, ставится цель максимально полного отражения национальной специфики, а значит, делается особый акцент на эквивалентности и адекватности. Объясняется такое положение вещей следующими факторами, влияющими на понимание эквивалентов инокультурного концепта в принимающей лингвокультуре:

1) реципиент транслируемого сообщения исходит при его понимании из своей собственной концептуальной системы;

2) проблему передачи специфики национального менталитета в инокультурной для данного менталитета среде решает транслятор культурных кодов;

3) возможность полного / неполного, адекватного / неадекватного понимания реципиентом эквивалентов инокультурного концепта зависит от структурной организации концептуальных систем контактирующих ментально-лингвальных комплексов.

Русский концепт “тоска” имеет глубокие корни в русской лингвокультуре. Смыслы, входящие в его содержание, фиксируются уже в древнерусском языке – в тексте “Слова о полку Игореве”. Относительно внутренней формы данного концепта можно утверждать, что в её основе лежит признак ‘стеснение, давление, натиск’. Концепт “тоска” не прерывает своего существования в концептосфере русского языка и в современном русском языке овнешняется в большом количестве своих вербальных репрезентантов. В результате анализа словарных дефиниций лексемы *тоска* нами установлено, что эта лексема обладает сложной семантикой, поддающейся логике культурного сценария, но трудно

поддающейся делению на отдельные значения, поскольку концепт “тоска” является эмоциональным концептом, что сказывается не только в трудности разграничения его смыслов, но также в специфичности соотношения смыслов данного концепта. Концепт “тоска” – это сгусток эмотивных смыслов. При актуализации одного или нескольких из них в ситуации коммуникации, все остальные смыслы данного концепта активизируются на уровне языкового сознания.

Концепт “тоска” в силу национальной специфики своего содержания обладает большим количеством культурных коннотаций. Анализ выявленных коннотаций свидетельствует о значимости данного концепта для русской лингвокультуры, а также позволяет нам дать описание концептуализации чувства тоски русским языковым сознанием. Среди наиболее ярких коннотаций – вещные коннотации ‘глаза’, ‘лицо’, коннотации ‘голос, звук, речь’, ‘вздохи’, ‘слёзы’, ‘сердце’, ‘душа’ и т.д. В своей сумме культурные коннотации, стоящие за концептом “тоска” и его вербальными репрезентантами, составляют важную часть культурного кода русской лингвокультуры.

В содержании концепта “тоска” нами выявлены следующие смыслы: ‘томление’, ‘грусть’, ‘печаль’, ‘скука’, ‘уныние’, ‘хандра’, ‘тревога’, ‘тоска по Родине’, ‘сожаление об утраченном’, ‘стремление к чему-либо, пока не происходящему’, ‘тоска по любимым, близким людям’. Эти смыслы, эмотивные по природе, могут транслироваться во французскую лингвокультуру: каждому из них можно найти вербальную оболочку во французском языке. Слова же, способного объединить в своей семантике всё содержание русского концепта “тоска”, нами во французском языке не обнаружено. Именно поэтому эквивалентность французских концептов по отношению к концепту “тоска” мы квалифицируем как частичную, и фиксируем концептуальную асимметрию, характеризующую русскую и французскую лингвокультуры. Концепт “тоска” и его французские эквиваленты – “angoisse”, “tristesse”, “chagrin”, “ennui”, “détresse”, “cafard”, “anxiété”, “inquiétude”, “abattement”, “tourment”, “nostalgie”, “désir”, “regret”, “trouble”, “spleen”, “désespoir”, “langueur” и др. – обладают различным смысловым потенциалом. Смысловой потенциал концепта “тоска” покрывается только сочетанием смысловых потенциалов его французских эквивалентов.

Французские эквиваленты концепта “тоска” также обладают культурными коннотациями. Во многом эти культурные коннотации совпадают с коннотациями изучаемого нами русского концепта. Так, для французских эквивалентов концепта “тоска” также

характерны коннотации 'глаза', 'лицо', 'голос, звук, речь', 'вздохи', 'слёзы' и др. Но при этом есть и расхождения: французское языковое сознание допускает, например, что можно делать вид, что испытываешь чувство, близкое к тоске. Различны представления в русской и французской лингвокультурах о поведенческих реакциях, связанных с данными чувствами. Например, испытывая *angoisse* или *inquiétude*, француз может дрожать, чувствовать озноб, потеть, тогда как для русской тоски это не характерно. Для русского языкового сознания чувство тоски связано с душой, сердцем, грудью, для французского – не только с душой, сердцем и грудью, но также головой (*tête*) и горлом (*gorge*) и т.д. Возможности передачи тех или иных эмотивных смыслов русского концепта "тоска" не ограничиваются при этом несовпадением концептуальных систем двух языков, их асимметрией. Эта асимметрия сказывается на понимании этих смыслов носителями французского языка: в рамках французской лингвокультуры французские эквиваленты русского концепта "тоска" реализуют не только культурные коннотации, бытующие в русской лингвокультуре, но и чуждые ей.

При трансляции во французскую лингвокультуру эмотивные смыслы русского концепта "тоска" подвергаются содержательным трансформациям. До франкоговорящего реципиента доходит лишь часть того целого, которым являются связанные между собой эмотивные смыслы данного концепта в русской лингвокультуре. Сопоставим строки стихотворения А.А. Ахматовой с их переводом на французский язык:

"Всё расхищено, предано, продано,
Чёрной смерти мелькало крыло,
Всё голодной тоскою изглодано,
Отчего же нам стало светло?"

"Tout est pillé, vendu, trahi,
La mort étend sur nous son aile –
La faim, le désespoir, la nuit.
Alors, pourquoi fait-il si clair ?"
(Пер. Г. Ларьяк)

В тексте оригинала *тоска* – это не просто отчаяние, отсутствие надежды, огорчение, как во французском тексте. Это и печаль, и томление, сожаление об утраченном. В виду несовпадения концептуальных систем двух контактирующих языков нарушаются внутренние связи между отдельными смыслами концепта "тоска". Результат этого – эмотивная лакунарность французских эквивалентов русского концепта "тоска", которая либо заполняется, либо компенсируется. При этом теряется и национальная специфика содержания русского концепта: француз воспринимает транслированные из русской лингвокультуры смыслы не как инокультурные и непонятные, для него они представлены в при-

вычной для него вербальной упаковке.

На основании результатов анализа лингвистических средств, используемых в русской и французской лингвокультурах для репрезентации эмотивных смыслов русского концепта “тоска”, можно сделать следующие выводы:

В концептосфере французского языка отсутствует абсолютный эквивалент русского концепта “тоска”, поэтому мы говорим о частичных французских эквивалентах русского концепта “тоска” и фиксируем концептуальную асимметрию образов мира французской и русской лингвокультур.

В ряду французских эквивалентов русского концепта “тоска” – “angoisse”, “tristesse”, “chagrin”, “ennui”, “nostalgie”, “anxiété”, “cafard”, “détresse” и др. – каждый покрывает собой определённую часть эмотивных смыслов русского концепта “тоска”. Однако, только в своей совокупности они способны транслировать во французскую лингвокультуру смыслы национально-специфичного концепта “тоска”, чего в реальном межкультурном диалоге не происходит. Чаще всего передаётся лишь доминирующий эмотивный смысл высказывания, активизация других смыслов концепта “тоска” на уровне сознания, присутствующая в русской лингвокультуре, при трансляции во французскую лингвокультуру теряется, вследствие чего мы констатируем в подавляющем большинстве проанализированных нами транслированных текстов эмотивную и культурную лакунарность французских эквивалентов русского концепта “тоска”.

Наличие концептуальной асимметрии в отношениях русской и французской лингвокультур определяет неполное совпадение культурных коннотаций русского концепта “тоска” и его французских эквивалентов. Так, например, для французского языкового сознания *angoisse* связывается с физиологическими проявлениями – тахикардией, затруднением дыхания, потоотделением, тогда как для смыслов русского концепта “тоска” такие ассоциативные связи не характерны.

Содержательные потери, допускаемые трансляторами в отношении эмотивных смыслов русского концепта “тоска”, носят особый характер: теряется информация об эмоциональной сфере, а не фактуальная информация. Это означает, что если для коммуникантов не важен акцент на “русскости” данного концепта, то на прагматическом аспекте коммуникации эмотивная лакунарность французских эквивалентов концепта “тоска” никак не скажется. Таким образом, содержание национально-специфичного концепта “тоска” может быть транслировано во французскую лингвокультуру либо с потерей национальной специфики, либо

через заполнение лакунарности в виде опоры на большое количество французских эквивалентов.

Литература

Димитрова Е.В. Триада “понятие – концепт – значение” и промежуточный язык // IV межвуз. конф. студентов и молодых учёных Волгоградской области: Тез. докл. науч. конф. (ВГПУ). Волгоград, 8-11 дек. 1998 г. Волгоград: Перемена, 1999. С. 138-139.

Димитрова Е.В. К вопросу о структурной организации концепта // Актуальные проблемы лингвистики в вузе и в школе: Материалы 3 Всерос. Школы молодых лингвистов (Пенза, 23-27 марта 1999 г.). М.; Пенза: Ин-т языкознания РАН; ПГПУ им. В.Г. Белинского; Пенз. ин-т повышения квалификации и переподготовки работников образования, 1999. С. 39-40.

Димитрова Е.В. Русский культурный концепт “тоска” и его французские эквиваленты // Языковая личность: проблемы межкультурного общения: Тез. науч. конф., посвящ. 50-летию фак-та иностр. яз. Волгоград, 3-4 февр. 2000г. / ВГПУ. Волгоград: Перемена, 2000. С. 18-19.

Димитрова Е.В. Понимание транслем инокультурного концепта (на примере французских транслем русского концепта “тоска”) // Материалы науч.-практ. конф. “Философия в жизни волжан” / МЭИ (ТУ) ВФ, 2000. С. 82-83.

Димитрова Е.В. Интеркультурная трансляция культурных кодов (на материале французских транслем русского концепта “тоска”) // Язык образования и образование языка: Материалы междунар. науч. конф. (Великий Новгород, 11-13 июня 2000 г.). Великий Новгород: Изд-во НовГУ, 2000. С. 94-95.

Димитрова Е.В. Интеркультурная трансляция концептуального содержания // Основное высшее и дополнительное образование: проблемы дидактики и лингвистики: Сб. науч. трудов / Под ред. А.М. Митиной / ВГТУ. Волгоград, 2000. Вып. 1. С. 88-92.

Димитрова Е.В. Трансляция культурно-маркированных эмотивных смыслов в инокультурный текст // Лингвистические парадигмы: традиции и новации: Материалы междунар. симпозиума молодых учёных “Лингвистическая панорама рубежа веков”. Волгоград, 23-25 мая 2000 г. Волгоград: Перемена, 2000. С. 65-68.

Димитрова Е.В. Трансляция эмотивных смыслов русского концепта «тоска» во французскую лингвокультуру: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001. 16 с.

Н.В. Дорофеева (Краснодар) УДИВЛЕНИЕ

Представляя собой одну из фундаментальных эмоций, удивление выступает в качестве родовой характеристики homo sapiens, поскольку оно предваряет человеческое познание и стимулирует его развитие. Являясь неотъемлемым компонентом духовной культуры, эмоция удивления, при всей своей универсаль-

ности, проявляет в разных языках определенную специфику вербализации, обусловленную присущей говорящим субъективностью интерпретации окружающей действительности, что представляет несомненный интерес для лингвистики.

Цель данной работы состоит в выявлении, классификации, сопоставительном описании лексико-фразеологических средств объективации концепта «удивление» в русском и английском языках.

В современной концептологии выделяются два основных понимания концепта. Представители первого направления (Е. С. Кубрякова, Н. А. Болдырев, И. А. Стернин, А. П. Бабушкин, и др.) интерпретируют концепт как единицу оперативного сознания (Кубрякова 1988), выступающую как целостное, нерасчлененное отражение факта действительности. Образуюсь в процессе мысленного конструирования (концептуализации) предметов и явлений окружающего мира, концепты отражают содержание полученных знаний, опыта, результатов всей деятельности человека и результаты познания им окружающего мира в виде определенных единиц, «квантов» знания (Болдырев 2000). Представители второго, культурологического, направления (А. Вежбицкая, Н. Д. Арутюнова, Д. С. Лихачев, Ю. С. Степанов, Л. О. Чернейко, С. Х. Ляпин, В. И. Карасик, В. И. Шаховский, С. Г. Воркачев и др.) рассматривают концепт как ментальное образование, отмеченное в той или иной степени этносемантической спецификой. Обобщение их точек зрения и толкований концепта в эмотиологии позволяет представить ЭК как ментальную единицу высокой степени абстракции, выполняющую функцию метаспсихической регуляции и отражающую в ЯС многовековой опыт интроспекции этноса в виде общеуниверсальных и культурноспецифических представлений об эмоциональных переживаниях.

Концепты эмоций имеют различный характер вербализации: они могут называться, описываться и выражаться посредством языковых знаков.

Этноспецифичность удивления как всякого ЭК вызывает необходимость сопоставления особенностей его реализации в разных ЯС, в данном случае – русском и английском.

Рассмотрение удивления в качестве оператора адмиративной оценки (Воркачев 1992), объективирующейся с помощью разноуровневых языковых средств (адмиративов), позволяет представить отражение удивления в ЯС в виде полевой структуры.

Концепт удивления является семантической основой для денотативного, метафорического и кинесического полей, внутренняя организация которых определяется семантическими отноше-

ниями удивления с другими понятиями и создаёт базу для развития интерпретационного поля.

С точки зрения методологии, исследование концептов целесообразно начинать с областей их бытования, представляющих собой типы сознания, в которых эти концепты объективируются (Воркачев 2002). Для удивления таковыми являются обыденное/языковое сознание и сознание специальное – научное и религиозное. Имена концептов принадлежат языку философии, в котором они наполняются конкретным семантическим содержанием, благодаря функционированию в рамках определенной теории. В отличие от собственно языковых, философские и научные представления, систематизированные в рамках различных концепций, являются универсальными, более точными и детальными, что вызывает необходимость их экспликации с целью наиболее полного постижения природы и сущности ЭК.

В результате исследования реализации удивления в философских и психологических текстах (работы Платона, Аристотеля, Ф. Бэкона, Н. Кузанского, Р. Декарта, Т. Гоббса, Э. Б. Кондильяка, И. Канта, В. Г. Гегеля, А. Шопенгауэра, М. Хайдеггера, Э. Шредингера, П. Флоренского, М. М. Мамардашвили, С. Л. Катречко, П. Я. Якобсона, И. А. Васильева, К. Изарда, А. Н. Лука, В. С. Таранова и др.), был создан обобщенный семантический прототип данной эмоции, в котором нашли отражение её следующие признаки: а) основополагающая роль в процессе познания; б) наличие различных степеней интенсивности; в) неопределенность и кратковременность; г) склонность человека к положительной оценке удивления при его общем нейтральном характере; д) участие в процессе адаптации нервной системы к новой ситуации; е) возможность использоваться в качестве средства манипулятивного воздействия.

Изучение удивления в религиозном сознании позволяет выявить характер его связи с ключевым концептом – верой в Бога, а также специфику отношения религиозного субъекта к данной эмоции, просматриваемого через призму наблюдения Божьих заповедей.

В результате анализа концепта в религиозном дискурсе (тексты Нового Завета, творений Святых Отцов, молитв, псалмов и т. п.) было установлено, что в отражаемом им типе сознания различаются:

- а) удивление-благоговение, являющееся источником веры и Богопознания;
- б) удивление-сомнение, выступающее признаком греховного неверия;

в) удивление-возмущение, вызывающее осуждение в связи с отсутствием смирения;

г) удивление-обольщение, способно привести человека к роковому заблуждению и вечной гибели.

Система средств реализации удивления в языковом сознании может быть представлена в виде концептуальных полей – денотативного, метафорического, кинесического и интерпретационного.

Денотативное поле является обширным семантическим образованием с нечетким, диффузным ядром, представленным в русском и английском языках соответственно частеречными и словообразовательными вариантами членов синонимических рядов *удивление* :: *изумление* и *surprise* :: *wonder* :: *amazement* :: *astonishment*.

Дефиниционный анализ показывает, что номинанты *удивление* и *изумление* являются одинаковыми по содержанию, т.е. по природе каузаторов, но различными по степени интенсивности: русским ЯС *удивление* семантизируется как эмоциональное состояние, вызываемое странностью/необычностью, непонятностью и неожиданностью, а *изумление* представляется как крайняя или высокая степень удивления. Английские ядерные элементы *surprise*, *wonder*, *amazement*, *astonishment* отличаются по степени интенсивности, по природе каузаторов и выражаемой оценке. *Surprise* семантизируется как наименее интенсивное эмоциональное переживание, вызываемое преимущественно неожиданностью, а *wonder* – как эмоция, причиной которой, помимо неожиданности, являются непонятность, странность и значительная степень проявления положительных качеств объекта. Эти же каузаторы приписываются и состояниям *amazement*, *astonishment*, превышающим *surprise* и *wonder* по интенсивности и различающимся по характеру сопутствующих чувств и изменений во внутреннем мире адмирата (субъекта удивления). В случае *amazement* он испытывает замешательство, недоумение и растерянность, а переживание самого интенсивного из всего ряда состояния *astonishment* сопровождается, как правило, кратковременным прекращением работы сознания и характерными двигательными реакциями.

Сопоставление семантического содержания ядерных адмиративов на материале словарных дефиниций позволяет выявить частичную эквивалентность английских существительных *surprise* / *wonder* / *amazement* / *astonishment* по отношению к русским лексемам *удивление/изумление*, отличающимся по смысловому объ-

ему: степени интенсивности, спектру каузаторов, выражаемой оценке и сопутствующим чувствам.

Частичная эквивалентность русских лексем *удивление* / *изумление* по отношению к английским *surprise* / *wonder* / *amazement* / *astonishment* проявляется не только на уровне словарных толкований, но и на уровне текста, о чем свидетельствует проведенный сопоставительный анализ эквивалентов русских номинантов удивления на материале параллельных переводов на русский и английский языки текстов Нового завета. В результате было установлено, что наиболее частотными переводческими вариантами явились соответствия *удивление* – *wonder*, *удивление* – *amazement*, *изумление* – *amazement* и *изумление* – *astonishment*. Обращает на себя внимание и тот факт, что английским номинантам *amazement* и *wonder* соответствует русская лексема *ужас*, что, по-видимому, свидетельствует о наличии более тесных семантических связей концептов удивления и страха в русской лингвокультуре по сравнению с английской, что выражается в склонности русского адмирата к негативному восприятию удивления высокой степени интенсивности.

В процессе исследования синтагматических связей номинантов удивления были обнаружены дополнительные содержательные аспекты данного концепта, позволяющие более детально представить его внутреннюю смысловую структуру и специфику языковой реализации.

Так, общими для исследуемых языков явились способность ядерных адмиративов раскрывать в неметафорических контекстах дополнительные параметры удивления – причину, характер возникновения, длительность, интенсивность, сочетание с другими чувствами, вербальное/невербальное выражение, физиологические реакции, нормы внешней манифестации, а также свойство подвергаться семантическим модификациям.

Лексический ярус периферии денотативных полей удивления русского и английского языков делится на сектора, образованные единицами, реализующими следующие значения: 1) других эмоций – *недоумение*, *неверие*, *смущение*, *интересный*, *встревожиться*, *возмущение*, *ужас*, *восхищение*, *perplexity*, *incredulity*, *bewilderment*, *to alarm*, *indignation*, *horror*, *admiration* и т. п.; 2) каузаторов удивления – *странный*, *необычный*, *непонятный*, *необъяснимый*, *неожиданный*, *внезапный*, *strange*, *unusual*, *incomprehensible*, *inexplicable*, *unexpected*, *sudden* и пр.

Фразеологический ярус рассматриваемых секторов денотативного поля формируется в обоих языках с помощью устойчивых словосочетаний и предложений, либо образованных от номинан-

тов других эмоций и каузаторов, либо выражающих их значения – *К моему/нашему недоумению, Интересно(!), Тихий Ужас!, Неве- роятно Странное дело(!), Парадокс, Представляете!, Поду- мать только!, Нежданно-негаданно, Кто бы мог поду- мать/предположить/предсказать/предвидеть, To my/our bewil- derment, Interestingly enough, Horrors!, Impossible!, Strange- ly/oddly/Paradoxically enough, (Just) Imagine/Fancy!, (Just/only) Think!, All of a sudden, Who would/could have thought it?* и т. п.

Сопоставление секторов адмиративов, реализующих значения других эмоций, указывает на наличие более тесной связи удивления и страха в русском языке, а удивления и восхищения – в английском.

Сопоставительный анализ содержания секторов странности, непонятности и неожиданности позволяет выявить общеуниверсальные и культуроспецифические понятийные характеристики удивления в аспекте его отношения к каузаторам.

Так, в обеих лингвокультурах данная эмоция связана со следующими понятиями:

а) различными видами странности, варьируемой по характеру и степени несоответствия нормативным представлениям о мире и поведении людей;

б) непонятностью, выражающейся в когнитивном диссонансе и неспособности адмирата к осмыслению и вербализации адмиранта (объекта удивления);

в) неожиданностью, воспринимаемой адмиратом как нарушение естественного хода вещей и стремительное изменение динамики событий.

Специфичными для английского языка следует считать положительную оценку странности-старомодности, отрицательную оценку странности, вызывающей у субъекта страх, выделение странности как ненормального сексуального поведения, более тесную связь странного и смешного, а также акцентирование происходящего сверх ожидания.

Русскому ЯС присуща более высокая степень номинативной дробности (Попова, Стернин 2001) денотативной сферы неожиданности, проявляющаяся в вербализации такого её аспекта, как нарушение причинно-следственных связей, а также в наличии большего количества предикатов ожидания, что, в свою очередь, указывает на особую чувствительность языковой личности (ЯЛ) к обманутому вероятностному прогнозу.

К периферии денотативного поля относятся и первичные междометия, актуализирующие, как правило, значения нескольких

эмоций, включая удивление – *Ай, Ах, Ого, Ого-го, Ой, Ой-ляля, Ох, Ха, Фью, Тю, Ба, Фу-ты; Agh, Ah, Aiee, Oh, Oh-lala, Oho, Ha, Ha-ha, Heh, Heigh-Ho, Ho, Huh, Hump, Whoo, Whoope, Wow, Pah, Bah, Faugh.*

Проведенный анализ денотативного поля удивления показывает его диффузный характер, проявляемый как в области ядра, так и на периферии. Семантическая связь удивления с другими понятиями имеет в каждом из исследуемых языков свою специфику, что говорит о присущей им концептуальной асимметрии.

Так, общим по значимости для русской и английской лингвокультур явился такой аспект удивления, как когнитивное напряжение, вербализованный с помощью лексем *изумление, amazement* и *astonishment*. Все они называют удивление высокой степени интенсивности, однако если в русском ЯС оно концептуализируется в образе потери рассудка, то для английского языка характерны более активные метафоры лабиринта и громового оглушения.

Специфичным для русского человека явилось ощущение неспособности управлять положением дел в мире и зависимости всего происходящего от воли высшей силы, что отражает сакральный характер этимологической основы существительного *удивление*.

При создании номинанта *surprise* английским ЯС были акцентированы неожиданность ситуации и неподготовленность к ней субъекта, а также связанная с ними возможность использовать удивление в качестве средства манипулятивного воздействия.

Ассоциация номинанта *wonder* с атрибутами магического обряда показывает, что при её вербализации английская ЯЛ выделила и положительно оценила такой его аспект, как способность самой вступать в конкретный физический контакт с окружающим миром и активно преобразовывать его с помощью новых знаний и возможностей.

Проведенное сопоставление исторической семантики русских и английских ядерных адмиративов указывает на более предметный, агентивный и индивидуалистский характер английского ЯС, создавшего наименование исследуемого концепта путем его сопоставления с реальными, физически воспринимаемыми объектами и явлениями (атака, ритуальные инструменты, лабиринт, удар грома), в отличие от русского, которое уподобило *удивление* абстрактной сакральной сущности, а *изумление* – психическому нарушению.

Этноспецифичность удивления усматривается не только в различном количестве, семантическом содержании и внутренней

форме его ядерных номинантов, но также в особенностях их метафорической сочетаемости, позволяющей выявить черты сходства и различия в ассоциативных механизмах исследуемых ЯС. Первые заключаются в функционировании натурморфной и антропоморфной метафор, а вторые – в основном в более динамичном и активном характере последней в английской лингвокультуре.

Русские и английские метафорические поля формируются на базе денотативных и в целом повторяют их структуру. Периферия метафорического поля формируется посредством адмиративов, в значении которых происходит уподобление абстрактного концепта удивления конкретным объектам окружающего мира.

В лексическом ярусе данного поля ближе всего к ядру расположены те элементы, которые актуализируют в своей семантической структуре базовые метафорические модели, характерные для номинантов удивления – диво/ный/о – дивить(ся), чудо/ный/о – чудить(ся) – чудеса/ный/о – чудотворный/о/ец – чудодейственный, обалдеть – обалдение, to creep on, to catch, marvelous, miracle/lulous, mixed up, to confound, to stun, thunderstuck и т. п. Чуть подальше от ядра находятся единицы, в которых удивление уподобляется соматическим состояниям: ошеломить, поразить, оторопеть, онеметь, а crusher, gobstruck, to freeze, to dumbfound и пр.

К лексическому ярусу периферии рассматриваемого поля также относятся этимоны номинантов других эмоций, а также метафорические средства, выражающие значения каузаторов (сказочный, дикий, запутанный, непостижимый, обрушиться, нагряться, fairy-tale, wild, unfathomable, mind-blowing, to pop in/out и т. п.).

Фразеологический ярус данного метафорического поля образуют обороты, содержащие описанные выше лексемы или слова, реализующие их значения.

Так, к ядерному элементу удивление в этом ярусе примыкают фразеологизмы, актуализирующие положительную оценку ассоциативной связи концепта с действием потусторонней силы – *Диву даваться, Творить чудеса, Каким-то чудом; Диво дивное, чудо чудное!; Чудеса, да и только!; Чудеса в решете!, О чудо!, Волшебство!, Как по волшебству, Как по мановению волшебной палочки, Как по щучьему велению, Мистика!* и пр.

Значение этимона номинанта *изумление* воспроизводят следующие эмотивы: *Я чуть с ума не сошел, С ума сойти!, Оудуреть!, Обалдеть!, Ума помраченье!, Ум за разум заходит* и т. п.

Значения этимонов английских ядерных номинантов передают фразеологизмы, содержащие следующие метафорические модели:

а) неожиданное нападение – *To take smb. aback/unawares, To catch smb. napping, To put/throw smb. off one's guard*;

б) действие потусторонней силы – *For a wonder/a marvel, To work/do wonders/marvels, To perform miracles, What a wonder/marvel/miracle!, As if by magic, As if by the touch of the magic wand* и т. п.

в) ощущение нарушения нормального расположения – *At a loss, I can't gather/make head or tail of it*;

г) громовое оглушение – *To be like a thunderbolt, A bolt from the blue, As if struck by lightning, A clap of thunder*.

Во фразеологический ярус метафорического полей удивления обоих языков входят следующие элементы: а) соматические адмиративы – *Как обухом по голове, Как снег/кирпич на голову, It hit me like a ton of bricks, It knocked me for a loop/sideways/for six* и т. п.; б) единицы со значением каузаторов: *Ты бредишь!, Ты белены объелся?, В голове не укладывается!, Ума не приложу!, Впечатление/Эффект разорвавшейся бомбы, Как гром среди ясного неба, Are you seeing/hearing things, Have you been eating soap?, It beats me, It's beyond me, To come/be as a bombshell, Out of the blue sky* и т. п.; в) метафоризованные вокативные междометия: *Господи!, Мать честная!, Батюшки светы!, (Oh/My) God!, Holy Mother!/Virgin!, Godfathers!* и пр.

Проведенный анализ содержания метафорических полей удивления в русском и английском языках показал ярко выраженную неоднородность образов, участвующих в концептуализации данной эмоции, что объясняется наличием у неё богатых ассоциативных связей (предопределенных диффузным характером) с разнообразными объектами окружающей действительности и тем самым свидетельствует о неисчерпаемом креативном потенциале исследуемых ЯС. При общности форм и путей метафоризации удивления в русской и английской лингвокультурах наблюдаются определённые расхождения в образном постижении эмоциональных явлений, касающиеся следующих аспектов:

1) способов реализации, что обусловлено различной структурной членимостью двух языков;

2) иерархии расположения метафорических моделей, что связано с неодинаковой семантической плотностью ядра русского и английского полей удивления;

3) направлений ассоциаций, предопределенных как специфическим характером социально-исторической и религиозной аккумуля-

льтурации людей в разных этносах, так и их психологическими особенностями.

Последние особенно ярко проявились при функционировании следующих групп образов: а) религиозных, что показало более трепетное отношение к ним русской ЯЛ; б) соматических, что позволило сделать заключение о более активном поведении английской ЯЛ в момент переживания удивления; в) акустических, количественное превосходство которых в английском языке явилось признаком аудиального и, по-видимому, более динамичного типа восприятия его носителей.

Следующим этапом исследования явилось сопоставительное описание русских и английских языковых единиц, описывающих внешнее выражение удивления и образующих его кинесические поля.

По органу производства адмиративные кинемы можно разделить на пять групп:

1) мимические (лицо) – *делать большие/круглые глаза, открыть/раскрыть/растянуть/разинуть рот/варежку, челюсть отвалилась, лицо вытянулось, big/round-eyed, to open one's mouth – open-mouthed, one's face fell* и пр.;

2) кранеальные (голова) – *качать/трясти/мотать головой, наклонять голову набок/вбок/к плечу, оглянуться to shake one's head, to turn round* и пр.;

3) мануальные (рука) – *пожать плечами, вскидывать/воздевать руки, to shrug one's shoulders, to throw up one's hands* и пр.;

4) корпоральные (тело) – *вздоргнуть, отстраниться, отшатнуться, to start, to jump/start back* и пр.;

5) фонационные (звукопроизводящие органы) – *ахнуть, воскликнуть, вскрикнуть, to exclaim, to ejaculate, to cry* и пр.

Сопоставление дескриптивных адмиративов показало, помимо общего сходства, более открытый характер кинесического проявления удивления в русской лингвокультуре, связанный с её богатым эмоциональным потенциалом. Значительное количественное превосходство языковых единиц, описывающих внешнюю манифестацию удивления в русском языке, а также более разнообразный репертуар мимических, кранеальных, мануальных, корпоральных и звуковых проявлений свидетельствует о большей степени кинетичности русской лингвокультуры, нормы которой поощряют более выразительное и «эксгибиционистское» эмоциональное поведение (Вежбицкая 1999) по сравнению с английской, особенно британской.

Далее мы обратились к сопоставительному анализу паремических представлений об исследуемом концепте.

Общими для русского и английского ЯС являются представление о когнитивной природе удивления и предписание не испытывать его (*Кто домовины не видывал, тому и корыто в диво; Wonder is the daughter of ignorance, Ничему не удивляйся, Wonder at nothing*).

При этом если в русских паремиях выделяются такие специфические признаки, как зависимость удивления от степени осведомленности и материального благополучия субъекта, восприятие его окружающими, мимическое и соматическое проявление, предписание о регуляции эмоционального поведения и этическая оценка удивления (*Соколу лес не в диво, Сытый ничему не дивуется; Удивленью мера, рта не разевай; Радость ширит лицо, а удивление пялит вдоль; Такие чудеса, что дыбом волоса; Другим дивились, а сами на льду обломилась*), то в английских – ее кратковременность и неоднократность (*Wonder lasts but nine days, Wonder lasts but nine days and then the puppy's eyes are open, Novelty wears off, He that is surprised with the first frost feels it all the winter after*).

В обеих лингвокультурах наблюдается диалектичность восприятия адмиранта и рассмотрение в качестве него Господа Бога, возможности неожиданных встреч и совпадений, сочетания противоречивых элементов, внезапной смерти, безнаказанности плохих поступков, существующих моральных тенденций и неожиданного обогащения или приобретения.

Адмиранты, фигурирующие в русских паремиях, показывают калейдоскопичность мышления, а также архетипические психологические свойства представителей данной лингвокультуры – склонность к морализации, неспособность к долгосрочному планированию и т. п. (*Не дивят драчуны, удивляют зрители; Думал постричься, а довелось жениться; Неожиданно в лес пошел, неожиданно топорнице вырубил* и пр.).

Зафиксированные паремически английские объекты удивления указывают на стремление ЯЛ к обогащению (как материальному, так и духовному), особое внимание к течению времени и потребность к активному образу жизни в любом возрасте (*Wise man is a great wonder, Time works wonders, Old age is a great surprise, Old age comes creeping upon one unnoticed*).

В пословицах и поговорках, семантически отрицающих удивление, проявляется зависимость русского мышления от существующих стереотипов (*Не дивля Богородица, коли сын Христос; И мы видали, как бояре мед едали; Тому не дивись, что пьяные*

подрались/свалились; Эка невидаль, что каша естся и т. п.), в то время как английская ЯЛ демонстрирует своё разумное начало, заключающееся в склонности к выведению логических следствий (*No marvel if / that the imps follow when the devil goes before*).

На фоне общих для обеих лингвокультур диалектичности восприятия возможных миров и стремления к верификации в русских паремических представлениях отражается мифологичность сознания, а в английских – рациональность (*Бывают, что свиньи летают; Бывает, что курица петухом поет; Бывает, что свинья гуся съедает; Бывает, что вошь кашляет; Pigs might fly but they are unlikely birds, Pigs may whistle but they have an ill mouth for it, If pigs could fly we would shoot for bacon*).

При признании необходимости неожиданности и невозможности её предсказать, связанной с промыслом Господа, английская ЯЛ воспринимает её активней и оптимистичней, чем русская.

Принадлежность удивления к культурным концептам проявляется как в различном количестве и семантическом содержании средств его объективации в разных языках, так и в специфике их дискурсивной активности, особенностях внутренней формы, метафорической и паремиологической интерпретации. В вербализации удивления ярко проявляется определенная специфика каузальной атрибуции. Так, представители русской лингвокультуры склонны к приписыванию обстоятельств, вызывающих удивление, неконтролируемой и нестабильной причине, что обуславливает пассивное отношение к нему и вместе с тем высокую степень чувствительности. В английской лингвокультуре удивление воспринимается более рационально и часто выступает как сила, побуждающая субъекта к действиям в неожиданной ситуации с целью ее изменения в свою пользу.

В результате выполненного исследования мы пришли к следующим выводам.

Удивление является эмоциональным концептом, представляющим собой ментальную единицу, которая отражает многовековой опыт интроспекции языкового коллектива в виде универсальных и культуроспецифических представлений о данной эмоции.

Универсальные признаки удивления проявляются при реализации в научном и религиозном дискурсах, раскрывающих его мировоззренческие, ценностные и практические аспекты.

Разнообразные средства языковой объективации могут быть классифицированы и сгруппированы по четырем полям: денотативному, метафорическому, кинесическому и интерпретационному.

Общими для русского и английского языков являются:

а) отражение диффузного характера удивления и его связи с другими эмоциями, а также с понятиями странности, непонятности и неожиданности;

б) направления ассоциативных отношений удивления;

в) структура кинесических и интерпретационных полей.

Этноспецифичность удивления в исследуемых языках проявляется в различном количестве ядерных номинантов, их значении и внутренней форме, в особенностях отношений удивления с другими эмоциями и абстрактными понятиями, в определенной специфике метафорического осмысления, в количественном превосходстве и качественном содержании русских кинесических и пареомиологических средств реализации, что в своей совокупности указывает на более пассивный и эмоциональный характер восприятия и удивления в русской лингвокультуре, по сравнению с английской.

Литература

Воркачев С.Г., Дорофеева Н.В. Междоменная реализация удивления в русском и английском языках: опыт культурно-составительного исследования // Лингвистические парадигмы: традиции и новации. / Материалы междунар. симпозиума молодых ученых «Лингвистическая панорама рубежа веков». Волгоград: Перемена, 2000. С. 166–170.

Воркачев С.Г., Дорофеева Н.В. Адмиративная оценка и концептуальное поле удивления в русском языке. // Когнитивная семантика. / Материалы Второй междунар. шк.-семинара по когнитив. лингвистике: В 2-х ч. Ч. 2. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2000. С. 52–54.

Воркачев С.Г., Дорофеева Н.В. Интеллектуальные эмоции в обучении межкультурной коммуникации: удивление. // Инновационные процессы в высшей школе. / Материалы VII Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар: Кубан. гос. технол. ун-т, 2001. С. 235.

Дорофеева Н.В. Концепт удивления в лексикографическом аспекте. // Вестник международного славянского университета. Том 2. № 4. Харьков: Междунар. славянск. ун-т, 1999. С. 12–13.

Дорофеева Н.В. Homo Admirans: к проблеме этносемантики удивления. // Языковые и культурные контакты различных народов. / Материалы Всерос. науч.-метод. конф. Пенза: Пенз. гос. пед. ун-т, Приволжский Дом знаний, 1999. С. 39–41.

Дорофеева Н.В. Семантизация средств выражения удивления. // Инновационные процессы в высшей школе. / Материалы V Всерос. науч.-практ. конф.: В 2-х ч. Ч. 2. Краснодар: Кубан. гос. технол. ун-т, 1999. С. 113.

Дорофеева Н.В. *Вдруг vs suddenly*: различная семантическая интерпретация действительности как проблема перевода. // Перевод: язык и культура. / Материалы междунар. науч. конф. Воронеж: ЦЧКИ, 2000 г. С. 35–36.

Дорофеева Н.В. Паремнологическая реализация адмиративной оценки // Языковые и культурные контакты различных народов. / Материалы Всерос. науч.-метод. конф. Пенза: Пенз. гос. пед. ун-т, Приволжский Дом знаний, 2000. С. 80–83.

Дорофеева Н.В. Discipulus admirans: удивление в психотехнологии обучения иностранному языку. // Инновационные процессы в высшей школе. / Материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар: Кубан. гос. технол. ун-т, 2000. С. 137.

Дорофеева Н.В. Адмиративная оценка и концептуальная метафора // Язык в мире и мир в языке / Материалы междунар. науч. конф. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2001. С. 131–133.

Дорофеева Н.В. Этимологический анализ эмоциональной концептосферы. // Языковые и культурные контакты различных народов / Материалы Всерос. науч.-метод. конф. В 2-х ч. Ч.1. Пенза: Пенз. гос. пед. ун-т, Приволжский Дом знаний, 2001. С. 80–82.

Дорофеева Н.В. Удивление как эмоциональный концепт (на материале русского и английского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2002. 19 с.

Н.М. Сергеева (Кемерово) УМ И РАЗУМ

В отечественном языкознании накоплен большой теоретический и экспериментальный материал по проблемам концептуального анализа (Н.Д. Арутюнова, В.И. Карасик, Е.С. Кубрякова, В.В. Колесов, Е.А. Пименов, М.В. Пименова, З.Д. Попова, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, Р.М. Фрумкина и др.) становления значения и процессов категоризации (В.З. Демьянков, А.А. Залевская, Е.С. Кубрякова, А.А. Леонтьев, Р.М. Фрумкина и др.). Одним из основных терминов в когнитивных исследованиях является концепт. Из обобщенных представлений, содержащихся в исследованиях современных лингвистов концептуального направления следует, что концепт – это основная единица ментальности, которая имеет языковую форму вербализации, национальную специфику и структуру, которая содержит концептуальные признаки, «функционально значимые для соответствующей культуры» (Пименова 2002: 100).

Материалом для исследования послужили лексемы, свободные и устойчивые словосочетания, репрезентирующие концепты *ум* и *разум*. Языковой материал извлекался методом сплошной выборки из словарей и из текстов русской литературы. Проанализировано 3 150 слов, выражений, словоупотреблений концептов *ум*, *разум*, (27,8 % примеров репрезентации концепта *разум* и 72,2 % примеров репрезентации концепта *ум*).

Описание концептов в работе, осуществляется в виде концептуальных признаков. Когнитивная категоризация происходит на основании какого-либо наиболее «бросающего в глаза» признака. Согласно теории Э. Рош, такие признаки называются прототипичными. По мнению М.В. Пименовой, «применительно к исследованию концептов прототипом будет наиболее репрезентативный образ, в котором отражены все типичные признаки, свойственные концепту. Признаки, которые закреплены в языке в виде устойчивых и свободных сочетаний, считаются типичными, окказиональные признаки, встреченные у конкретных авторов, периферийными» (Пименова 2002: 102).

В структуре концепта имплицитно содержатся знания о мире (Пименова 2002: 102). Дж. Лакофф и М. Джонсон отмечают, что существуют особые ментальные сущности – метафорические концепты в самых глубинных основах понятийной системы человека (Лакофф, Джонсон 1990: 388), поэтому в структуре концепта выделяют когнитивные модели, связанные с особым видом метафоры – концептуальной метафорой.

В процессе представления концептуальной метафоры и когнитивных моделей используется этногерменевтический метод, или метод интерпретации экстралингвистических явлений в контексте языковых структур. Интерпретация является высказанной рефлексией, а рефлексия – второй (после чувственности) источник опыта, важнейший собственно человеческий конструкт, позволяющий совершенствовать всю душевную и духовную структуру личности и сообщества (их онтологическую конструкцию), делая человека умнее и человечнее (Богин 2001: 3).

Для концептуального анализа термины *концептуальный признак* и *структура концепта* являются значимыми. *Концептуальный признак* рассматривается исследователями (В.В. Колесов, Е.А. Пименов, М.В. Пименова, З.Д. Попова, И.А. Стернин, Л.А. Шарикова) как типологическое явление. *Структура концепта*, таким образом, состоит из *концептуальных признаков*, которые воссоздают концепт как «означенный в языке национальный образ, идею, понятие, символ» (Пименова 2003: 28). Совокупность *концептуальных признаков* позволяет полностью воспринять явление, предмет или понятие. *Концептуальные признаки* функционально значимы для носителей культуры, потому имеют свою специфику восприятия. Такой подход исследования предполагает полновесное знание о каком-либо фрагменте действительности.

Когнитивная модель включается в описание концепта (М.В. Пименова, Ч. Филлмор, А.П. Чудинов). Под когнитивной моделью

понимается некоторый стереотипный образ, с помощью которого организуется опыт (Пименова 2002: 103).

Когнитивная модель обладает определенными свойствами: от модели требуется определенное сходство с объектом, с которого реализуется модель; модель всегда является некоторой идеализацией объекта. В когнитивной лингвистике выделяется несколько типов моделирования. Дж. Лакофф выделяет четыре типа когнитивных моделей: пропозиционные, схематические, метафорические, метонимические (Лакофф 1983: 31-32). Репрезентация когнитивных моделей использует метод герменевтического осмысления взаимодействия языка и действительности. Именно герменевтика указывает на принципиальное единство объективного и субъективного, на взаимодействие языка и действительности, образующих единое целое, модель мира.

Чтобы описать абстрактное, используют метафоры, ведь иной способ осознать вещи отвлеченные, по-видимому, отыскать крайне трудно. Результатом является мышление, в основе которого лежит метафорическое мышление, базирующееся на мифе. Механизмы восприятия кроются в подсознании человека, на уровне которого находятся единицы ментального уровня – концепты, репрезентируемые в большей степени *концептуальными (когнитивными) метафорами* или, по терминологии Дж. Лакоффа и М. Джонсона, *метафорическими концептами*.

При наиболее общем подходе метафора рассматривается как видение одного объекта через признаки другого и в этом смысле является одним из способов репрезентации знаний в языковой форме. Метафора обычно относится не к отдельным изолированным объектам, а к сложным мыслительным пространствам (областям чувственного или социального опыта). В процессах познания эти сложные, непосредственно ненаблюдаемые, мыслительные пространства соотносятся через метафору с более простыми или конкретно наблюдаемыми мыслительными пространствами (например, человеческие эмоции сравниваются с огнем). По мнению З.И. Резановой, в метафоре присутствует предлогический этап или доязыковой, который содержит опыт телесной жизни человека (Резанова 2002: 80). Выражения *пир разума, включенный ум* обозначают отвлеченную реалию, отображенную в метафорической форме. Оценка умственных способностей представлена соответствующими орнитологическими метафорами (*куриный ум, птичий ум, ума с гулькин нос, гусиный ум, ум цыпленка*). Курица

ассоциируется с отсутствием умственных способностей по своим особенностям птицы, которая не способна летать.

Структура концепта УМ в русской языковой картине мира Понятийный компонент концепта УМ

Мыслительная деятельность по общефилософским представлениям относится к духовной сфере человека, которая имеет скрытую форму существования. В. Розанов в книге «О понимании» отмечает: «не трудно заметить, что в науке, как в совокупности человеческих знаний, природа ума человеческого остаётся скрытою, не обнаруженною» (Розанов 2001: 57). В древнерусской традиции, по учениям Нила Сорского, ум относился к внутренней части человека: «Ум – это образ божий в человеке, и он руководит всеми аффектами и страстями («царь страстей»)). Концепт ум репрезентирует определенные умения, навыки и способности человека, связанные с мыслительной деятельностью. Концепт ум отличается от других концептов внутреннего мира человека своим ценностным статусом. А.В. Голованова отмечает, что «самым сложным по своему ценностному статусу оказывается в ценностной языковой картине мира концепт ум. Это связано с тем, что ум является определяющим свойством человека, отличающим его от животных и в то же время отличающим людей друг от друга» (Голованова 2003: 38). Ум имеет определенную локализацию – в верхней части головы человека. По мнению В.В. Колесова, «ум воплощается в разуме («ум без разума – беда»), отливается в законченные формы рассудка и затем, в полном единении с душой и сердцем, по желанию и влечению постигает мудрость («разум душевный»); Ум предполагает ум-ение в разуме, здравомыслие в рассудке и ум-озрение в мудрости» (Колесов 2002: 116).

Лексическо-этимологический компонент концепта УМ

Слово ум было зафиксировано с XI века в старославянском и древнерусском языках, оно означало некоторый симбиоз ума, души и сердца, ум понимался как часть духа (Срезневский 1958).

Аналогичная трактовка представлена и в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля: «умъ – общее название познавательной исключительной способности человека, способность мыслить; это одна половина духа его» (Даль 1994: 494). Контексты, цитируемые им, определяют ум как земную и приземленную человеческую способность (с **ума** спятил, да на разум набрел; умный, да не разумный; **ум** без разума – беда; не видал я

такого **ума** как твой, либо уже, либо шире). «Ум, – пишет В.И. Даль, – прикладная, обиходная часть способности мыслить, низшая ступень, а высшая, отвлеченная – разум» (Даль 1994: 495).

Слово *ум* служит для выражения познавательной способности и её функционирования (об этом концепте на материале разных языков см.: Голованивская 1997, Кондратьева 2002, 2003, 2004, Пименова 1999, 2001, 2003).

В «Этимологическом словаре русского языка» под редакцией Макса Фасмера отмечено, что слово *ум* связано со старославянским словом *авити (показать, явиться), *авь (ясно, определенно, открыто) (Фасмер 1996: 864). В «Историко-этимологическом словаре современного русского языка» П.Я. Черных уточняется, что корень *и слова *ить (*аи, -т- суффикс) этимологически восходит к индоевропейскому корню *аи, база *аиē, *āuis – “воспринимать органами чувств”, “ощущать”, “понимать”, который составляет основу слова *явь, явно, очевидно* (Черных 2001: 464). Объем значения лексемы *ум* в конце XIX в. изменяется. Ум понимается больше как способность мыслить, как воображаемый орган, где протекают интеллектуальные процессы, связанные с процедурами анализа и синтеза, и как человек.

Образный компонент концепта УМ

Концепт *ум* в обыденном восприятии носителей русского языка – это сложное структурное образование. Концепт *ум* структурируется рядом релевантных признаков: витальных, вегетативных, антропоморфных, предметных, пространственных и временных признаков (‘витальный’: *живой ум, больной ум, молодой ум*; ср.: *Молоденький умок, что весенний ледок*. Поговорка; ‘вегетативный’: *цвет ума, плодовитый ум, плоды ума*; ср.: *Недозрелый умок, что вешний ледок*. Поговорка; ‘антропоморфные’: *женский ум, французский ум, германский ум, русский ум*; ср.: *Женские умы, что татарские сумы*. Поговорка; ‘предметные’: *накипело в уме* (ум – сосуд), *чужими умами бураки подшивают* Поговорка (ум – игла); ‘пространственные’ признаки: *у него все глупости на уме* (ум – поверхность), *большой ум, широкий ум*). В связи с выявлением признаков можно обнаружить следующие образы и модели: *ум* подобен плоду, обладает свойствами плода – зрелостью, *ум* предстает в восприятии русского народа как дерево, обладая качеством крепости, *ум* воспринимается как цветущее растение. Структура концепта *ум* содержит вегетативную когнитивную модель *ум* → семя, выявленную в результате этногерменевтического приема представления модели, или схемы, и метафо-

рического переноса, когда из лексического и культурного фона выстраивается цепочка взаимосвязей: ум → нечто, место локализации → голова, способ попадания внутрь головы → можно посеять как семя (*Под носом взошло, а в голове и не посеяно*. Пословица (об уме)).

Кроме вегетативных в структуре концепта *ум* содержатся признаки живого существа: **ум** – зверь, **ум** – птица, **ум** – человек. В структуре концепта *ум* выделяются витальные признаки, которые характеризуют ум как живое существо, обладающий способностью слышать (*К таким нежданным и певучим бредням!*, *Зоя с собой умы людей*. А.С. Пушкин), говорить (*Затейник зол, с улыбкой скажет глупость. Невежда глуп, зевая, скажет ум*. А.С. Пушкин), видеть (*Там, в свете, ум мой видит ряд неприятных бедствий – и ужасается*. К. Рылеев), двигаться (все его стремления поспеть за движением ее ума дышали страстью. И.А. Гончаров), болеть (...своему мрачному, одиночному и больному **уму** он бы и не поверил; но доходило до проклятий что тут и не до слез, если и не наружных, так внутренних. Ф. М. Достоевский), иметь определенный возраст (... и нелегко постижимое постигалось детским умом, – тайное и недостижимое становилось вдруг доступным безотчетно, но уже крепко верующему ребенку. Е.П. Ростопчина), быть сильным или слабым (*И быстрый взор, дивящий слабый ум*. А.С. Пушкин), питаться (*Органы наши образовывались соответственно понятиям, которыми питался наш ум*. Е.А. Боратынский).

Метафора ума как птицы или зверя образуется на основе переноса зооморфных признаков, среди которых выделяются орнитологические (*Рожею хорош, а умом тетерева*. Поговорка), анималистические (*телячий ум*. СЭРЯ; *По образу – как я, а по уму – свинья*. Поговорка; *куцый ум*. СЭРЯ), энтомологические (*клопину ум*; ср.: *Параллельные линии сойдутся, где мне, маленькому клопинуму уму, это понять*. Ф.М. Достоевский). Орнитологические признаки сужаются до сравнения ума с частью птицы: пером (*Красна птица пером, а человек умом*. Поговорка), носом (*Ума в нем с гулькин нос*. Поговорка). Анималистический признак проявляется в метафорах действий ума, выраженных глаголами: *скакать, красться, рыскать*, используемых при описании животных (*Мой ум скакал за нею, / И часто был готов Я броситься на шею...* М.Ю. Лермонтов; *Язык мой – враг мой, прежде ума моего рыщет*. СППРЯ XIX в.; *Хитрым и вкрадчивым умом умела она приобрести любовь своих господ и ненависть всего дома, которым управляла самовластно*. А.С. Пушкин). Ум актуализируется признаком 'добыча'. Предметом добычи является обычно

существо животного мира, которое является источником питания не только для человека, но и плотоядных животных. В охоте используются следующие действия: выслеживание добычи, преследование, улавливание (*Мрежи иные тебя ожидают, / иные заботы, Будешь **умы** уловлять, будешь помощник царям.* А.С. Пушкин; *Любовь и жажда наслаждений / Одни преследуют мой **ум**.* А.С. Пушкин).

В структуре концепта *ум* выявлены разнообразные антропоморфные признаки, затрагивающие все уровни человеческой жизнедеятельности: социальные, ментальные, эмоциональные. В социальную группу признаков включены различные виды человеческих отношений в обществе: *ум*, как человек, может иметь национальность (*английский **ум**, индийский **ум**, итальянский **ум**, испанский **ум**, латинский **ум**, немецкий **ум**, русский **ум**, французский **ум**, цыганский **ум***). Интерперсональные признаки *ума* многогранны: 'предводительство' (*Но **ум**, сомнением охлажденный и спорить с роком приученный...он мечтает победить...* М.Ю. Лермонтов), 'власть' (; *Пошлю тебя начальствовать над ними; Не род, а **ум** поставлю в воеводы* А.С. Пушкин), 'подчинение' (*Рассудку подчинил свой гордый **ум**, житейских благ всю цену понимает...* Е. П. Ростопчина), 'пленение' (*Но в крепких незримых оковах сумели / Держать нас людские **умы**.* А.А. Фет), 'объединение' (*Всё изменилось Ты видел вихорь бури, Падение всего, союз умов и фурий.* А.С. Пушкин), 'слава' (*Начальник шайки славился **умом**, отважностью и каким-то великодушием.* А.С. Пушкин), дружба (*Там **ум** сдружился мой / С отрадой тихою спокойных размышлений / И с самобытностью.* Е.П. Ростопчина). Концепт *ум* свойственны антропоморфные когнитивные модели: «ум → ученик», «ум → наставник», «ум → исследователь/ научный деятель», «ум → военный человек», «ум → друг/недруг», «ум → подчиненный», «ум → повелитель».

Выделена когнитивная модель «**ум → ментальный орган**». Умом человек способен понимать или производить ментальные операции: замечать **умом** (*Она не могла не сознаваться, в том, что она очень ему нравилась, вероятно, и он, своим **умом** и опытностью, мог заметить, что она отличала его.* А.С. Пушкин); наблюдать **умом** (*Ибрагим отличался **умом** точным и наблюдательным.* А.С. Пушкин).

Ум уподобляется человеку, испытывающему эмоции. В структуре концепта *ум* содержатся следующие эмоциональные признаки: '**смущение/ робость**' (*Но ты смутил **ум** слабый мой Тревогою безвестной...* Е.П. Ростопчина); '**беспокойство / возбужденное состояние**' (*Сердце больное и **ум** беспокойный Видом*

Италии емиг излечу? Е.П. Ростопчина); **‘волнение’** (*Про все, про все, что в жизни одинокой Волнует ум, сжигает кровь!* Е.П. Ростопчина; *Как ждут, как жаждут вестей те все те, которые знают разлуку с близкими своими или испытали волнение ума, требующего новизны и развлечения!* Е.П. Ростопчина; *За поединок! – И все лица оживились, все умы откликнулись общему чувству.* Е.П. Ростопчина; *Подогревать, подготавливать, волновать умы.* Н.С. Лесков); **‘произведение впечатления / введение в возбужденное состояние’** (*Воззвание написано было в грубых, но сильных выражениях и должно было произвести опасное впечатление на умы простых людей.* А.С. Пушкин; *Мстительный и гордый ум её был возбужден в высочайшей степени.* Ф.М. Достоевский); **‘тревога’** (*Встревоженный и быстрый ум.* М.Ю. Лермонтов; *Тогда я опять появлюсь пред тобой / И речь моя твоей ум встревожит / И пусть я услышу ответ роковой / Тогда ничего не поможет.* М.Ю. Лермонтов; *Страшись любви! Она пройдет / Она мечтой твоей ум встревожит / Тоска по ней тебя убьет, Ничто воскреснуть не поможет.* М.Ю. Лермонтов; *Отныне яд коварной лести / Ничей уж не встревожат ум.* М.Ю. Лермонтов).

Концепт *ум* представлен признаками, составляющими группу положительных эмоций: **‘восторг’** (*Эдем восторженных умов.* Е.П. Ростопчина); **‘веселье’** (*У вас ум веселый, но безо всяких прикрас...* Ф.М. Достоевский; *...Веселый ум, приправленный всею едкостью иронии...* Е.А. Ган).

Структура концепта *ум* включает гендерные признаки. В русском языке существует ряд поговорок, отмеченных в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля, в которых гендерный признак указан прямо (*женский ум лучше всяких дум; женские умы, что татарские сумы; Мужичий ум говорит: надо, женский (ум) говорит: хочу*; ср. также: *Ни женский взор, ни женский ум / Его лелеять там не станут.* Е.П. Ростопчина; *Он знал тоже, что многие мужские большие умы, мысли которых об этом он читал, думали об этом и не знали одной сотой того, что другие.* Л.Н. Толстой). Гендерный аспект концепта *ум* может проявиться в опосредованном виде через признаки ‘вынашивания’ и ‘рождения’ (*вынашивать в уме (какую-либо мысль*; ср.: *Мысль важная в уме его родилась. Не надобно ей дать остыть.* А.С. Пушкин; *Ты врач от язв неисцелимых; Сынов ты счастья ложный страх / Зло в их рожденное умах.* А.И. Бунина). Особый гендерный признак концепта *ум* – ‘девственность’ (*Не сидите с моим другом Зарницыным, он затмит ваш девственный ум своей туманной экономией счастья...* Н.С. Лесков).

Все перечисленные признаки можно объединить в блок признаков 'живой природы'. К признакам 'живой природы' концепта ум относятся следующие группы: 'вегетативные', 'витальные', 'зоморфные', 'антропоморфные'. Группа 'антропоморфных' признаков содержит четыре подгруппы признаков: 'социальные', 'ментальные', 'эмоциональные', 'гендерные', которые представлены рядом подпризнаков. В подгруппе 'социальных' признаков выделяются 'национальные', 'интерперсональные' и 'этические' признаки.

К блоку признаков 'неживой природы' относятся предметные признаки, признаки 'вещества', пространственные признаки, признаки 'стихий' и 'времени. Концепт ум может быть представлен признаками предметов (более подробно о предметных признаках концептов внутреннего мира человека см.: Пименова 2003), которые созданы руками человека, – 'объект, вмещающий в себя различные предметы' – 'сума' (*Женские умы, что татарские сумы. Поговорка; Счастье без ума – дырявая сума. Поговорка; Ум не односум. Поговорка*). В данном случае реализуется когнитивная модель «ум → контейнер» (*татарские сумы, дырявая сума, наполнить ум, глубокий ум*).

Особенно регулярна когнитивная модель «ум → инструмент»: ум может представляться как счеты (*Считать на умах. Пословица*), как игла (*Чужими умами только бураки подшивают. Пословица*), как оружие, которым можно ранить (*Не копьем убивают, а умом. Поговорка*).

Репрезентация признаков 'вещества', относящихся к блоку признаков 'неживой природы', происходит при помощи когнитивных моделей концепта ум: «ум → твердое вещество», «ум → гуца», «ум → еда» (*Мужик (хоть и) сер, да ум у него не черт (не волк) съел. Поговорка; В нем ума гущина, а сердце беспокойное. Ф.М. Достоевский; Ум его был тоже как бы раздроблен и разбросан Ф.М. Достоевский; ...его ум погружался в изучение бесчисленных тайн искусства, чудное создание неожиданно поспешило к нему на помощь. Е.В. Кологривова*).

Для концепта ум свойственна когнитивная модель: «ум → вместилище» (*в уме; Уста и взор – стыжусь! В уме моем Головка та ничем не изгнана; как некий сон младенческих ночей / Или как песня матери своей. М.Ю. Лермонтов; Я был в забытьи, в беспомыслии; ни одна мысль не возникла в уме, ни один трепет ни проявлял жизни сердца. Е.А. Ган; Потом перебирала я в уме эти фразы, эти последние крики страшного прощания. Ф.М. Достоевский; ...О, как много дум Вмещал в себя беспечный,*

резвый ум. М.Ю. Лермонтов; *Мечты кипят; в уме, подавленном тоской, теснится тяжких дум избыток.* А.С. Пушкин).

Вместилище ума возможно наполнить (*наполнить ум*; ср.: *Природный блеск ланит и груди теснота – Все, все наполнило б мне ум очарованьем.* М.Ю. Лермонтов). Признак 'вместилище' выражен грамматическим показателем: предлогом **в** и падежной формой имени. В уме мелькают и возникают мысли (*мысль мелькнула в уме моем*; ср.: *...вероятно, Дуня уже замужем. Мысль о смерти того или другого также мелькнула в уме моем, и я приближался к с станции с печальным предчувствием.* А.С. Пушкин; *Мысль о неразрывных узах довольно часто мелькала в их уме, но никогда они о том друг с другом не говорили.* А.С. Пушкин; *возникли мысли / думы*; ср.: *В очах его темнеет свет / В уме возникли мрачны думы.* А.С. Пушкин).

Ум – хранилище видений (*Алеко спит. В его уме виденье смутное играет.* А.С. Пушкин); 'чувств' (*Что ж полон грусти ум Гирея.* А.С.Пушкин); мыслей (*Сердце мое встrepенулось злобною радостью, внезапная мысль блеснула в уме...* Е.А. Ган); 'времени' (*В уме моем минувши лета Час от часу темней, темней.* А.С. Пушкин).

Внутреннее пространство ума – это пространство мира (*В уме Леви подлинная, действительная жизнь начнется для него только с той минуты, когда он увидит себя обладателем имени и звания.* Е.П. Ростопчина).

Категория пространства является одной из основополагающих категорий познания бытия. Локализация объектов может быть представлена с помощью специальных языковых единиц: метафорами, объективирующими когнитивные модели пространства внутреннего мира: 'ландшафт' (горы, равнины, поля, моря, реки), признаки 'собственно мира' (небо, звезды, события в мире, растительность), 'дом', 'путь/ дорога', синтаксическими конструкциями, субстантивными и глагольными образованиями с предлогом, а также словоизменительными формами с предлогом и без предлога (*возвышенность ума, спятить с ума, набрести на ум, сделать что-либо плохо не от большого ума, ум за разум зашел*). В образование метафор пространства могут включаться оценочные компоненты (*недалекий ум*).

Пространство объективного мира в научной картине мира имеет закрепленные параметры описания: ширину, глубину, высоту, длину, объем и т. п. Движение в мире осуществляется по оси «верх – низ», «право – лево», по моделям «внутри – наружу» и «по кругу». В рамках категории пространства внутреннего мира возможны признаки объема, глубины, длины и движения, пере-

мещения (ср.: *Так и вертится на уме, а сказать не знаю как...* З.А. Волконская; *Какая-нибудь глупость, какая-нибудь самая мелкая неосторожность, и я могу всего себя выдать! Гм ...жаль, что здесь воздуха нет, – прибавил он, – духота ... Голова еще больше кружится... ум тоже.* Ф.М. Достоевский). Причем признак «поверхность» может репрезентировать разные метафоры, например, «путь/ дорога» (...и на ум мне не приходило, что я поеду когда-нибудь сюда, в Россию. Ф.М. Достоевский; *У меня, старики, у самого теперь что-то вертится на уме!* З.А. Волконская; *Из бела лица выступали румяна, Сенокос-то ей на ум не идет.* Лирическая песня 19 в.; *Любовь не приходила ему на ум – а уже видеть графиню каждый день было для него необходимо.* А.С. Пушкин; *...да и пойдет ли вино на ум, слыхано ли дело...* А.С. Пушкин; *Странные мысли / Приходят тогда мне на ум.* А.А. Фет; *...обо всем, что на ум приходило, что с сердца срывалось, что просилось высказаться...* Ф.М. Достоевский). В конструкциях с предлогом «в» указывает на движение вовнутрь или внутри (ср.: *Зубастой щуке в ум пришло.* А.А. Крылов; *...И кому же в ум придет на желудок петь голодный.* А.А. Крылов; *Страшная мысль мелькнула в уме моем.* А.С. Пушкин; *Никто не получал чего хотел / И что любил, и если даже тот, / Кому счастливый дан удел, / В своем уме минувшее пройдет.* М.Ю. Лермонтов).

В структуру концепта *ум* входит признак 'дом' (*Своим умком – своим домком.* Пословица; *Задним умом не выстроишь дом.* Пословица; *Чужим умом не скопить дом и богатство в нем* (*ум* – инструмент – артефакт, с помощью которого строят дом). Поговорка). Признак 'вместилище' выражен грамматическим показателем: предлогом **в** и падежной формой имени. По мнению А.К. Байбурина, «...возможны перекодировки между частями человеческого тела, элементами космоса и деталями дома» (Байбурин 1983: 10). Причина в том, объясняет Т.В. Цивьян, что «...дом принадлежит человеку, олицетворяя вещный мир человека. С другой стороны, дом связывает человека с внешним миром, являясь в определенном смысле репликой внешнего мира, уменьшенной до размеров человека» (Цивьян 1978: 65).

По определению С.М. Толстой, «время (*verme < vertmen, родственно вертеть) – одна из основных категорий (наряду с пространством) традиционной картины мира, сочетающее мифологическое (циклическое) и историческое (линейное) восприятие времени. Первое основывается на цикличности природного времени – времена года, фаз луны, дня и ночи; второе на линейности человеческой жизни, имеющей начало и конец» (Толстая

2001: 289). Временной код мифа разделяет природные явления (времена года, лунные фазы) и жизненное (начало жизни – смерть, причем смерть ассоциируется с отсутствием времени). Временные характеристики в совокупности с признаками жизни (рождение, возраст, смерть) выражают цикличность признаков 'времени' концепта *ум* (... и нелегко постижимое постигалось детским умом, – тайное и недостижимое становилось вдруг доступным безотчетно, но уже крепко верующему ребенку. Е.П. Ростопчина; *Молод годами, да стар умом*. Пословица; *Молоденький умок*, что весенний ледок. Пословица; ... но *ум* его был юн, богат, как сорок лет тому назад. А.С. Пушкин; Зелен виноград не сладок, *млад ум* – не крепок. Поговорка; ...что я сам совершенный ребенок <...> развитием, душой, характером и, может быть, даже *умом* я не взрослый, и так и останусь, хотя бы я до шестидесяти лет прожил.. М.Ю. Лермонтов; ... опытность давала ему перед нами многие преимущества; к тому же его обыкновенная угрюмость, крутой нрав и злой язык имели сильное влияние на молодые наши *умы*. А. С. Пушкин; О, вам, может быть, представляются эти вопросы грубыми, жестокими, но не требуйте же от юного ума воздержания невозможного. Ф.М. Достоевский). (Ведь вот мы все, а может быть и вы тоже, г. Спасовичъ, – ведь не святые же мы, несмотря на то, что у нас *ума* больше чем у семилетнего ребенка. Ф.М. Достоевский).

Ментальные процессы в наивной языковой картине мира репрезентируются через признаки стихий 'огонь' (ср.: ...читала книгу, и в книге непременно были строки с искрами ее *ума*, кое-где мелькал огонь ее чувств, записаны были сказанные вчера слова, как будто автор подслушал, как теперь бьется у ней сердце. И.А. Гончаров) и 'вода'. Признаки стихии «вода» выражаются свойствами мутности (помутневший ум; ср.: И рыдал... команда не внимала, И несчастный помутневший ум Был один во власти страшных дум. М.Ю. Лермонтов; *Ум* его помутился: глупо, без цели, не видя ничего, не слыша, не чувствуя, бродил он весь день. Н.В. Гоголь; Глаза его загорелись *ум* помутился. Н.В. Гоголь; С самого того разу, как ее в этом подлом доме оскорбили, помутилось у ней сердце... и *ум*. Ф.М. Достоевский).

Структура концепта *разум* в русской языковой картине мира

Понятийный компонент концепта *разум*

Слово *разум* в период средневековой культуры было связано с понятием *ум*. Августин Блаженный в своих философских сочинениях подчеркивает, что **разум** связан в представлениях людей с умом, **разум** – это «своего рода взгляд ума (т.е. тот орган, с помощью которого воспринимают информацию), а умозаключение (способность производить какие-то операции) – разумное исследование, т.е. движение этого взгляда по всему подлежащему обозрению» (Бычков 1999: 88). В синонимическом ряду для слова *разум* в древнерусском языке поставлены слова *смысл*, *слово как логос*. По мнению С.В. Дегтярева, И.И. Макеевой, «обозначение словом собственно разума, интеллекта представлено в философско-теологических сочинениях, которые были переводными и составляли значительный пласт русской культуры» (Дегтярев, Макеева 1990: 162). Слово и *разум* для христианской культуры были неразрывными понятиями: имевшее божественное происхождение слово ассоциировалось как атрибут разумной деятельности человека: «На земли же древле создал (бог) человека по своему образу и от своего трисолнечнаго божества подобие тричленно дарова ему: ум и слово и дух животен. И пребывает в человецех ум, яко отец слову, слово же исходит от него, яко сын посылаемо» (Повесть о Петре и Февронии, XVI в.). Прилагательные *словесный* и *бессловесный* в русском языке содержат смысловой компонент *разумности* – *неразумности* (*словесное существо*, разумное, одаренное речью, словом, человек. В.И. Даль).

Лексико-этимологический компонент концепта разум

Смысл и *разум* – синонимы. В восточнославянской письменности слово *смысл* фиксируется с XI в., одно из значений его 'разум, ум, рассудок' (фиксируется в письменности с XI в., еще употреблялось в русском языке XIX в.; в XX столетии воспринимается как устаревшее): «дѣти, ащи излишняго ядания и спания употребляти будутъ, тупаго смысла бывають» (Гражданство обычаев детских, XVII в.)».

В XIX в. актуализируется значение *разума* как высшей способности человека, которой следует руководствоваться в действиях (**Разум не велит ума не спрашивай**. Пословица; **Разум – душе во спасение, а Богу на славу**. Пословица; **разум сочинения, разум закона**; *Для сего то все установления государственные при подробном их рассмотрении не представляют сего творческого единства, которое в прочих произведениях разума мы встречаем*. М.М. Сперанский; *Вотъ, любезный родитель, мои мысли, вотъ мои правила, плоды наставлений и размышлений*

собственного разума, коимъ и следовать я намерень. К. Рыле-ев).

Разум связан с умом, рассудком, а также со смыслом и со словом. В.В. Колесов отмечает, что «разум – первое воплощение ума, уже чисто человеческое его качество, предполагающее целесообразность и полезность мысли, слова и дела в их единстве (смысл в самом широком значении)» (Колесов 2002: 116).

Образный компонент концепта разум

Образный компонент концепта *разум* не менее насыщен концептуальными метафорами, концептуальными признаками, когнитивными моделями. *Разум* воспринимается как результат действий высшей духовной силы, поэтому из всех видов витальности концепт *разум* наиболее ярко представлен признаком проявления жизненной энергии – силы. Признак 'силы' репрезентируется разными языковыми средствами: *сила разума*; *сильный разум* (*Мудрость правительства не в том состоит, чтоб ожидать и покоряться происшествиям, но в том, чтоб владеть самою возможностью их и силою разума исторгать у случая все, что быстрое устремление может иметь вредного*. М.М. Сперанский; *Мне лично, моему сердцу открыто несомненно знание, непостижимое сильным разумом*. И.А. Гончаров).

В структуре концепта *разум* отмечаются следующие признаки живого существа: 'голос', 'слух', 'здоровье', 'зрение (глаза)/ отсутствие зрения'. Признак '**голос**' выражается через характеристики возможности его услышать (*послушать разум, прислушаться к голосу разума*; *Уж я думала – подумала, чужого разума послушала*. Лирическая песня XIX в.; *...совесть её роптала громче её разума*. А.С. Пушкин), 'слух' (*Где не хватит ума, спроси разума*. Поговорка; ***Разум не велит** – ума не спрашивай*. Поговорка; *Где не хватит ума, спроси разума*. Поговорка), признак физического состояния '**сила/ слабость**' (...*О называй меня безумным! Назови чем хочешь; в этот миг я разумом слабею*. А.А. Фет); признак '**зрение (глаза)/ отсутствие зрения**' (*Здесь родилась я, здесь открылись дневному свету младенческие глаза, здесь прозревали медленно и постепенно взоры моей души: разум, мысль и понимание*. Е.А. Ган). Концепт *разум* характеризуется признаком 'питание' (*Вот, мыслил я, прельщенный дивным веком, Вот разума великолепный пир*. Е.А. Боратынский).

В русской языковой картине мира *разум* ассоциируется с проявлением высших духовных способностей, система зооморфных признаков этого концепта содержит только одну группу – орнито-

логические признаки (*крылья разума, полет разума*). Анималистические и энтомологические признаки у этого концепта отсутствуют.

Наиболее богатая гамма признаков составляет систему антропоморфных образов: разум как человек проявляется в социальных, ментальных, эмоциональных и гендерных признаках. При чем разум является отличительной особенностью человека от животного. В «Словаре живого великорусского словаря» В.И. Даля в словарной статье «Человек» отмечено, что «человек отличается от животного разумом и волей, нравственными понятиями и совестью и образует не род и не вид животного, царство человека» (Даль 1994: 588). Ср.: *(Есть умные животные, но **разумен** только человек.* В.И. Даль; *Люди познакомятся с именами прав, законов, преимуществ, свободы; и таково есть свойство человеческого разума и очарование надежды.* Л.Н. Толстой; *...что в общем движении человеческого разума государство наше стоит ныне во второй эпохе феодальной системы, т.е. в эпохе самодержавия, и, без сомнения, имеет прямое направление к свободе.* М.М. Сперанский).

Среди социальных признаков концепта *разум* выделены 'учение', 'дружба', 'исследование', 'наставничество', 'власть', 'театр', посредством которых реализуются следующие когнитивные модели:

♦ «**Разум → ученик**» (*Ты грамотой свой **разум** просветил.* А.С. Пушкин; *Любезность, **разум** просвещенный...* А.С. Пушкин).

♦ «**Разум → исследователь**» (***Разум** неистощим в соображении понятий, как язык неистощим в соединении слов.* А.С. Пушкин).

♦ «**Разум → наставник/ советник**» (*И писание ясно указывает на суету скорби, и размышление, – прервал молчание Иероним: отчего же душа скорбит и не хочет слушать разума.* Ф.М. Достоевский; *Бог даст, разлюблю, / Совету разума внимлю.* Е.П. Ростопчина; *Уж я думала – подумала, / Чужого **разума** послушала.* Лирическая песня XIX в.).

♦ «**Разум → властитель**» (*Надеяться мне **разум** не велит...* Е.П. Ростопчина; *Что лучше: **разуму** спокойно повинуясь.* Е.П. Ростопчина; *...коего все затеи не от **разума** и воинского распорядка, но от дерзости, случая и удачи зависели.* А.С. Пушкин).

♦ «**Разум → писатель**» (*Для сего то все установления государственные при подробном их рассмотрении не представляют сего творческого единства, которое в прочих произведениях разума мы замечаем: все они подобны слякам зем-*

ли, постепенным наводнениям составленным. М.М. Сперанский).

♦ «**Разум → спутник**» (Правда, он и не рассчитывал на вещи; он думал, что будут одни только деньги, а потому и не приготовил заранее места, – «но теперь-то, теперь чему я рад?» думал он. – «Разве так прячут? Подлинно **разум** меня оставляет!» Ф.М. Достоевский; Стало быть не оставил же еще разум, стало быть есть соображение... Ф.М. Достоевский).

♦ «**Разум → собеседник**» (Это – самая тяжелая, мучительная боязнь чего-то, чего я сам определить не могу, чего-то непостижимого и несуществующего в порядке вещей, но что непременно, может быть, сию минуту осуществится, как бы в насмешку всем доводам разума, придет ко мне и станет предо мною, как неотразимый факт, безобразный и неумолимый. Ф.М. Достоевский; ...что нет доводов чистого разума, что чистого разума и не существует на свете. Ф.М. Достоевский; И, если уж все говорить, почему вы так наверно убеждены, что не идти против настоящих, нормальных выгод, гарантированных доводами разума и арифметикой, действительно для человека всегда выгодно и есть закон для всего человечества? (Ф.М. Достоевский).

Блок признаков 'живой природы' концепта *разум* в наибольшей степени представлен 'витальными' и 'антропоморфными' признаками. *Разум* воспринимается как живое существо, которое обладает органами восприятия: глазами, ушами, *разум* наделен способностью говорить.

В блок признаков 'неживой природы' концепта *разум* входят признаки 'вещества': разум – 'твердое вещество' (*Ибрагим не мог надивиться быстрому и твердому его разуму, силе и гибкости внимания и разнообразию деятельности.* А.С. Пушкин; ...но вторая одна может быть свойственна народу, который имеет более доброго смысла, нежели пытливости, более простого и твердого разума, нежели воображения... М.М. Сперанский), пространственные признаки – признаки 'дома как строения' (*Язык разум открывает.* Поговорка; *столпы разума*; ср.: ...воздвигали бы под завесою настоящего правительства новое здание на столпах разума. М.М. Сперанский), признаки стихии 'огня' (*Сочинение вообще требует известного огня в разуме, умеряемого опытом и размышлением.* М.М. Сперанский).

В заключение следует отметить, что выявленные группы признаков формируют структуры концептов *ум*, *разум*, которые позволяют судить о таком фрагменте русской языковой картины мира, как интеллектуальная деятельность. Для русского человека

свойственно разделять эти концепты, соединяя в понимании *разума* высшее проявление мыслительной способности и воли человека (*Разум – душе во спасенье, Богу на славу*. Поговорка; *Ум без разума – беда*. Поговорка), в понимании *ума* – способность человека думать и понимать или нечто представляемое, подобно органу, при помощи которого человек осуществляет мыслительные операции (*сделано с умом; Без ума ни топором тяпать, ни ковырять лапоть*. Поговорка; *Без ума, так и без промысла*. Поговорка).

Дифференциация двух концептов *ум* и *разум* обусловлена рядом причин этимологического, культурологического и когнитивного характера. *Ум* и *разум* – самостоятельные концепты, на что указывают особенности их вербализации в русской языковой картине мира (*Где ума не хватит, спроси разума*. Поговорка; *Ум да разум надоумят сразу*. Поговорка; *Мужа чтут за разум, жену по уму*. Поговорка; *У него ума палата, да разум маловат*. Поговорка; *На другое утро доложили камергерше, что учитель ночью где-то расшибся и лежит теперь без ума, без разума*. Н.С. Лесков). Сходные признаки исследуемых концептов определяют их типологию.

Некоторые группы признаков не выявлены в структуре исследуемых концептов. У концепта *разум* не выявлены эмоциональные признаки – гнев, тоска, ужас, признаки времени. У концептов *ум* и *разум* не выявлены признаки стихий – вода, земля.

Литература

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 520 с.

Богин Г.И. Модель языковой личности в её отношении к разновидностям текстов: Автореф. дис. ...д-ра. филол. наук. Л., 1984. 42с.

Голованивская М.К. Французский менталитет с точки зрения носителя русского языка. М.: Изд-во МГУ, 1997. 297 с.

Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград – Архангельск: Перемена, 1996. С.3-16.

Карасик В.И. О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности: Сб. научн. тр. Волгоград: Перемена, 2001. С.3-16.

Колесов В.В. Философия русского слова. СПб.: ЮНА, 2002. 448 с.

Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова...» СПб.: Златоуст, 1999. 368 с.

Кондратьева О.Н. Вертикальная ось 'верх – низ' в характеристике концептов внутреннего мира человека // Sprache. Kultur. Mensch. Ethnie / Hrsg.von M.V. Pimenova. – Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2002. (Reihe "Ethnohermeneutik und Ethnorhetorik". Bd. 8. Hrgb. der Reihe: H. Barthel, E.A. Pimenov). С. 90-96.

Мир человека и мир языка / Отв. ред. М.В. Пименова. Кемерово: Графика, 2004. Вып. 2. 374 с.

Кубрякова Е.С. Концептуализация // Краткий словарь когнитивных терминов / Под ред. Е.С. Кубряковой. М.: Филол. фак-т МГУ, 1997. 243 с.

Кубрякова Е.С. Размышления о судьбах когнитивной лингвистики на рубеже веков // Вопросы филологии 2001. №1. С. 56-61.

Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1988. Вып. XXIII. С. 12-53.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 387–416.

Пименов Е.А. Некоторые особые направления этногерменевтики // Этногерменевтика: фрагменты языковой картины мира. Кемерово: Кузбассвузиздат; Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 1999. С. 48-50.

Пименов Е.А. Эссе об эмоциях // Филологический сборник. Кемерово: Графика, 2002. Вып. 2. С. 127-130.

Пименов Е.А. Социальные признаки немецких концептов ДУХ и ДУША // Sprache. Kultur. Mensch. Ethnie / Hrsg.von M.V. Pimenova. Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2002. (Reihe "Ethnohermeneutik und Ethnorhetorik". Bd. 8. Hrgb. der Reihe: H. Barthel, E.A. Pimenov) С. 99-107.

Пименов Е.А., Пименова М.В. Жизнь – путь / дорога: опыт концептуального анализа // Sprache. Kultur. Mensch. Ethnie / Hrsg.von M.V. Pimenova. Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2002. (Reihe "Ethnohermeneutik und Ethnorhetorik". Bd. 8. Hrgb. der Reihe: H. Barthel, E.A. Pimenov). С. 107-123.

Пименова М.В. Этногерменевтика языковой наивной картины внутреннего мира человека. Кемерово: Кузбассвузиздат; Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 1999. (Серия "Этногерменевтика и этнориторика" Вып. 5. Изд. серии: Х.Бартель, Е.А. Пименов). 262 с.

Пименова М.В. Концепты внутреннего мира (русско-английские соответствия): Дис. ... д-ра. филол. наук. СПб., 2001. 497 с.

Пименова М.В. Методология концептуальных исследований // Вестн. Кемер. гос. ун-та. Сер. Филология / Ред. М.В. Пименова. Кемерово, 2002. Вып. 4 (12). С. 100-105.

Пименова М.В. О некоторых способах концептуализации внутреннего мира человека (на примере когнитивной модели 'сердце -> контейнер') // Язык. Миф. Этнокультура / Отв. ред. Л.А. Шарикова. Кемерово: Графика, 2003. С.160-164.

Пименова М.В. Структура концепта разум // Mentalität und Mentales / Hrsg. von E.A. Pimenov, M. V. Pimenova. Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2003. (Reihe «Ethnohermeneutik und Ethnorhetorik»). Bd. 8 Hrgb. der Reihe: H. Barthel, E.A. Pimenov). С.95-111.

Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. Воронеж: Истоки, 2003. 56 с.

Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2002. 189 с.

Попова З.Д., Стернин И.А. Проблема моделирования концептов в лингвокогнитивных исследованиях // Мир человека и мир языка: Коллек-

тивная монография / Отв. ред. М.В. Пименова. Кемерово: Графика, 2003. С. 6-7.

Резанова З.И. Метафора в процессах миромоделирования в языке и тексте // Изв. Том. политехн. ун-та. Томск: ТПУ, 2002. Т. 305. Вып. 4. С. 74-83.

Селиверстова О.Н. О книге Дж. Лайонза «Структурная семантика» // Семантическая структура слова. Психолингвистические исследования. М.: Наука, 1971. С. 195-208.

Сергеева Н.М. Этногерменевтический метод в исследовании концептов *ум* и *разум* // Социокультурная герменевтика: проблемы и перспективы: Сб. науч. ст. междунар. конф. Кемерово: Графика, 2002. С.133–135.

Сергеева Н.М. Актуальные признаки концептов *ум* и *разум* // Филологический сборник: Сб. науч. ст. Кемерово: Графика, 2002. Вып. 2. С.154–157. (Серия «Филологический сборник»).

Сергеева Н.М. Витальные и социальные признаки концепта *ум* // Картина мира: язык, философия, наука: Сб. науч. ст. Томск: ТГУ, 2002. С.127–132.

Сергеева Н.М. Некоторые особенности языкового выражения внутреннего мира человека // XXIX конф. студентов и молодых ученых Кемер. гос. ун-та: Сб. науч. ст. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2002. С. 162–164.

Сергеева Н.М. Гендерный аспект концептов «ум», «разум» в русской языковой картине мира // Sprache. Kultur. Mensch. Ethnie. Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2002. Bd.8. S. 173–177. (Reihe "Ethnohermeneutik und Ethnorhetorik").

Сергеева Н.М. Пространственные признаки концептов *ум*, *разум* в русской языковой картине мира // Язык. Миф. Этнокультура: Сб. науч. ст. междунар. конф. Кемерово: Графика, 2003. С. 164–168.

Сергеева Н.М. Некоторые аспекты когнитивных исследований // 2 обл. науч. конф. «Молодые ученые Кузбассу»: Сб. науч. ст. Кемерово: Полиграф, 2003. С.49–51.

Сергеева Н.М. Некоторые аспекты современной лингвистики // Проблемы лингвистического образования. Екатеринбург: АМБ, 2003. С.11–18.

Сергеева Н.М. Ментальные признаки концептов *ум*, *разум* // Сб. молодых ученых Кузбасса, посв. 60-летию образования Кемеровской области. Кемерово, 2002. С.218–221.

Сергеева Н.М. Антропоморфные признаки концептов УМ и РАЗУМ // Словарь, грамматика, текст в свете антропоцентрической лингвистики. Иркутск: ИГУ, 2003. Вып. 2. С.130–136.

Сергеева Н.М. Предметные признаки концепта *ум* в русской языковой картине мира // Человек и его язык (К 75-летию проф. В.П. Недеялкова). – Кемерово: Графика, 2003. Вып. 4. С.90–93. (Серия «Филологический сборник»).

Сергеева Н.М. Выражение признака стихийности через метафору 'огня' (на примере концептов *ум*, *разум*) // Язык. Этнос. Картина мира: Сб. науч. тр. Кемерово: Графика, 2003. Вып.1. С. 86–91. (Серия «Концептуальные исследования»).

Сергеева Н.М. Метафора 'пути / дороги' (анализ концептов *ум, разум*) // Язык. История. Культура: Сб. науч. тр. Кемерово: Графика, 2003. С. 129–139. (Серия «Филологический сборник»).

Сергеева Н.М. Витальные признаки концепта *ум* в русской языковой картине мира // Материалы междунар. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». М.: МГУ, 2003. Вып. 10. С. 26–27.

Сергеева Н.М. Метафорические характеристики концепта «разум» в политических текстах начала XIX в. (на материале проектов и записок М.М. Сперанского) // Лингвистика: Бюллетень Урал. пед. ун-та. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т 2003. С.192–200.

Сергеева Н.М. Концепт УМ в русской языковой картине мира // Коммуникативные аспекты языка и культуры: Сб. тр. науч. конф. молод. ученых. Томск: ТПУ, 2003. С. 89-94.

Сергеева Н.М. Языковая репрезентация пространственных характеристик в русской языковой картине мира (на материале концептов *ум, разум*) // Пространство и время в восприятии человека: историко-психологический аспект: Материалы междунар. науч. конф. СПб.: Нестор, 2003. Ч.2. С.155–159.

Сергеева Н.М. Метафора "дом" в русской языковой картине мира (на материале концептов *ум, разум*) // LINGUISTICA JUVENIS: Сб. науч. тр. Екатеринбург, 2003. С.123–128.

Сергеева Н.М. «Но пред тобой, как пред нагим мечом, Мысль острый луч! Бледнеет жизнь земная...» // Проблемы языковой концептуализации и категоризации действительности: Материалы междунар. конф. «Язык. Система. Личность» / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2004. С.56–65.

Сергеева Н.М. Концепты *ум, разум* в русской языковой картине мира. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004. 23 с.

Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2001. 990 с.

Урысон Е.В. Фундаментальные способности человека и наивная «Анатомия» // Вопросы языкознания. 1995. №3. С. 4-15.

Lakoff G., Johnson M. *Metaphrs we live by*. Chicago, 1980.

Lakoff G. *Women, Fire and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind*. Chicago – London, 1987.

В.М. Топорова (Воронеж)

ФОРМА

В отличие от категории «пространство», которая является важной областью когнитивных исследований (Яковлева 1994, Кравченко 1996, Степанов 1997, Кубрякова 1997, Категоризация мира...1997, Попова, Стернин 2001 и мн. др.), категория формы, органически встраивающаяся в концептосферу «пространство», остается одним из мало разработанных объектов в когнитивной лингвистике. Не существует до сих пор и алгоритма анализа лек-

стики по семе «форма». Вместе с тем форма в концептуальной системе человека занимает очень важные позиции при репрезентации самих основ бытия. Не случайно эта универсальная категория человеческого разума привлекала исследователей на протяжении всего существования человечества. Характерно, что при всех особенностях концептуально-философской трактовки формы со времен древней науки до наших дней, от Эвклида до Лобачевского, эта категория связана с выражением представлений человека о строении мира, о сущности бытия, а также с выражением этических воззрений. Особая роль при этом отводится геометрической форме. Как говорил Платон, философу необходимо знать геометрию, чтобы созерцать сущностное и возвыситься над изменяющимся.

Форма является поистине всеобъемлющим, многомерным понятием, охватывающим все стороны человеческого бытия, духовной и практической деятельности людей, что отражено в самом широком (философском) понимании формы как способа существования, проявления какого-либо содержания, зависящего от конкретных условий (Тютин 1971). Это определение воплощает родовую инвариантную характеристику формы, соотносимую фактически с любыми существующими определениями формы, отражающими особенности ее трактовки в различных сферах опыта (логические формы, музыкальные формы, формы человеческих отношений, в языке – грамматические формы и т.д.). Эту многогранную соотнесенность фиксирует и многозначная семантика лексемы «форма».

Очевидно, в силу всего сказанного, концепт «форма» как ментальное образование следует рассматривать как сложный многогранный феномен, проецируемый на любой объект человеческого восприятия и осмысления.

Особый интерес с точки зрения когнитивного подхода представляют категориальные потенции формы, которые в той или иной мере отмечались исследователями со времен древней науки до наших дней: это и представления о форме как творческом, активном начале (Платон, Аристотель), и положение о связующей, структурообразующей функции формы (Кант, Гегель), нашедшие развитие в современных философских и эстетических концепциях. Выявление роли концепта «форма» в процессах языковой концептуализации мира составляет актуальную задачу когнитивного исследования.

При репрезентации концепта «форма» в сознании человека большой удельный вес принадлежит предметной форме. Обычно в семантических исследованиях сема формы маркирована как

эмпирический признак наряду с такими признаками как «цвет», «размер». Такую трактовку в эмпирическом ключе предметная форма получала часто в истории науки. Так, форму определяли как границу поверхности предмета, как видимый очерк предмета. Характерно, что в современной лингвистике определение формы как эмпирического признака опирается именно на такое понимание. Вместе с тем по сути своей форма – это понятие высокого уровня абстрактности. Ведь в реальной практике форма неотделима от предмета. Представление о форме вещи есть результат абстрагированного восприятия ее пространственных характеристик. Любое твердое тело существует в определенных пределах, т.е. представляет собой конечную массу, ограниченную в пространстве своей поверхностью. Соответственно способу организации каждый предмет характеризуется определенным количеством составляющих его частей и их расположением относительно друг друга (в этом смысле принято также говорить о топологической карте или схеме предмета), особенностями внешнего очертания поверхности, т.е. имеет некоторую, воспринимаемую зрительно (и тактильно) пространственную конфигурацию. В обыходе под формой предмета понимается, прежде всего, эта его сторона – пространственная конфигурация.

Определение формы как «пространственно-геометрической конфигурации» (Ильенков 1984, с.33), из которого мы исходим, основано на закономерности человеческого восприятия пространства и пространственных форм на базе геометрических представлений.

Исследования по психологии восприятия выявляют важную роль геометрических объектов как эталонов пространственной формы: представление о той или иной конфигурации складывается на основе выделения опорных точек, линий поверхности, их сочетаемости.

Конфигурационный облик мира, в сущности, неисчерпаем в динамике своих феноменологических комбинаций и взаимопереходах различных элементов, но он «исчислим» в своих инвариантных структурных характеристиках, обусловленных закономерностями земного бытия, земным тяготением, определяющим виды симметрии в природе и задающим основные типы пространственных форм – инвариантов, представленных в номенклатурных системах языковых единиц. По большому счету человек не может выйти за пределы предзаданной типологии форм. Изучение живой и неживой природы (в биологии, кристаллографии, гляциологии, ботанике) подтверждает открывшуюся еще пифагорейцам подчиненность мира протяженных тел общим законам

геометрии: несмотря на обилие и разнообразие природных объектов (кристаллы, горы, растения, животные, люди) можно говорить об общих геометрических законах, характеризующих внешние формы природных тел (Шафрановский 1985). Геометрические символы можно рассматривать в этой связи как концентрированно, абстрактно представленные потенции бытия формы, обусловленные закономерностями земного бытия. В связи со сказанным геометрические концепты можно рассматривать в качестве ядра общего концепта «форма предмета». Более того, такие геометрические объекты, как «точка», «линия», «круг» и «угол» выступают как некие первоэлементы формы, так как именно из соотношения этих элементов строится представление о той или иной пространственной конфигурации.

Наряду с геометрическими эталонами формы существуют предметно маркированные эталоны пространственной формы, хранящиеся в памяти человека. В качестве носителей предметно маркированных эталонов формы мы рассматриваем предметы, названия которых используются при определении формы других предметов. Эталонный характер обычно приобретает форма (структура) предметов ближайшего окружения человека, имеющих важное значение в его жизнедеятельности.

Анализ эталонов предметно маркированной пространственной формы выявляет три основных структурно-морфологических типа, представленных в языке: 1) геометрические подобию – предметно маркированные абстрагированные конфигурации и топологические схемы предметов, которые соответствуют определенному геометрическому образу (чаша – полушарие, кольцо – круг и т.д.); 2) усложнённые конфигурации и топологические схемы, абстрагированные от конкретных предметов и ставшие эталонными в сознании носителей языка (гриб, груша, воронка и т.д.); 3) структурные схемы предметов (дерево, сноп, елочка, веер, звезда, ежик и т.д.)

Центральное место в представлении концепта «форма» в сознании человека занимают геометрические эталоны. При этом усложненные конфигурации и структурные схемы также выделяются на основе определенной совокупности геометрических характеристик, складывающихся в некоторую целостность – гештальт. Характерно, что форма (и структура) предметов, которая приобрела эталонный характер, закрепляется обычно графическим путем в виде особого знака – изображения контура или структуры, получающего в языке наименование по имени предмета.

Предлагаемую модель ЛСП «форма» мы строим, исходя из наивно-физической картины мира, в которой представлениям геометрии Евклида принадлежит особая роль, иначе говоря, мы представляем структуру ЛСП «форма», исходя из закономерностей пространственно-практической ориентации человека и характера перцептивного процесса в целом.

Соответственно представленной структурно-морфологической типологии формы можно выделить различные группы номинаций, входящих в лексико-семантическое поле «форма»: геометрические номинации и предметно маркированные названия форм или структур, уподобляемых геометрическому образу, и названия усложненных конфигураций. Среди предметно маркированных названий выделяются группы номинаций, которые можно обозначить как специфицированные областью рисунка, графики: изобразительные (названия знаков-изображений контура), денотаты которых воспроизводят особенности конфигурации поверхности предмета в виде контурного изображения (*луковка, сердечко, бантик, гриб*) и геометризованные конструкты, денотаты которых воспроизводят особенности структуры предмета, имеющие также абстрагированную графическую представленность (*елочка, дерево, ежик*). В особую группу можно выделить обобщенные номинации различных видов контурной схематизации формы (*силуэт, очертание, профиль, контур*). Следует отметить, что типы предметно маркированных эталонов формы можно выделять на основании различных критериев, например, по таксономической принадлежности соответствующей лексической единицы. Так, в качестве эталона формы могут выступать синтаксические знаки: запятая, знак вопроса, скобки; конфигурация букв, цифр (мягкий знак, цифра «восемь» и т.д.). Эталонной может стать форма предмета одежды, головного убора, обуви, оружия и т.д. Все это свидетельствует о большом разнообразии языкового представления концепта формы со стороны конструктивно-морфологических особенностей. И это разнообразие еще более увеличивается за счет индивидуально-авторских ассоциаций.

Ядро ЛСП «форма» составляют геометрические номинации, денотаты которых расположены в узлах той категориальной сети, которая обеспечивает пространственно-практическую ориентацию человека. Все другие группы лексики, которые можно отнести к ЛСП «форма», спроецированы, в конечном счете, в той или иной мере на понятийное ядро, представленное группой геометрических номинаций.

Центр нашего исследования составляют четыре блока русских и немецких лексических единиц, связанных с актуализацией гео-

метрических образов точка, линия, круг и угол – ведущих формообразующих элементов, на которые человек опирается в процессе обыденного восприятия формы.

Следует отметить, что точка, линия, круг и угол, являясь автономными объектами геометрии Евклида, концептуально взаимосвязаны, так же как концептуально связаны другие автономные объекты – прямая и кривая, незамкнутая и замкнутая кривая, разновидность которой есть окружность (в обыденном именовании – круг) и т.д. При этом любое геометрическое тело может быть представлено как геометрическое место точек.

Геометрические номинации точка, линия, круг и угол мы рассматриваем как имена четырёх лексико-семантических микрополей, входящих в общее ЛСП «форма». Данные номинации имеют статус ядерных, объединяя номинации других геометрических объектов и предметов, выделяемых по признакам соответствия их топологической схемы геометрическому объекту. Так, в ЛСП точка входит название, конкретизирующее вид точки – центр, а в ЛСП линия – прямая. В ЛСП точка входят лексемы зерно, ядро, графический образ денотатов которых воплощается в точке. В ЛСП линия мы рассматриваем лексемы черта, нить как названия материальных аналогов объекта «линия», но также названия двумерных объектов, таких как полоса, дорога, лента и трёхмерных – канал, столб, денотаты которых могут быть схематизированы по признаку «линейности» формы как линия. Сюда же мы включаем лексему путь, денотат которой схематизируется графически как линия. По существу, к ЛСП линия могут быть отнесены названия любых протяжённых объектов, образы которых трансформированы схематически в линию, в том числе траектория полёта тела. Таким образом, по признаку линейности можно выделять класс «линейных объектов», так же как по признаку круглости можно выявлять класс предметов круглой формы.

К ЛСП круг мы относим прежде всего названия любых видов замкнутых кривых (например, овал), а также названия объёмных тел сфера, шар, проекцией которых на плоскость является круг, это могут быть также полушарие, полусфера. Сюда же можно отнести и спираль в определённом проективном представлении, хотя спираль – это кривая незамкнутая. Кроме того, к ЛСП круг можно отнести названия, лексемы, денотаты которых соотносимы с любыми видами криволинейных форм (в том числе, незамкнутых кривых), подпадающих под широкое определение круглый, принятое в обиходном языке. Естественно, правомерно рассмотрение в ЛСП круг названия части окружности дуга.

В ЛСП угол мы помещаем названия замкнутых фигур на плоскости (многоугольников), во внутреннюю форму которых входит признак угол. Сюда же мы относим названия объёмных геометрических объектов (куб, параллелепипед), проекцией которых на плоскость являются многоугольники. Кроме того, в обыденном сознании выделение этих форм (фигур) также ассоциировано часто с актуализацией признака наличия угла.

В рассматриваемые ЛСП мы включаем названия предметных аналогов соответствующих геометрических объектов, в которых геометрическая схема актуализируется в виде дифференциальной семы.

Изучение геометрических концептов составляет очень важное звено в исследовании характера языковой репрезентации концепта «форма» в целом в сознании человека. Составляя основу пространственно-практической ориентации человека, эти концепты имеют особую значимость в сфере организации системы пространственных представлений человека, участвующих в формировании картины мира человека в целом и составляющих исходную семантическую базу осмысления многих фундаментальных концептов человеческого сознания (Гуревич 1984, Голан 1993).

С точки зрения когнитивного подхода актуальность исследования геометрических концептов и их языковой репрезентации просматривается прежде всего в аспекте рассмотрения вопросов когнитивного моделирования в лингвистике и общей когнитологической проблематики образа.

Связь с когнитологической проблематикой образа проявляется в двух направлениях – как по линии актуализации наглядно-образной схемы, так и в аспекте рассмотрения концептуальных схем.

Особенности представлений геометрии Евклида проявляются в их соотнесенности и со сферой абстрактного мышления, и со сферой эмпирического опыта. В работах по изучению природы математического знания отмечается, что объекты геометрии Евклида обладают особой наглядной данностью, которая имеет онтологическую природу (Беляев, Перминов 1981). Геометрические представления глубоко внедрены в сознание человека, в его представления об объектах окружающего мира, связаны с базовыми структурами, организующими его перцептивный мир и реализуются в практике в виде особой геометрической интуиции, обеспечивающей практическую ориентацию.

Устоявшиеся в сознании ассоциации, связанные с процессом формирования геометрических понятий в практической деятельности, составляют область эмпирических коннотаций геометри-

ческой формы, входят в «ассоциативную базу» геометрического понятия (Курант 1967). Они могут сохраняться во внутренней форме геометрических номинаций, восходящих к названиям конкретных действий и предметов окружающей действительности, с которыми люди сталкивались в практической деятельности. Как известно, большинство геометрических терминов восходит к названиям таких конкретных действий и предметов (точка – от «ткнуть», линия – от лат. *linea* «бечевка, полоса проведенная этой бечевкой», конус – от *conus* «шлем», «сосновая шишка» и т.д.).

Все это обуславливает сложный статус геометрических концептов формы в сознании человека. Геометрический образ может рассматриваться и в аспекте логического понятия (в статусе значения геометрического термина), и в аспекте связи его с обиходным представлением. На уровне теоретического знания мы имеем дело с абстрактными идеализированными объектами геометрии, на уровне обыденного сознания – с геометрическими понятиями-представлениями эмпирического уровня, уровня геометрической интуиции, характеризующейся «конвертируемостью» (Аветян 1979) понятий и представлений, где геометрические образы могут выступать в качестве архетипов сознания (по К.Юнгу).

Примечательно, что исследования по психологии восприятия дают также практическое подтверждение правомерности термина Э.Маха «ощущение формы», выявляя связь формы с чувственно-эмоциональным миром человека, эмоциональный характер восприятия человеком пространственной конфигурации. Из исследований по психологии восприятия известно, что форма вообще и геометрическая форма прежде всего может оказывать сильное эмоциональное воздействие на человека. Так, линию можно характеризовать в терминах физических ощущений. Мы можем ощущать резкость или мягкость линий, которые мы рассматриваем. Ломаная линия производит тягостное впечатление, непрерывная – приятное, система несвязных линий дает ощущение неопределенности, система же ритмических линий – чувство равновесия и т.д.

Изучая особенности языковой представленности геометрических концептов и их роль в структурировании семантического пространства языка, мы можем углубить наши представления о сущности геометрической концептуализации как важного когнитивного механизма человеческого сознания, участвующего в процессах языковой категоризации мира, что часто подчеркивается в когнитивной лингвистике. При этом часто речь о геометрической концептуализации идет в контексте рассмотрения семантики

предлогов, репрезентирующей особенности пространственных отношений объектов действительности как безотносительно к воспринимающему их субъекту, так и в контексте их субъективного восприятия наблюдателем, предполагающем учет позиции наблюдателя.

Мы предлагаем иной ракурс когнитивного рассмотрения явления геометрической концептуализации на основе исследования семантики геометрических составляющих пространственного образа, на основе исследования семантической программы геометрических понятий (элементарных объектов геометрии Евклида – точки, линии, угла, круга и т.д.). Такое исследование мы проводим, анализируя характер семантической репрезентации геометрических концептов на основе рассмотрения семантики их наименований (геометрических номинаций).

Под геометрической концептуализацией мы понимаем прежде всего явление геометрической схематизации вещей мира (предметного мира), выделение топологической схемы (карты) реального объекта или его структурных характеристик на основе геометрических составляющих, геометрических образов и их сочетаний (точек, линий, углов, кривых), иначе говоря, определенных геометрических композиций.

Геометрические схемы могут выступать в качестве особого рода когнитивных классификаторов лексики (предметного кода), средства выделения особого рода концептуальных классов (типа, класс предметов круглой формы и т.д.), которые надстраиваются над таксономическими категориями, объединяя предметы из самых различных денотативных сфер. Так, в класс предметов круглой формы будут входить такие предметы, как космические тела (*Луна, Солнце*), предметы обихода (*тарелка*), предметы различного функционального назначения, типа *спасательный круг, гончарный круг, а также танцевальный круг* и т.д.

Особенностью категоризации объектов на основе подведения их под тот или иной геометрический образ является нежесткий характер самого процесса геометрической схематизации, т.е. подведения обобщаемых пространственных характеристик объекта под тот или иной геометрический эталон. Так, обычно кругом именуются не идеальной формы предметы или траектории. Кругом именуется овал, вообще замкнутая кривая и даже квадрат (*круг почта, круглый квадрат, квадратные глаза*) и т.д.

Следует отметить, что в названных случаях мы имеем дело с геометрической схематизацией на основе зрительного восприятия, эмпирического образа геометрического понятия (объекта), иначе говоря, наглядной схемы вообще. Геометрическая нагляд-

ная схема воплощает некоторые топологические особенности реального предмета.

Вместе с тем геометрическая схематизация имеет в языке и другие семантические формы репрезентации в процессах языковой номинации. Это можно проследить на основе исследования развития семантики самих геометрических номинаций.

Геометрическая схема всегда является носителем разнообразных смыслов. Так, наглядные схемы широко используются как средство наглядно-образной аргументации абстрактного понятия, относящееся к разряду так называемых визуальных дискурсивных форм. И с этой точки зрения явление геометрической концептуализации можно определить как наполнение геометрической схемы смыслом (символическим смыслом, значением). При этом можно говорить о системе устойчивых, укоренившихся в сознании (с учетом, конечно, и национальных особенностей культуры) человека, уходящих в мифологическое сознание, ассоциаций, связанных с геометрическими фигурами и другими, ставшими эталонными, конфигуративными элементами. Наряду с этим можно говорить и о возможности широкого спектра индивидуально-окказиональных смысловых ассоциаций, возникающих на основе различного рода пространственных композиций. И таким образом, геометрическая концептуализация может пониматься также как средство актуализации и связи смыслов.

Можно в самых общих чертах выделить два основных вида геометрической схематизации формы предмета: на эмпирической и на логической основе, т.е. на основе наглядной, эмпирически воспринимаемой схемы (геометрического образа) или на основе концептуального образа геометрического объекта как совокупности концептуальных характеристик.

Исследования выявляют важную роль динамической составляющей геометрической схемы в процессах семантического развития названий геометрических объектов. При этом актуализация динамической составляющей геометрического образа происходит на различных основаниях: 1. Как отражение физиологических закономерностей зрительного восприятия или мысленного воспроизведения особенностей той или иной конфигурации, которые в онтогенезе носят динамический характер (невозможно мыслить линию, не проводя ее, как невозможно мыслить круг, не описывая его). 2. Как мысленная трансформация геометрической конфигурации.

Анализ когнитивных оснований развития семантики геометрических номинаций показал, что базу семантического развития лексемы может составлять как наглядный образ-схема, так и кон-

цептуально-логическая схема. В этом смысле можно сказать, что геометрическая концептуализация, играющая важную роль в процессах языковой категоризации мира, связана и с наглядно-эмпирической актуализацией, и с логической репрезентацией геометрического объекта. Наглядно-эмпирический образ геометрического объекта актуализируется в семемах, маркируемых как «конкретная» (танцевальный круг, точка над «и», уголок воротника, прямая линия как графическая черта), а также и как «конкретная геометрическая» (конус крыши, треугольники птиц, прямоугольники газонов, шар Солнца, точки голубей в небе, круг почета как замкнутая кривая). Концептуально-логический образ геометрического объекта актуализируется в семемах, маркируемых как «абстрактная теоретическая» (математический термин) и как «конкретная постабстрактная»: торговые точки (при актуализации признака геометрического объекта точка «системность»), круг вопросов (при актуализации признаков «однородность», «стягивание к единому центру»), конвейерная линия (при актуализации признака «последовательное развертывание в пространстве»), линия поведения (при актуализации признака «направление»), любовный треугольник (при актуализации признака «наличие трех взаимосвязанных элементов»).

Следует отметить, что при актуализации логической схемы геометрического объекта наглядно-эмпирический образ может сохраняться и проявляться на уровне эмпирического гештальтного фона актуализируемого понятия: воздушные линии, линии связи, горячие точки планеты (по ассоциации с картографическим представлением).

Наглядная и концептуальная схемы геометрического объекта воплощают два уровня ментальной репрезентации геометрического концепта в семантическом пространстве языка. Первый уровень мы обозначаем как уровень гештальтной репрезентации геометрического концепта. Это -уровень эмпирического представления геометрического объекта в виде наглядной схемы – графического образа «графема» (в статике) и «траектория», «динамическая схема», «динамическая идеограмма» (в динамике). Второй уровень мы обозначаем как уровень концептуально-логического осмысления геометрического образа – уровень концептуального поля, включающий три вида признаков, выражающих: 1) структурные элементы геометрического объекта; 2) признаки, обобщающие структурные элементы на уровне общезначимых смыслов; 3) признаки, выражающие ассоциативно-психологическую символику геометрического объекта. Это уровень понятийного развертывания геометрического образа.

Кроме того можно выделить два способа семантической представленности геометрических концептов – семемный, уровень реализации семем, связываемых с геометрическими номинациями, и уровень семантических матриц. Семантические матрицы выделяются на основе выявления группировок семем по родовым семам в своеобразные семантические узлы (семантические связи), которые мы именуем «матрицами» смысла. Термин «матрица» мы используем по аналогии с его применением в полиграфическом деле, где «матрицей» обозначают пластину с углубленным отпечатком печатной формы (*matrix* лат. «источник», «начало», «матка»), в искусствоведении матрица иногда понимается как общая схема или даже как только еще оформляющаяся схема. Мы представляем «матрицу» как некий семантический контур концепта формы, задающий направление семантического преломления геометрического концепта в производных семемах. Это некий семантический эталон концепта формы, представляющий обобщенный способ «вхождения» геометрического концепта в семантическое пространство языка. Матрицы получают конкретное денотатное наполнение на уровне семем. Данные четыре уровня мы объединяем в понятии «когнитивная модель» геометрического объекта.

На нашем материале **когнитивные модели** «точки», «линии», «угла» и «круга» репрезентируются следующим образом.

Концепт *точка* представлен на уровне гештальтной репрезентации в виде графического знака, который мы обозначаем как «графема» (маленькое пятнышко на поверхности).

«Графема» репрезентируется в концептуальном поле на уровне обыденных представлений объекта точка дифференциальным признаком «малая величина» и родовым признаком «место в пространстве». На уровне логического восприятия концепт точки распределяется по двум анти-номичным концептуальным областям – Единицы и Нуля: точка как единица, имеющая положение в пространстве (Пифагорейская школа) и точка как отрицание пространства-времени, как ничто («Начала» Евклида).

В нашей модели мы выделяем пять основных семантических матриц, которые формируются на основе актуализации родовых признаков объекта *точка*. Они представляют общие направления семантической разработки геометрического объекта точка и, соответственно, основные направления семантической производности лексемы *точка*. На основании проанализированного нами материала можно выделить следующие семантические матрицы концепта «точка», представленные в обиходном языке в словосочетаниях с лексемой точка: «элемент в какой-н. системе» (*ра-*

диоточки, точки общепита), «фиксированное место в пространстве» (*самая высокая точка горы*), «фиксированное место, средоточие чего-н.» (*горячие точки планеты*), «графический знак» как визуально воспринимаемая точка (*точка в конце предложения, превратиться в точку*), «предел», «пограничное состояние» (*точка кипения*).

На уровне обыденного употребления лексемы точка в составе словосочетаний наиболее разработана концептуальная область Единицы (радиоточки, торговые точки, огневые точки, горячие точки планеты). Актуализация концептуальной области Нуля связана со сферой художественного сознания, ассоциативно-символического метафорического мышления при описании явлений психологической реальности, ситуации «трансценза», выхода в область «чистого духа». Основным средством «вхождения» Точки-Нуля в семантическое пространство языка является пропозиция, реализуемая в тексте, развернутое речевое высказывание: точка как средство дематериализации мира в образе «пространства, сжатого до точки» (О. Мандельштам), аналогично у И. Бродского: *Вечер. Развалины геометрии. /Точка, оставшаяся от угла ...*

Репрезентацию концепта *точка* на материале немецкого языка мы рассматриваем, анализируя семантическое устройство лексемы *der Punkt*. Сопоставление когнитивных моделей геометрического концепта *точка* и *der Punkt* выявляет наличие общих и специфических черт семантической репрезентации концепта точки в русском и немецком языках. Это проявляется и на уровне семантических матриц, и на уровне практически-языковой реализации семем денотативного и коннотативного типа. Один и тот же концептуальный признак объекта «точка» семантизируется в разных языках с элементами своеобразия. При этом различия могут проявляться и по характеру реализующих общую матрицу семем.

Так, концептуальная область *Единицы* представлена в немецком языке матрицей «счетная единица, элемент счетного множества как самостоятельная часть целого». В русском языке этим значениям соответствуют лексемы *очко, балл, пункт, статья, вопрос, раздел, параграф*. В русском языке реализуется семантическая матрица «элемент некоторой системы» (радиоточки, огневые точки). В соответствие русской лексеме точка в немецком языке в этих случаях ставятся разнообразные лексемы более конкретного, по сравнению с лексемой точка, семантического плана: *die Stätte, der Stand, das Nest* (*огневая точка – Feuernest, Kampfstand; торговая точка – Einkaufsstätte; пулеметная огневая точка – Maschinengewehrstand*).

Уровень гештальтной репрезентации концепта линия включает эмпирический образ линии как «границы поверхности», а также геометрически маркированные образы линии, представляющие ее как совокупность точек («графема») и как траекторию движения точки («траектория»), т.е. как статичный и динамичный объект.

Уровень концептуально-логического осмысления образа линии представляет концептуальные поля линии, соотносимые с тремя названными образами линии (граница, графема, траектория). Образ границы поверхности связан с актуализацией признаков «ограничение», «разграничение», «отделение», «разделение», «предел». Графема «линия» включает признаки «узкий», «длинный». Графема как совокупность точек актуализирует признаки «последовательность», «соположение», «соединение», «примыкание». Линия как траектория движения точки актуализирует признаки «направление», «движение», «связь».

На уровне семантических матриц мы выделяем в нашей модели пять основных матричных структур, представляющих концепт *линия* в русском языке: «граница пространственной зоны» (*береговая линия*), «протяженный участок пространства, на котором что-л. происходит или расположено» (*линия фронта*), «то, что визуально образует линию, ряд» (*линия кресел*), «то, что развивается в определенной последовательности» (*конвейерная линия, линия родства*), «черта, определяющая направление» (*линия полета снаряда, линия электропередач, воздушные линии*)

Анализ семантического устройства русского и немецкого обозначений линии выявляет большое сходство направлений их семантического развития. Различия наблюдаются по семеме «направление каких-н. передач», которая в немецком языке реализуется на базе других лексем, денотаты которых могут схематизироваться как линия: высоковольтные линии – Hochspannungsleitung; телефонные линии – Fernsprechleitung.

Таким образом, различие лексем *линия* и *die Linie* проявляется на уровне реализации общей семантической матрицы «черта, определяющая направление», наряду с большим сходством семем, реализующих эту матрицу.

Для русского языка характерна реализация семантической матрицы «то, что образует визуально линию, воспринимается визуально как линия» (*линии домов, линия извозчиков*). В немецком языке обычно ставится в соответствие таким выражениям лексема *die Reihe*. Наибольшие различия наблюдаются во фразеологическом употреблении русской и немецкой лексем: *die*

gleiche Linie vertreten – занимать равное положение; *in erster, zweiter Linie* – в первую, во вторую очередь, *auf der ganzen Linie* по всему фронту (победить).

Графема угла на гештальтном уровне представлена двумя исходящими из одной точки линиями. К структурным признакам угла, представленным в концептуальном поле «угол», можно отнести такие признаки, как точка пересечения, схождение линий, граней, ребер, место между сходящимися сторонами, гранями; положение на краю фигуры; часть целого.

Вербализация геометрического концепта угла связана в русском языке с лексемой *угол*, в немецком – с двумя лексемами – *der Winkel, die Ecke*. Рассмотренный материал показывает, что в целом концепт угла в русском и немецком языках имеет общие черты семантического преломления как в денотативном, так и в коннотативном плане. В семантическом пространстве русского и немецкого языков реализуются три семантические матрицы: «внешний угол», «внутренний угол», «местность» (отдаленное место). Наибольшая специфика проявляется на уровне семемной реализации семантических матриц. Так, для немецкого языка специфична семема «кусочек» при актуализации семы «крайняя часть предмета» и «отрезок пути» (при актуализации семы «часть пространства»), а для русского языка специфична разработка семантической матрицы «внутренний угол» при актуализации семы «часть помещения» на основе семемы «место для жилья» (снимать угол).

Названия геометрических фигур, включающих углы, широко употребляются при обозначении предметов, конфигурация которых воплощает признаки данных фигур (предмет-модель), в контексте зрительного их восприятия: *треугольники материков, треугольники кипарисов, треугольник лица, квадрат зеркала, четырехугольники лужаек, квадраты пашен, der weiße Winkel eines Hochhauses*, в том числе при актуализации семы «конструкция» (архитектурная): *куб столовой, параллелепипед книгохранилища, конус крыши, треугольники крыш*. В немецком языке распространено использование названий данных фигур в предикатной позиции. Основу возникновения производных семем может составлять концептуальный образ геометрического объекта, например, «наличие трех взаимосвязанных элементов»: *треугольник группы, стратегический треугольник, семантический треугольник*.

Концепт круга представлен на гештальтном уровне в статике (статичной схемой «графема») и в динамике (динамической схемой «траектория движения по замкнутой кривой»).

На уровне концептуального поля статичная и динамическая схемы представлены двумя блоками признаков. Статический концепт фиксирует структурные элементы фигуры круг: наличие центра, окружность, ограничивающая плоскость. Динамический концепт круга представляет способ получения фигуры *круг* и фиксирует структурные элементы движения по замкнутой кривой: поворот, возврат в исходную точку движения, а также центр, вокруг которого осуществляется вращение.

Следует отметить, что операциональный образ, включающий представление о возврате в исходную точку движения, предполагает совпадение начала и конца движения (*замыкание круга*), в то время как статический образ круга актуализирует признак отсутствия начальной и конечной точки движения (у круга нет ни начала, ни конца). Таким образом, мы имеем два образа круга – становящегося и завершённого.

Семантические исследования выявляют два направления семантической производности лексемы *круг*, задаваемые статическим и динамическим концептами круга. На уровне семантических матриц концепта круг статичный концепт представлен тремя матрицами: «предмет в форме круга» (спасательный *круг*, «пространство вокруг какого-н. центра» (*круги под глазами*) или «пространство, ограниченное замкнутой кривой» (*круг света*), «совокупность явлений, объединенных по определенному признаку», выступающая в двух видах: «группа предметов» (*круг вопросов*), «группа лиц» (*круг друзей, дипломатический круг*). Динамический концепт представляет матрица «движение по замкнутой кривой» (*замкнутый круг, логический круг, круг почета, круги бытия*).

Семантика фразеологизмов с лексемой *круг*, которая строится на переосмыслении динамического образа круга в виде траектории движения по замкнутой кривой, реализует три вида: повторяющееся движение по кругу как по заданному направлению, от которого нельзя отступить (*ходить по кругу, порочный круг*); отступление от предзаданного направления движения по круговой орбите («схождение с круга»): *сойти с круга; возврат на круг к прежнему предзаданному направлению движения, течения событий, дел (на круги своя вернуться, возвратиться)*.

Немецкая лексема *der Kreis* связана с актуализацией аналогичных семантических матриц при актуализации статичной и динамической схемы. При этом в соответствие русской лексеме могут ставиться другие лексемы, например, выражению *спасательный круг* в немецком языке соответствует *Rettungsring*.

Актуализация образа круга в статике и динамике связана также с лексемой *die Runde*, в Д1 «небольшой круг лиц», «круг, образованный некоторым количеством лиц» (*Bierrunde, Kaffeegrunde, Männergrunde*). Лексема *die Runde* связана с реализацией матрицы «пространство вокруг како-го-н. центра» (местность, прилегающая к данной точке пространства). Семантическая матрица «траектория движения по кругу (от пункта к пункту) реализуется в семеме «контрольный обход территории, объектов». Лексема *die Runde* ставится в соответствие русской лексеме круг в сочетании *die Ehrengrunde* – почетный круг.

Сопоставление когнитивных моделей геометрических объектов, выявляемых на основе русского и немецкого языков, позволяет сделать следующие выводы.

В силу общечеловеческой значимости геометрических понятий и близости культур русского и немецкого народов наблюдается, безусловно, большое сходство ментальной репрезентации данных геометрических объектов в структурно-концептуальном плане. На уровне лексической представленности наблюдается не одно-однозначное соответствие русских и немецких терминов. Так, лексеме «*угол*» в терминологическом значении в немецком языке соответствуют две лексемы *die Ecke, der Winkel*.

Исследования показывают, что русские и немецкие геометрические номинации проявляют большое сходство тенденций семантического развития как на уровне семантических матриц, так и на уровне практически-языковой реализации семем. Вместе с тем на этих обоих уровнях проявляются и различия. Семантические матрицы, зафиксированные в одном языке, могут отсутствовать в другом. При этом «отсутствующая» матрица может быть представлена в языке другими лексемами, не входящими в лексико-семантический блок данной геометрической номинации.

Исследование семантического развития названий предметов эталонной формы показало, что возникновение у них производных значений осуществляется по общей схеме: 1) абстрагирование пространственных характеристик предмета, формирование семы «форма предмета», гештальтное ее представление в виде графа (графического знака); 2) логическое осмысление гештальта и формирование концептуально-логической схемы предметно маркированного пространственного образа {концептуального поля}; 3) формирование семантических матриц; 4) семемная реализация матриц, получающих денотатное наполнение: цепь → форма цепи (гештальт) – «взаимосвязь», «взаимообусловленность» (концептуальная схема) → «ряд взаимосвязанных явлений», «ряд обусловленных явлений»

(семантические матрицы) – денотатная конкретизация матриц на уровне семем; явления – предметы (*цель стрелков*), явления – абстрактные смыслы (*цель событий, цель преступлений, логическая цепочка*).

Геометрическая концептуализация является важным когнитивным механизмом, представляющим различные уровни концептуально-образной обработки человеком знания о мире.

Номинативный акт с использованием геометрических названий связан с осуществлением определенных логических операций над объектом номинации: 1. В семантических процессах геометрические концепты выполняют обобщающую функцию и используются в качестве орудия обобщения предметов по родовым признакам (*радиоточки, торговые точки*).

2. Акт номинации может быть связан с изолирующим абстрагированием, отвлечением признака от предмета (*куб столовой*).

3. Предмет номинации может подвергаться «идеализации», например, дематериализоваться до «точки», теряя все три измерения реального объекта (*точки голубей в небе*).

4. Денотат геометрической номинации в конкретных актах дискурса может получать статус предметного существования, «материализоваться» (*квадрат окна, треугольники кипарисов*).

Актуализация геометрических концептов точки, линии, угла и круга в процессах языковой концептуализации мира связана с топологическим картированием физического пространства, с его координацией, субординацией и стратификацией. Геометрические объекты связаны с репрезентацией концептуального пространства, т.е. с представлением физического пространства на основе геометрических понятий. При этом язык показывает, что геометрическая концептуализация – не только удел математиков, она широко используется в обиходной практике. Так, с геометрическими образами ассоциированы такие важные пространственные представления человека, как «близость» (*круг*), «удаленность», «отдаленность» (*линия, угол*), «направленность», «протяженность» (*линия*), «замкнутость», «ограниченность» (*круг*), «граница поверхности» (*линия*), «место» (*точка, линия, угол, круг*), «замкнутое пространство» (*круг, квадрат, сфера и т.д.*) Характер пространственного перемещения тела репрезентируют образы линии (*прямая, кривая, круг* и т.д.). Локализация объекта в пространстве связана с образом точки, фиксация расстояния между объектами – с указанием двух точек и линии. Связь объектов в пространстве репрезентирует линия. Распространена схематическая репрезентация функционально организованного пространства внешнего мира и пространства дома

(квадраты пашен, прямоугольники газонов, квадрат двора, четырехугольник комнаты). Наблюдаются геометризованные представления географически локализованного пространства (круг Флоренции).

Геометрическая схематизация является важным механизмом языковой концептуализации мира. При этом исследования показывают, что в семантических процессах степень самодостаточности пространственного образа прямо пропорциональна степени его абстрагированности и обратно пропорциональна его предметной связанности (живописной образности), когда образ слит с его субстанциональным носителем, т.е. чем схематичнее выступает предметный образ, тем большая смысловая тяжесть падает на его конфигурационный облик.

В целом можно выделить три основных способа наглядно-схематического представления предметов в процессах номинации: линейное (одномерное) – линии рек; плоскостное (двухмерное) – круг Солнца, треугольник крыши; точечное (нейтрализующее все три измерения реального объекта) – точки голубей в небе. Однако возможно и схематическое представление объекта на основе трехмерного образа – топологической схемы объекта, когда нейтрализуются особые приметы формы, обобщаемой до определенного объемного геометрического образа: куб столовой, параллелепипед книгохранилища.

Наряду со схематизацией на основе геометрического образа, можно выделить схематизацию на основе сложно-составной конфигурации, а также её подтипы: 1) схематизацию на основе идеографического знака контурного типа (*луковка, сердечко*), 2) схематизацию на основе идеографического знака, представляющего структурную схему предмета (*елочка*), 3) схематизацию на основе динамической идеограммы (колесо – окружность, движущаяся по прямой (вращающийся круг, перемещающийся по прямой); кольцо – замыкающийся круг).

Исследование лексических единиц, входящих в ЛСП «форма» показало, что в сфере бытовой геометрической интуиции сложилось особым образом структурированное семантическое пространство, базирующееся во многом на принципах эмпирического восприятия формы, в том числе геометрической – семантическое пространство архетипического плана, включающее пласты семантической памяти лексем, восходящей еще к донаучному, мифологическому знанию и к ассоциативным корням понятия формы, выводящим ее в статус естественных физиогномических знаков бытия.

Важной основой концептуально-языковой разработки геометрического образа в обыденном сознании является эмпирическая трансформация его наглядной схемы и динамическая репрезентация. В обыденном употреблении названия формы распространена характеристика геометрического образа по количественному параметру (круг может быть «широким» и «узким»). Широко распространены «механические» определения формы, характеризующие ее как результат механического воздействия. Часто это происходит в контексте определения различных видов «деформации» формы путем механического воздействия (*вытянутый овал, усеченный конус, срезать угол; круг может «разрываться»; и круг, и кольцо могут замыкаться, размыкаться, смыкаться*).

Характерной особенностью функционирования бытовых образов пространственной формы является «нежесткий» характер концепта формы, что расширяет круг ментально связанных с этим концептом явлений и предметов мира. Название геометрического объекта может распространяться на предметы, в строгом смысле геометрического понятия весьма различные по форме. При этом часто номинация осуществляется на основе актуализации родового признака формы. Так, «круг почета» означает в пространственном смысле *замкнутую* кривую, а не собственно *круг*.

Геометрический образ может получать дополнительную смысловую разработку при актуализации на основе пространственной схемы конкретного предмета. Так, геометризованная схема кольца актуализирует, наряду с признаком «круг», в качестве структурного элемента признак «внутреннее пространство круга» (*кольцо окружения сжималось*) или актуализирует схему «смыкающегося» кольца – круга (*кольцо окружения сомкнулось*).

Часто геометрическая схема получает в языке предметно-маркированную «упаковку», расширяющую метафорический потенциал геометрического образа и диапазон возможного семантического варьирования основных концептуальных проекций геометрической схемы.

Не менее важной является функция топологического фона понятий (выражаемого смысла), которую выполняет геометрический образ, актуализируемый на основе пространственной схемы предмета. В этой функции актуализируемый геометрический образ часто выражает кинетику пространственного образа, получающего метафорическое переосмысление. Так, схему пространственного развертывания представляют, наряду с геометрическими образами линии, спирали, кривой и т.д., пространственные схемы развертывания мотка, клубка, свитка (винтовое движе-

ние) или веера (полукруг). Предметно-маркированная актуализация данных динамических схем является важной составляющей метафорических образов:

Воспоминание безмолвно предо мной / свой длинный развивает свиток (А.Пушкин)

Геометрические образы встроены не только в сами представления человека об объектах мира, но и в систему аксиологических критериев, систему оценочных пропозиций сознания. В силу этого геометризованные идеограммы могут рассматриваться в качестве внутреннего идеографического кода многих абстрактных концептов сознания, своего рода УПК, обладающего высокой степенью универсальности, актуализируемого на уровне геометрической интуиции, аналогично архетипам сознания, и составляющего определенный «топологический фон» понятий, актуализируемых в мыслительной деятельности. Термин «идеографический» мы связываем с трактовкой термина «идеография», которую предлагал П.Флоренский: «идеография как выражение понятий при посредстве зрительных образов» (Некрасова 1984, с. 101), в отличие от распространенного в современной лингвистике употребления.

Отличительной особенностью геометризованных идеограмм является их композиционный и динамический характер. Так, можно выделить идеографические позиции точки в проекции на линию: точка пересечения прямых как иконический репрезентатор идеи общности чего-н., кого-н.; точка, проецируемая на линейное развертывание как иконический репрезентатор идеи развития, потенции развития; конечная точка прямой как иконический репрезентатор идеи конца движения, тупика и т.д. Такие пространственные композиционные схемы задают концептуальные проекции геометрического объекта (в данном случае точки) на семантическое пространство языка, определяя способ вхождения геометрического образа в семантическое пространство, т.е. направленность формирования семантических матриц геометрического объекта, и составляют когнитивные основания возможного метафорического осмысления геометрического образа. Так, точка как иконический репрезентатор потенции развития, средоточия энергии актуализируется в следующих контекстах:

Так говорится – поставить точку. В человеческой судьбе точка – это свернутая спираль, это – праатом, из которого вырастает новая вселенная (Д.Гранин. Зубр).

В точке больше всего неизвестностей, стоит ей двинуться, шевельнуться – и она может обратиться в тысячи разных кривых, сотни тел (Е.Замятин. Мы).

Концептуально-языковая разработка признака «форма» связана с представлением основополагающих смыслов человеческого бытия и их оценкой. Исследования показывают, что актуализируемый при языковой концептуализации мира образ формы также может получать различного рода оценку, положительную или отрицательную. При этом вектор оценки часто обусловлен общим контекстом оценочного восприятия формы (психологическим, идеологическим, эстетическим и т.д.), а также характером денотативной сферы приложения оценки формы. Образ формы не только подвергается оценке, но форма и сама служит средством положительной или отрицательной оценки явлений мира (кривая – символ отступления от нормы, прямая – символ правильности и т.д.). При этом оценочный вектор одной и той же формы в ином содержательно-ассоциативном контексте может меняться на противоположный.

Анализ особенностей семантической репрезентации формы в художественном тексте представляет интересные данные, поскольку поэты и писатели, как и все художники, обладают особым тонким чувством формы. Однако в силу различного подхода к восприятию формы у одних авторов абстрагированные пространственные образы вступают в яркую метафорическую игру смыслов («Я с детства не любил овал,/ Я с детства угол рисовал» – у П.Когана), в образной ткани стихов других наблюдаются лишь незначительные конфигурационные вкрапления.

Анализ особенностей семантической репрезентации геометрической формы в художественном тексте выявляет эмоционально-психологическую подоснову обращения художника к геометрическим образам. В общей тональности художественного контекста геометрическая метафора – это особый стиль восприятия мира, который часто выражает состояние отрешенности, отчужденности, передает ощущение иллюзорности окружающей действительности. Контекст актуализации геометрических образов часто составляют определенные стесненные обстоятельства жизни героя (у Б.Пастернака герой наблюдает мир через *квадрат* окна больничной палаты; у М.Цветаевой героиня ждет в ощущении полной безнадежности *квадрата письма*, ассоциируемого с квадратом расстрельного двора).

Схематизация образа выступает как особый стилистический прием, выявляющий особенности индивидуального стиля автора.

В области художественного творчества мы имеем дело с индивидуально-авторским развитием концептов формы. На уровне художественного мышления значительно расширяется денотативная сфера реализации образа формы за счет распространения

геометрических образов и предметно маркированных эталонов формы на сферу психологической реальности и окказионального наполнения их семантики: *гривастая кривая, круглое одиночество, круговая порука сиротства* – у М.Цветаевой, *углы рассудка* – у Б.Пастернака; *кривая смеха* – у Е.Замятина; *кривая мечтаний* – у Д.Гранина; *выпрямительный вздох* – у О.Мандельштама; Душу затают большой вуалью./ *Объединят нас сплошной спиралью...* - у И. Бродского.

На материале анализа художественной репрезентации формы особенно ясно видно, что, хотя языковое сознание опирается на схемы, но как и все живое, стремящееся к росту, которое хочет преодолеть «окаменелость» кристаллической формы, так и язык «одухотворяет» и «оживляет» геометрические схемы эмоциональной оценкой, являя форму в ассоциативно-психологическом ореоле. Человеческое сознание оперирует при этом с абстракциями высокого уровня как с эмпирическими объектами, подвергая абстрактные образы различным мысленным трансформациям. Иначе говоря, человеческое сознание, опираясь в реальном своем языковом функционировании на представления геометрии Евклида, постоянно как бы выходит в пространства неевклидовых геометрий. Эмпирические манипуляции с формой есть, в сущности, отражение этого процесса.

В глубинных основаниях номинации часто актуализируются динамические образы геометрических объектов. В мире языковой динамизации возможно все. Пространство «продлевается за угол, мстя Евклиду» (И.Бродский), сворачивается в плоскость, разворачивается, дематериализуется до своего пространственного минимума, растворяясь в точке. Точка разрастается до масштабов вселенной. Кривая перерастает в свою противоположность – прямую, угол разворачивается в пространстве, круг (окружность) размыкается и вновь смыкается, переходит в спираль, спираль перерастает в прямую или сжимается в точку, параллельные прямые пересекаются, формы перетекают друг в друга – ведь это мир, воспринимаемый человеческим сознанием, в котором «образ входит в образ, а предмет сечет предмет» (Б.Пастернак).

Семантическое пространство языка воплощает континуальность мира в континуальности его смыслов, в свете которой концепт формы репрезентируется в языковой семантике как сложное многомерное динамическое образование в единстве его статических и динамических составляющих.

В целом среди признаков, конституирующих концепт формы в сознании человека, следует выделить два типа: конструктивно-

морфологические и символические. Конструктивно-морфологические характеристики составляют полицентрический базовый слой, в котором также можно выделить два вида: первичный базовый слой, который образуют геометрические и предметно маркированные эталоны формы, и вторичный, который имеет композиционный, более подвижный характер.

Символический слой концепта «форма» неоднороден, носит гетерогенный характер. Первая группа признаков представляет собой ассоциативный устойчиво-узуальный комплекс системного характера. Это признаки, связанные с характеристикой символической значимости пространственно-геометрического образа в статике и динамике (точка – центр, концентрация, средоточие энергии, символ потенции развития, круг – символ вечности). Вторая группа признаков связана с актуализацией собственно пространственно маркированных понятий и их характеристикой (направления пространственного перемещения, способа перемещения, положения в пространстве и т.д.). Третью группу составляют индивидуально-авторские характеристики формы, проявляемые в художественных текстах. Они представляют собой подвижный ассоциативно-оказиональный комплекс, входящий в метаконцептуальный слой концепта «форма», являющийся результатом метаконцептуальной деятельности человеческого сознания.

Литература

Аветян Э.Г. Смысл и значение. Ереван: Изд-во Ерев. ун-та, 1979. 412 с.

Беляев Е.А., Перминов В.Я. Философские и методологические проблемы математики. М.: Изд-во МГУ, 1981. 217 с.

Голан А. Миф и символ. М.: Русслит, 1993. 375 с.

Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Искусство, 1984. 350 с.

Ильенков Э.В. Диалектическая логика. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1984. 319 с.

Категоризация мира: пространство и время. Материалы науч. конф. М.: Диалог-МГУ 1997. 237с.

Кравченко А.В. Язык и восприятие: когнитивные аспекты языковой категоризации. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1996. 160 с.

Кубрякова Е.С. Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы) // Известия РАН. Сер. лит. и яз. 1997. Т. 56. № 3. С.22-31.

Курант Р. Математика в современном мире / Пер. с англ. Н.Г.Рычковой. М.: Мир, 1967. С.13-27.

Некрасова Е.А. Неосуществленный замысел 1920-х годов создания Symbolarium'a (Словаря символов) и его первый выпуск «Точка» // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1982. Л.: Наука, 1984.

С.99-115.

Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2001. 191 с.

Попова З.Д., Топорова В.М. Абстрактное значение в лексической семантике языка /на материале русских и немецких названий формы // Семантика русского языка в диахронии. Сб. науч. статей. Калининград, 1996. С.95-102.

Попова З.Д., Топорова В.М. Обозначение эмоций через их симптомы в русской и немецкой фразеологии // Язык и национальное сознание. Материалы регион. науч.-теор. конф., посв. 25-летию каф. общего языкознания и стилистики Воронеж. ун-та 16-17 июня 1996 г. Воронеж, 1996. С.92.

Попова З.Д., Топорова В.М. Линии и силуэты в семантическом пространстве языка // Семантика языковых единиц: доклады 5-й междунар. конф. М., 1996. Т.1. С.93-95.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.

Топорова В.М. Эквивалентность/неэквивалентность геометрических номинаций в русском и немецком языках // Актуальные проблемы включенного обучения: Организация. Научно-методические основы. Воронеж, 1989. С.106-115.

Топорова В.М. Характеристика семантического признака "форма предмета" в денотативном и коннотативном аспектах // Лексикология и фразеология: Новый взгляд. Раздел "Лексикология". Тез. 2-й межвуз. конф. М.: МГЗПИ. 1990. С.134-137.

Топорова В.М. Семантическая характеристика геометрических номинаций в диахроническом аспекте // Функциональный аспект лексических и грамматических категорий романских и германских языков. Сб. Воронеж. ун-т. Деп. в ИНИОН СССР 10.10.90 № 43005. С.57-62.

Топорова В.М. Геометрические номинации в актах речи // Прагматические аспекты функционирования языковых единиц. Тез. докл. и выступл. на совещании. М., 1991. С.201.

Топорова В.М. Семантическая специфика геометрических номинаций // Aktuelle Probleme der Beschreibung einer Sprache als Fremdsprache / Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg. Wissenschaftliche Beiträge 1991 / 10. Halle/Saale, 1991. S.37-47.

Топорова В.М. Диалектика конкретного и абстрактного в семантике языковых единиц // Семантика языковых единиц: Материалы 3-й межвуз. науч.-иссл. конф. Ч.1 (Лексическая семантика). М.: МГОПИ, 1992. С.106-109.

Топорова В.М. Семантика дороги в лексике и фразеологии европейских языков // Семантика языковых единиц. Ч.1. Памяти А.Ф.Лосева; Лексическая семантика: Докл. 4-й междунар. науч. конф. М.: МГОПИ, 1994. С.135-138.

Топорова В.М. Коммуникативное поведение и типология культур // Культура общения и ее формирование: Материалы научн. конф. ВИПК-РО. Воронеж, 1994. С.24-25.

Топорова В.М. Диалектика конкретного и абстрактного в семантике

геометрических номинаций // Структурно-семантические исследования русского языка: Описание. Сопоставление. Преподавание. Воронеж: ВГУ, 1994. С.24-35.

Топорова В.М. Аспекты многозначности геометрических названий // Вопросы романо-германской филологии /лексикология, грамматика, текстология. Межвуз. сб. науч. тр. Пятигорск: ПГПИИЯ, 1994. С.124-126.

Топорова В.М. "Точки", "линии" и "круги" в русском и немецком языках // Контрастивные описания русского и немецкого языков: Сб. Воронеж: Родная речь, 1994. С.30-38.

Топорова В.М. Отождествление нетождественного в процессах номинации // Неродные языки в обучении студентов вузов. Материалы науч. конф. кафедр иностр. и рус. языков. Воронеж: гос. арх.-строит. акад., 1995. С.16.

Топорова В.М. Логика "поворота" в семантике языка // Коммуникативные и прагматические компоненты в лингвистическом исследовании. Сб. статей. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1995. С.85-91.

Топорова В.М. Семантический анализ русских и немецких слов из лексико-семантического поля "форма" // Очерки по русско-немецкой контрастивной лингвистике / Лексика, синтаксис: Сб. статей. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1995. С.28-53.

Топорова В.М. Пространственные представления в социокультурной среде человека // Язык и культура. Материалы 1 междунар. науч.-практ. конф. Воронеж, 1996. С.63-64.

Топорова В.М. Семь времени в семантическом признаке "форма" /на материале русского и немецкого языков // Kontrastive Beschreibung der russischen und deutschen Sprachen. Halle/Saale, 1996. S.55-70.

Топорова В.М. Образ "формы" в поэзии И.Бродского // Актуальные проблемы филологии в вузе и школе: Материалы науч. межвуз. конф. Тверь, 1996. С.211-212.

Топорова В.М. Глагол "рисовать" и его производные в лексико-фразеологической системе языка // Взаимодействие языковых уровней в сфере фразеологии. Тез. докл. междунар. науч.-теор. конф. Волгоград. 23-26 сент. 1996. Волгоград: Перемена, 1996. С. 83-85.

Топорова В.М. Пространственная картина мира и категория оценки в языке // Контрастивные исследования лексики и фразеологии русского языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1996. С.10-21.

Топорова В.М., Кавалеридзе Ю.Н. Лицо человека в русской и немецкой фразеологии // Kontrastive Beschreibung der russischen und deutschen Sprache. Halle/Saale, 1996. S.85-91.

Топорова В.М., Молчанова Л.В. Der Mensch und seine äußere Erscheinung. Метод, указ. для студентов 4-5 к. ф-та РГФ. Воронеж: ВГУ, 1996. 16 с..

Топорова В.М. Геометрическая форма и метафора // Вестник Воронеж. ун-та. Научный журнал. Серия 1. Гуманитарные науки, 1997. № 1. С.145-151.

Топорова В.М. Метафорический потенциал пространственных концептов // Категоризация мира: пространство и время. Материалы науч. конф. М.: Диалог-МГУ, 1997. С.154-155.

Топорова В.М. Опыт построения лексического концепта / (когнитивная модель крута) // Общие проблемы строения и организации языковых категорий, Материалы науч. конф. 23-25 апреля 1998 г. М., 1996. С.142-144.

Топорова В.М. Концепт "форма" в семантике поэтического текста // Когнитивная лингвистика: современное состояние и перспективы развития. Материалы Первой междунар. школы-семинара по когнитивной лингвистике 26-30 мая 1996 г. 4.1. Тамбов: ТГУ, 1998. С.9-11.

Топорова В.М. Концепт формы в семантическом пространстве языка // Язык и национальное сознание. Матер. регион. науч.-теор. конф., посв. 25-летию каф. общего языкознания и стилистики Воронеж. ун-та 16-17 июня 1998 г. Воронеж, 1996. С.145-151.

Топорова В.М. Типология языковых концептов пространственной формы // Семантика языковых единиц. Докл. 6-й междунар. конф. М., 1996. Т.1. С.215-218.

Топорова В.М. Образ пространственной формы в ментальности и в языке человека // Иностранные языки в современной социокультурной ситуации (Описание. Преподавание). Науч. изд. Воронеж: Истоки, 1999. С.76-80.

Топорова В.М. Национальная специфика языковой репрезентации пространственных концептов // Актуальные проблемы сопоставительного изучения германских, романских и славянских языков: Тез. докл. науч. конф. Воронеж, 1996. С.107-109.

Топорова В.М. Образы пространственных форм в поэзии О.Мандельштама // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания: Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1996. Вып. 11. С.155-164.

Топорова В.М. Образ формы в художественном мире Марины Цветаевой // Неродные языки в учебных заведениях: Материалы науч. конф. кафедр иностр. и рус. языков. Воронеж, гос.арх.-строит.акад. Воронеж, 1999. Вып.4. С.65.

Топорова В.М. Категория оценки в геометрических номинациях // Филология и культура: Тез. 2-й междунар. конф. 12-14 мая 1999 г. Ч.2. Тамбов, 1999. С.41-43.

Топорова В.М. Геометрические концепты в языковой картине мира // Реальность, язык и сознание: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 1. Тамбов, 1999. С.126-131.

Топорова В.М. Концепт формы в обиходно-речевом представлении // Культура общения и ее формирование. Науч. изд. Вып. 6. Воронеж, 1999. С. 152-159.

Топорова В.М. Пространство и время в образном мире А.С.Пушкина // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 24. Воронеж, 1999. С.38-53.

Топорова В.М. Прямолинейность / криволинейность в семантике языка // Актуальное в изучении неродных языков / ВГАСА. Воронеж, 1999. С.30-39. Деп. в НИИ ВО № 80-99 от 27.05.99.

Топорова В.М. Символика спирали в семантическом пространстве языка // Язык и национальное сознание. Науч. изд. Вып.2. Воронеж, 1999.

С.37-41.

Топорова В.М. Концепт "форма" в семантическом пространстве языка: Монография. Воронеж, 1999. 174 с.

Топорова В.М. Лексические концепты понятия «круг» (когнитивный аспект) // Вестник ВГУ. Научный журнал. Сер.1. Гуманитарные науки. 1999. №2. С.181-188.

Топорова В.М. Из опыта описания семантической репрезентации геометрических концептов в русском и немецком языках // Иностр.языки в объединяющемся мире: описание, преподавание, овладение. Тез. 2 регион. конф. (Курск, 5-7апреля 2001). Ч.1. Курск: Изд-во Курск. пед. ун-та, 2001. С.39-40.

Топорова В.М. Логосхема как механизм вторичной категоризации объектов номинации // Филология и культура: Материалы 3 науч. конф. 16-18 мая 2001 г. Ч.3. Тамбов: Изд-во ТГУ им.Г.Р.Державина, 2001. С.32-34.

Топорова В.М. Логосхема как медиатор концепта в семантическое пространство языка // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Науч.издание. Воронеж. гос. ун-т, 2001. С.88-92.

Топорова В.М. Антропоморфность языка в зеркале геометрической концептуализации // Язык и национальное сознание. Вып.3. Воронеж: Истоки, 2002. С.33-38.

Топорова В.М. Геометрические составляющие в ментальных композициях и языке // Композиционная семантика: материалы 3-й междунар. школы-семинара по когнитивной лингвистике 18-20 сентября 2002 г. Ч.1. Тамбов: Изд-во ТГУ им.Г.Р.Державина, 2002. С.73-75.

Топорова В.М. Геометрическая метафора: общность и национально-языковая специфика // Реальность, язык и сознание: Междунар. межвуз. сб. науч. тр.. Вып.2. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р.Державина, 2002. С.259-267.

Топорова В.М. Национальное своеобразие выражения концепта «форма» в русском и немецком языках // Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2002. С.63-75.

Топорова В.М. Национальное своеобразие метафоры формы в художественном тексте // Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2002. С.233-260.

Топорова В.М. Семантическая программа концепта // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: Материалы междунар. симпозиума. Волгоград, 22-24 мая 2003 г. В 2 ч. Ч.2. С.39-41.

Топорова В.М. Основы когнитивной лексикологии. Учебно-метод. пособие. Вып. 1. 24 с. Вып. 2. 24 с. Вып. 3. 20 с. Воронеж. гос. ун-т, 2003.

Топорова В.М. Концепт «форма» в семантическом пространстве языка (на материале русского и немецкого языков). Автореф. дис....д-ра филол. наук. Воронеж, 2000. 32 с.

Тюхтин В.С. Категории «форма» и «содержание» и их структурный анализ // Вопросы философии. 1971. №10. С.88-98.

Шафрановский И.И. Симметрия в природе. Л.: Недра. Ленингр. отд. 1985. 168 с.

Д.Ю. Полинченко (Краснодар) ЯЗЫК

Изучение естественного языка как базового концепта языкознания началось практически сразу же с зарождением лингвокультурологии. В последние десятилетия концепт анализировался в следующих направлениях:

- изучалось моделирование структуры концепта «язык» в связи с господствующей научной парадигмой (Ромашко 1991);
- проводился сопоставительный анализ концептов «язык» и «речь» в русском языке (Левонтина 2000);
- описывались языковые концепты русского языка в различных дискурсах и в диахронии (Дегтев, Макеева 2000; Макеева 2000; Никитина 2000);
- проводился этимологический анализ, изучалась структура концепта «язык» в русской лингвокультуре (Степанов 2001);
- изучалось представление о языке в «наивной лингвистике» (Кашкин 2002).

При использовании семиотического подхода к естественному языку, состоящего в рассмотрении языка как системы знаков, представляется оправданным анализировать естественный язык как семиотический концепт.

Цель данной работы состоит в выявлении, классификации и сопоставительном описании лексико-фразеологических средств объективации концепта «язык» в русском и английском языках.

Термин «семиотический концепт» был впервые употреблен Н. Д. Арутюновой в работах 1990-х гг. для обозначения сложившихся в языке понятий, которым соответствуют имена, выражающие знаковые отношения. В лингвистике анализировались семиотические концепты «смысл», «значение» (Кобозева 1991), «образ», «символ», «фигура», «знак» (Арутюнова 1999).

Являясь по своей природе универсальной знаковой системой, естественный язык играет роль «семиотического эталона» – общесемиотической модели для различных знаковых систем. Поэтому в ряду семиотических понятий (значение, смысл, референция и пр.) язык представляет собой базовую категорию, одно из основных понятий «наивной семиотики».

В отличие от иных общесемиотических классификаторов, которые способны занимать позицию реляционного предиката –

посредника между существительными, конкретизирующими означающее и означаемое, употребление имени концепта указывает на вид знаковой системы (кода), к которой принадлежат знаки сообщения. Таким образом, семиотический характер концепта «естественный язык» состоит в выражении типа связи означающего и означаемого.

При описании естественного языка как лингвокультурного семиотического концепта его базовым лексическим значением будет являться именно значение семиотическое (язык как система знаков).

Концепт «язык» как в русской, так и в английской лингвокультурах обладает достаточной номинативной (семантической) плотностью, признающей концептологически значимым признаком (Карасик 1996). Также концепт обладает высокой степенью номинативной диффузности – большим количеством вторичных значений имени концепта.

В структуре концепта были выделены три составляющие: понятийная, отражающая его признаковую и дефиниционную структуру; образная, фиксирующая когнитивные метафоры, поддерживающие концепт в языковом сознании, и значимостная, определяемая местом, которое занимает имя концепта в лексико-грамматической системе конкретного языка, куда вошли также этимологические и ассоциативные характеристики этого имени.

С точки зрения методологии, исследование концептов целесообразно начинать с областей их бытования, представляющих собой типы сознания, в которых эти концепты объективируются (Воркачев 2002). Для языка таковыми являются быденное/языковое сознание и сознание специальное – в частности, научное. Последняя область бытования концепта «язык» отражается в соответствующем типе дискурса. Термин «дискурс» понимается нами как вербализованная речемыслительная деятельность; совокупность процесса этой деятельности и её результата (Красных 2003).

Имена концептов, используемые языком науки, наполняются конкретным семантическим содержанием благодаря функционированию в рамках определенной теории. В отличие от собственно языковых, научные представления, систематизированные в рамках различных концепций, являются универсальными, более точными и детальными, что вызывает необходимость их экспликации с целью наиболее полного постижения природы и сущности концепта.

При семиотическом подходе к естественному языку применение компонентного анализа позволяет сделать вывод о том, что

общей семьей родового значения (архисемой) слова «язык» является «система».

Далее, можно выделить набор родовых дифференциальных сем, отделяющие естественный язык от систем иного рода. Этими родовыми семами являются его принадлежность к: а) системам знаков; б) естественным системам; в) классу систем, используемых человеком.

В результате исследования описаний языка в лингвистических трудах (работы К. Ажежа, Э. Бенвениста, В. Гумбольдта, В. А. Звегинцева, Л. Ельмслева, А. Е. Кибрика, Дж. Лайонза, Н. Б. Мечковской, Б. А. Серебренникова, Ф. де Соссюра, Ю. С. Степанова, Р. О. Jakobsona и др.) был создан обобщенный семантический прототип языка, в котором нашли отражение его следующие видовые дефиниционные признаки (семы):

1) неограниченная семантическая мощьность – принципиальная безграничность ноэтического поля языка, способность к передаче информации относительно любой области наблюдаемых или ображаемых фактов;

2) эволютивность – неограниченная способность к бесконечному развитию и модификациям;

3) манифестируемость в речи – проявление языка в виде речи, понимаемой как конкретное говорение, протекающее во времени и облеченное в звуковую или письменную форму (Арутюнова 1998);

4) этничность – неотъемлемая и двусторонняя связь языка с этносом.

В ходе исследования были также выявлены имплекативные (выводные) семантические признаки языка: признак интерпретивности (возможности перевода в языковую форму знаком иных семиотических систем), признак коммуникативности (использование языка в качестве средства коммуникации) и признак двойного членения (перекодировка в языке его двусторонних, знаковых единиц с помощью фонем – односторонних единиц, не являющихся знаками).

Также были описаны основные функции языка, выделяемые в лингвистических исследованиях: коммуникативная, когнитивная, кумулятивная и др. Был рассмотрен вопрос о взаимоотношении языка и речи; было определено рациональным с точки зрения семиотического подхода рассматривать язык как сущность, которая функционирует в явлении – речи. Речь является единственной формой существования языка и его онтологической реализацией.

Существенным свойством языка является его двойственность, находящая своё выражение в существовании следующих языковых антиномий:

- 1) антиномия объективного и субъективного в языке;
- 2) антиномия языка как деятельности и как продукта деятельности;
- 3) антиномия устойчивости и изменчивости в языке;
- 4) антиномия идеального и материального характера языка;
- 5) антиномия онтологического и гносеологического характера языка;
- 6) антиномия континуального и дискретного характера языка;
- 7) антиномия языка как явления природы и артефакта;
- 8) антиномия индивидуального и коллективного в языке.

Также была исследована образность языка в научном дискурсе. Были описаны основные типы метафор, используемые в лингвистической терминологии: пространственная, реиморфная, биоморфная, метафора уровневой структуры. Отмечена взаимосвязь господствующей научной парадигмы и ключевых метафор, вводящих новую область уподоблений.

Исследование понятийной составляющей концепта «язык» проводилось методом анализа частоты актуализации дефиниционных признаков при употреблении имени концепта в личностно-ориентированном типе дискурса (его бытовом и бытийном видах), представленных в корпусе иллюстративного материала.

Дефиниционный признак этничности оказывается представлен с наибольшей частотой. Естественный язык, представляя собой абстракцию высокого уровня, в языковой деятельности человека всегда проявляется в виде конкретного идиоэтнического языка, поэтому проявление признака этничности языка оказывается вполне естественным: *Беззвучный голос выкрикнул несколько отрывистых фраз, непонятных, как малайский язык; раздался шум как бы долгих обвалов; эхо и мрачный ветер наполнили библиотеку* (Грин); *He went on: "I work mainly in London. You speak English?" he added in that language* (Christie); *The man was clearly Scots, but his native speech was overlaid with something alien, something which might have been acquired in America or in going down to the sea in ships* (Buchan).

В фантастических произведениях говорится о гипотетических языках разного рода, но ни по форме, ни по сущности они ничем не отличаются от земных языков, и в подобных произведениях признак этничности актуализируется точно так же, как и при упоминании реальных земных языков: *Я не хочу, чтобы моя дочь*

была отстающей по марсианскому языку (Булычев); *His final words had been in Thari, my native tongue* (Zelazny).

Признак манифестации в речи, лексически представленный главным образом употреблением имени концепта в сочетании с глаголами, обозначающими речевую деятельность, не встречается отдельно от признака этничности: *Китайцы стирали рубахи в Северной Двине, прямо под набережной, и, громко болтая на своем гортанно-глухом языке, растягивали их под солнцем между большими камнями* (Каверин); *Однако он ни о чем не спросил нас, не поинтересовался узнать, кто мы такие, куда едем, на каком языке разговариваем* (Ильф, Петров); *"Ages ago," Urthred continued, "we certainly used to speak languages."* (Wells).

Дефиниционный признак неограниченной семантической мощности языка представлен незначительным числом употреблений, но с отрицательным знаком – ставится под сомнение принципиальная возможность передать при помощи языка информацию любого рода: *Я чувствую тысячи новых необычных запахов и их оттенков, я слышу бесконечное количество звуков, для выражения которых, пожалуй, не найдется слов на человеческом языке* (Беляев); *Заодно мы выяснили о тебе такое, чему в ваших языках нет и названий* (Звягинцев); *My mother had said no painter could get such a colour. And neither were there any words in the language to describe it* (Robins); *The idea plunged back out of sight – untranslatable in language* (Blackwood). Признак семантической мощности может сочетаться с признаком этничности либо с родовым признаком антропности (принадлежности языка человеку).

Признак эволютивности представлен единичными примерами: *Удивительно, как автор не сообразил, что язык меняется тем сильнее и скорее, чем быстрее идет изменение человеческих отношений и представлений о мире!* (Ефремов); *It felt good to speak these words openly, reminding his listeners that only here among the innermost Teilaxu were the old words and the old language preserved without change* (Herbert).

Таким образом, анализ показывает значительное частотное преобладание актуализации дефиниционных семантических признаков этничности и манифестации в речи по сравнению с другими признаками. Дефиниционные признаки эволютивности и неограниченной семантической мощности представлены незначительным числом употреблений, причем признак неограниченной семантической мощности представлен только «с отрицательным знаком». Существенной лингвокультурной специфики в представлении понятийной составляющей концепта в русской и ан-

глийской лингвокультуре в бытовом и бытийном типах дискурса не обнаружено, что может быть объяснено достаточной универсальностью концепта и абстрактностью соответствующего понятия, наряду с отсутствием вызываемых им аксиологических и эмоциональных рефлексов.

Сопоставление семантического прототипа концепта «язык» с представлениями о языке в русском и английском языковом сознании свидетельствует об актуальности для русской и английской языковых личностей таких признаков языка, как этничность и манифестация в речи. «Обратный знак» признака неограниченной семантической мощности может быть объяснен, с одной стороны, проекцией носителем обыденного сознания своего личного уровня владения средствами языка на языковую систему в целом, и, с другой стороны, акцентированием языкового сознания внимания на ограниченности возможности выразить эмоции при помощи языковых средств.

Инструментом исследования паремиологического фонда послужил метод объединения паремий в логико-семантические группы – логемы. Логема выступает в качестве обобщающей исходной мысли, объединяющей группы конкретных характеристик и оценок отдельных культурно значимых смыслов, выявляемых в паремиологическом фонде. Однако следует учитывать, что сведение паремий в логемы осуществимо только в общем виде вследствие возможности различных субъективных восприятий пословичной семантики. При этом наличие сигнальной лексемы в составе паремии не является обязательным условием для связи её с определённым концептом (Савенкова 2002).

Были проанализированы 93 русских и 65 английских паремий. Основные суждения о языке, выраженные в русском паремиологическом фонде, могут быть сведены к 4-м общим логемам:

1. Речевая деятельность играет важную роль в жизни человека (41 паремия, 44 %);
2. Речь имеет меньшую ценность по сравнению с практической деятельностью (35 паремий, 37,7 %);
3. Язык как орган речи является автономным органом (15 паремий, 16,1 %);
4. Язык как орган речи подчинён человеку (2 паремии, 2,2 %).

Основные суждения о языке, выраженные в английском паремиологическом фонде, могут быть сведены к 2-м общим логемам:

1. Речевая деятельность играет важную роль в жизни человека (38 паремий, 57,6 %);
2. Речь имеет меньшую ценность по сравнению с практической деятельностью (28 паремий, 42,4%).

Анализ паремиологического фонда русского и английского языка позволил сделать вывод, что паремиологическое представление о языке в общем сводится к речи и анатомическому языку как её генератору. Таким образом, паремиям присущ взгляд на язык как явление, а не как сущность; конкретное явление, а не абстрактное понятие.

Как в русских, так и в английских паремиях анатомический язык в роли органа речи выступает как могущественный инструмент воздействия на окружающий мир. Вместе с тем, его деятельность зачастую малоэффективна, особенно по сравнению с практической деятельностью. Языку приписывается наличие собственной воли, тем не менее он является инструментом человека.

Для английской паремиологии по сравнению с русской характерно гораздо менее отчетливое представление о анатомическом языке как об автономном, независимом органе речи, наделённом определёнными характеристиками, что проявляется в значительно меньшем количестве паремий, в которых он характеризуется подобным образом.

Если в русской паремиологии подчеркивается могущество языка как органа речи вообще (*Язык царствами ворочает; Мал язык – горами качает; Язык – стяг, дружину водит* и т.п.), то в английской паремиологии отчетливо выявляется важность языка/речи как инструмента приобретения материальных благ (*The lame tongue gets nothing; Dumb men get no lands; Speak and speed, ask and have* и т.п.).

Выявленная этноспецифика паремиологического представления концепта «язык» коррелирует с данными этнопсихологии: отчетливо выраженной значимостью для англичан материальных благ и сдержанностью в словах (Сухарев, Сухарев 1997; Крысько 2002).

Анатомический язык как орган речи и собственно речь как проявление языка, как в русском, так и в английском языковом сознании, маркированы преимущественно отрицательно, что проявляется в абсолютном численном преобладании негативных коннотаций: в русской паремиологии было выявлено 86% паремий с негативными оценочными коннотациями языка, в английской – 87%. Соответственно, положительная оценка даётся немногословию и молчанию. Не представляется возможным выделить какой-либо отчетливой оценки собственно естественного языка в своем базовом для концепта семиотическом значении.

В разделе 3.2 рассматривается образная составляющая концепта на материале паремиологии, фразеологии и художествен-

ных и (в меньшей степени) публицистических текстов XX-XXI вв.

При исследовании образной составляющей обнаружены этноспецифические различия в продуктивности моделей образования метафор языка. Английская метафора языка реализуется в синтаксически исходной предикативной модели – *Language is nothing more than a weapon to you and, thus, you test my armor* (Herbert) – и производной генитивной модели – *For the barrier of language is sometimes a blessed barrier, which only lets pass what is good* (Forster). Для русских метафор продуктивной является только генитивная модель: *Моряк неудержимо мчался фордевиндом по неизведанным безднам великорусского языка* (А. Толстой).

Как в русских, так и в английских текстах представлены пространственная, реиморфная и биоморфная (включая антропоморфную) метафоры языка как семиотической системы, классифицированные по вспомогательному субъекту сравнения. Английские тексты демонстрируют большее разнообразие метафор. В обоих языках первое место по частотности занимает пространственная метафора – представление о языке как о хранилище слов и выражений: *Только несколько слов в нашем языке осталось от этих племен* (А. Толстой); *Any word in the language (in principle this applied even to very abstract words such as IF or WHEN) could be used either as verb, noun, adjective, or adverb* (Orwell). Это хранилище может получать характеристики по своему объему: *The little children, who could not speak English, murmured comments to each other in their rich old language* (Cather); *С ускорением развития общества язык стал меняться и обогащаться, а правописание оставалось на прежнем уровне* (Ефремов).

Этноспецифика проявляется в различном частотном распределении типов метафор. В английском языке на втором месте находится реиморфная метафора: *The little Bulgarian spoke no English and little German. Between them was the wall of language* (Rinehart). В русском же языке эту позицию занимает биоморфная метафора: *Он, алкая новых эзотерических знаний, жадно погрузился в собственно турецкие, иудейские, армянские, египетские, арамейские инкунабулы, а также и свитки на прочих мертвых и полумертвых языках, числом до десяти, которыми владел в совершенстве* (Звягинцев).

Как в английской, так и в русской паремиологии представлено наделение языка как органа речи автономным сознанием и функциями оружия. Однако в английской паремиологии количественно преобладают паремии с уподоблением языка оружию (*A good tongue is a good weapon; Words cut more than swords; A woman's sword is her tongue, and she does not let it rust* и т.п.), а в русской –

с персонификацией языка (*Свой язык – первый супостат; Язык болтает, а голова не знает; Язык блудлив, что коза* и т.п.). Выявленная этноспецифичность образного паремиологического представления о языке также коррелирует с данными этнопсихологии.

Можно также констатировать определенную идентичность паремиологических и фразеологических представлений о языке как органе речи. В английской и русской фразеологии, как и в паремиологии, анатомический язык персонифицируется и наделяется собственной волей. Его единственная функция и намерение – говорить, он является генератором речи. В зависимости от продуцируемой им речевой деятельности ему приписываются различные физические (главным образом тактильные) характеристики, причем они разнообразнее в английской фразеологии. При этом преобладают негативные характеристики: *rough, venomous, caustic, bitter tongue*.

Представления о языке в русской и в английской фразеологии, как и в паремиологии, практически полностью сводятся к проявлению языка в речи. Характеристики речи переносятся на анатомический язык, и речь осмысливается как обладающая определенными свойствами физическая субстанция, материя.

Лингвокультурный концепт обретает статус объекта лингвистического анализа именно благодаря значимостной составляющей (Воркачев 2002). Природа лингвокультурного концепта предполагает его закрепленность за определенными вербальными средствами реализации, совокупность которых составляет план выражения соответствующего лексико-семантического поля, построенного вокруг доминанты (ядра), представленной именем концепта.

Анализ значимостной составляющей позволяет сделать следующие выводы.

В проекции на лексическую систему современного русского языка концепт «язык» представлен лексемами *язык, речь, голос* и *слово*.

Лексикографические определения лексемы *язык* в значении человеческой системы коммуникации отсылают к дефиниционным признакам манифестации в речи, этничности и эволютивности. При употреблении дериватов лексемы *язык* в значении человеческой коммуникативной системы актуализируется дефиниционный признак этничности: *Издавна цноязычные и малоизвестные племена, обозначаемые ромеями безличным словом "варвары", завидовали богатству южных земель* (Иванов).

В русском языке довольно широко употребляется эллиптическая модель, при которой апелляция к концепту происходит при помощи только определения, а лексема, номинирующая язык, опускается: – *Ну и что же вы предлагаете?* – *Голос за кадром вновь перешел на русский* (Звягинцев).

Можно также отметить наличие усеченных аналогов словосочетаниям *понимать X-ский язык, знать X-ский язык, говорить на X-ском языке* – соответственно *понимать по-X-ки, знать по-X-ски, говорить по-X-ски*. В последнем обороте вместо глагола *говорить* возможна подстановка других глаголов, обозначающих речевую деятельность. Концепт «язык» во всех случаях употребления данных оборотов не номинируется, но, безусловно, подразумевается апелляция именно к этническому языку: *По-русски Кардан не понимает, но хорошо знает французский язык* (Адамов).

В очень характерном выражении *говорить/спрашивать русским языком* русский язык выступает эквивалентом нормального, человеческого языка, как противоположность языку иностранному как непонятному: *Ведь я же русским языком говорил, предупреждал: "С этим не спеши, сколь нет у нас прямых директив"* (Шолохов).

Словарные определения лексем *речь* и *слово* отсылают к дефиниционному признаку манифестации языка в речи.

При употреблении лексемы *речь* в базовом значении концепта ей всегда сопутствует определение, актуализирующее признак этничности: *Я учился в немецкой, уже фашистской школе, но дома мы хранили русскую речь* (Адамов). При имплицитном либо эксплицитном сравнении естественного языка с другими коммуникативными системами в качестве определения употребляется слово *человеческий*: *Нельзя было проговориться, что птицы и звери понимают человеческую речь* (Волков). В таких случаях место дефиниционного этнического признака занимает родовой антропный.

Лексемы *язык* и *речь* могут употребляться как полные синонимы: *Мстивой ответил на северном языке, он владел этой речью не хуже, чем нашей, словенской* (Семенова).

В корпусе иллюстративных материалов в базовом значении концепта лексема *слово* встречается крайне редко, при этом она не имеет определения. Тем не менее, в принципе возможно и употребление лексемы с определением, указывающим на этничность: *...И мы сохраним тебя, русская речь, // Великое русское слово* (А. Ахматова).

Значение лексемы *голос*, подпадающее под понятие языка как человеческой семиотической системы, в лексикографических источниках не встречается, что говорит о крайней маргинальности этого значения. В корпусе иллюстративных материалов в значении «язык» лексема встречается крайне редко; при этом актуализируется дефиниционный признак манифестации в речи: *В мартовскую ветреную ночь в обозе полковой козел, – многие слышали, – закричал человеческим голосом: "Быть беде"* (А. Толстой). Лексема всегда сочетается с определением *человеческий*, употребляясь при имплицитном либо эксплицитном сравнении естественного языка с другими коммуникативными системами.

Таким образом, только при употреблении лексемы *язык* актуализируется максимальное число выявленных дефиниционных признаков. Другие лексемы, употребляющиеся в базовом для концепта значении, актуализируют только один из дефиниционных признаков – признак манифестации в речи, тем самым указывая на язык как конкретное явление, а не абстрактную сущность.

Исходя из этого, представляется возможным сделать вывод, что ядерной лексемой русского лексико-семантического поля, соответствующему концепту «язык», является лексема *язык*. Ближнюю периферию составит лексема *речь*, к дальней периферии возможно отнести лексемы *голос* и *слово*.

В проекции на лексическую систему современного английского языка концепт «язык» представлен лексемами *language, tongue* и *speech*.

В лексикографических определениях всех этих лексем представлены дефиниционные признаки манифестации в речи и этничности, при этом для лексем *tongue* и *speech* признак этничности выражен более отчетливо.

Как и в русском языке, может быть отмечено употребление эллиптической модели, в случае которого апелляция к концепту происходит при помощи только определения, а лексема, номинирующая язык, опускается: *When he was drunk he spoke French and Italian and sometimes stood in the barroom before the miners, quoting the poems of Dante* (Anderson).

В текстах лексемы *language* и *tongue* могут встречаться в одном предложении как абсолютные синонимы: *It was impossible to identify the language, though Floyd felt certain, from the intonation and rhythm, that it was not Chinese, but some European tongue* (Clarke).

В корпусе англоязычных текстов лексема *speech* в базовом значении концепта встречается редко, и, как правило, с уточняю-

щим определением: *Would Abrah continue to be with them, or would they be left to the mercy of these strangers of alien speech, without means of request or protest beyond the point to which signs might avail?* (Wright); *Martin's tawny, finely shaped little head, the grip of his sturdy, affectionate little arms, his early voyages into the uncharted sea of English speech, – these were so many marvels to his mother and father* (Norris).

Может быть констатирована большая семантическая близость этих лексем между собой по сравнению с русскими лексемами, выражающими базовое значение концепта.

Учитывая низкую частотность употребления лексемы *speech* в данном значении, представляется возможным сделать вывод, что ядерной лексемой английского лексико-семантического поля, соответствующему концепту «язык», является лексема *language*. Можно выделить ближнюю периферию – лексему *tongue* и дальнюю – лексему *speech*.

Этимологический анализ лексем, используемых для объективации концепта в русском и английском языках, показывает, что внутренняя форма лексем не является существенным источником информации при их сопоставительном анализе. Лексемы *язык*, *language*, *tongue* восходят к индоевропейской форме $*dn̥ǵʰu(ā)$ - с гипотетическим значением жертвенного возлияния, при этом имя языка как системы коммуникации производно от анатомического языка как органа речи (Красухин 2000); лексемы *слово*, *речь*, *голос*, *speech* восходят к звукоподражательным индоевропейским корням.

По итогам сопоставления лексико-семантических полей, соотносящихся с концептом «язык» в русской и английской лингвокультуре, можно сделать вывод, что русский язык обладает более богатыми лексическими средствами вербализации концепта. Также отличается структура данных полей: в английском языке периферийные элементы поля находятся ближе к ядру, чем в русском.

Подводя итоги, можно отметить, что своеобразие этнического менталитета находит своё отражение в отношении к анатомическому языку как к генератору речи, и, следовательно, речи как проявления языка (мощный инструмент влияния на окружающий мир в русском языковом сознании, инструмент приобретения жизненных благ в английском языковом сознании), а также в представлении о его автономности, независимости от сознания человека (ярко выражено в русской лингвокультуре, слабо – в английской).

Проведенное исследование позволяет выдвинуть предположение о характере эволюции концепта «язык» в русской и английской лингвокультурах. Могут быть отмечены две взаимосвязанные тенденции: а) тенденция к уменьшению количества лексических средств, используемых для вербализации концепта; б) тенденция к семантическому разделению языка и речи в языковом сознании. Представляется, что данные тенденции отражают изменения русской и английской языковых картинах мира в сторону сближения с научной картиной мира.

Что касается отношений концепта «язык» с другими языковыми концептами, то может быть констатирована предельная близость концептов «язык» и «речь» в силу специфики соответствующих явлений. Этноспецифичным является «соседство» концептов «язык» и «слово» в русской концептосфере.

Основные результаты нашего исследования сводятся к следующим положениям:

Язык является лингвокультурным семиотическим концептом, представляющим собой ментальное образование высокой степени абстракции, имеющее языковое выражение и отмеченное этнокультурной спецификой.

Универсальные признаки языка проявляются при реализации в научном дискурсе, раскрывающем его сущностные свойства.

В структуре концепта «язык» можно выделить три составляющие: понятийную, отражающую его признаковую и дефиниционную структуру; образную, фиксирующую когнитивные метафоры, поддерживающие концепт в языковом сознании, и значимостную, определяемую местом, которое занимает имя концепта в лексико-грамматической системе конкретного языка, куда войдут также этимологические и ассоциативные характеристики этого имени.

Общими для русского и английского языков являются:

а) иерархия и характер частотности актуализируемых в бытовом и бытийном видах дискурса дефиниционных семантических признаков языка;

б) характер представлений о языке, запечатленных в паремиологии и фразеологии;

в) типология когнитивных метафор, поддерживающих концепт в ЯС.

Различными для русского и английского языков являются:

а) функции и степень автономности анатомического языка как органа речи в паремиологическом представлении;

б) определенная специфика метафорического осмысления языка;

в) специфика вербализации концепта при помощи единиц соответствующих лексико-семантических полей.

Литература

Арутюнова Н. Д. Речь // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С.414–416.

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. 896 с.

Воркачев С. Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа. Краснодар: Техн. ун-т Кубан. гос. технол. ун-та, 2002. 142 с.

Воркачев С. Г., Полиниченко Д. Ю. Концепт «язык» в русском паремиологическом фонде // Проблемы вербализации концептов в семантике текста: Материалы междунар. симпозиума. Волгоград, 22–24 мая 2003 г.: в 2 ч. Ч. 2. Тез. докл. Волгоград: Перемена, 2003. С. 176–180.

Дегтев С. В., Макеева И. И. Концепт *слово* в истории русского языка // Язык о языке: Сб. статей / Под общ. рук. и ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 63–171.

Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты: Сб. науч. тр. / ВГПУ, ПМПУ. Волгоград – Архангельск: Перемена, 1996. С. 3–16.

Кашкин В. Б. Бытовая философия языка и языковые контрасты // Теоретическая и прикладная лингвистика. Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 3. Аспекты метакоммуникативной деятельности. Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2002. С. 4–34.

Кобозева И. М. "Смысл" и "значение" в "наивной семиотике" // Логический анализ языка: Культурные концепты / АН СССР. Ин-т языкознания. М.: Наука, 1991. С. 183–186.

Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 375 с.

Крысько В. Г. Этническая психология. М.: Академия, 2002. 320 с.

Левонтина И. Б. Речь vs. язык в современном русском языке // Язык о языке. Сб. статей / Под общ. рук. и ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 271–289.

Макеева И. И. Языковые концепты в истории русского языка // Язык о языке: Сб. статей / Под общ. рук. и ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 63–155.

Никитина С. Е. Лингвистика фольклорного социума // Язык о языке: Сб. статей / Под общ. рук. и ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Языки русской культуры, 2000. С.558–596.

Полиниченко Д. Ю. Оценочные коннотации в паремиологическом представлении концепта «язык» // Аксиологическая лингвистика: проблемы языкового сознания. Сб. науч. тр. / Под ред. проф. Н. А. Красавского. Волгоград: Колледж, 2003. С. 89–96.

Полиниченко Д. Ю. Оценочные коннотации в паремиологическом представлении концепта «язык» в русском и английском языках // Образование – наука – творчество. № 1(2), 2004 г. Армавир, 2004. С. 89–93.

Полиниченко Д. Ю. Образная составляющая лингвокультурного концепта «язык» в русской и английской паремиологии // Языки и транснациональные проблемы: Материалы I междунар. науч. конф. 22-24 апреля 2004 года. Т. 1. / Отв. ред. Т. А. Фесенко; М. Тамбов: Изд-во ТГУ им Г. Р. Державина, 2004. С. 332–337.

Полиниченко Д. Ю. Концепт «язык» в английской паремиологии // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 26. М.: МАКС Пресс, 2004. С.83–90.

Полиниченко Д. Ю. Понятийный компонент лингвокультурного концепта «язык» (на материале русского языка) // Культура общения и её формирование. Вып. 13. Воронеж: Истоки, 2004. С. 59–63.

Полиниченко Д. Ю. Лингвокультурный концепт «язык» в научной парадигме // Национальные концептосферы в свете лингвистики и общегуманитарных дисциплин. Материалы III регион. конф. (с международным участием) по проблемам межкультурной коммуникации. Йошкар-Ола, 2004. С. 27–29.

Полиниченко Д. Ю. Значимостная составляющая лингвокультурного концепта «язык» в русском языке // Языковые и культурные контакты различных народов: Сб. материалов Всерос. науч.-метод. конф. Пенза, 2004. С. 193–195.

Полиниченко Д.Ю. Естественный язык как лингвокультурный семиотический концепт (на материале русского и английского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 20 с.

Ромашко С. А. «Язык»: структура концепта и возможности развертывания лингвистических концепций // Логический анализ языка. Культурные концепты. М.: Наука, 1991. С. 161–163.

Савенкова Л. Б. Языковое воплощение концепта // Проблемы вербализации концептов в семантике текста: Материалы междунар. симпозиума. Волгоград, 22-24 мая 2003 г.: в 2 ч. Ч. 1. Научные статьи. Волгоград: Перемена, 2003. С. 258–264.

Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2001. 990 с.

Сухарев В. А., Сухарев М. В. Психология народов и наций. Донецк: Сталкер, 1997. 400 с.